

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

380

24

41

Лейкинъ, Н. А.

Н. А. ЛЕЙКИНЪ.

НА ЗАРАБОТКАХЪ.

РОМАНЪ

ИЗЪ ЖИЗНИ

ЧЕРНОРАБОЧИХЪ ЖЕНЩИНЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1891.

PG3467

L3N33

Типографія «Петербургской Газеты». Владимірскій пр. № 12.

НА ЗАРАБОТКАХЪ.

I.

ПО ТОПКОЙ, не высохшей еще глинистой землѣ на огородъ входили четыре деревенскія женщины съ пестрядинными котомками за плечами. Женщины были одѣты въ синія нанковыя ватныя душегрѣи, изъ-подъ которыхъ виднѣлись розовыя ситцевыя съ крупными разводами короткія юбки, дававшія возможность видѣть, что всѣ женщины были въ мужескихъ сапогахъ съ высокими голенищами. Сѣрые шерстяные платки окутывали ихъ головы, а концы платковъ были спрятаны подъ душегрѣями. Женщины были одѣты, какъ говорится, въ одно перо, да и лица у нихъ были почти одинаковыя: круглыя, съ узкими глазами, съ лупившеюся почему-то кожей на щекахъ. Даже фигуры ихъ совершенно походили другъ на дружку: толстобрюхія, коротенькія, съ широкими плечами, съ большими красными руками. Онѣ во-

шли на огородъ сквозь открытыя ворота въ заборѣ и, поглядывая по сторонамъ, переминались съ ноги на ногу въ глинистой землѣ, смѣшанной съ навозомъ, и не рѣшались идти дальше. Былъ конецъ марта. Огородъ еще не былъ раздѣланъ, грядъ не было еще и помину, въ капустномъ отдѣленіи изъ земли торчали прошлогоднія потемнѣвшія кочерыжки, то тамъ, то сямъ лежали не разбросанныя еще кучи навоза и только около длиннаго ряда парниковъ, съ слегка приподнятыми рамами, копошились, присѣвъ на корточки, такія-же точно женщины, какъ и новопришедшія. Парники находились на концѣ огорода. Женщины, копошившіяся около парниковъ, запримѣтя вошедшихъ на огородъ женщинъ, стали съ ними перекликаться.

— Землячки! вамъ кого? Вы чего ищете? кричали онѣ.

— Да намъ-бы вотъ тутъ... робко начали вошедшія на огородъ женщины.

— Не слышно оттуда. Коли что нужно — идите сюда.

Женщины, копошившіяся около парниковъ, стали манить ихъ руками. Къ парникамъ пришлось проходить мимо небольшой избы, не обшитой тесомъ, около которой лаяла, выбиваясь изъ силъ, привязанная къ сколоченной на скоро изъ досокъ будкѣ, собака.

— А не покусаетъ собачка-то? кивали пришедшія женщины на собаку.

— Ни-ни... Да она и на привязи. Коли робѣете, то подальше пройдите, послышался откликъ.

Женщины, увязая въ топкой землѣ, стали пробираться къ парникамъ. Собака надсажалась еще болѣе. Изъ избы вышелъ рослый мужикъ въ красной кумачной рубахѣ, въ жилеткѣ, сапогахъ съ бутылками, безъ шапки, съ всклокоченной головой и почесывался. Очевидно, онъ до сего времени спалъ.

— Вамъ чего, тетки? спросилъ онъ, лѣниво позѣвывая.

— Да вотъ тутъ землячекъ нашихъ нетути-ли?

— А вы какія сами-то будете?

— Новгородскія, боровичскія.

— Прогнѣвался на насъ Господь и ни одной барочки нынче на Мстѣ не разбило? Такъ васъ дразнить, что-ли? Знаемъ.

— И, милостивецъ, мы отъ Мсты-то дальнія. Мы сорокъ верстъ отъ Мсты.

— Все-таки, поди, кулье-то да мѣшки съ мукой приходили на Мсту ловить. Нѣтъ тутъ у меня вашихъ боровичскихъ. У меня покуда какія есть бабы и дѣвки—всѣ новолодожскія. Вамъ чего собственно нужно-то?

— Да ужъ извѣстно заработки ищемъ, на заработки пріѣхали.

— Въ такомъ разѣ нужно къ хозяину, а не къ бабамъ. Я хозяинъ.

Женщины закланялись.

— Не возьмешь-ли насъ, кормилецъ, поработать? Мужикъ почесалъ лѣвой рукой подъ правой мышкой и помолчалъ.

— Голодухи вездѣ по деревнямъ-то. Вашей сестры нонѣ будетъ хоть прудъ пруди, сказалъ онъ.—

Пока еще всѣ не пришли, потому для огородовъ еще рановато, но приходитъ станутъ стадами. Дешева нонѣ будетъ баба, вотъ потому я заранѣе и не связываюсь. Какъ у васъ съ кормами-то?

— Страсти Божія... отвѣчала баба постарше.— Къ Рождеству ужъ все съѣли.

— Ну, вотъ видишь. И такъ повсемѣстно. Я такъ разсуждаю, что къ Николину дню баба такая появится, что просто изъ-за однихъ харчей въ работу пойдетъ.

— И, что ты, милостивецъ!

— Вѣрное слово. Третьяго года по веснѣ урожай лучше былъ, а бабѣ цѣна была всего гривенникъ и уже много пятялтынный въ день. Прошлой весной баба вертѣлась на двугривенномъ и четвертакѣ, а нонѣ годъ голодный. Ни сѣна нигдѣ, ни овса. Скотину всю продали, старухи въ кусочки пошли. Вся вотъ здѣшняя округа подъ Питеромъ въ безкормицѣ. Да и не подъ однимъ Питеромъ.

Бабы переминались съ ноги на ногу и переглядывались другъ съ дружкой.

— Вѣрно, правильно, подтвердилъ свои слова хозяинъ и еще, въ подтвержденіе своихъ словъ, спросилъ:—Ну, что, отъ радости вы сюда пришли въ Питерь, что-ли?

— Да ужъ какая радость! Всѣ перезаложились и перепродались кабатчику, чтобъ на дорогу что-нибудь выручить. Полдороги ѣхали, а полдороги пѣшкомъ. Съ Любани пѣшкомъ идемъ, отвѣчали женщины.

— Ну, вотъ видите.

— Нѣтъ-ли, милостивецъ, чего поработать? кла-

нялись женщины.—Мы-бы вотъ съ Благовѣщеньева дня...

— Съ Благовѣщенья до Покрова? Это что-бы на лѣто? перебилъ ихъ хозяинъ.—Нѣтъ, тетки, нынче такой ряды ни у кого не будетъ. Всякій себя бережетъ и опасается. Я говорю, что около вешняго Николы вашей сестры сюда столько понаѣдетъ, что изъ кормовъ брать будемъ. Съ какой-же стати передавать лишнее? А вотъ такъ, чтобъ ни вамъ не обидно, ни мнѣ не обидно, чтобы во всякое время и вы бы могли уйти, коли не понравится, да и я могъ-бы васъ согнать, коли мнѣ не выгодно. Васъ сколько?

— Да насъ четыре души.

— Ну, вотъ четыре души и возьму, коли дорожиться не будете. Только поденно. Баба нонѣ будетъ безъ цѣны, это вѣрно, потому годъ голодный. Погодьте, я только шапку надѣну, да кафтанъ накину, а то на вѣтру-то такъ стоять холодно, сказалъ хозяинъ, ушелъ въ избу и черезъ нѣсколько времени вновь появился въ картузѣ и въ синемъ кафтанѣ въ накидку.—Ну-съ, работа наша огородная—сами знаете...

— Не живали мы еще, землякъ, въ Питерѣ-то,—проговорила баба постарше.

— Господинъ хозяинъ я тебѣ буду, а не землякъ! поправилъ ее хозяинъ.—Какой я тебѣ землякъ, коли вы боровичскія, а я ростовскій? Ну, такъ вотъ: работа наша съ зари до зари... Свѣтлыя ночи будутъ—такъ въ восемь часовъ вечера кончатъ будемъ, а требуется поливка, такъ ужъ и до девяти вечера... И изъ-за этого чтобъ ужъ предъ хозяиномъ не бры-

каться. Воскресенье у васъ день на себя, потому праздникъ, но ежели въ засуху поливка, то ужъ безъ поливки нельзя. А за поливку въ праздникъ за полдня считаемъ.

— Да ужъ это само собой, ступня не золотая,— откликнулась одна изъ женщинъ.

— Всѣ вы вначалѣ ступню-то не цѣните, а потомъ сейчасъ и носъ задирать, я васъ знаю.

— Харчи-то, хозяинъ, у васъ какъ?

— Харчъ у насъ хорошій. Въ постный день вариво со сняткомъ, хлѣба въ волю; по праздникамъ— каша, постнаго масла лей сколько хочешь; въ скоромные дни буженину варимъ въ щажъ и къ кашѣ сало.

— А чай? Чаемъ поите?

— Вишь какая чайница! Чай у насъ два раза въ день. Утромъ поимъ и въ пять часовъ поимъ. Чаемъ хоть облейся. Сыта будешь.

— Ну, а ряда-то, ряда-то какая, господинъ хозяинъ?—допытывались женщины.

— Обижать васъ не хочу, потому цѣнъ на бабу покуда еще нѣтъ, будемъ такъ говорить, не понаѣхала еще сюда вся-то баба... Пятнадцать копѣекъ въ день—вотъ какая цѣна, ну, а упадетъ цѣна—такъ ужъ не прогнѣвайтесь...

Женщины задумались.

— Пятнадцать копѣекъ... Ой, дешево! Да какъ-же это пятнадцать-то копѣекъ? Вѣдь это, стало быть, всего... четыре съ полтиной въ мѣсяцъ!—заговорили онѣ.

— Меньше. Потому по праздникамъ весной работы нѣтъ, далъ отвѣтъ хозяинъ.

— Господи Иисусе! Да вѣдь это за лѣто и на паспортъ и на дорогу не скопишь!

— Зато сама сыта будешь. На нашихъ харчахъ тѣло живо нагуляешь. У насъ на счетъ харчей хорошо. Ахъ, да... Первыя ваши деньги пойдутъ не на руки вамъ, а на прописку паспортовъ и на больничныя. Здѣсь вѣдь, Питеръ, здѣсь прописаться надо и рубль больничныхъ уплатить.

Женщины переглянулись.

— Сестрицы, такъ какъ-же это такъ? Неужто за пятіалтынный?

— А ужъ какъ знаете. Вонъ спросите у тѣхъ бабъ,—отвѣчалъ хозяинъ, кивая на парники.—Онѣ также по этой цѣнѣ работаютъ.

— Ты-бы хоть по двугривенничку, господинъ хозяинъ?..

— Будетъ цѣна на бабу двугривенный—я и за двугривеннымъ не постою, но не можетъ этого нонче быть, потому голодуха.

— А къ Троицѣ платковъ дарить не будешь?—спросила одна изъ женщинъ.—У насъ бабы ходили въ Питеръ, такъ имъ по городамъ къ Троицыну дню по платку...

— То за лѣтнюю ряду, то съ Благовѣщенья по Покровъ и по книжкѣ ежели, а я васъ поденно ряжу, потому лѣтней ряды нонѣ не будетъ. Какіе нонѣ платки!

Женщины колебались.

— Ну, подумайте, пошущукайтесь промежъ себя, а я въ избу чай пить пойду. Потомъ скажете, на чемъ рѣшили,—сказалъ хозяинъ и направился въ избу.

Бабы остались на огородѣ и стали шептаться.

II.

А ВТОРОМЪ огородѣ, дѣвоньки, по пятнадцати копѣекъ въ день... По пятнадцати копѣекъ... Ужъ это что-то больно дешево... начала, покачивая головой, женщина постарше, у которой совсѣмъ отсутствовали брови.

— Пронюхали, что повсюду голодуха — вотъ и стачались, вотъ и прижимають, — отвѣчала вторая пожилая женщина, но съ густыми бровями.

— Какъ-же Акулина-то лѣтось по восьми съ полтиной въ мѣсяцъ на огородѣ жила?!—дивилась молодая женщина съ необычайно развитой грудью.

— Такъ вѣдь то было лѣтось, когда кормы были, а теперича цѣны другія.

— Бѣда! — покрутила опять головой безбровая женщина.— Неужто-же за пятнадцать копѣекъ оставаться? Вѣдь это что-же... Вѣдь это помирать... Да онъ вонъ еще что говорить... Хозяинъ-то то есть... Онъ говорить, что первыя деньги пойдуть на прописку паспорта да на больницу.

— А на прописку да на больницу-то много-ль надоть?—спросила совсѣмъ молоденькая женщина, курноса и съ выбившеюся изъ-подъ платка бѣлокурою прядью волосъ.—Сколько денегъ-то?

— А намъ почемъ-же знать! Мы также, какъ и ты, въ первый разъ въ Питерѣ, — отвѣчала женщина съ густыми бровями. — Надо будетъ вонъ

тѣхъ бабъ поспрошать, что около парниковъ копошатся.

Нерѣшительнымъ шагомъ женщины прошли къ парникамъ, въ которыхъ, присѣвъ на корточкахъ, выпалывали сорную траву другія женщины.

— Порядились, что - ли? встрѣтила вопросомъ одна изъ женщинъ у парниковъ новопришедшихъ женщинъ.

— Да какъ рядиться, умница, коли по пятнадцати копѣекъ въ день даетъ,—сказала безбровая женщина.

— Цѣны такія. Мы ужъ тоже совались, да нигдѣ не берутъ. Работы на огородахъ вѣдь еще не начались. Только тамъ и работаютъ, гдѣ парники, а вѣдь парники-то не на каждомъ огородѣ.

— Вы, умница, новолодожскія?

— Новолодожскія.

— Бывалыя въ Питерѣ-то?

— Бывалыя. Кажинный годъ по веснѣ въ Питеръ ходимъ.

— Такъ неужто по пятнадцати копѣекъ подрядившись?

— По пятнадцати, а только съ хозяйской баней. По субботамъ у насъ отъ хозяина восемь копѣекъ на баню... Такъ и вы уговаривайтесь. Здѣсь вѣдь не то что въ деревнѣ, даромъ никуда не пустятъ попариться, а вездѣ надо платить деньги. Пять копѣекъ баня-то стоитъ, ну, да мыло, вѣникъ.

— Неужто и вѣникъ купить нужно?!—удивленно воскликнула молоденькая женщина.

— А ты думала какъ! Вѣникъ копѣйка, а то и двѣ. Здѣсь за все плата. Питеръ городъ дорогой.

— А вотъ у насъ въ деревнѣ пошелъ въ лѣсъ, наломаль...

— А здѣсь за поломку-то по шеѣ наkostenяютъ. Да и некуда идти ломать, потому лѣсовъ по близости нѣтъ.

— Ну, у сосѣдей попросить.

— Молчи, Аришка! Ну, что зря брешешь! оборвала курносую женщину безбровая и спросила женщину копошившихся у парниковъ:—Вы замужнія будете или дѣвушки?

— Я-то дѣвушка буду, вонъ и та дѣвушка, отвѣчала черноглазая новолодожская женщина, указывая на рябую женщину.—А вонъ тѣ три замужнія.

— Хороша ты дѣвушка, коли ребенка въ деревнѣ оставила, улыбнулась худая скуластая женщина въ полосатомъ красномъ платкѣ на головѣ и на плечахъ, концы котораго были завязаны сзади за спиной.

— Это, Мавра Алексѣвна, въ составъ не входитъ, огрызнулась черноглазая женщина.—Зачѣмъ зубы скалить! По паспорту я дѣвушка—вотъ и весь сказъ.

— А вотъ, милая, сколько съ васъ хозяинъ за прописку паспортовъ-то вычитаетъ? спросила безбровая женщина.

— Рубль тридцать. Это ужъ у него положеніе. Рубль на больничное и тридцать копѣекъ за прописку.

— Фу, тяготы какія! Вѣдь это сколько-же день за дарма жить?

— Да, почитай что девять день отъелозить придется. Мы ужъ сочли.

— Арина! Слышишь! А ты хотѣла первые три рубля матери сейчасъ-же въ деревню послать на выкупъ полунубка. Долгонько трехъ-то рублей не увидишь,—сказала безбровая женщина курносою женщиной.

Курносая въ отвѣтъ только широко открыла глаза и ротъ и тупо посмотрѣла на безбровую.

— Бѣда, какъ трудно! послышалось у новопришедшихъ женщинъ.

— Да ужъ чего труднѣе! вздохнули женщины, копающіяся въ парникахъ.—Вы всѣ изъ одной деревни будете? задали онѣ вопросъ новопришедшимъ женщинамъ.

— Трое изъ одной деревни, а она вонъ одиннадцать верстъ отъ насъ, отвѣчала безбровая женщина, кивая на курносую.

— И всѣ въ первый разъ въ Питерѣ?

— Въ томъ-то и дѣло, что въ первый. Порядковъ здѣшнихъ не знаемъ, наговорили намъ, что въ Питерѣ хорошо...

— Что деньги здѣсь по улицамъ валяются? подхватила черноглазая женщина, отбрасывая отъ себя горсть сорной травы, вырванной изъ парника.—Нѣтъ, братъ, милая, въ Питерѣ тоже ой-ой, какъ трудно! Вы-то замужнія будете?

— Я замужняя. Нынче всей семьей изъ деревни отъ голодухи ушли. А вонъ это три дѣвушки. Молоденькимъ-то замужъ-бы выходить, а вонъ послали родители на заработку.

— За кого выходить-то, коли всё парни на заработках! откликнулась одна изъ товарокъ безбровой женщины и спросила землячекъ:—Такъ какъ-же рѣшимъ, дѣвушки: оставаться здѣсь на огородѣ или искать лучше чего нѣтъ-ли?

— А гдѣ ты лучшаго-то по теперешнему времени найдешь? спросила одна изъ женщинъ отъ парниковъ.—Поди-ка, сунься.

— Да наша-же землячка въ прошломъ году здѣсь въ Питерѣ на кирпичномъ заводѣ работала и по восьми гривенъ въ день доставала.

— А кирпичные-то заводы нешто теперь работаютъ? Кирпичные-то заводы дай Богъ къ Троицѣ... А до Троицы-то десять разъ съ голоду помереть успѣешь. И мы кирпичные заводы чудесно знаемъ, да по веснѣ на нихъ работы нѣтъ.

— Пятнадцать-то копѣекъ ужъ очень дешево. Мы зимой у насъ въ деревнѣ дрова складывали въ лѣсу въ полѣнницы—и то по гривеннику въ день на хозяйскихъ харчахъ. Одно только развѣ, что чаемъ не поили. Нѣтъ, для Питера ужъ это очень дешево.

Говорила это курносая женщина. На нее тотчасъ же набросилась безбровая.

— А у тебя много-ли денегъ-то на ночлегъ да на пропитаніе осталось, чтобы фыркать на пятнадцать копѣекъ?

— Да двѣнадцать копѣекъ еще есть.

— Двѣнадцать копѣекъ! Нешто въ Питерѣ можно на двѣнадцать копѣекъ! заговорила у парника черноглазая женщина.—Что ты въ Питерѣ на двѣнадцать копѣекъ подѣлаешь?!

— А у насъ, милая, еще того меньше, подхватила безбровая женщина.

— Ну, такъ мой совѣтъ—оставаться здѣсь и работать покуда за пятнадцать копѣекъ, а потомъ видно будетъ. Мы сами также... Вотъ теперь работаемъ, а подъ рукой разузнаемъ. И какъ разузнаемъ, что гдѣ получше, то сейчасъ долой, ежели хозяинъ не прибавитъ. Только смотрите, что ежели ужъ онъ возьметъ васъ къ себѣ въ работу, то раньше какъ черезъ десять день васъ отъ себя не выпуститъ, потому прописка паспортовъ и больничныя... Такъ ужъ и знайте, что покуда рубль тридцать ему за прописку да за больничныя не отработаете, онъ и паспортовъ вамъ вашихъ не отдастъ.

— Такъ что-жь, дѣвоньки, останемся? сказала безбровая женщина.—Вѣдь вотъ не хуже насъ люди, да работаютъ-же за пятнадцать копѣекъ.

— Выговаривайте только въ кажинную субботу на банное восемь копѣекъ, а то хозяинъ и отъ насъ хотѣлъ утянуть, продолжала черноглазая женщина.

— Да ужъ какъ вы, такъ и мы... Согласны, дѣвоньки?

— Конечно-же надо оставаться.

Изъ избы вышелъ хозяинъ. На этотъ разъ онъ былъ въ синемъ кафтанѣ и шапкѣ.

— Надумались, землячки? спросилъ онъ женщинъ, пришедшихъ наниматься.

— Да ужъ что съ тобой дѣлать! Бери паспорта и пусти въ избу котомки скинуть, отвѣчали тѣ.—Только чтобъ ужъ намъ на баню по субботамъ по восемь копѣекъ.

— Пронюхали ужъ? улыбнулся хозяинъ.—Ну, да ладно, махнулъ онъ рукой.—Идите въ избу и развѣивайтесь. Сейчасъ васъ чаемъ поить буду и паспорта отъ васъ отберу. А только плата съ завтраго, хоть вы сегодня малость мнѣ и поработаете около парниковъ.

Женщины направились въ избу.

III.

ВЪ ИЗБѢ кипѣлъ нечищенный самоваръ на некрашенномъ столѣ. Пахло дымомъ, печенымъ хлѣбомъ, кислой капустой. Нанявшіяся на заработки женщины успѣли уже снять съ себя котомки и душегрѣйки и пили чай изъ разнокалиберной посуды. Хозяинъ далъ имъ по куску сахару. Самъ онъ до чаю не касался, такъ какъ успѣлъ уже напиться раньше. Онъ сидѣлъ на скамейкѣ по-одаль и смотрѣлъ на глотающихъ горячую воду женщинъ.

— Да вотъ еще, чтобъ вы знали, началъ онъ.— Стряпухъ я для артели не держу, а у меня такое заведеніе, чтобъ поочереды... Какъ какую бабу или дѣвку назначу, та и стряпай. Сейчасъ это утречкомъ встать, дровъ наколоть, воды изъ колодца наносить, печь вытопить — ну, и варево чтобъ къ полудню было. Вотъ тоже самоваръ наставить.

— Да ужъ это порядокъ извѣстный, отвѣчали женщины.

— Нѣтъ, на другихъ огородахъ есть матки-стряпухи или хозяйки стряпаютъ, а я живу безъ хозяйки, у меня хозяйка въ деревнѣ. Мы вѣдь тоже сюда только къ февралю прїѣзжаемъ, чтобъ парники набить да огурцы посѣять и тамъ разное прочее, а съ осени живемъ въ деревнѣ. Къ маю мѣсяцу артель-то скопится. Вотъ послѣ Пасхи мужики понаѣдутъ. Теперь у меня трое, а лѣтомъ бываетъ десять работниковъ. Также что-бы обстирать ихъ и меня. Не занимать-же намъ прачекъ. Это тоже которую назначу.. Такъ вотъ ужъ, чтобъ не пятиться, напередъ говорю.

— Да ужъ коли ежели другія бабы согласились, то что-жъ... И мы отступать не будемъ, опять отвѣтили женщины, переглянувшись между собой.

— Само-собой, всѣ на одномъ положеніи.

— Пятнадцать-то копѣекъ въ день только ужъ очень, господинъ хозяинъ, дешево, сказала безбровая женщина.

— Сунься, поищи, гдѣ подороже. Къ лѣту можетъ статья цѣны и поднимутся, а теперь весна. Куда баба-то сунется, окромя огорода? Да и огородъ-то надо такой, который съ парниками. Гдѣ безъ парниковъ огородъ, такъ хозяева еще и воротъ не отворяли. Вѣдь земля не вездѣ еще оттаяла. Гряды будемъ дѣлать только послѣ Фомина воскресенья. Ну, давайте паспорта, коли рѣшили оставаться.

Женщины полѣзли въ котомки за паспортами. Хозяинъ взялъ паспорта и принялся ихъ разсматривать.

— Которая изъ васъ Акулина? Которая замужняя-то? спросилъ онъ.

— Я, отвѣчала безбровая женщина.—Ребеночка,

голубчикъ, свекрови въ деревни оставила, прибавила она, слезливо моргнувъ глазами. — Ребеночекъ-то грудной, махонькій... Вотъ все думаю, какъ онъ тамъ на соскѣ. Двухъ старшенькихъ-то мнѣ не жаль. Тѣ ужъ бѣгаютъ, а этотъ самый махонькій премахонькій. На Спиридона-Поворота я его родила. Спиридономъ и звать. Мальчикъ. Да мальчикъ-то такой хорошій! Четвертый мѣсяцъ ему еще только, а ужъ все понимаетъ, глазенки такіе шустрые.

Безбровая женщина умолкла и утерла глаза кончикомъ головнаго платка.

— Ну, у свекрови мальчикъ, такъ чего-жъ горевать? Свекровь—бабушка и подчасъ бываетъ лучше матери. У свекрови все равно, что у Бога.

— Безъ груди-то, милый человекъ, о-охъ какъ трудно ребенка поднять! Васъ, господинъ хозяинъ, какъ звать?

— Ардальонъ Сергѣичъ.

— На соскѣ-то, Ардальонъ Сергѣичъ, голубчикъ, ой-ой какъ трудно трехмѣсячному ребеночку.

— Обтерпится, привыкнетъ. Ну, а вы три—дѣвушки? спросилъ хозяинъ, ухмыльнувшись, другихъ женщинъ.

— Дѣвушки, отвѣчали тѣ, въ свою очередь хихикнувъ.

— Настояція дѣвушки, настояція. У насъ по деревнямъ баловства этого нѣтъ,—отвѣчала за нихъ безбровая Акулина.

— А по мнѣ хоть-бы и не настояція. Мнѣ насчетъ этого плевать. Я такъ только къ слову. Впрочемъ, у меня рука легкая. У меня придетъ въ мартѣ

полольщица дѣвушкой, а, смотришь, послѣ Покрова здѣсь осталась и ужъ въ январѣ у господъ въ мамкахъ кормилицей живетъ. Вотъ нынче на улицѣ одну свою прошлогоднюю встрѣтилъ. Идетъ въ шелковомъ сарафанѣ съ позументомъ, шелковый шутай на ней такой, что быкъ забодаетъ, на головѣ кокошникъ съ бусами и лакей въ ливреѣ въ карету ее сажаетъ. Должно статья до графскаго дома достукалась, графчика кормить. Счастье...

— Ну, ужъ отъ этого счастья избави Богъ нашихъ дѣвушекъ, отвѣчала безбровая женщина.— Матери-то, прощаясь съ ними, какъ мнѣ наказывали, чтобы я за ними смотрѣла! «Чуть что, говорятъ, Акулина, такъ ты имъ косы вырви».

— Вырывай или не вырывай, а толку отъ этого не будетъ. Питеръ городъ забалуѣ. А въ кормилки въ хорошій домъ попадетъ, такъ такъ-то родителямъ на голодные зубы въ деревнѣ поможетъ, что въ лучшемъ видѣ! Да и себѣ приданое скопить. У насъ въ Питерѣ такое заведеніе, что коли ежели кормилка барскаго ребенка выкормить, то ей всю одежду на руки отдають, тюфякъ, подушки, да деньгами на отвальную.

— Ну, ужъ, что ужъ... Зачѣмъ такія слова? У тебя вѣрно своихъ-то дочерей нѣтъ?

— Дышловая пара въ деревнѣ: одной семь лѣтъ, а другой девять.

— Были-бы постарше, такъ не говорилъ.

— Да вѣдь я къ слову, а по мнѣ хоть куда хочешь поступаѣ съ моего огорода, хоть въ принцессы. Вы когда изъ деревни-то тронулись?

— Четвертый день. Вѣдь много пѣшкомъ шли. Денегъ-то на всю дорогу на чугунку у насъ не хватило, рассказывала безбровая женщина.

— Очень голодно у васъ въ деревнѣ-то?

— Страсти Божіи... Только еще у кого работникъ или работница въ Питерѣ есть, тотъ домъ и держится, а то не приведи Господи какъ трудно. Всю скотину за зиму пораспродали. Ребятишки безъ молока сидятъ. Сѣна у насъ въ нашихъ мѣстахъ всегда было много, а прошлый годъ все повыгорѣло. Болотина и та посохла—вотъ какое лѣто было. Хлѣбъ иные тоже еле на сѣмена сняли, овесъ тоже пропалъ. Кабы не грибная осень—ложись и умирай. Грибы еще малость поддержали, потому сушили и на сторону продавали. А только ужъ и цѣны-же были! Скупщики, видя голодуху, такъ прижимали, что не приведи Богъ!

— Хлѣба-то своего докелева хватило?

— Да мы такъ ужъ что къ Николину дню покупать начали. И сѣмена съѣли, и ничего-то у насъ нѣтъ. Вотъ мужъ на барки нанялся къ хозяину, а я въ Питеръ пошла. Что достанемъ—сейчасъ надо старикамъ въ деревню на сѣмена послать, а то сѣять нечѣмъ.

— Развѣ ужъ что мужъ твой съ барокъ разстается, а вѣдь тебѣ не скоро на сѣмена наковырять.

— А ты вотъ что... Ты закабали меня, милости-вещь, на лѣто, да дай пять рублей, чтобы въ деревню на сѣмена послать. За это я тебѣ въ ножки поклонюсь, проговорила безбровая женщина, встала съ лавки и поклонилась хозяину.

Хозяинъ махнулъ рукой.

— Такія-ли нони времена, чтобы бабамъ по пяти рублей впередъ давать, сказалъ онъ.— Нѣтъ, не тѣ времена. Мы такъ ждемъ, что баба будетъ послѣ Николы вовсе безъ цѣны. Дешева нынче будетъ баба, совсѣмъ дешева.

— Грѣхи! покрутила головой безбровая баба и тяжело вздохнула.

Хозяинъ помолчалъ, почесалъ подъ мышкой и сказалъ:

— Ну, чай отопьете, такъ первымъ дѣломъ идите на огородъ прошлогодня кочерыжки изъ земли выдергивать, носите ихъ на носилкахъ къ избѣ и складывайте въ кучи. Повыхнуть, такъ лѣтомъ топить ими будемъ.

— Что прикажешь, господинъ хозяинъ, то и сдѣлаемъ.

— Вотъ за кочерыжки и принимайтесь. Стлаться и спать всѣ будете вотъ тутъ въ избѣ, покуда тепло не станетъ, а станетъ тепло, такъ у насъ и навѣсъ, и чердакъ есть. Тамъ отлично.

— Спасибо, голубчикъ, спасибо. Только-бы при-ткнуться гдѣ было.

— А тебя, шустрая, какъ звать? спросилъ хозяинъ курносенькую молодую дѣвушку.

— Меня-то? Меня Ариной, отвѣчала та, широко улыбаясь.

— Ну, а ты, Арина, завтра съ утра въ стряпки ступай. Провіантъ какой нужно для хлеба отъ меня получишь. А что дѣлать нужно, я сказалъ. Вѣдь матери, поди, въ деревнѣ по хозяйству помотала?

— Еще-бы не помогать!

— Ну, вотъ и топи печку, и вари варево для всѣхъ.

Хозяинъ поднялся со скамейки и сталъ застегивать кафтанъ, собираясь выходить изъ избы. Опрокидывали кверху донышкомъ свои чашки и стаканы и работницы, покончивъ съ чаепитіемъ и собираясь идти къ работѣ.

IV.

ВАНИМЪ УТРОМЪ, еще только свѣтъ забрезжился, а ужъ хозяинъ огорода, Ардальонъ Сергѣевъ, проснулся. Онъ спалъ въ избѣ за досчатой перегородкой, въ маленькой каморкѣ, имѣющей, впрочемъ, крошечное окно и обставленной скамейкой и простымъ деревяннымъ столомъ, покрытымъ красной ярославской салфеткой. На стѣнѣ висѣли дешевые часы московскаго издѣлія, съ холщевымъ мѣшечкомъ песку на веревкѣ, вмѣсто гири. Спалъ онъ на койкѣ, устроенной изъ досокъ, положенныхъ на козлы, на разостланномъ войлокѣ, укрывшись полушубкомъ и имѣлъ въ головахъ громаднѣйшую подушку въ ситцевой наволочкѣ. Часы показывали пятый часъ въ исходѣ. Потянувшись на койкѣ, онъ сѣлъ, свѣсивъ босыя ноги, почесался, поскобливъ у себя животъ и подъ мышками, и, зѣвая, началъ обуваться. Обувшись и все еще зѣвая, онъ вышелъ изъ-за перегородки. Въ избѣ на полу и на лавкахъ около стѣнъ спали, положивъ подъ голову котомки и мѣшки, три му-

жика и до десятка женщинъ. Ступая по полу и стараясь не наступить на ноги спящимъ, Ардальонъ Сергѣевъ направился къ двери и вышелъ на крыльцо, чтобъ умыться, но въ висѣвшемъ около крыльца глиняномъ рукомойникѣ воды не было. Ардальонъ Сергѣевъ снова вернулся въ избу и крикнулъ:

— Стряпка! Кого я въ стряпки назначилъ? Въ рукомойникѣ воды нѣтъ. Надо воды изъ колодца наносить! Эй, Арина! Курносая! Гдѣ ты тутъ? Я, кажись, тебя въ стряпки на сегодня назначилъ? Что-жь ты съ водой-то? Надо вставать и воды принести. И въ ведрѣ воды нѣтъ. Что это за безобразіе!

Женщины подняли головы и смотрѣли посоловѣлыми отъ сна глазами.

— Гдѣ тутъ у васъ Арина валяется? Пусть встанетъ да воду носить. Умыться даже нечѣмъ, продолжалъ хозяинъ.

На полу зашевелились.

— Ариша! Вставай! Хозяинъ будить! заговорила безбровая Акулина и стала толкать спавшую сосѣдку. — Вставай, Арина, да наноси воды.

На полу поднялась курносая молодая дѣвушка и держась за половицы руками, щурила глаза и зѣвала.

— Вставай-же, стряпка! еще разъ крикнуть хозяинъ.—Здѣсь вѣдь не у себя дома, проклажаться нельзя. Вставай, бери ведра, да принеси воды изъ колодца.

— Сейчасъ... заторопилась дѣвушка, вскочила на ноги, бросилась къ ведрамъ, стоящимъ въ углу, и, еще пошатываясь отъ сна, вышла было на крыльцо, но тотчасъ-же вернулась, сказавъ:—Босикомъ-то хо-

лодно на дворѣ, позволъ ужъ прежде обуться, — и стала обуваться.

Хозяинъ между тѣмъ началъ будить мужиковъ и другихъ женщинъ.

— Вставайте! Чего валяться-то! А то заняли весь полъ, такъ что даже и не пройди... говорилъ онъ, проходя за перегородку и доставая оттуда полотенце.

Вскорѣ два ведра воды были принесены Ариной, умывальникъ около крыльца былъ также наполненъ водой и хозяинъ принялся умываться. Когда онъ опять вошелъ въ избу, всѣ уже были на ногахъ. Арина, умывшаяся у колодца, стояла уже въ углу передъ закоптѣлымъ образомъ и молилась.

— Открестись, такъ печь затопить надо, да избу подмести, отдалъ онъ ей приказъ.

Вставшіе мужики и женщины, доставъ полотенца, также начали выходить на крыльцо поплескаться у рукомойника. Умывшіеся становились тутъ-же на дворѣ къ востоку лицомъ и крестились. Хозяинъ, расчесавъ гребнемъ волосы и надѣвъ картузь, тоже вышелъ на дворъ и широкимъ вздохомъ втягивалъ въ себя холодный воздухъ. Было морозно. Лужи застеклянило, земля затвердѣла, на доскахъ былъ видѣнъ бѣлый морозный иней. Хозяинъ въ неудовольствіи покачалъ головой.

— Вишь, утренникъ-то какой! сказалъ онъ. — Къ парникамъ теперь и приступить нельзя, не токма чтобы ихъ открывать и полоть въ нихъ, а я дармовцовъ набралъ. Ближе какъ къ девяти часамъ утра и рогожъ снять съ рамъ невозможно, а то все зазбнетъ. Когда тутъ пропалывать!

Мужики и бабы слушали и стояли, как виноватые.

— Да ужь отъ сорока мучениковъ завсегда по утрамъ сорокъ утренниковъ, сказалъ маленькій, тщедушный мужикъ-работникъ съ клинистой бородкой.

— Всегда! передразнилъ его хозяинъ.—Такъ на что-жъ я вчера четырехъ новыхъ дармоѣдокъ набралъ? Зобы-то хозяйскими харчами зря набивать у меня и прежнихъ рабочихъ было достаточно.

— А ужь это твоя воля хозяйская.

— Когда тутъ парники откроешь изъ-за эдакаго мороза!

— Не плачься, хозяинъ. Солнышко взойдетъ и живо нагрѣетъ.

— А пока оно нагрѣетъ, вы будете сидѣть сложа руки? Думаешь, что это очень пріятно хозяину? Какъ-же, дожидайся! Пейте чай скорѣй, да начинайте до парниковъ-то старыя кочерыжки изъ грядъ выдергивать.

— Что прикажешь, то и дѣлать будемъ.

Въ избѣ между тѣмъ возились уже всѣ женщины, помогая Аринѣ, назначенной на сегодня въ стряпки. Однѣ мели полъ швабрами, другія суетились около грязнаго ведернаго самовара, засовывая въ его трубу зажженные лучины. Сама Арина растапливала печь. По избѣ носился дымъ и, смѣшавшись съ испорченнымъ за ночь отъ ночлежниковъ воздухомъ, представлялъ изъ себя убійственную атмосферу.

Вскорѣ печь запылала, вентилируя избу, и воздухъ началъ очищаться. Черезъ четверть часа самоваръ былъ поставленъ на столъ. Хозяинъ, все еще

хмурый, заваривалъ чай, выложивъ на столъ грудку колотаго сахара на синей бумагѣ.

— Посуды у меня всего только шесть чашекъ да стаканъ. Чѣмъ пить чай поочереди-то, такъ вы купите себѣ, каждая баба, по посудинѣ,—сказалъ онъ.

— Милый, да изъ какихъ доходовъ покупать-то?..—замѣтила одна изъ женщинъ.—Самъ знаешь наши достатки: пятнадцатый въ день, да еще больничный рубль и за прописку паспорта тебѣ зажить надо.

— Ну, ужъ тамъ какъ знаете, а послѣ Фомина воскресенья я свою посуду въ сундукъ уберу. Кто изъ чего хочетъ, тотъ изъ того чай и лакай. У меня рабочимъ хозяйскихъ чашекъ и стакановъ не полагается. Арина! Да что-жь ты зря топчешься! Сними съ полки каравай хлѣба, да накрой его на куски. Это твое дѣло, стряпушье.

Громыкая по полу сапогами, курносенькая дѣвушка сняла съ полки большой хлѣбный каравай и, запасшись ножомъ, начала разрѣзать его на ломти.

— Пусть мужики сначала напьются чаю, а когда посуда освободится, могутъ и бабы съ дѣвками пить,скомандовалъ хозяинъ и разлилъ въ чашки и стаканы жидкій чай.

Самъ онъ пилъ изъ стакана, молча, утрюмо, наливая чай на блюдечко и громко схлебывая его. Женщины въ это время жевали ломти хлѣба, круто посыпая ихъ солью. Одинъ изъ мужиковъ, дабы какъ-нибудь вывести хозяина изъ мрачнаго настроенія, выпивъ первую чашку чая, сказалъ:

— Ежели солнышко будетъ припекать по вчераш-

нему, то въ концѣ будущей недѣли можно ужъ будетъ въ парникахъ съ сотню огурцовъ снять.

— Да, дожидайся! мрачно отвѣчалъ хозяинъ.

— Да вѣдь ужъ большія завязи есть. Ей-ей... Я вчера смотрѣлъ, такъ подъ рамами около забора— во какіе огурчики.

— Ну, не мели вздору. Пей, да напившись иди кочерыжки вытаскивать.

Наступила пауза. Слышно было только, какъ жевали уста и раздавались всхлебыванія чая. Черезъ минуту началъ другой мужикъ:

— Теперича ежели такая ясная погода стоять будетъ, то завтра, я такъ предполагаю, можно и подъ луковое перо пятокъ грядокъ приготовить. Луковый сѣянчикъ—онъ утренника не боится.

Хозяинъ промолчалъ.

Вскорѣ мужики кончили чаепитіе и уступили свое мѣсто женщинамъ. Арина все еще возилась около печи, моя котель въ лахани. Хозяинъ стаскивалъ съ широкой полки кульки и выдавалъ ей провизію на хлебово для обѣда. Отсыпалъ овсяныхъ крупъ, положилъ нѣсколько горстей сушоновыхъ снятковъ на деревянную тарелку, отдѣлил изъ находившагося за перегородкой мѣшка картофелю въ корзину, далъ соли, кислой капусты и для каши гречневой крупы. Сдѣлавъ все это, онъ сталъ торопить женщинъ поскорѣй пить чай и идти на работу, вытаскивать изъ грядъ кочерыжки. Чай ужъ давно былъ спить, а потому женщины тотчасъ опрокинули чашки и стали выходить изъ избы.

На огородѣ начался рабочій день.

КОЛО десятка женщинъ въ душегрѣйкахъ и три мужика въ шерстяныхъ фуфайкахъ шли по огороду мимо парниковъ, направляясь къ прошлогоднимъ капустнымъ грядамъ, изъ которыхъ торчали кочерыжки отъ срубленныхъ кочней. День начинался ясный, но утренній морозъ еще не ослабѣвалъ, хотя солнце уже поднялось на горизонтѣ. Отъ парниковъ, прикрытыхъ рогожами и соломенными щитами, виднѣлся легкій паръ, выходящій въ щели рамъ.

— Только ужъ чтобы сложа руки не сидѣть, да угодить хозяину, а совсѣмъ не по времени объ эту пору кочерыжки вытаскивать, говорилъ тщедушный мужиченко Панкратъ, подойдя къ капустнымъ грядамъ.— Помилуйте, за ночь морозомъ землю сковало, кочерыжка сидитъ твердо. Чего надсаживаться-то!

— Конечно, послѣ полудня, когда пооттааетъ, этимъ заниматься любезное дѣло, отвѣчалъ второй мужикъ Спиридонъ съ бородой лопатой:— но вѣдь послѣ полудня надо къ парникамъ переходить, у парниковъ только при солнцѣ и работа. Ну-ка, долгогривая команда, принимайся! крикнулъ онъ женщинамъ и первый, наклонившись надъ грядой, сталъ выдирать изъ земли кочерыжки.

Женщины послѣдовали его примѣру. Панкратъ пошелъ за рогожными носилками, чтобы стаскивать

выдернутыя кочерыжки въ одно мѣсто къ избѣ. Третій мужикъ, худой и длинный, рябой и черный, съ еле растущей бородкой, по имени Евплъ, стоялъ и почесывался.

— Зря и выдергивать-то будемъ эти кочерыжки... бормоталъ онъ.— Помилуйте, зачѣмъ? Когда гряды копать начали-бы, то кочерыжки заступами-бы и выворачивали, а бабы ихъ собирали-бы и таскали куда слѣдуетъ.

— Понимаешь ты, чтобы хозяину угодить, возразилъ мужикъ съ бородой лопатой.— Очень ужъ обидно ему, что рабочіе до солнечнаго пригрѣва должны безъ дѣла сидѣть. Ну, да вѣдь надсажаться особенно не будемъ. Что сдѣлаемъ, то и ладно. Эй ты! Желтый платокъ! Ты землю-то съ корней оббивай, а не бросай кочерыжку съ землей. Коли ежели такъ, то будетъ не ладно. Какъ тебя звать-то?

— Акулиной, отвѣчала женщина.

— Ну, такъ вотъ оббивай землю, Акулинушка.

— Да вишь, она примерзши, голубчикъ. И въ самомъ дѣлѣ не слѣдъ-бы въ морозъ-то....

— Мало-ли что примерзши. А ты все-таки оббивай. А то чтожъ зря землю-то съ мѣста на мѣсто на носилкахъ перетаскивать! Тоже вѣдь это нудно.

— Хорошо, хорошо, милый. Тебя-то какъ звать? спросила въ свою очередь женщина.

— Спиридономъ.

— Спиридономъ? Ну? Да неужто? А у меня въ деревнѣ мальчикъ Спиридонъ у свекрови остался. Вотъ поди - жъ ты, какъ пришлось. Ладненькій такой мальчикъ, приглядненькій. Вотъ что ни хожу,

что ни сижу, а сама все объ немъ думаю. Сегодня ночью даже во снѣ его видѣла. Давеча начала хлѣбъ жевать—сейчасъ первыя мысли объ немъ: что-то мой мальчикъ въ деревнѣ? сытъ-ли онъ, голубчикъ? Всего вѣдь только четвертый мѣсяцъ пошелъ ему, а я отъ груди отняла его и на старухины руки отдала. Кабы не бѣдность наша такая, такъ, кажется, ни въ жизнь-бы...

Голосъ Акулины дрогнулъ. Она перестала выдергивать кочерыжки, стояла и слезилась, отирая глаза кончикомъ головного платка.

— Тужить нечего, отвѣчалъ Спиридонъ.—Вѣдь, поди, у своихъ оставила, а не у чужихъ?

— У своихъ, у своихъ. Свекровь взялась нянчить. Но каково ему, родименькому, на соскѣ-то!

— И на соскѣ въ лучшемъ видѣ выживаютъ. А то вѣдь, поди, и рожокъ съ молокомъ...

— Въ томъ-то и дѣло, Спиридонушко, что корову-то мы еще съ осени продали. Вѣдь нынѣшній годъ у насъ не приведи Богъ какая безкормица. Отъ безкормицы и пришли сюда. Молоко... Кабы было у насъ молоко, то я-бы и не горевала такъ особенно, а въ томъ-то и дѣло, что у насъ молока нѣтъ. Развѣ что ужъ свекровь у добрыхъ людей раздобудется молокомъ-то. Авось добрые люди помогутъ. Уѣзжая, я просила старостиху: «не дай, Митревна, погибнуть ребеночку, удѣляй ему кой когда молочка отъ вашей коровы». Она-то обѣщала, а вотъ мужъ-то ейный, староста-то нашъ, золь на насъ изъ-за податей.

— Неисправны? поинтересовался Спиридонъ.

— Какъ тутъ быть исправнымъ, Спиридонушко, коли эдакая голодуха!

— Вездѣ нонѣ неисправность. И у насъ вотъ тоже въ Ростовскомъ уѣздѣ.

— А вы ростовскіе будете?

— А то какъ-же... Прирожденные огородники, настоящіе капустастики. Мы отъ хозяина-то нашего всего восемнадцать верстъ.

— Земляки, стало быть?

— Даже одной волости.

— Такъ и у васъ нонѣ трудно?

— Трудно. Я съ Благовѣщеньева дня по Покровъ за сто десять рублей у него подрядившись. Тридцать пять рублей при отъѣздѣ онъ мнѣ на руки далъ, половину я на паспортъ и на дорогу... а половину семьѣ далъ—тѣмъ и будутъ живы.

— А мы-то съ мужемъ вѣдь семью безъ копѣчки оставили. Мужъ въ сторону, а я въ другую. Вотъ теперь старикамъ посылать надо. Какъ ты думаешь, голубчикъ, не дасть-ли мнѣ хозяинъ хоть трешни-цу, что-бы въ деревню послать?

Спиридонъ оставилъ выдергивать кочерыжки, выпрямился во весь ростъ, покачалъ головой и сказалъ:

— Не дасть. Онъ и своимъ-то землякамъ съ попрекомъ да съ ругательствами... Я такъ вотъ даже и въ сватовствѣ ему прихожусь, а еле-еле далъ.

— Бѣда! — покрутила головой Акулина. — Что только наши старики тамъ въ деревнѣ теперь и дѣлать будутъ! Вѣдь на сѣмяна и то нѣтъ.

— Нониче многіе плачутся,—пробормоталъ Спиридонъ въ утѣшенье.

— У насъ вся деревня, какъ есть, плачется,—откликнулась чернобровая женщина, Екатерина.

— И я тебѣ вотъ еще что скажу...—продолжалъ Спиридонъ.—Онъ еще добръ до васъ, бабы... Хозяинъ-то то есть. Въ другихъ мѣстахъ, какъ подрядилась—сейчасъ на прописку паспорта и на больницу рубль хозяину отдай, а онъ взялся все это справить за заживу. Нѣтъ, ужъ ты лучше и не проси трешницы — не дастъ.

— Впередъ просить хочешь?—поинтересовался Панкратъ, явившійся съ рогожными носилками.— Ни въ жизнь не дастъ. Я даже такъ думаю, что не даль-бы онъ вамъ сегодня по пятнадцатому за день да не согналъ бы васъ. Куда ему теперь съ бабами? Вишь, какіе холода стоятъ! Какія теперь огородныя работы въ мартѣ! А потеплѣетъ, такъ вѣдь бабы этой самой будетъ хоть прудъ пруди.

— Ой, что ты говоришь, милостивецъ!—испуганно проговорила Акулина.—Да куда-же мы тогда пойдёмъ?

— А это ужъ дѣло не хозяйское. Куда хочешь, туда и иди. Это твое дѣло.

— Не стонить, коли паспорта взялъ. Вѣдь у насъ на огородѣ парниковъ много. Кто-жъ будетъ около парниковъ-то?—перебилъ Панкрата Спиридонъ.—Ругаться по утрамъ, когда утренникъ на дворѣ, все-таки будетъ, а согнать не стонить.

Работа по выдергиванію кочерыжекъ продолжалась. Часовъ въ десять на огородѣ пришелъ хозяинъ, уходившій куда-то, и велѣлъ стаскивать съ парниковыхъ рамъ рогожи и соломенные щиты, такъ какъ ужъ солнце стало на столько пригрѣвать, что застеклянившіяся лужицы оттаяли и бѣлый иней съ до-

сокъ исчезъ. Мужики и бабы бросились исполнять приказаніе. Хозяинъ и самъ сдергивалъ вмѣстѣ съ ними рогожи съ парниковыхъ рамъ и говорилъ:

— Вѣдь вотъ сейчасъ ни за что, ни про что за четырехъ дурь отдалъ четыре рубля больничныхъ. На огородѣ еще и конь не валялся, а ужъ четыре рубля подай.

— Заслужимъ, Ардальонъ Сергѣичъ, вѣрь совѣсти, заслужимъ,—бормотали бабы и до того усердствовали въ дѣлѣ сниманія рогожъ, что даже платки ихъ съѣхали съ головъ на шею.

— Толкуй! Пока еще вы заслужите-то, каждая изъ васъ-обпить объѣсть хозяина успѣеть. Хлѣбъ-то нынче сунься-ка—девять гривенъ пудъ.

Солнышко между тѣмъ свѣтило все ласковѣе и ласковѣе и уже начало пригрѣвать рабочимъ спины. Сіялъ ясный, солнечный день.

VI.

АРДАЛЬОНЪ Сергѣевъ хотъ и хозяйствовалъ, но былъ не лѣнивый рабочій мужикъ и въ горячую пору дѣла всегда самъ работалъ вмѣстѣ со своими рабочими на огородѣ, но сегодня особой работы не предстояло, не было ничего спѣшнаго, а потому, обойдя всѣ парники и заглянувъ подъ рамы, онъ приказалъ мужикамъ и женщинамъ полоть между огурцами сорную траву и разрыхлять землю, а самъ отправился въ избу при-смотреть за стряпухой.

Стряпуху Арину засталъ онъ чистившею картофель для щей. Печка уже вытопилась и котелокъ воды, заправленной кислой капустой, снятками и крупами, кипѣлъ, ёлокоча бѣлымъ ключемъ.

— Доходишь-ли до своего дѣла, мастерица? спросилъ онъ ее, входя въ избу и вѣшая картузь на гвоздь.

— Дохожу. Отчего-же не доходить? отвѣчала нѣсколько застѣнчиво Арина.—Дѣло не мудрое.

Ардальонъ Сергѣевъ сѣлъ на лавку и сталъ набивать табакомъ коротенькую трубку. Арина стояла къ нему спиной и шевелила красными голыми локтями, продолжая чистить картофель. Миткалевый печатный платокъ, съ красной каемкой и съ изображеніемъ русской азбуки, вмѣсто рисунка, посрединѣ—прикрывалъ ея голову. Арина была неладно скроенная, но крѣпко сшитая дѣвушка, какъ говорится, съ широкими плечами и бедрами, со станомъ почти безъ перехвата. Лицо ея съ нѣсколько вздернутымъ носомъ и маленькими глазами было, впрочемъ, симпатично. Арина вступила въ девятнадцатую весну своего существованія. Закуривъ трубку и попыхивая дымкомъ, Ардальонъ Сергѣевичъ сидѣлъ, смотря на широкую спину дѣвушки и наконецъ опять спросилъ:

— Дома-то трафилось-ли стряпушничать?

— Еще-бы не трафиться! отвѣчала Арина, не обращиваясь.

— Стало быть родители приучали?

— А то какъ-же? У насъ безъ этого нельзя.

— Оба живы—и отецъ и мать?

- Оба. Они-то меня и снарядили въ Питерь.
- Мать-то стара?
- Да не такъ чтобъ очень. Зачѣмъ ей старой быть?
- Дѣти малыя у ней есть?
- По третьему году дѣвочка, да по пятому году мальчикъ.
- Ну, это стало быть не стара. Ты старшая что-ли?
- Старшая.
- Что-жъ замужъ не вышла?
- И вышла-бы, да какъ приданое-то справить? На какія деньги? У насъ нонѣ голодуха. Нынѣшній годъ у насъ никто изъ дѣвокъ замужъ не выдетъ.
- Не берутъ стало быть безъ приданаго-то?
- Да вѣдь ты самъ знаешь, самъ деревенскій. Нешто можно безъ хозяйства! Надо вѣдь тоже, кромѣ того, и сватовъ угощать. Да и женихи-то не приведи Богъ какъ бьются. Ни хлѣба, ни сѣна, ни овса. Не токма что всѣ скотину продали, а даже курей—и тѣхъ не осталось. А вѣдь и женихамъ, самъ знаешь, свадьбу тоже даромъ играть нельзя. За все про все плати.
- Да вѣдь въ вашемъ боровическомъ уѣздѣ хлѣбъ-то и никогда хорошо не родится.
- Овесъ родится. У насъ сѣна хороши бываютъ. А лѣтось все пожгло. Остатки стали косить, скосили—дожди пошли. Ну, и погнило.
- Дѣла! вздохнулъ Ардальонъ Сергѣевъ и покрутилъ головой.
- Арина, слыша въ тонѣ его рѣчи какъ-бы учас-

тѣ, обернулась къ нему въ полъ-оборота и сказала:

— У насъ въ нашей деревнѣ три бабы надѣли суму да въ кусочки пошли, побираться.

— Что-жъ на заработки не пошли?

— Грудные ребята у нихъ. Съ грудными ребенками. Оставить дома не на кого, а вѣдь съ ребятами-то въ работу не берутъ. Да и паспортовъ не на что взять, до того проѣлись.

— Да вѣдь у васъ въ своемъ мѣстѣ, на рѣкѣ на Мстѣ работа, а тамъ можно и безъ паспортовъ.

— Была, а нонѣ нѣтъ. То-есть, она есть, но самая малость. Вѣдь это на баркахъ. А барки нонѣ все кругомъ идутъ, а не по нашему пути. Да и на баркахъ съ ребятами-то какже работать? А отдать ребятъ некому. Отдать въ чужія руки—даромъ не возьмутъ, а денегъ нѣтъ. Вотъ и пошли Христовымъ именемъ побираться.

— Грѣхи! снова вздохнулъ хозяинъ.

Арина помолчала и прибавила:

— Что только станется! Бѣда. Я такъ разсуждаю, что нынче въ нашихъ мѣстахъ многія бабы побираться пойдутъ. Въ Питеръ-то или въ Москву на заработки выбраться трудно, даже кто ежели и безъ ребятъ. Вѣдь на заработку сюда безъ денегъ тоже не выдешь, даже ежели и ребятъ есть гдѣ оставить. И на паспортъ нужны деньги, да и на дорогу. Нужно все-таки заложиться, а инымъ и заложиться-то печѣмъ.

— Правильно, согласился хозяинъ.

— Намъ вотъ кабатчикъ помогъ, чтобы меня справить въ дорогу, продолжала Арина.—Лужокъ мы ему предоставили, чтобы сѣно снять. Вотъ теперь

сами будемъ при умаленіи сѣна на осень. Да и ка-
кая справка! Только на паспортъ да на поль-дороги
на чугунку хватило. Поль-дороги шли—пить, ѣсть
надо. Бѣда.

— Ну, ты-то за дорогу не больно-то отошала.
Вишь, спина-то!.. улыбнулся Ардальонъ Сергѣевъ.—
Спина гладкая.

— Я ужъ такая есть.

— Да и щеки нагулявшись. Мурло круглое.

— Позавидоваль! Скажите на милость!

— Я гладкихъ люблю.

Ардальонъ Сергѣевъ опять улыбнулся, всталъ съ
мѣста и шутя треснулъ Арину ладонью по спинѣ.
Та взвизгнула и проговорила:

— Ой, чтой-то вы деретесь!

— Это я любя. Это я жиръ пробую.

— Ужъ и жиръ!

— Погоди, на нашихъ хлѣбахъ еще круглѣе огу-
ляешься. У насъ ѣшь въ волю, харчи хорошіе,—ска-
заль Ардальонъ Сергѣевъ.

— Денегъ-то ужъ очень мало за работу даете,
пробормотала Арина.—Шутка-ли: всего пятіалтын-
ный!

— Такая цѣна, Аришенька, такая цѣна. А цѣны
Богъ строить. Да и не мало это. Мѣсяцъ прожи-
вешь у меня—четыре рубля на руки получишь.

— Дома-то у насъ ужъ очень нудно. Отецъ-то
съ матерью теперь какъ бьются! У насъ пять ртовъ
дома осталось.

— Что дѣлать, умница! Вездѣ теперь нудно, вездѣ
теперь бьются. Это ужъ отъ Бога...

Арина, слыша ласковую рѣчь, опять обернулась къ Ардальону Сергѣеву и, улыбнувшись, застѣнчиво проговорила:

— Ты-бы, господинъ хозяинъ, далъ мнѣ три рубля впередъ, чтобы родителямъ въ деревню послать. Дай, пожалуйста, будь милостивцемъ.

— Это ничего-то не видя, да три рубля давать! Нѣтъ, милая, не тѣ нонѣ времена. Я ужъ и такъ добръ, что больничныя за васъ впередъ плачу, да паспорта прописываю.

— Дай господинъ хозяинъ. Я тебѣ въ ножки поклонюсь. Пожалѣй насъ.

— Нельзя. Хоть ты и гладкая,—а я гладкихъ до смерти обожаю,—а нельзя, умница. Погодить надо. Ты погоди. Вотъ мѣсяць прослужишь и старанье твое я увижу, тогда дамъ.

— Экой ты какой, господинъ хозяинъ!

— Я добрый. Я охъ какой добрый, а денегъ сразу давать нельзя, отвѣчалъ ласково Ардальонъ Сергѣевъ, ухмыляясь, подошелъ къ Аринѣ, схватилъ ее въ охапку за плечи, покачалъ изъ стороны въ сторону и прибавилъ:—Нельзя, ангелка, подождать надо.

Арина вырвалась изъ его объятій, ударила его по рукѣ и, сдѣлавъ строгое лицо, стала къ печкѣ, сказавъ:

— А зачѣмъ-же рукамъ волю-то даешь? Это ты оставь. Этого я не люблю. Я не затѣмъ въ Питеръ пришла. Да... Брось.

Ардальонъ Сергѣевъ взглянулъ на нее и скосилъ глаза.

— А тебя убьют, что-ли? «Не люблю»... А ты будь съ хозяиномъ поласковѣе, хозяинъ можетъ пригодиться. Сама денегъ впередъ просить, а тутъ не смѣй и шутками съ ней пошутить. Ахъ, дура, дура-дѣвка! Вотъ ужъ неразумная-то!

Онъ махнулъ рукой, снялъ съ гвоздя картузъ и вышелъ на огородъ.

VII.

РЪ ПОЛДЕНЬ Ардальонъ Сергѣевъ скликалъ рабочихъ къ обѣду. Мужики и бабы побросали работу около парниковъ, прикрыли ихъ стеклами, оттѣнили отъ солнца рогожами на кольяхъ и пришли въ избу. На двухъ некрашенныхъ столахъ, ничѣмъ непокрытыхъ, лежали уже накромсанные Ариной толстые ломти хлѣба и по грудкѣ деревянныхъ ложекъ. Адальонъ Сергѣевъ былъ тутъ-же. Какъ хозяинъ, онъ первый перекрестился на икону, висѣвшую въ углу, и сѣлъ за столъ. Вслѣдъ за нимъ, помолившись на образъ, помѣстились за двумя столами и рабочіе. Мужики и женщины живо разобрали ложки. Арина подала на каждый столъ по деревянной чашкѣ щей. Зажевали уста, началось схлебываніе съ ложекъ. Ъли до того усердно, что на лицахъ показался потъ. Въ особенности усердствовали женщины, пришедшія вчера изъ деревни.

— Четыре дня, сударушки вы мои, мы горячагото не видали, проговорила Акулина, облизывая лож-

ку.—Съ самой деревни не видали. Да и въ деревнѣ-то послѣднее время до того дошли, что не каждый день горячее. Вѣдь крупы-то надо купить, картошки надо купить. Пожуремъ хлѣба, тѣмъ и сыты.

— Такъ проси у стряпухи, чтобы еще тебѣ въ чашку плеснула. У насъ на этотъ счетъ хорошо, у насъ и хлѣба, и хлебова вволю. Хозяинъ не запрещаетъ. Хлебай сколько хочешь, отвѣчала баба, уже раньше Акулины опредѣлившаяся на огородъ и успѣвшая нѣсколько отъѣсться на хозяйскихъ харчахъ.—Проси, прибавила она.

— Да одной-то мнѣ, милая, чтой-то какъ будто совѣстно, отвѣчала Акулина.

— Зачѣмъ одной? И я еще похлебаю, отозвался работникъ Спиридонъ.—Умница! какъ тебя кликать-то? Плесни-ка намъ еще въ чашечку щецъ, обратился онъ къ Аринѣ.

Арина вопросительно взглянула на хозяина. Тотъ кивнулъ и сказалъ:

— Плескай, плескай. У насъ на это запрету нѣтъ. Только-бы въ работѣ старались.

И опять захлебали уста изъ вновь налитой чашки.

— Картошки-то нешто у васъ своей не осталось въ деревнѣ съ осени, что давеча говорила, что покупать надо? спросила Акулину баба, раньше ея опредѣлившаяся на огородъ.

— Какая, мать моя, картошка! Картошка у насъ какая была, такъ послѣ Покрова еще продали.

— Стало быть и капуста квашенной не осталось?

— У насъ капусту по деревнямъ вовсе и не садятъ.

— Ну?! Съ чего-жь это такъ? У насъ, въ нашемъ новолодожскомъ уѣздѣ, всѣ садятъ.

— А у насъ не заведено. Да и откуда взять разсады? Вѣдь на рассаду нуженъ парникъ. Только лавочникъ да кабатчикъ и садятъ. Тѣ рассаду изъ города привозятъ, а намъ гдѣ-же!

За щами явилась гречневая каша. Хозяинъ сходилъ за перегородку, вынесъ оттуда четвертную постнаго масла и экономно налилъ его въ двѣ чашки съ кашей.

Снова зажевали уста—и минутъ черезъ десять чашки опорожнились. Хозяинъ громко икнулъ, всталъ изъ-за стола и началъ креститься на образъ. Его примѣру послѣдовали и рабочіе.

— За хлѣбъ за соль, хозяинъ, проговорилъ работникъ Панкратъ, отирая губы и бороду рукавомъ рубахи.

— За хлѣбъ за соль, Ардальонъ Сергѣичъ. Спасибо,—повторили остальные рабочіе.

Хозяинъ еще разъ икнулъ и, закуривъ трубку, удалился къ себѣ за перегородку, откуда послышался скрипъ досокъ его койки, показывающій, что онъ заваливается для послѣобѣденнаго сна. Закурили трубки и три работника. Изба наполнилась махорочнымъ дымомъ. Бабы начали чихать.

— Хоть-бы вы, мужики, на дворѣ курили, что-ли, а то отъ дыма не продохнешь, говорили онѣ.

— Дай потеплѣетъ, будемъ на дворѣ подъ навѣсомъ отдыхать, на дворѣ тогда и курить будемъ, отвѣчали мужики, занимая мѣста на лавкахъ для послѣобѣденнаго отдыха.

Женщины, вытащивъ изъ подъ лавокъ свои котомки вмѣсто подушекъ, также валились на полъ, чтобы соснуть часокъ, полтора. Отъ 12 до 2 часовъ, по заведенному порядку, на огородѣ не работали. Икота раздавалась то въ томъ, то въ другомъ углу. Мужики и женщины такъ и перекликались другъ съ другомъ.

— А ты, Арина Пелагевна, теперь поѣшь, да посуду-то вымой и приברי—вотъ какъ у насъ стряпухи дѣлають, слышался изъ-за перегородки голосъ Ардальона Сергѣева.

Кой-гдѣ раздавалось уже всхрапываніе, когда Арина принялась хлебать щи и кашу. По заведенному порядку, стряпуха ѣла отдѣльно, послѣдняя. Поѣвши въ охотку, она принялась мыть и убирать посуду, гремя котломъ и чашками, но это не мѣшало уснувшимъ уже рабочимъ спать крѣпчайшимъ сномъ. Храпѣнье и присвистываніе носомъ сливалось изо всѣхъ угловъ воедино. Убравшись съ посудой, Арина присѣла на лавку въ головахъ одного изъ мужиковъ и, прислонившись къ стѣнѣ, и сама начала дремать. Она вскорѣ заснула. Видѣлась ей родимая деревня, въ конецъ покосившаяся ихъ старая изба съ законченными стѣнами, хрюканье двухъ тощихъ поросятъ подъ лавкой, которыхъ передъ самымъ ея отъѣздомъ продали кабатчику за полтинникъ, чтобъ эти деньги дать ей, Аринѣ, на харчи въ дорогѣ. Представлялась ей плачущая ея мать, прощающаяся съ ней и благословляющая ее въ путь. Слышались ей слова матери: «смотри, Арина, соблюдай себя въ Питерѣ, береги себя». А отецъ стоялъ мрачный поодаль и прибавилъ:

«А коли ежели мы что про тебя отъ земляковъ узнаемъ непутевое, то ты такъ и знай, что я шкуру съ тебя спущу, когда ты домой по осени вернешься». Видѣлось ей, какъ ее вмѣстѣ съ товарками по путешествію всей семьей проводили до околицы, какъ отецъ и мать опять прощались съ ней, какъ она, Арина, и сама плакала, какъ она шла и оборачивалась къ околицѣ, какъ тамъ стояла ея мать съ груднымъ ребенкомъ въ пазухѣ армяка и долго долго крестила ее въ слѣдъ.

— Вставать, вставать, любезные! Полно вамъ дрыхнуть! Два часа уже... За работу пора! раздавался хозяйскій голосъ изъ-за перегородки—и Арина проснулась.

Мужики и бабы медленно поднимались съ пола и скамеекъ и почесывались. Вскочила и Арина съ лавки и стала протирать глаза. Хозяинъ вышелъ изъ-за перегородки и заходилъ по избѣ, стуча новыми сапогами и набивая себѣ трубку. Акулина распахнула дверь на дворъ—и въ избу ворвалась струя свѣжаго, весенняго солнечнаго воздуха. Акулина первая поплелась на работу, за ней стали выходить и другія женщины, и мужики. Ардальонъ Сергѣевъ говорилъ:

— А стряпка пусть въ избѣ останется. Ужотка надо будетъ самоваръ ставить, а теперь пусть-ка возьметъ мои двѣ рубахи, что вчера вымыла, да хорошенько на скалкѣ валькомъ ихъ прокатаетъ. Ариша! Слышишь?

— Слышу, хозяинъ, отвѣчала Арина, слегка потягиваясь.

VIII.

О УХОДѢ рабочихъ на огородъ, Ардальонъ Сергѣевъ и самъ отправился присмотрѣть за ними. Потолкавшись около парниковъ, въ которыхъ уже росли овощи, отдавъ приказъ, дабы зажечь приготовленный для новыхъ парниковъ и уже остывшій конскій навозъ, путемъ прибавленія къ нему нѣсколькихъ карчагъ кипятку, онъ снова вернулся въ избу. Арина, стоя около стола, катала валькомъ на скалкѣ его рубахи, поминутно поплеывая на правую руку, дабы изъ нея не выскользаль валекъ. Она разгорячилась отъ работы. На здоровомъ ея хотѣ и съ узенькими глазами и съ сильно вздернутымъ носомъ, но все-таки миловидномъ молодомъ лицѣ игралъ яркій румянецъ. Ардальонъ Сергѣевъ остановился предъ ней нѣсколько въ отдаленіи и сталъ смотрѣть на нее, слегка улыбаясь. Арина, видя его взглядъ, направленный на нее въ упоръ, сначала потупилась, а потомъ отвернулась. Ардальонъ Сергѣевъ замѣтилъ это и сказалъ:

— А ты чего мурло-то отъ меня воротитишь, писаная? Вѣдь не съѣмъ.

Арина промолчала.

— Коли хозяинъ къ тебѣ ласковъ и улыбки на тебя строить, и ты должна къ нему улыбки... про-

должалъ Ардальонъ Сергѣевъ.—А еще денегъ впередъ просишь! Ласковое телятко двѣ матки сосеть. Эту пословицу, кажется, должна знать.

— Да я не ворочу мурла, а вы такъ ужъ очень пронзительно смотрите... тихо отвѣчала Арина.

— Пронзительно! Коли пронзительно смотрю, значить есть у меня къ тебѣ уваженіе. Брось-ка катать. Успѣешь еще... Да ставь самоваръ. Чаю мы съ тобой пока до рабочихъ-то напьемся. Тѣмъ еще не скоро пить по положенію, а у меня инда въ глоткѣ пересохло—до того пить хочется. Пересолила ты щи-то, чтоли.

— Кажется, я въ мѣру солила.

— Въ мѣру! Влюбившись въ кого, что-ли, что сильно солишь?

— Ну, вотъ... Въ кого-жъ мнѣ влюбившись быть? Намъ не до любви.

Арина слегка хихикнула.

— Ну, то-то... сказалъ хозяинъ и прибавилъ:— А то вѣдь инья нарочно сильно солятъ, потому солью, коли ежели съ лукавыми словами, можно приворожить. Смотри, не приворожи хозяина.

— Ну, вотъ... чтой-то вы говорите, Ардальонъ Сергѣичъ!..

— Я дѣло говорю. Смотри у меня! Ну, ставь, ставь самоваръ-то!

Арина принялась наливать ведерный самоваръ водой, навалила въ трубу его углей и зажженных лучинъ, загремѣла трубой. Ардальонъ Сергѣевъ сидѣлъ на лавкѣ близъ Арины, косился на нее и покуривалъ трубку. Арина, очевидно, ему нравилась.

Наконецъ онъ не выдержалъ, и когда та раздувала уголья въ самоварѣ, потянулся къ ней и тронулъ ее рукой. Арина стояла къ нему спиной, прикосновеніе его руки къ ней было неожиданно, а потому она взвизгнула и уронила желѣзную трубу. Хозяинъ засмѣялся.

— Ну, чего визжишь, какъ поросенокъ! Вѣдь не шпаряютъ тебя. Иди сюда, я тебя поглажу, пробормоталъ онъ.

— Да что это вы, Ардальонъ Сергѣичъ, все пристааете, право...

— А то что-же? Должна быть даже благодарна, коли хозяинъ пристааетъ.

— Да я вовсе этого не хочу, потому я не такая...

— Дура! Да вѣдь тебя не убудетъ отъ этого, коли я тебя поглажу. Ну, иди сюда.

Арина не шла и прижалась спиной къ печкѣ.

— Ну, стой. Я самъ встану и подойду... поднялся Ардальонъ Сергѣевъ, подошелъ къ Аринѣ и сталъ гладить ее по спинѣ.—Вишь, спина-то какая! Что твой столикъ. А еще говоришь, что изъ голоднаго мѣста пришла. Нешто такія спины съ голоду нагуливаютъ!

— Ужъ такого я роду, что меня въ ширь тянеть, отвѣчала Арина, вся какъ-то съежившись, но все-таки дозволивъ погладить себя.

Ардальонъ Сергѣевъ отошелъ отъ нея и сѣлъ опять на лавку. Самоваръ зашумѣлъ. Арина не отходила отъ самовара и время отъ времени снимала съ него трубу и дула въ уголья, хоть этого и не нужно было дѣлать, потому что уголья давно уже успѣли разгорѣться. Ей нужно было только занять себя чѣмъ-

нибудь, чтобы не такъ было трудно выносить взоръ хозяина, вперенный въ нее въ упоръ.

— На ледянку. Возьми. Пососи...

Ардальонъ Сергѣевъ опустилъ руку въ карманъ штановъ, вытащилъ оттуда нѣсколько леденцовъ въ бумажкахъ и протянулъ ихъ Аринѣ. Та не брала.

— Бери, бери, коли даютъ. Не отравя... сказалъ онъ.—Я знаю, дѣвки сладкое любятъ. Одну ледяночку пососешь теперь, а вотъ какъ самоваръ скипитъ, съ остальными чай пить будемъ. Бери, бери... Чего ты въ самомъ дѣлѣ! А то вѣдь разсержусь. Не раздражай хозяина.

Арина взяла и сказала:

— Спасибо, коли такъ.

— Ну развертывай бумагу, да ѣшь. Чего-жь ты стала, какъ лошадь съ норовомъ! продолжалъ Ардальонъ Сергѣевъ, улыбаясь.

Арина развернула бумажку и взяла леденецъ въ ротъ. Хозяинъ все еще не спускалъ съ нея глазъ.

— Сладко? спросилъ онъ ее.

— Сладко, тихо отвѣчала она.

— Есть у васъ такіе леденцы въ Боровичскомъ уѣздѣ? Трафилось ѣсть?

— Трафитесь-то трафилось, а то у насъ больше медовые да мятные пряники.

— Будешь ласкова къ хозяину, да не станешь отъ него мурло воротить, такъ и пряниковъ куплю. Любишь пряники-то? А? Очень любишь? Охъ, дѣвки, дѣвки! Всѣ-то вы охотницы до сладкаго.

Самоваръ закипѣлъ. Изъ подъ крышки его стала вылетать струя пара. Наконецъ вода заклокотала

и вышла черезъ край, пуская потоки по грязной мѣди.

— Снимай скорѣй трубу, снимай! Прикрой крышечкой, да ставь самоваръ-то на столъ.

— Экая вѣдь ты какая! До чего докипятила.

Мощными руками подала Арина ведерный самоваръ и поставила его на столъ.

Ардальонъ Сергѣевъ принялся заваривать чай.

— Ну, чего-же ты стоишь-то, коли дѣло сдѣлала? обратился Ардальонъ Сергѣевъ къ Аринѣ.—Самоваръ подала и садись къ столу. Сейчасъ вмѣстѣ чай пить будемъ. У насъ чиновъ нѣтъ. Садись.

— Я послѣ васъ, господинъ хозяинъ, застѣнчиво отвѣчала Арина.

— Коли сказано, что садись, значить садись. Вмѣстѣ пить будемъ.

Арина подвинула къ столу скамейку и робко сѣла на кончикъ. Ардальонъ Сергѣевъ протянулъ къ ней черезъ столъ руку и, хотя Арина отшатнулась, но все-таки потрепалъ ее по щекѣ.

— Ты просила денегъ впередъ, говорила, что надо въ деревню родителямъ послать,—на-вотъ три рубля, посылай... сказалъ онъ, полѣзъ за голенищу, вытащилъ оттуда бумажникъ изъ синей сахарной бумаги, вынулъ изъ него трехрублевую бумажку, положилъ ее передъ Ариной и, прихлопнувъ ладонью, прибавилъ:—Видишь, я не въ тебя, я не брыкаюсь. Попросила впередъ денегъ—и даль, хотя никому не даю. А ты брыкаешься и мурло отъ хозяина воротишь.

— Да я-бы и не воротила... А за чѣмъ вы трогаете?.. Мнѣ стыдно.

— Трогаете! Отъ троганья тебя не убудеть. Ну, что-жъ надо сказать, когда для тебя благодѣтельство дѣлають и деньги тебѣ впередъ дають?

— Спасибо вамъ, господинъ хозяинъ.

— Спасибо! Спасибо—этого мало, а ты чувствуй.

— Я и то чувствую.

— Ну, то-то... Пей чай-то...

Хозяинъ налилъ двѣ чашки чаю и одну изъ нихъ подвинулъ къ Аринѣ.

IX.

АРДАЛЬОНЪ Сергѣевъ и Арина, сидя другъ противъ друга, пили чай, громко сжлебивая его съ блюдечка. Ардальонъ Сергѣевъ не спускалъ съ Арины глазъ и время отъ времени улыбался, но молчалъ. Арина старалась не смотрѣть на него, но это было невозможно. Она должна была-бы отвернуться отъ него, но это она считала черезъ чуръ ужъ дерзкимъ противъ хозяина. Онъ все-таки отличалъ ее отъ другихъ рабочихъ: поить чаемъ вмѣстѣ съ собой, а главное—далъ три рубля въ счетъ заработка для отсылки въ деревню. Она ограничивалась тѣмъ, что при каждой двух-смысленной улыбкѣ его застѣнчиво опускала глаза. Наконецъ Ардальонъ Сергѣевъ кивнулъ на нее и спросилъ:

— Всѣ дѣвки у васъ въ Боровичскомъ уѣздѣ такія писанья миндалины или только ты одна?

Арина зардѣлась какъ маковъ цвѣтъ и отвѣчала:

— Да чтой-то, Ардальонъ Сергѣичъ, вы говорите, право! Зачѣмъ такія слова?

— Затѣмъ, что прельстившись тобой. Очень ужъ ты гладкая миндалина у меня. Ну, отвѣчай-же: всѣ въ Боровичскомъ уѣздѣ такія?

— Да почему-же мнѣ-то знать!

— Дура, что такъ хозяину отвѣчаешь, своей выгоды не понимаешь. А ты отвѣчай: «у насъ, моль, дѣвки все корявыя, а я одна такая удалась». Какъ тебя по отчеству-то звать?

— Да зачѣмъ вамъ? Хозяева батрачныхъ дѣвокъ по отчеству не величаютъ.

— А почему ты знаешь, можетъ статься у меня такой составъ въ головѣ, что я изъ тебя хочу и не батрачную сдѣлать? Ты не можешь видѣть моего воображенія. Ну, какъ отца-то звать?

— Федотомъ.

Ардальонъ Сергѣевъ похлопалъ ладонью около себя по лавкѣ и сказалъ:

— Ну, поди сюда, Арина Федотовна, сядь со мной рядышкомъ.

— Ну, вотъ... Зачѣмъ-же это?.. Вовсе это даже напрасно. Вы тамъ сидите, а я здѣсь буду сидѣть, пробормотала Арина, стараясь не смотрѣть на хозяина.

— Иди-же сюда, коли хозяинъ тебѣ приказываетъ! повторилъ Ардальонъ Сергѣевъ.

— Вовсе это даже и не хозяйское дѣло. Хозяинъ долженъ работу приказывать.

— А вотъ какъ ты придешь, да рядышкомъ сядешь, я тебѣ и работу прикажу.

— Приказывайте оттуда.

— Чудная дѣвка! Да ежели я такъ не могу. Иди сюда.

Арина не шевелилась. Ардальонъ Сергѣевъ продолжалъ:

— И что это у васъ за извадка артачиться, коли хозяинъ хочетъ свою ласковость доказать.

— Да не нужно мнѣ вашей ласковости.

— Вотъ какъ! А я еще три рубля далъ для посылки въ деревню!

— За это спасибо, за это я благодарна, вѣкъ буду помнить и заслужу, что вы на голодуху моимъ тятенькѣ съ маменькой дали, а баловать зачѣмъ-же!

— Да вѣдь я могу и отнять, коли такъ.

Арина молчала и сдѣлала серьезное лицо.

— И отниму. Какъ пить дать, отниму... продолжалъ Ардальонъ Сергѣевъ.

— Не сдѣлаете вы это, господинъ хозяинъ; вы добренькій, сказала Арина.

— Нѣтъ, сдѣлаю.

— Ну, инъ воля ваша ховайская.

Арина вздохнула, хозяинъ помолчалъ и произнесъ:

— Садись, Арина Федотовна, рядышкомъ! Остальному женскому полу по пятнадцатому въ день у меня расчетъ, а тебѣ по двугривенному считать буду, а потомъ даже еще прибавлю—вотъ до чего ты мнѣ любя.

Арина сидѣла вся съежившись, терла лѣвую руку выше локтя ладонью правой и не смотрѣла на хозяина. Послѣ нѣкоторой паузы, она проговорила:

— Да что вы такъ ужъ очень къ дѣвкѣ-то ластитесь? Холостой, что-ли, или вдовый?

— Всѣ мы здѣсь въ Питерѣ холостые.

— Ну, а въ деревнѣ-то жена все-таки есть?

— Еще-бы не быть. Въ деревнѣ хозяйство, домъ. При хозяйствѣ безъ бабы невозможно. И жена есть, и дѣти есть, скрывать не буду.

— Ну, вотъ видите. А вы къ чужой дѣвкѣ ластитесь. Какъ это даже неладно.

— Не ладно! Что-жъ подѣлаешь, коли дѣвка по нраву пришлась! Очень ужъ ты распрекрасна.

— Бросьте. Не хорошо.

— Да что: не хорошо! Зачѣмъ такая миндалина уродилась?

— Такую матушка родила.

— Вотъ матери-то за это три рубля и пошлешь, которые я далъ. Садись ближе, рядушкомъ.

— Да полно вамъ.

Чаепитіе продолжалось, а Арина все еще сидѣла на своемъ мѣстѣ, противъ хозяина. Выпито уже было чашекъ по пяти. Хозяинъ налилъ еще. Отъ усерднаго питья горячаго чая и отъ волненія потъ съ него лилъ градомъ. Разговоръ пресѣкся. Раза два, впрочемъ, Ардальонъ Сергѣевъ произносилъ: «дуры вы, дѣвки, не можете своей выгоды понимать»—и опять умолкалъ. Сначала онъ отиралъ лицо рукавомъ рубахи, но потъ на лицѣ выступалъ все сильнѣе и сильнѣе.

— Ухъ, запарился! проговорилъ онъ наконецъ.— Подай-ка мнѣ, умница, Аришенька, полотенце, чтобы утираться. Вонъ на гвоздѣ виситъ.

Ариша поднялась съ мѣста и отправилась за полотенцемъ, сняла его съ гвоздя и поднесла къ Ардальону Сергѣеву. Тотъ взглянулъ на Аришу, улыбнулся во всю ширину лица и вмѣстѣ съ полотенцемъ схватилъ и ее за руки.

— Ну, чтой-то! Оставьте, пожалуста... Пустите,—заговорила она, вырывая свои руки.

— Пущу. Дай только въ уста сахарныя поцѣловать.

— Нѣтъ, нѣтъ... Не желаю я этого!

Арина замотала головой. Ардальонъ Сергѣевъ хотѣлъ ее поцѣловать силой, но, мускулистая, мощная, она рванулась съ такой силой, что вырвала свои руки, отбѣжала къ дверямъ избы и стала въ отдаленіи.

Ардальонъ Сергѣевъ опустилъ руки и не двигался

— Ну, дѣвка! Да что отъ поцѣлованія-то тебя убыло-бы, что-ли! сказалъ онъ,—Ну, сядь хоть рядышкомъ со мной, сядь... Потѣпъ хояина.

Арина молчала. На глазахъ ея показались слезы.

— Экая упрямая лошадь! проговорилъ Ардальонъ Сергѣевъ и бросился по направленію къ ней.

Арина выскочила изъ избы на огородъ. Хозяинъ остановился на порогѣ избы и погрозилъ ей пальцемъ.

— Ну, ладно, коли такъ... проговорилъ онъ, нахмуривъ брови.—Коли бы ты для насъ, то и я-бы для тебя... А такъ какъ ты не хотѣла уважить хояина, то и хояинъ будетъ теперь съ тобой на другой манеръ. Смотри у меня, курноса!

Арина продолжала стоять на огородѣ. Она пла-

кала. Хозяинъ еще разъ погрозилъ ей, на сей разъ уже кулакомъ, и, сердито захлопнувъ двери, скрылся въ избѣ.

Х.

БРАТНО идти въ избу, гдѣ остался хозяинъ, Арина не рѣшалась и тихо направилась къ парникамъ, у которыхъ работали другія бабы и дѣвки. Къ парникамъ она шла медленно.

Глаза ея были заплаканы. Она фыркала и утиралась мякотью голой красной руки, выглядывающей изъ засученнаго выше локтя рукава ситцеваго платья. Акулина, сидя на корточкахъ, полола салатъ въ парникѣ. Арина подошла къ ней, Акулина взглянула на ея заплаканные глаза и удивленно спросила:

— Что такое стряслось? О чемъ это ты?

— Да такъ, ни о чемъ, отвѣчала Арина, стараясь улыбнуться.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ? продолжала Акулина.— Или о домѣ раздумалась, о тятенькѣ съ маменькой взгрустнула?

— Да просто такъ... упорствовала Арина, не желая сказать причину своихъ слезъ при постороннихъ, такъ какъ на ея слезы обратили вниманіе и другія бабы, работавшія у парниковъ вмѣстѣ съ Акулиной, а также и работникъ Спиридонъ.

Слыша отвѣтъ Арины, онъ улыбнулся и сказалъ:

— Да вѣдь у дѣвокъ, знамо дѣло, глаза на мокромъ мѣстѣ растутъ—вотъ она и плачетъ.

— Нѣтъ, врешь, не на мокромъ мѣстѣ. Меня что-бы въ слезы вдарить, много надо. Я не слезливая, отвѣчала Арина, присѣвъ на уголь открытаго парника.

— Ну, о матери взгрустнулось. Это видно. Стыдись, матка, ревѣть. Вѣдь не махонькая, проговорила Акулина.

— Вовсе даже и не о матери. Что мнѣ мать! Она не померла. Хозяинъ вонъ далъ мнѣ даже три рубля, чтобъ въ деревню ей послать.

— Да что ты! удивился Спиридонъ.— Чѣмъ-же это ты ему такъ угодила? Вѣдь онъ ни дѣвкамъ, ни бабамъ, которыя ежели въ поденьщинѣ, никогда впередъ не даетъ.

Арина помолчала и дала отвѣтъ:

— А мнѣ далъ. Самъ далъ. Сначала я просила, онъ отказалъ, а потомъ взялъ да и далъ самъ. Да дать-то далъ, а теперь пристаешь, цѣловаться ко мнѣ лѣзетъ.

— Вотъ какъ! Ну, такъ, такъ... Порядокъ извѣстный. Теперича я понимаю. На это его взять. Онъ у насъ бабникъ извѣстный, произнесъ Спиридонъ.

Акулина вспыхнула:

— Обидѣть, что-ли, захотѣлъ? спросила она

— Да не обидѣть, а просто цѣловаться лѣзетъ и пристаешь, а я этого не желаю. Чаемъ меня сейчасъ съ собою поилъ, леденцами потчивалъ, три рубля далъ.

— Ну, такъ, такъ... Это правильно. Онъ у насъ смазливыхъ дѣвокъ не пропускаетъ. Это вѣрно,— продолжалъ Спиридонъ.— Лѣтось тремъ дѣвкамъ уваженіе дѣлалъ.

— Какое-же тутъ уваженіе, коли за руки хватается и проходу не даетъ. Для чего онъ это? Чего онъ лѣзетъ? Кабы онъ не былъ хозяинъ, то я съ нимъ по свойски-бы, а то вѣдь я хозяйина по сусаламъ смазать не могу.

Наволодожскія дѣвки и бабы, работавшія на огородѣ уже съ недѣлю, стали хихикать и перешептываться между собой. Наконецъ одна пожилая баба произнесла:

— Дура ты дѣвка-то, вотъ что... Своей выгоды не понимаешь. Ему потрафить, такъ изъ него можно веревки вить—вотъ онъ какой.

— Зачѣмъ? зачѣмъ, Домнушка, такія слова? Арина у насъ дѣвушка небалованная, вострепенулась Акулина.—Она себя соблюдаетъ.

— И, мать! Соблюденіемъ здѣсь въ Питерѣ ничего не возьмешь. Опять скажу: дура дѣвка.

— Учи, учи еще! вспыхнула Акулина.

— А то что-же?.. продолжала Домна.—Въ прошломъ году онъ вотъ также на одну вашу боровичскую распалился, такъ та его, не будь глупа, кругомъ обошла. Онъ ей и ситцу, и сапоги, и миткалю на рубахи, да окромѣ того пропилъ съ ней рублей двадцать. Клавдіей звать. Можетъ знаешь.

— Мало-ли у насъ въ боровичскомъ есть путаныхъ дѣвокъ, а Арина не таковская.

— Первое время всѣ не таковскія,—улыбалась Домна.

— Нѣтъ, ужъ ты, милая, такъ не разговаривай. Не хорошо такъ.

— О! Не за королевича-ли свою землячку замужь прочишь?

— Не за королевича... Какой тутъ королевичъ! А просто не хорошо безобразныя рѣчи говорить.

— А чѣмъ онѣ безобразныя? Ужъ коли голь, коли въ поденщину за пятіалтынный пошла...

— Ну, молчи, а то вѣдь я и глаза выцарапаю!

— Ого! Ну, что-жъ, выцарапать-то мы и сами тебѣ съумѣемъ.

Домна вскочила съ корточекъ на ноги и даже подбоченилась, стоя около парника. Акулина тоже приготовилась сѣсть на товаркой.

— Брысь! Чего вы, долгогривыя!—махнулъ на нихъ рукой Спиридонъ.—Вишь, что выдумали: царапаться! У насъ хозяинъ драки не любитъ.

Перебранка умолкла. Акулина отошла съ Ариной въ сторону и стала шушукаться.

— Я боюсь, Акулинушка, теперь въ избу идти,—начала Арина.—Онъ тамъ опять начнетъ приставать. Онъ тамъ одинъ.

— Да и не ходи. Что это въ самомъ дѣлѣ! отвѣчала Акулина.

— А вдругъ онъ звать начнетъ? Вѣдь онъ хозяинъ.

Акулина сначала растерялась, но потомъ нашлась:

— Хозяинъ да не на это. Не на цѣлованье онъ хозяинъ.

— Деньги-то онъ далъ мнѣ на посылку въ деревню, а теперь попрекаетъ.

— Отдай, отдай ему деньги. Коли заживешь ихъ,

тогда у него и возьмешь, а теперь отдай. Не нужно брать впередъ, коли онъ озорникъ такой.

— Да вѣдь у тятеньки-то съ маменькой въ деревнѣ теперь очень нудно, Акулинушка.

— Мало-ли что нудно! Какъ-нибудь перебьются. Потомъ пошлешь.

— Очень вѣдь просили, Акулинушка, когда я уѣзжала.

— Да, что ты, matka, какія слова! Нешто это можно! крикнула на Арину Акулина.—Отдай, отдай, а то иначе не хорошо. Вѣдь онъ въ этихъ смыслахъ и далъ, чтобы ты вотъ отъ него... не артачилась.

— А можетъ быть и обойдется? Можетъ быть и забудеть? Вѣдь это онъ потому сегодня ко мнѣ приставать сталъ, что вотъ я въ стряпкахъ и при немъ была, а завтра въ стряпкахъ другая будетъ, такъ можетъ быть онъ и ничего...

— Ой, лучше отдать!

— Тятенька-то съ маменькой... Я вотъ что... Ежели онъ спросить, то отдамъ. Привязываться будетъ опять—тоже отдамъ.

Пока Арина и Акулина шушукались, двери избы распахнулись, изъ нея вышелъ Ардальонъ Сергѣевъ и незамѣтно подошелъ къ нимъ.

— А вы чего-же лодырничаете и пустопорожними разговорами занимаетесь! крикнулъ онъ.—Нешто я вашу сестру для разговоровъ нанялъ, да чтобъ зобы ваши харчами набивать? Нѣтъ, братъ, я нанялъ для работы. Вишь, вѣдьма! Чуть хозяинъ отвернется—сейчасъ ужъ и отъ парниковъ прочь! Арина! Иди въ избу и ставь самоваръ для рабочихъ! Да

согрѣешь воду, такъ принимайся стирать! отдадь онъ приказъ и прибавиль:—А вы, мужики, кому пере-мыться надо, отдайте ей свои рубахи и что у васъ тамъ есть въ стирку. Нечего ей, сложа-то руки, съ землячками языкъ чесать, да отъ дѣла ихъ отрывать

Арина поплелась въ избу.

XI.

ОПЯТЬ Арина ставить ведерный самоваръ, опять гремитъ въ избѣ желѣзной трубой, суетъ въ самоваръ уголья и зажженные лучины. На этотъ разъ въ избѣ хозяина не было, но Арина все время со страхомъ смотрѣла на дверь, ожидая, что вотъ вотъ онъ опять войдетъ.. Черезъ полъ-часа, однако, пришли рабочіе пить чай. У бабъ опять зашелъ разговоръ про Арину. Новолодожскія доказывали, что Аринѣ вовсе не нужно было артачиться передъ хозяиномъ.

— Экая важность, что хозяинъ хотѣлъ пошутить съ дѣвкой! Другая-бы за честь сочла, говорила Домна.

Боровичскія бабы и дѣвки стояли на сторонѣ своей землячки Арины. Мужики держались середины и не присоединялись ни къ той, ни къ другой сторонѣ. Наконецъ Акулина крикнула на новолодожскихъ бабъ:

— Да вамъ-то какое дѣло до дѣвки, какъ она себя повела! Какъ хотѣла, такъ и сдѣлала. Что такое, въ самомъ дѣлѣ! Въ батрачки на огородъ

поступила, такъ вѣдь не въ крѣпостные къ хозяину закабалилась!

— Однако, деньги-то три рубля впередъ взяла, леденцы грызла, чай съ хозяиномъ пила. За что онъ ей три рубля впередъ далъ и угощаль? Неужто за дарма? Какъ-же, дожидайся! Таковскій онъ. А деньги взяла, стало быть и потрафляй хозяину,—стояли на своемъ новолодожскія бабы.

Вскорѣ чай отпили и рабочіе стали уходить изъ избы къ парникамъ. Уходя, мужики дали Аринѣ свои грязныя рубахи и подвертки въ постирушку и просили ихъ приготовить къ завтрашней банѣ.

По уходѣ рабочихъ, Арина снова поставила самоваръ, нагрѣла воды, вылила ее въ корыто и принялась стирать рубахи работниковъ, все еще боязливо посматривая на дверь въ ожиданіи прихода хозяина.

Ардальонъ Сергѣевъ вернулся въ избу только подѣ вечеръ. Начинало уже смеркаться. Арина, полоскавшая уже начисто въ томъ-же корытѣ рубахи, пригнулась къ корыту и старалась не смотрѣть на хозяина. Онъ былъ мраченъ, сѣлъ на лавку и, закуривъ трубку, сказалъ Аринѣ:

— Все еще съ рубахами копаешься! Эка фря лѣнивая! Ну, братъ, такъ на мѣстѣ не много послужишь. Здѣсь въ людяхъ жить, такъ надо работать, а не почесываться. Протопи печь-то скорѣй, да разогрѣй щи. Вѣдь рабочіе покончатъ на огородѣ, такъ придутъ ужинать

Арина засуетилась, вылила воду изъ корыта, развѣсила выполосканныя рубахи на веревкѣ около печи и принялась топить печь.

— Чего-ты дровъ-то валишь зря, толстопятая! Вѣдь тутъ не варить, а разогрѣвать хлебово надо. Топи кочерыжками. Для этого и кочерыжекъ прошлогоднихъ надергали! крикнулъ хозяинъ на Арину.

— Да сыры онѣ, кочерыжки-то, не горять... робко пробовала оправдаться Арина.—Я давеча утромъ пробовала ихъ жечь, но онѣ не высохли еще.

— Не высохли! У васъ все не высохли. Постараться лѣнь. Не жалѣете хозяйскаго добра, черти окаянныя! Здѣсь вѣдь дрова-то не въ Боровичскомъ уѣздѣ, здѣсь они четыре съ полтиной за сажень. Сажень-то дороже тебя самой.

Вообще, обращеніе хозяина съ Ариной рѣзко измѣнилось. Рѣчи были уже совсѣмъ не тѣ. Впрочемъ, Арину это радовало. Она уже смѣлѣе пробѣжала мимо него на огородъ за кочерыжками, вернулась оттуда съ цѣлой охапкой и стала ихъ валить въ печь. Кочерыжки, однако, только шипѣли. Хозяинъ сидѣлъ и смотрѣлъ въ печь.

— Прикрой печку-то заслонкой... Сдѣлай поддувальце—вотъ и разгорится тогда настоящимъ образомъ, проговорилъ онъ и прибавилъ:—эхъ, руки-то что крюки неумѣлыя! Мало должно быть тебя родители за косу таскали. Даже поддувало сдѣлать не умѣешь. Загороди топку-то всю заслонкой, да щель и оставь—вотъ тебѣ и поддувало будетъ. Вотъ уродина-то! Ничего не понимаетъ.

Ардальонъ Сергѣевъ вырвалъ изъ рукъ Арины желѣзную заслонку и приладилъ ее къ печкѣ, но сырыя кочерыжки горѣли плохо.

— Нѣтъ, въ людяхъ такъ жить нельзя. Не того

ты фасону, продолжалъ онъ.—За такой фасонъ откуда угодно по шеямъ прогонять, даже и не въ безработицу. А я еще тебя, толстопятую, леденцами баловалъ, три рубля далъ. За что, спрашивается, я тебѣ три рубля далъ, коли ты ни на какую работу не годна? Даже печи истопить настоящимъ манеромъ не умѣешь. Нѣтъ, не лафа такъ... Давай три рубля обратно — вотъ что... Не желаю я лѣнтяйкамъ потакать.

Арина вздохнула и отвѣтила.

— Что-жъ, возьмите, хозяинъ.

— И возьму! Зачѣмъ-же задарма давать! Почему я знаю, можетъ быть завтра-же тебя, неумѣлую дуру, придется по шеямъ съ огорода спровадить, проговорилъ Ардальонъ Сергѣевъ.

Арина сняла съ шеи бумажный платокъ, развязала узелокъ, сдѣланный въ кончикѣ платка, вынула оттуда трехрублевую бумажку и положила ее передъ хозяиномъ на столъ. Хозяинъ досталъ изъ-за голенища бумажникъ изъ синей сахарной бумаги и спряталъ туда трехрублевку.

— Кабы ты для насъ, были-бы и мы для васъ.. злобно подмигнулъ онъ Аринѣ.—Я вотъ и паспортъ твой взялъ изъ прописки. Посмотрю завтрашній денекъ, какова ты въ работѣ на огородѣ будешь, а не ладна—такъ и съ Богомъ по морозцу. Намъ бѣлоручекъ не требуется. Да хорошо еще, что паспортъ-то отдали обратно, а то пропиши тебя на свои деньги, внеси рубль больничный да и корми даромъ, пока рубль тридцать копѣекъ заживешь.

Помолчавъ съ минуту, онъ спросилъ:

— Леденцы-то всѣ сожрала, что я тебѣ давеча далъ?

— Да вѣдь и сами-же вы давеча чай съ ними пили. Нѣтъ у меня больше леденцовъ.

— Вишь, утроба! Прорва...

— Чего-жъ вы, хозяинъ, лаятесь? Вѣдь сами-же вы дали.

— Глупъ былъ. Думалъ, что ты дѣвка понимающая. Да и вообще глупъ. Ну, кто объ эту пору, когда еще гряды копать рано, столько бабъ и дѣвокъ на огородъ нанимаетъ?!

— Воля ваша.

— Конечно, моя. А ошибка сдѣлана, такъ поправка нужна. Сгонять надо лишнихъ.

Ардальонъ Сергѣевъ подождалъ и черезъ минуту произнесъ:

— Ты вотъ что... Ты мнѣ больше не нужна. Сегодня отработаешь, переночуешь здѣсь, а завтра иди съ Богомъ. Пятіалтынный за день тебѣ расчету, паспортъ въ зубы и — маршъ.

Услышавъ эти слова, Арина не выдержала и заплакала.

— Ставь котель-то въ печь, ставь. Печь ужъ вы топилась. Нечего тутъ ревѣть! Наревѣться-то и завтра на свободѣ успѣешь, прибавилъ Ардальонъ Сергѣевъ и, взявъ картузь, вышелъ изъ избы.

Когда работа на огородѣ покончилась и рабочіе пришли ужинать, Арина сейчасъ-же объявила Акулинѣ, что ей, Аринѣ, хозяинъ отказалъ отъ работы. Акулина даже измѣнилась въ лицѣ.

— Ну, не подлець-ли человекъ! воскликнула она. — Не захотѣла дѣвушка быть къ нему склонна, такъ онъ и вонъ гнать. Тогда и я съ тобой вмѣстѣ уйду.

Не хочу я тебя оставить. Ну, какъ ты, молоденькая дѣвушка будешь одна? Ну, куда ты пойдешь? Какъ одна будешь искать работу? Нѣтъ, я съ тобой... Я тебя одну не оставлю. Будемъ вмѣстѣ искать мѣстовъ, по другимъ огородамъ пойдѣмъ и поспросимъ.. Нельзя тебя оставить. Я и твоимъ отцу съ матерью сказала, что не оставлю тебя и буду за тобой смотрѣть.

Когда къ ужину явился въ избу хозяинъ, Акулина объявила ему, чтобы онъ и ее уволилъ и выдалъ ей паспортъ.

— Ну, вотъ... Съ какой-же стати я твой паспортъ въ прописку отдалъ! Ахъ, вѣдьма, вѣдьма! Вотъ черти-то! Спервоначалу нанимаются, а потомъ пятятся. Ну, какъ ужъ и рублевую больничную марку налѣпили на паспортъ? Тогда какъ хочешь, тогда я тебя ни за что не отпущу, пока рубля тридцати копѣекъ ты не заживешь. Ладно, я завтра утречкомъ схожу въ участокъ и узнаю, можно-ли паспортъ безъ прописки взять,—закончилъ онъ и сталъ молиться въ уголъ на икону, приготавлиаясь ужинать.

ХП.

РАБОЧІЕ, отужинавъ, по обыкновенію, начали укладываться спать кто подъ лавку, кто на лавку, подкладывая подъ головы мѣшки или котомки съ своимъ не мудрымъ имуществомъ, но четыре боровичскія женщины вышли изъ избы на огородъ потолковать объ Аринѣ и Акулинѣ.

— Чего ты-то, дура, уходишь съ огорода?! Тебя, вѣдь, хозяйнѣ не отказывалъ, говорили двѣ землячки Акулинѣ.

— Не могу я, милыя, Арину одну оставить, — отвѣчала Акулина.—Какъ я ее одну по Питеру пущу слоняться, мѣсто искать, коли я выбожилась и выклялась ейнымъ отцу съ матерью, что до тѣхъ поръ при ней буду, пока ее на мѣсто не предоставлю. Да и что за радость здѣсь за пятіалтынный служить! Авось, найдемъ что-нибудь получше. А найдемъ получше, такъ, можетъ быть, и васъ переманимъ отсюда, можетъ быть и вамъ что-нибудь хорошее найдемъ. Вѣдь хлѣба ищутъ, матери мои, хлѣбъ хорошій такъ, зря, не дается. Вѣдь мы, какъ пришли въ Питерь, то только на три огорода и сунулись, на двухъ намъ отказали, а на третьемъ мы и остались. Поищемъ еще гдѣ нибудь. Вы оставайтесь покуда, заживайте прописку паспорта и больничныя, вамъ нѣтъ расчета уходить, а мы побродимъ.

— Да конечно-же поживемъ, согласились двѣ другія женщины.—При мѣстѣ-ли или безъ мѣста! Здѣсь все-таки харчи и пятіалтынный въ день, а бродить по городу, такъ вѣдь проѣдаться надо. Вотъ заживемъ прописку и больничныя, тогда другое дѣло.

Порѣшивъ такимъ образомъ, землячки отправились въ избу укладываться спать. Аринѣ слѣдовало еще до сна убраться съ посудой, ополоскать чашки, ложки и котель. Лишь только онѣ вошли въ избу, какъ Ардальонъ Сергѣевъ, лежавшій уже на койкѣ за перегородкой, слыша ихъ шаги, крикнулъ Аринѣ:

— А ты что-жъ это, красавица толстоногая, посуду зря бросила! Или ужъ хозяинъ протуришь съ мѣста, такъ хочешь сложа руки сидѣть? Протуришь съ завтрага, а сегодня-то ты все-таки служишь, поденную плату получаешь, хозяйскіе харчи до отвалу ѣла.

— Уберу, уберу, хозяинъ, отвѣчала Арина.—Будь покоенъ.

— Ну, то-то. Барышню изъ себя не разыгрывай.

— Не безпокойся, хозяинъ. Я ей помогу и вдвоемъ живо все уберемъ, сказала Акулина.

— Уберемъ!.. Раньше слѣдовало убрать, а ужъ потомъ идти на огородъ языкъ чесать, продолжалъ Ардальонъ Сергѣевъ.—Вѣдь керосинъ-то въ лампѣ горитъ да ее ждетъ, пока она уберется. Керосинъ денегъ стоитъ. Зачѣмъ ему зря горѣть!

Арина и Акулина начали гремятъ посудой, прибирая ее, смели со стола крошки и вынесли ихъ за двери, припрятали оставшіеся объѣдки хлѣба. Когда кончили уборку, вся изба уже спала, не исключая и хозяина, всхрапывающаго за перегородкой. Только работникъ Спиридонъ сидѣлъ у стола, позѣвывая, и при свѣтѣ жестяной лампочки читалъ десяти-копѣечные святцы московскаго издѣлія.

— Любопытная книжка, сказалъ онъ Акулинѣ и Аринѣ, когда онѣ покончили съ уборкой, и хлопнулъ рукой по книжкѣ.—Всѣ имена здѣсь обозначены, какъ есть всѣ. Также показано, на какой день тепло, на какой холодъ, когда дождь, снѣгъ

или вѣтеръ. И какъ явственно. Вотъ на сегодня сказано, что утренникъ—утренникъ и былъ. Вамъ огонь гасить и спать укладываться, что-ли?—спросилъ онъ.—Постой, я въ мѣшокъ книжку уберу, потому зря валяться ей не слѣдъ, книжка правильная.

Онъ вынулъ изъ подъ лавки свой мѣшокъ, сунуль туда книжку и сталъ укладываться на полу около стола.

— Тушить, что-ли? спросилъ Спиридонъ.

— Туши, отвѣчала Акулина.

Лампа погасла и вся изба погрузилась въ сонъ.

На утро, когда встали рабочіе, за стряпушество принялась уже одна изъ новолодожскихъ бабъ, назначенная Ардальономъ Сергѣевымъ въ стряпки съ вечера. Она и воду таскала, и дрова принесла для печи, оханку кочерыжекъ притащила и начала громыхать желѣзной трубой, ставя самоваръ. Рабочіе принялись пить чай, но ужъ Арина и Акулина не присоединялись къ нимъ. Съ сегодня онѣ уже не состояли въ числѣ рабочихъ огорода, стало быть не могли пользоваться и хозяйскими харчами. У Акулины осталась еще въ котомкѣ горбушка черствого хлѣба, купленного въ дорогѣ. Она подѣлилась имъ съ Ариной; въ двоимъ онѣ вышли изъ избы, подошли къ колодцу и здѣсь, около колодца, принялись ѣсть хлѣбъ, размачивая его въ водѣ и запивая водой, черпая ее изъ ведра ковшомъ, который захватили изъ кадки, стоявшей около крыльца избы.

— Какъ-бы хозяинъ не заругался за ковшъ-то, замѣтила Арина.

— Ну, вотъ... Не лютый звѣрь. Да и что ковшу сдѣлается?! отвѣчала Акулина.

Позавтракавъ, Арина и Акулина пошли просить у хозяина расчетъ и паспорта, дабы идти странствовать по Петербургу для поисковъ мѣстовъ. Рабочихъ уже не было въ избѣ. Они работали на огородѣ. Хозяинъ одинъ сидѣлъ за самоваромъ, курилъ трубку и приказывалъ стряпухѣ. Арина и Акулина, войдя въ избу, остановились у дверей и низко поклонились хозяину. Хозяинъ сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ ихъ, и продолжалъ разговаривать со стряпухой. Акулина поклонилась еще разъ и проговорила:

— За паспортами, милостивецъ. Расчитай насъ, выдай паспорта и отпусти.

— Дѣвкѣ могу отдать паспортъ, а что до тебя, то про это старуха еще на двое сказала, отвѣчалъ Ардальонъ Сергѣевъ.—Твой паспортъ въ участкѣ и можетъ статья уже прописанъ и на него больничная марка налѣплена. Коли ежели что, то я тебѣ паспорта не отдамъ, пока не заработаешь рубля съ двумя пятіалтынными.

— Да какъ-же это такъ, голубчикъ?..

— Очень просто. Чего-жъ ты въ батрачки лѣзла!. Я паспортъ въ прописку отдалъ. Можетъ быть, мнѣ его теперь изъ участка и не выдадутъ. Погоди до десяти часовъ. Я схожу въ участокъ и справлюсь. Не прописанъ, такъ какой мнѣ расчетъ тебя держать?! Вашей голодной шкуры нонѣ въ Питерѣ не оберешься. Изъ однихъ харчей будутъ работать.

— Господи Исусе, какъ-же это такъ...

— Нечего было рядиться на мѣсто, коли ты та-

кая сума переметная. Тебя по шеямъ не гнали. Я только бѣлоручку, маменькину дочку согналъ.

— Да не могу-же я, милый человѣкъ, дѣвушку оставить, ежели она мнѣ отъ родителей препоручена.

— Да отпущу я тебя, ежели не прописанный паспортъ изъ участка отдадутъ. Вчера вонъ Аришкинъ выручилъ.

— А ежели мой прописанъ?

— Фу, ты пропасть! Вотъ непонятливая-то! А прописанъ, такъ отдавай мнѣ рубль съ тремя гривенниками за прописку и больничныя.

— Да откуда-же у меня такія деньги, коли изъ голоднаго мѣста мы пришли?

— Ну, заживай у меня эти деньги—вотъ тебѣ и весь сказъ. Эй, Арина! На, получай твой паспортъ и расчетъ... обратился хозяинъ къ Аринѣ и подаль ей паспортъ и три мѣдныхъ пятика заработной платы.

Акулина совсѣмъ растерялась. Выйдя изъ избы, она въ ожиданіи, пока хозяинъ сходить въ участокъ за паспортомъ и рѣшить ея участь, бродила по огороду, уныло опустя руки.

— Ежели хозяинъ меня не отпуститъ, то проеись тогда у него изъ-за однихъ харчей при мнѣ остаться, говорила она Аринѣ.—Вѣдь онъ теперь поворотилъ отъ тебя оглобли, приставать не будетъ. Ну, куда ты одна по Питеру бродить пойдешь? Дѣвушка молодая, глупая, не смышленная, ничего ты не знаешь!..

— Охъ, Акулинушка, тяжко!

— На заработкахъ, мать моя, никогда сладко не

бываетъ. Надо ко всему притернѣться, отвѣчала Акулина.

Побродивъ по огороду, онѣ отправились къ парникамъ, гдѣ работали женщины.

XIII.

ХОДИТЕ? участливо спрашивали бабы Акулину и Арину.

— Уходимъ, да вотъ не знаю, какъ хозяинъ паспортъ мнѣ выдастъ, отвѣчала Акулина.— Прощайте, сударки, не поминайте лихомъ.

— Вы знаете-ли куда идти-то надо? вмѣшалась одна изъ новолодожскихъ бывалыхъ бабъ.— Вы ступайте къ Никольскому рынку. Тамъ наймы бываютъ. Туда хозяева сходятся, которымъ ежели рабочіе требуются. Тамъ и цѣна на мужика и бабу ставится. Ежели цѣны-то на бабу поднялись выше пяталиннаго на хозяйскихъ харчахъ, то и насъ увѣдомьте, а то вѣдь нашъ хозяинъ намъ не скажетъ, будь баба хоть по три гривенника.

— Да ужъ знамо дѣло, увѣдомимъ.

— Такъ вотъ на Никольскій рынокъ... Пospрошаете гдѣ Никольскій рынокъ и пройдете. Это далече отъ нашего огорода, ну, да языкъ до Кіева доведетъ.

— Сначала-то, умница, мы думаемъ всетаки по огородамъ походить. Вѣдь тутъ по близости огорода есть.

— Да, да, походите, подхватила другая новолодожская баба.— На Никольскій-то успѣете, Никольскій отъ васъ не уйдетъ. Вѣдь тебѣ нужно такъ,

чтобы съ Ариной вмѣстѣ къ одному хозяину поступить, а на Никольскомъ нонѣ наймы въ разбродѣ.

— Да, да, умница, не оставлю я покуда Аришу. Надо, чтобъ она со мной вмѣстѣ недѣльки двѣ пожила, пока къ Питеру малость попривыкнетъ.

Часовъ въ десять утра явился изъ участка Ардальонъ Сергѣевъ.

— Возьми и подавись своимъ паспортомъ, сказаль онъ, подавая Акулинѣ паспортъ.—Только паспортъ твой прописанъ, хоть и безъ больничной марки. Прописали, что ты проѣздомъ... Только поденнаго пятналтыннаго, что у тебя за мной есть, ты уже не получишь. Онъ у меня за прописку останется.

Акулина опѣшила.

— Да какъ-же это такъ, милостивецъ?—проговорила она.—На что-же я сегодня жевать-то буду? Вѣдь у меня денегъ-то отъ дороги всего только шесть копѣекъ осталось.

— А ужъ это твое дѣло. У меня даже правило, чтобы за прописку паспорта три гривенника съ души взыскивать. Ну, да ужъ Богъ съ тобой—иди на всѣ четыре стороны, пускай мы будемъ при убыткѣ.

Разговаривать больше ужъ не приходилось. Акулина печально покачала головой и отправилась въ избу надѣвать котомку, чтобы тронуться въ путь. Арина послѣдовала за ней.

— Что жъ за хлѣбъ-то за соль хозяина не благодарите? Неотесы! крикнулъ имъ въ слѣдъ Ардальонъ Сергѣевъ.

Акулина и Арина обернулись и отвѣтили на слова хозяина низкимъ поклономъ.

— Благодаримъ покорно за хлѣбъ, за соль, господинъ хозяинъ, сказала Арина.

Акулина сказала тоже самое и прибавила:

— Не поминай лихомъ, Ардальонъ Сергѣичъ. Прощайте, землячки, прощайте, товарки! Прощайте, мужички! крикнула она рабочимъ на огородѣ.

— Прощайте! Счастливо! Съ Богомъ! привѣтствовали тѣ отъ парниковъ Акулину и Арину.

Надѣвъ душегрѣи, привязавъ на спины котомки, Акулина и Арина вышли изъ воротъ огорода на улицу и остановились въ нерѣшимости, куда имъ идти, направо или налево. Улица или, лучше сказать, переулокъ, на который выходилъ огородъ, былъ хоть и замощенный, но пустынный, ибо находился на окраинѣ города. Кой-гдѣ только виднѣлись ветхія деревянныя строенія.

— Куда идти? задала Акулина вопросъ Аринѣ.— Вотъ мы и не спросили у новолодожской-то бабы: на Никольскій рынокъ направо или налево?

— Да вѣдь мы порѣшили, Акулинушка, прежде по огородамъ походить.

— И по огородамъ, милая, тоже надо знать направо или налево. Вѣдь вотъ третьяго дня мы тутъ гдѣ-то по близости были на огородѣ.

— Да пойдѣмъ направо на счастье. Вонъ тамъ у воротъ дома мужикъ стоитъ, у него и спросимъ.

— Постой... Прежде надо помолиться, сказала Акулина, увидавъ въ дали блестящій крестъ какой-то церкви.

И Акулина, и Арина начали набожно креститься на церковь. Покрестившись, онѣ отправились напра-

во. У покосившихся воротъ ветхаго дома дѣйстви-
тельно стоялъ мужикъ въ полосатой шерстяной фу-
файкѣ и курилъ самодѣльную папироску, сверну-
тую изъ газетной бумаги. Акулина поклонилась ему
и спросила:

— Голубчикъ! Гдѣ тутъ огороды есть по бли-
зости, окромѣ Ардальона Сергѣева огорода?

Мужикъ, затянувшись папироской, сплюнулъ
длинной слюной и отвѣчалъ:

— Да тутъ повсюду огороды, а только еще не вез-
дѣ работаютъ, потому рано еще. Вамъ наниматься,
что-ли?

— Вотъ, вотъ... Работки ищемъ. День проработали
вонъ на томъ огородѣ у Ардальона Сергѣева, да не
поладили малость, такъ ушли.

— Знаю Ардальона Сергѣева. Пятый годъ онъ
этотъ огородъ снимаетъ. Мужикъ основательный. Мы
съ нимъ въ одинъ и тотъ-же трактиръ чай пить
ходимъ.

— Да что-жъ подѣлаешь, коли не поладили!

— Нонѣ съ хозяевами вообще ладить надо. Зара-
ботка-то поискать, да поискать. Вы ступайте все
прямо и поверните па-право въ другой переулокъ.
Тамъ тоже есть огородъ и навозъ ужъ возять. Такъ,
вотъ и толкнитесь туда.

— Спасибо, голубчикъ, спасибо тебѣ.

Арина и Акулина поплелись по указанному на-
правленію. Вотъ и ворота на огородъ, распахнутыя нас-
тежъ съ приставшимъ къ столбамъ ихъ соломыстымъ
навозомъ. Въ воротахъ виднѣлись вдали три воза
и три мужика, сбрасывающіе съ возовъ навозъ. Ари-

на и Акулина потоптались около воротъ и вошли въ нихъ, направляясь къ мужикамъ. Мужики завидя ихъ, еще издали крикнули:

— Чего вамъ, тетки?

— А работки ищемъ, голубчики, по огородамъ. Понаняться-бы намъ... въ свою очередь крикнула имъ въ отвѣтъ Акулина.

— У насъ наймы только послѣ Пасхи, а теперь пока еще не работаютъ. Послѣ Пасхи приходите. Теперь наймы по огородамъ только у тѣхъ, кто парниковое дѣло водить.

— Да вѣдь вонъ и у васъ парнички есть.

— Велики-ли эти парники! Тутъ только подъ капустную расаду. Насъ трое работниковъ есть для возки навоза—вотъ мы за парниками и присматриваемъ. А огурцового и салатнаго дѣла у насъ нѣтъ въ парникахъ. У насъ только грядное дѣло.

— А гдѣ-жь тутъ парниковое дѣло?

— А вотъ тутъ за угломъ налѣво, у Ардальона Сергѣева.

— Да у Ардальона Сергѣева мы были и не поладили.

— Ну такъ долго придется искать. У Кокоркина были?

— Нѣтъ. А это гдѣ?

— А вотъ какъ изъ нашихъ воротъ выйдешь, такъ возьми налѣво, пройдеши переулокъ и будетъ большая улица, такъ сверни въ эту улицу налѣво и тутъ желтый заборъ будетъ. Вы каковскія будете? Изъ какихъ мѣстъ?—спросилъ другой мужикъ, опираясь на вилы.

— Боровичскія, отвѣчала Акулина.

— Не думаю, чтобы Кокоркинъ взялъ боровичскихъ. Онъ гдовскихъ обожаетъ. Я у него работалъ лѣтось. Говорить, что гдовская баба крѣпче и работящѣе.

— Господи Иисусе! Да ужъ баба все баба. Конечно съ лошадей не вынесеть, а ужъ мы постарались-бы ему.

— Поди вотъ, поговори съ нимъ. Мужикъ правный. Обожаетъ гдовскую бабу и шабашъ. Впрочемъ, толкнитесь къ нему. Лѣтось у него и три лугскія бабенки работали. Кокоркинъ, Иванъ Семеновъ Кокоркинъ. Желтый заборъ.

— Спасибо тебѣ, голубчикъ, спасибо. Пойдемъ и толкнемся. Надо искать работы. Безъ работы да безъ денегъ въ Питерѣ жить нельзя, а мы въ дорогѣ страсть какъ проѣлисъ.

Акулина и Арина поклонились мужикамъ и стали уходить съ огорода.

Акулина шла и твердила:

— Кокоркинъ, Кокоркинъ, Иванъ Семеновъ. Какъ-бы не забыть.

XIV.

АКУЛИНА и Арина шли по указанному пути. Было уже около одиннадцати часовъ утра. Рабочему человѣку, встающему въ пять часовъ утра, въ эту пору всегда хочется ѣсть, такъ было и съ Акулиной и Ариной. Маленькая горбушка черстваго чернаго хлѣба, которую онѣ

съѣли, вставъ отъ сна, не могла считаться настоящимъ завтракомъ и потому, естественное дѣло, что имъ очень захотѣлось ѣсть. Вопросъ о ѣдѣ всегда соединяется съ вопросомъ о деньгахъ, и Акулина рѣшила сообразить, сколько у нихъ есть денегъ.

— Вѣдь вотъ надо будетъ пообѣдать, а капиталовъ-то у насъ не завалило, сказала она Аринѣ.— У меня всего шесть копѣекъ; какъ хочешь, такъ и расправляйся. У тебя, Ариша, сколько денегъ-то съ тѣмъ пятнадцатиннымъ, что тебѣ хозяинъ далъ?

— Тридцать семь копѣекъ, отвѣчала Арина.

— Ну, вотъ видишь. Надо порасчитать, да и порасчитать. Здѣсь въ Питерѣ хлѣбъ-то двѣ съ половиной копѣйки. Не найдемъ работы сегодня, такъ нужно, чтобы и на ужинъ и на ночлегъ хватило. Охъ, Мать Пресвятая Богородица, какъ трудно въ Питерѣ! Ежели, къ примѣру, на обѣдъ мы возьмемъ себѣ по два фунта хлѣба—то вотъ ужъ два пятака вонъ... начала расчитывать Акулина.—А у насъ у обѣихъ сорокъ три копѣйки... Ежели теперича гривенникъ вычестъ на обѣдъ, да потомъ на ужинъ...

Арина молчала.

Свернули въ большую улицу и показался желтый заборъ, виднѣлись распахнутыя ворота.

— Вотъ онъ желтый-то заборъ, Акулинушка, вотъ тотъ огородъ, о которомъ намъ сказывали, заговорила Арина.

— Да, да, да... отвѣчала Акулина.—Надо сворачивать въ ворота.

Онѣ вошли на огородъ. На огородѣ было топеко.

Очевидно, тутъ зимой была свалка снѣга. И по сейчасъ еще кой-гдѣ виднѣлись темныя груды навозной земли и въ ней бѣлѣлись комья снѣга. Къ раздѣлкѣ огорода еще и не приступали. Изъ прошлогоднихъ грядъ торчали черныя капустныя кочерыжки. Впрочемъ, вдали виднѣлись парники, около нихъ сложенные груды соломистаго навоза и бродили два мужика и нѣсколько бабъ. Одинъ мужикъ былъ въ полосатой фуфайкѣ, другой въ синемъ суконномъ кафтанѣ на распашку и полы кафтана держалъ перекинутыми черезъ лѣвую руку. Яркимъ пятномъ краснѣла кумачевая рубаха, выпущенная изъ подъ жилетки. Мужикъ въ кафтанѣ, завидя Акулину и Арину, тотчасъ же приложилъ къ козырьку правую ладонь зонтикомъ и сталъ смотрѣть на нихъ.

— Вамъ кого?—крикнулъ онъ наконецъ.

— Кокоркина, Ивана Семеныча, милостивецъ,— сказала Акулина.—Насъ къ нему послали.

— Я Кокоркинъ. Вы наниматься, что-ли?

— Наниматься, наниматься, голубчикъ. Приѣхали вотъ изъ деревни...

— Рано приѣхали на огородную работу. На огородную работу надо послѣ Пасхи приѣзжать. Вы изъ какихъ мѣстъ будете?

— Боровичскія.

Кокоркинъ помолчалъ, покрутилъ головой и сказалъ:

— Изъ Боровичскаго уѣзда—баба не важнецъ. Я только гдовскихъ бабъ къ себѣ беру.

— Возьми и насъ, голубчикъ. Стараться будемъ,—
поклонилась Акулина.

— Возьми!.. Своихъ гдовскихъ у меня послѣ
Паски ступа не протолченная изнаѣдетъ. Борович-
скую бабу я вообще не люблю.

— Заслужимъ, кормилецъ.

— Работы на огородѣ теперь самая малость.
Какъ тутъ брать-то? Я и гдовскимъ отказывалъ.
Положимъ, у меня теперь бабы только изъ харчей
работаютъ, которыя ежель...

Хозяинъ замолчалъ. Молчали и Акулина съ
Ариной.

— У Ардальона Сергѣева вонъ по пятнадцатин-
ному работаютъ,—сказала наконецъ Акулина.

— А нешто ужъ были тамъ?—спросилъ Кожор-
кинъ.

— Проработали день у него, да началъ вотъ
онъ къ дѣвушкѣ приставать, такъ мы и ушли. Хо-
зяинъ-то есть... Вотъ къ ней...

Акулина кивнула на Арину.

— На это его взять. Онъ таковскій. Онъ моло-
дую дѣвку не пропуститъ. Отъ него рѣдкая дѣвка
или баба увернется. Ну, а вотъ я съ женой живу. У
меня своя законница на каменномъ фундаментѣ изъ
деревни привезена. Она и хозяйство водить. У меня
огородъ большой. Лѣтомъ бабья артель до пятиде-
сяти штукъ доходить.

— Къ тебѣ-то насъ и послали. Положи на пер-
выхъ порахъ по двугривенному и оставь насъ при
себѣ, кланялась Акулина.

— Какъ? По двугривенному?! воскликнулъ Ко-

коркинъ.—Да ты хлебала-ли щи-то сегодня? По двугривенному...

— По пятіалтынному мы, Истинный Христосъ, у Ардальона Сергѣева нанявшись были.

— Ардальонъ Сергѣевъ мнѣ не указъ. У него свои порядки, у меня—свои. Вообще я съ гдовской бабой дѣла дѣлаю, ну, а ежели хотите оставаться, то оставайтесь до Фомина воскресенья изъ харчей, а съ Фомина воскресенья, которая ежели будетъ старательная да работающая, я по шести рублей въ мѣсяць положу. У меня работа до Покрова. Даже и послѣ Покрова все еще капусту прибираемъ. Вонъ у меня подвалы-то понастроены... И по сейчасъ еще въ нихъ прошлогодняя капуста висить. Такъ вотъ... До Фомина воскресенья изъ харчей, а тамъ ряда будетъ. Ну, по субботамъ на баню давать буду. Къ Пасхѣ двугривенничкомъ порадую. Хотите, что-ли, изъ харчей-то? Тогда оставайтесь.

— Да какъ-же это такъ только изъ харчей, милостивецъ? недоумѣвала Акулина.

— Очень просто. Работы теперъ мало. Грады начнемъ копать только съ Фомина понедѣльника, а теперъ работа только около парниковъ, отвѣчалъ Кокоркинъ.

— Положь по пятіалтынному, благодѣтель.

— Нельзя, тетка. По пятіалтынному я теперъ только своимъ гдовскимъ даю, говорю прямо, а постороннюю бабу я принимаю покуда изъ харчей, чтобы приглядѣться къ ней, какова она въ работѣ, и потомъ выбрать. Которую ежели отберу, то у меня съ Фомина воскресенья шесть рублей ей въ мѣсяць,

какъ по писанному. На Троицынъ день платкомъ дарю. А поденной бабы у меня лѣтомъ нѣтъ. Развѣ въ засуху когда — для поливки принимаю. Ну, что-жь, думайте...

Акулина переглянулась съ Ариной и сказала:

— Не расчетъ изъ однихъ харчей оставаться.

— Ну, какъ знаете. Скатертью дорога отъ нашего огорода. Главная статья, что мнѣ баба-то не особенно нужна.

Кокоркинъ кивнулъ въ знакъ прощанья. Акулина и Арина стали уходить съ огорода. Минуту погодя Кокоркинъ крикнулъ имъ вслѣдъ:

— Хлѣба - то вѣдь теперь по огородамъ наищитесь!

— Въ другую какую-нибудь работу пойдемъ, отвѣчала Акулина, обернувшись.

— И другой бабьей работы повсюду умаленіе. Вотъ послѣ Пасхи—другой разговоръ.

Акулина и Арина направлялись къ воротамъ. Кокоркинъ еще разъ крикнулъ имъ вслѣдъ:

— Слоновъ-то по Питеру поводите, да какъ брюхо съ голодухи подводить начнетъ, то приходите ко мнѣ. Изъ харчей я приму. Все-таки харчи и квартира. А тамъ послѣ Пасхи и жалованье. Слышите?

— Слышимъ, слышимъ, голубчикъ. Спасибо тебѣ, проговорила Акулина, на этотъ разъ уже не оборачиваясь.

Арина и Акулина вышли на улицу, посмотрѣли другъ другу въ глаза и остановились въ раздумьи.

И, дѣвушка, какъ плохо на счетъ заработковъ-то! печально сказала Акулина Аринѣ. — Чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Еще у Ардальона-то Сергѣева былъ, стало быть, рай.

Арина хоть и видѣла неудачу, но бодрилась.

— Надо, Акулинушка, къ Никольскому рынку идти. Всѣ говорили, что къ Никольскому рынку. Вѣдь новолодожскія-то бабы знаютъ. Онѣ бывалыя, отвѣчала она. — Надо поспросать, гдѣ этотъ Никольскій рынокъ, да и идти туда.

— А вдругъ какъ и на Никольскомъ рынокѣ ничего? Что тогда?

— Ну, вотъ... Въ Питерѣ работы много. Да, можетъ быть, по дорогѣ и еще огородъ попадетъ, такъ тамъ наймутъ. Вонъ на углу солдатъ стоитъ. Пойдемъ и спросимъ его—нѣтъ-ли тутъ еще огорода?

На углу улицы стоялъ городской. Акулина и Арина подошли къ нему.

— Миленькій! землячекъ! Не укажешь-ли намъ огородъ, гдѣ женскаго полу въ работу требуется? начала Акулина.

— Вамъ въ полольщицы, что-ли? спросилъ городской.

— Да, въ полольщицы. Да и вообще на всякую работу. Деревенскія мы. Работы ищемъ.

Городовой сталъ указывать на тѣ огороды, на которыхъ женщины уже побывали.

— Были мы туточка, землячекъ, были, да все не ладно. Нѣтъ-ли еще гдѣ огороковь? задала вопросъ Акулина.

— Какъ не быть. Есть. Надо будетъ вамъ только на большую дорогу, на шоссе выдти и дальше идти. Тамъ ягодные огороды пойдутъ.

— А къ Никольскому рынку отъ тѣхъ огородовъ далеко?

— Никольскій рынокъ совсѣмъ въ другой сторонѣ. Никольскій рынокъ въ городѣ, а ежели вы на ягодные огороды пойдете, то выйдете за городъ.

— За городъ?

— Да, за городъ.

— А куда лучше-то идти для найма: на Никольскій рынокъ или на ягодные огороды?

— Никольскій рынокъ будетъ отсюда далече, а ягодные огороды—версты двѣ пройдете, такъ тутъ они и будутъ. Толкнитесь прежде на ягодные огороды.

Городовой указаль путь. Акулина и Арина отправились къ ягоднымъ огородамъ, то и дѣло спрашивая у встрѣчныхъ прохожихъ, гдѣ тутъ ягодные огороды. Пришлось идти съ поль-часа. Наконецъ онѣ пришли къ одному ягодному огороду. Огородъ былъ обнесенъ крашеной рѣшеткой. Сквозь рѣшетку виднѣлись гряды съ начинавшей уже зеленѣть клубникой, но на огородѣ никого не было. Даже шалапъ, стоявшій у запертыхъ воротъ огорода, былъ заколоченъ досками.

— Поди-жь ты, какая незадача! Не работаютъ еще на ягодномъ-то огородѣ, покачала головой Акулина.—Да и мы-то, дуры, передъ Пасхой сунулись

на клубничный огородъ. Ну, какія теперь ягоды!

— Я, говорила, Акулинушка, что надо было къ этому самому Никольскому рынку идти,—отвѣчала Арина.—Пойдемъ назадъ. Спросимъ у кого-нибудь, какъ къ Никольскому рынку пройти.

— Шагай... У меня, дѣвушка, животъ подвело. Хлѣбца поѣсть надо. Вотъ даве мимо лавочки-то шли... Розыщемъ эту лавочку, купимъ себѣ хлѣбца, поѣдимъ и пойдемъ на Никольскій рынокъ.

Лавочка вскорѣ была найдена, хоть и не та, которую Акулина и Арина видѣли раньше. Она была на шоссе въ деревянномъ росписномъ домѣ. Въ окна лавочки виднѣлись чайныя чашки, разставленные на подоконникахъ, апельсины и лимоны, положенные на рюмки. Тутъ-же лежали большіе ситные бѣлые хлѣбы.

— Эхъ, ситники-то важныя!—слегка облизнулась Арина при видѣ ситныхъ хлѣбовъ.

— До ситниковъ-ли намъ, милая, теперь!—оборвала ее Акулина.—Дай Богъ и чернымъ-то хлѣбомъ зобы набить.

— Да вѣдь я, Акулинушка, только такъ... Я знаю, я понимаю. Такіе-ли наши капиталы, чтобы ситный хлѣбъ ѣсть! Быть-бы живу.

У крыльца лавочки стояли двѣ крестьянскія телѣги, изъ которыхъ торчало что-то увязанное въ рогожи. Разнузданныя лохматыя лошаденки ѣли сѣно, положенное прямо на землю. Сами владѣльцы этихъ телѣгъ—мужикъ и баба сидѣли на крыльцѣ и уписывали съ бумаги изрѣзанную на куски астраханскую селедку, заѣдая ее хлѣбомъ. Акулина и

Арина зашли въ лавку и, купивъ себѣ три фунта хлѣба, усѣлись тутъ-же на крыльцѣ и стали жадно пожирать хлѣбъ. Проѣзжіе мужикъ и баба, съѣвъ сеledку, принялись пить квасъ, который имъ вынесъ въ жестяномъ ковшѣ лавочный мальчишка. Арина соблазнилась квасомъ и спросила бабу:

— А почему здѣсь, тетенька, квасъ? Мы не здѣшнія, такъ не знаемъ.

— Да вотъ на копѣйку-то даже не полный ковшъ дали. Здѣсь все дорого, отвѣчала баба.

— Кваску-то, Акулинушка, на копѣйку все-таки купимъ, шепнула Арина Акулинѣ.

— Эка ты, дѣвка, лакомка, посмотрю я на тебя, пробормотала Акулина.—Ну, да ужъ ладно, купимъ. Вотъ только хлѣбъ дожуемъ.

Проѣзжая баба, посмотрѣвъ на Акулину и Арину, спросила ихъ, откуда онѣ, куда идутъ и, узнавъ всю подноготную, сказала:

— Трудно нонѣ въ Питерѣ насчетъ заработковъ. Да и рано вы пришли въ Питеръ насчетъ заработковъ. Надо-бы позже, такъ къ началу мая мѣсяца. Конечно, вы отъ голодухи, но все-же лучше было-бы до Еремѣя-то запрягальника промаячить.

— Намъ-бы хоть какую-нибудь работу, проговорила Арина.—Мы вотъ на Никольскій рынокъ пойдемъ, такъ зарываться не станемъ. — На огородъ, такъ на огородъ, поломойничать, такъ поломойничать, на фабрику, такъ на фабрику.

— Отъ Никольскаго рынка, милая, на фабрики не берутъ. Тамъ либо на огородъ рядять, либо въ прислуги.

— Ну, въ прислуги.

— А ты дѣлать-то что-либо по домашству умѣешь-ли? Вѣдь въ прислуги берутъ, такъ тоже спрашиваютъ, чтобъ все умѣла, что около господъ требуется.

Уѣзжая отъ лавочки, мужикъ и баба рассказали Акулинѣ и Аринѣ, какъ пройти къ Никольскому рынку. Напившись квасу, Акулина и Арина отправились въ путь. По дорогѣ имъ попались еще два-три огорода. Онѣ заходили на нихъ, но тамъ жили только хозяйка съ двумя-тремя работниками, которые и исполняли первоначальныя весеннія огородныя работы. Женщинъ-же работницъ покуда еще не требовалось.

Только часу въ четвертомъ дня пришли Акулина и Арина къ Никольскому рынку и расположились подъ навѣсомъ на скамейкѣ среди десятка бабъ и мужиковъ, также какъ и онѣ ожидающихъ найма. Акулина и Арина были сильно уставши. Сегодня имъ пришлось пробродить болѣе десяти верстъ.

XVI.

КАКЪ ТОЛЬКО Акулина съ Ариной появились подъ навѣсомъ около Никольскаго рынка, на нихъ тотчасъ-же было обращено вниманіе всѣхъ присутствовавшихъ тамъ мужчинъ и женщинъ. Всѣ начали коситься на нихъ и осматривать ихъ съ ногъ до головы.

— А бабья-то таки подваливаетъ, произнесъ ро-

слый старикъ-носильщикъ типа николаевскихъ солдатъ съ пробритымъ, начинающимъ поростать сѣдой щетиной подбородкомъ, и кивнулъ на Акулину и Арину бродячему сапожнику, чинившему ему сапогъ.

Такъ какъ одинъ сапогъ былъ у сапожника, то носильщикъ вслѣдствіе этого былъ на одну ногу босъ. Одѣтъ онъ былъ въ рваную кожаную куртку, опоясанную въ нѣсколько разъ толстою веревкой, на одномъ концѣ которой висѣлъ кожаный набитый мочалой тюфячекъ для ношенія тяжести на головѣ. Сапожникъ, постукивавшій молоткомъ по подошвѣ сапога, отвѣчалъ:

— Да, братъ, голодуха-то не свой братъ. Изъ всѣхъ щелей лѣзуть. Страсть, что этой самой бабы нынѣшнимъ лѣтомъ въ Питеръ припретъ. Вѣдь вотъ наши, тверскія, еще не тронулись, а и наши полезутъ. Вы каковскія, сестрицы, будете? спросилъ онъ Акулину и Арину.

— Боровичскія, Новгородской губерніи, милый человекъ.

— Пѣшкомъ въ Питеръ-то пришли?

— Ино пѣшкомъ, ино по желѣзной дорогѣ.

— Такъ. Порядокъ извѣстный. Многія нонѣ изъ за голодухи пѣшкомъ придутъ.

Разговоръ пресѣкъся. Находившаяся подъ навѣсомъ баба торговка, продававшая съ лотка соленую рыбу и хлѣбъ, крикнула Акулинѣ и Аринѣ:

— Трески, тресочки, умницы! Рыбки съ хлѣбцемъ позоблить не хотите-ли?

— Обѣдали ужъ, благодаримъ покорно, отвѣчала Акулина.

— А ты такъ, безъ обѣда поѣшь. Охъ, чтой-то у меня нонѣ за покупатели скупые! И десяти фунтовъ рыбы съ утра не продала.

— Продай въ долгъ безъ отдачи, такѣ куплю, а то на какіе шиши, коли вотъ я второй день безъ найма здѣсь сижу! откликнулась пожилая баба съ головой, закутанной въ сѣрый байковый платокъ.

— Плохи наймы-то, милая? спросила бабу въ платкѣ Акулина.

— Да почитай что никто не рядить, а вотъ ужъ я со вчерашняго сижу. За четыре рубля-бы, кажись, въ мѣсяцъ на своемъ горячемъ куда-нибудь въ кухарки пошла.

— Господи Иисусе! Да что-же это такъ?

— Такое время. Время теперь такое плохое для найма. Всякая прислуга передъ Пасхой на мѣстѣ крѣпится и не соскакиваетъ съ мѣста, чтобы подарокъ на праздникъ заполучить. Развѣ ужъ которую сами хозяева прогнать за пьянство. Да передъ праздникомъ-то и не пьянствуютъ, а всѣ тише воды, ниже травы.

— А непременно трафишь прислугой, а не на огородъ?

— На огородъ не могу. Тамъ пропалывать, такъ надо либо на корточкахъ сидѣть, либо на колѣнкахъ стоять, а уменя въ колѣнкахъ ломота и слабы они. Застудила я, милая, ноги себѣ, нынѣшней зимой на плоту бѣлье полоскавши. Зиму-то всю поденно по стиркамъ проходила—ну, и застудила.

— Зиму-то тутотка въ Питерѣ жила?

— Въ Питерѣ. Я ужъ съ прошлаго лѣта изъ

деревни. Тверскія мы. Вдова я, милая. Все жила въ деревнѣ, мужъ по лѣтамъ на баркахъ ходилъ, а я дома хозяйствомъ занималась, а вотъ какъ мужъ два года тому назадъ около вешняго Никола утонулъ съ барки—все хозяйство у насъ по деревнѣ прахомъ пошло. Сдала я свою дѣвочку невѣсткѣ... Дѣвочка у меня по шестому году... Сдала я дѣвочку невѣсткѣ, а сама въ Питеръ на заработки... Да плохо, очень плохо... А вѣдь вотъ придется въ концѣ мая или деньги на паспортъ въ деревню посылать или здѣсь отстрочку брать. А денегъ-то, люди говорятъ, надо три рубля, да на больничное рубль. Откуда четыре рубля взять?

Вмѣсто отвѣта Акулина только покачала головой. Черезъ минуту она спросила бабу:

— Ну, а какъ наймы на огородъ?

— Да тоже плохо. Сегодня вотъ я съ утра здѣсь сижу, ни одинъ хозяинъ не приходилъ и не спрашивалъ. Рано вѣдь еще на огородъ-то. Огородъ такъ, къ примѣру, около Николина дня.

— Спаси Господи и помилуй! ужаснулась Акулина и прибавила:—А мы вѣдь вотъ съ этой дѣвушкой на огородъ трафимъ.

— Коли ежели на городъ трафите, то надо самимъ по огородамъ походить, да поспрашивать. Нонѣ всѣ сами ходятъ. Хозяева-огородники до Николина дня сюда рѣдко заглядываютъ.

— Да ужъ ходили мы, умница, по огородамъ-то, но все не удачно.

— Работы нѣтъ? Ну, вотъ... А здѣсь еще неудачнѣе сидѣть будете. Здѣсь теперь мѣсто вотъ ка-

кое: здѣсь мѣсто стряпушье, кому ежели въ стряпки или по поломойной части, а насчетъ огорода это послѣ Пасхи.

— Ариша, слышишь? окликнула Акулина дѣвушку, которая сидѣла грустно опустья голову и задумавшись.

— Слышу, слышу, Акулинушка... отвѣчала та и прибавила, обращаясь къ бабѣ въ платкѣ:— Да намъ, милушка, покуда хоть-бы и по поломойной части работы найти. Намъ только-бы живу быть.

— По поломойной части работа наклевывается. Теперь время передпраздничное. Всѣ по квартирамъ чистятся и полы и окна моютъ. Даве утречкомъ приходили, рядили. Съ пятокъ женщинъ ушло на работу поденно, а я не могу, не могу я, милая, по полу ползать, потому у меня ноги застужены. Еще одинъ полъ понатужиться и вымыть — туда сюда, а такъ чтобы цѣлый день съ утра до вечера согнувшись по поламъ мочалкой елозить—этого не могу.

-- Ну, а какъ ряда за поломойничанье была?

— Да кто за полтину, кто за сорокъ копѣекъ ушелъ.

— Это то-есть, стало быть харчи ужъ свои?

— Само собой, свои. Развѣ хозяева чайкомъ допоятъ.

— Что-жъ, Ариша, пойдѣмъ поломойничать... опять отнеслась Акулина къ Аришѣ.

— Куда хочешь, Акулинушка. Я во всякую работу готова.

— Ну, вотъ и пойдѣмъ. Что-жъ, полтину серебра

въ день заработать это хорошо. Двугривенный на харчи, пяточокъ на ночлегъ, пяточекъ даже на чай можно, а двугривенный все-таки на рукахъ останется.

— Такъ-то оно такъ, милая, но вѣдь на одинъ день полемойничанье-то. Сегодня наймутъ, а завтра опять безъ работы останешься и должна приходиться сюда, замѣтила баба.

— А завтра опять наймутъ, на другое мѣсто наймутъ.

— Не такъ-то это легко, ангелка, дѣлается. По два да по три дня безъ найма сидятъ. А ты также разочти, что вотъ Пасха будетъ, праздники начнутся, такъ и совѣмъ здѣсь наймовъ не будетъ.

— Да, да, да...

Акулина вздохнула и снова покрутила головой.

— Нейдутъ что-то нанимать-то. Никто не идетъ прибавила она, помолчавъ.

— Кому-же идти-то объ эту пору? Объ эту пору никогда наемщиковъ не бываетъ. Вотъ ужъ развѣ что къ вечеру, чтобы съ утра заказать поденьщицѣ на работу придти. Каждый хозяинъ тоже рассчитываетъ, чтобы поденьщица у него цѣлый день отработала.

Акулина и Арина сидѣли подъ навѣсомъ уже больше часа, а наемщики все еще не являлись. Баба съ головой закутанной байковымъ платкомъ, соскучившись сидѣть, подняла ноги на лавку, легла свернувшись калачикомъ и, закрывъ глаза, стала похрапывать.

НЕНЬ клонился къ вечеру, а нанимать рабочихъ, ожидающихъ заработка, никто не приходилъ. Только носильщика наняли за двадцать копѣекъ отнести куда-то большую корзину съ посудой изъ лавки Никольскаго рынка. Подъ навѣсомъ распространилось уныніе. Это уныніе особенно было замѣтно среди женщинъ. Нѣкоторыя, впрочемъ, бодрились и утѣшали себя, что наймы происходятъ главнымъ образомъ утромъ.

— Судите сами, милыя, кто-жь пойдетъ на вечеръ глядя народъ нанимать. Утромъ это дѣло дѣлается, говорила женщина городского типа, одѣтая чуть не въ рубище, съ грязнымъ подоломъ ситцеваго платья и съ синякомъ подъ глазомъ.

— Ну, не скажи. Задастся день, такъ и утромъ ничего не наклюнется, откликнулась баба съ головой, окутанной байковымъ платкомъ.— Вотъ я съ шести часовъ утра здѣсь сижу, а только четырехъ женщинъ въ поломойки взяли. Плотниковъ утромъ нанимали—это точно, а насчетъ женщинъ просто умаленіе. Приходила еще жидовка прислугу за три рубля въ мѣсяць нанимать, но кто-же къ жидовкѣ пойдетъ, да къ тому-же и за три рубля! Конечно, это передъ праздникомъ, оттого оно такъ и выходитъ, но все таки...

Кой-кто изъ ожидающихъ найма стали ужинать, покупая себѣ хлѣбъ и астраханскую селедку или треску, или пару соленыхъ огурцовъ. Все это про-

давалось тутъ-же подъ навѣсомъ съ лотковъ, поставленныхъ на разноски, и съ ларьковъ. На нѣкоторыхъ ларькахъ задымились корчаги щей, вареный картофель, горшки каши, но горячую ѣду, какъ болѣе дорогую, ѣли не ожидающіе найма, разумѣется, очень стѣсненные въ денежныхъ средствахъ, а заходившіе подъ навѣсъ прохожіе. Акулина и Арина, прицѣпившись къ щамъ, и узнавъ, что они стоятъ по пяти копѣекъ чашка, купили себѣ только на три копѣйки картофелю и стали его ѣсть съ оставшимся у нихъ еще отъ обѣда хлѣбомъ. Оставшагося хлѣба было, впрочемъ, мало и пришлось прикупить еще на три копѣйки. Повсюду слышались разговоры о ночлегѣ.

— Еще милость Божья, что у меня уголь есть и за него до послѣзавтраго впередъ заплачено, а то была-бы просто бѣда, продолжала баба съ головой укутанной платкомъ.

— Тоже, должно быть, издержались, милая? поинтересовалась Акулина.

— Да вѣдь, почитай, недѣлю безъ работы живу, такъ какъ-же... Останусь на Пасху безъ мѣста, такъ ужъ не знаю, что и дѣлать. Есть у меня, кромѣ этого платка, еще одинъ платокъ на квартирѣ, этотъ платокъ можно и по боку, но за него больше полтинника никто не дастъ, потому платокъ дыра на дырѣ. Развѣ что ужъ на подушку придется жить, потому, рассуждаю я такъ, что можно и безъ подушки спать, а платье подъ голову.

— Наймешься еще къ Пасхѣ-то. Полно тужить, тетенька, успокоивала ее Арина.

— Ну, не скажи. По вчерашнему и по сегодняшнему найму просто колодой заколодило. Идти въ контору и тамъ записаться на наемъ—сейчасъ деньги потребуютъ за записку. А гдѣ ихъ взять? Бѣда, чистая бѣда.

— Акулинушка, гдѣ-же намъ сегодня переночевать-то, ежели не наймемся на мѣста? спрашивала свою землячку Арина.

— Да ужъ теперь какіе наймы! отвѣчала та.— Дѣйствительно надо о ночлегѣ подумать.— Милушка, а гдѣ-же здѣсь, къ примѣру, постоянный дворъ, коли ежели переночевать намъ? отнеслась она къ бабѣ съ головой окутанной платкомъ.

— Да переночевать-то можно и у насъ въ углахъ, коли ежели у васъ паспорта въ порядкѣ.

— Въ порядкѣ, въ порядкѣ, милая.

— Ну, такъ хозяйка пустить. Пойдемте со мной. По пятаку она пустить.

— По пятаку съ каждой?

— Ну, да.

— Фу, какъ дорого!

— Какъ дорого? Да ты, умница, должно быть, цѣнъ пятерскихъ не знаешь. Въ ночлежномъ домѣ— и то берутъ по пяти копѣекъ съ носа.

— Въ ночлежномъ домѣ за пять копѣекъ съ угощеніемъ, откликнулась женщина съ синякомъ.— Тамъ вечеромъ кружка чаю съ кускомъ сахара и съ кускомъ хлѣба полагается.

— Такъ вѣдь въ ночлежный-то домъ, гдѣ съ угощеніемъ, не всегда и попадешь, коли попозднѣ придешь. Тамъ, милая, спозаранку мѣста караулятъ—и

всегда всѣ мѣста заняты, особливо на женской половинѣ, отвѣчала баба съ головой укутанной платкомъ.— Женское отдѣленіе маленькое—ну, и умаленіе всегда. Я по зимѣ раза три туда совалась — и все полно, да полно. Придешь — и повориши оглобли назадъ. Пять копѣекъ за ночлегъ и въ такихъ домахъ берутъ, гдѣ вовсе безъ всякаго угощенія.

— Врешь. Есть и за три копѣйки. Вотъ я три дня подъ рядъ ночевала за три копѣйки, да и сегодня туда пойду.

— Голубушка, нельзя-ли съ тобой намъ идти? Проводи насъ,—обратилась Акулина къ женщинѣ съ подбитымъ глазомъ.

— Отчего-же? Очень просто. Пойдемте.

— Да ужъ пожертвуйте вы по пятакъ-то и идите къ намъ, - приглашала Акулину баба съ головой укутанной платкомъ.— У насъ квартира, у насъ, по крайности, снѣ спокойно и чувствууй, что у тебя всѣ твои вещи цѣлы будутъ. А вѣдь за три копѣйки не вѣдь гдѣ ночевать, такъ того и гляди, что или чулки у тебя украдутъ или платокъ стащутъ.

— Сдѣлай, братъ, одолженіе... Коли хозяину что отдашь—все цѣло будетъ,—отвѣчала женщина съ подбитымъ глазомъ.

Баба съ головой укутанной платкомъ продолжала звать къ себѣ Акулину и Арину:

— Пойдемте, землячки, къ намъ. По пятакъ отдадите, такъ ужъ право спокойнѣе будетъ.

— Умница, да откуда денегъ-то взять? Вѣдь намъ надо тоже тотъ расчетъ держать, что ежели завтра не наймемся, такъ было-бы на что поѣсть.

— Ну, Богъ не безъ милости. Авось завтра и найметесь. Вѣдь вы вотъ съ здоровыми ногами, вы на поломоиство наняться можете, такъ вамъ съ польгоя. Хозяикѣ по пятаку отдадите, да ежели на копѣйку сахару купите, то я васъ и чайкомъ дома попоить могу. Чай у меня есть. Заваривать у хозяйки буду, такъ и васъ попою за милую душу.

Акулина и Арина колебались, куда имъ идти на ночлегъ. Напиться чаю, не выдавъ цѣлый день горячей пищи, было заманчиво. Онѣ стали шептаться другъ съ дружкой, рассчитывая сколько у нихъ останется на завтра денегъ, ежели онѣ позволятъ себѣ это удовольствіе.

Въ это время подъ навѣсъ зашелъ какой-то бакенбардистъ въ потертомъ пальто и въ войлочной рыжей шапкѣ, посмотрѣлъ направо и налево, обозрѣвая присутствующихъ, и сказалъ:

— Двухъ поденницъ намъ на завтра съ утра требуется. На Гороховую улицу. Будемъ рамы зимнія выставлять, такъ чтобы всѣ окна перемыть, двери, полы, которые ежели не паркетные и все прочее.

Подъ навѣсомъ просіяло. Почти всѣ женщины поднялись со скамеекъ и приблизились къ нему.

— Придти къ семи часамъ утра. Я сейчасъ адресъ дамъ, продолжалъ бакенбардистъ.

— Давай, голубчикъ, давай. Вотъ я могу, да вотъ и она, послышалось со всѣхъ сторонъ и нѣсколько рукъ протянулось къ нему.

Всѣ протискивались, стараясь быти впереди. Подскочила къ бакенбардисту и Акулина.

— Насъ возьмите, баринъ, насъ! кричала она.— Мы вотъ двѣ изъ одного мѣста. Арина! Иди сюда! Чего ты, дура, тамъ сзади-то торчишь!

— Пстой! Пстой! Не напирай! Чего вы лѣзете-то! крикнулъ бакенбардистъ. — Цѣна?

— Да вѣдь ужъ положеніе извѣстное: шесть гривенъ, раздалось гдѣ-то.

— Вреть, вреть она. Положеніе — полтина. Чего ты запрашиваешь-то!

— Я считаю, что и полтину-то дорого.

— Какъ дорого? На стирку по полтинѣ-то въ поденщину ходимъ, такъ тамъ кофеемъ поятъ и харчи даютъ.

— У насъ и работы-то всего часовъ до трехъ-четырехъ дня. Ну, ладно, и мы чаемъ попоимъ. А только сорокъ копѣекъ. Намъ двухъ женщинъ требуется.

— Хоть шесть штукъ, а только меньше полтины нельзя, слышалось со всѣхъ сторонъ.

— Бери насъ, баринъ, бери... Мы вотъ двое и за сорокъ копѣекъ пойдемъ, тронула Акулина бакенбардиста за рукавъ и указала на себя и Арину.

Бакенбардистъ посмотрѣлъ на нихъ и сказалъ:

— Ну, ладно. Приходите. Гороховая улица, № 117. Къ господину Крылину. Да вотъ я сейчасъ запишу. Только приходите къ семи часамъ утра.

Бакенбардистъ вынулъ изъ кармана клочекъ оберточной бумаги и карандашъ и сталъ писать адресъ.

На Акулину и Арину со всѣхъ сторонъ сыпались ругательства, зачѣмъ онѣ цѣну сбили. Женщины не жалѣли ни горла, ни отборныхъ словъ.

XVIII.

РОТЪ ПЛАКАЛИСЬ, что нѣтъ найма, а нѣ оказывается, что и съ заработкомъ,—привѣтливо сказала Акулинѣ съ Ариной женщина съ головой окутанной платкомъ.—Это только моя такая доля несчастная, что я изъ-за моихъ проклятыхъ ногъ ни на поломойство, ни на стирку идти не могу. Какъ наклонись къ полу—ломаешь, да и что ты хочешь! Не наймусь завтра или послѣ завтра въ прислуги, такъ въ больницу лечь, что-ли, на праздникъ? Да не возьмутъ и въ больницу съ моей болѣзнью. Скажутъ: какая ты больная, коли ходить можешь! разсуждала она и прибавила:—Ну, что-жъ, милушки боровичскія, пойдите къ намъ въ углы ночевать, прожертвуйте по пятаку-то, вѣдь ужъ завтра по два двугривенныхъ заработаете.

— Можно, можно теперь по пятаку за ночлегъ прожертвовать. Пойдемъ къ вамъ, коли у васъ такъ хорошо. Веди насъ, радостно отвѣчала Акулина.— Сейчасъ пойдёмъ или еще здѣсь сидѣть будешь?

— Да сиди или не сиди—все равно ничего вечеромъ не высидишь. Вонъ ужъ темнѣетъ. Кто-же, на ночь глядя, будетъ прислугу нанимать,—сказала баба съ головой, окутанной платокъ, и кряхтя, стала вставать со скамейки.—Охъ, ноженьки мои, ноженьки! Совсѣмъ вы меня обезручили!—вздохнула она.

Вставъ на ноги, она покачнулась. Видно было что ноги ее дѣйствительно мучили.

— Еще разойдусь—ничего,—прибавила она.— А вотъ встать, да на первыхъ порахъ идти, такъ просто наказаніе! Пойдемте, милыя.

Акулина, Арина и женщина съ головой окутанной байковымъ платкомъ отправились на ночлеги. По дорогѣ Акулина и Арина узнали, что женщину съ головой, закутаной въ байковый платокъ, завутъ Фіоной и сами сказали ей свои имена.

— Ежели ужъ чайкомъ насъ попоишь на ночлегѣ, то пусть будетъ такъ, что чай твой, а сахаръ нашъ и для тебя. Изъ-за этого я ужъ на двѣ копѣйки сахару-то куплю, сказала Акулина.

Она зашла въ мелочную лавочку и на двѣ копѣйки ей дали четыре кусочка сахару.

— Сложиться развѣ по двѣ копѣйки да ситничку фунтикъ купить? предложила Фіона.— Вы на завтра съ заработкомъ, а у меня хоть только пятакъ на все про все остался, но завтра все равно, какъ ни бейся, а одинъ платокъ или подушку надо будетъ по боку.

— Нѣтъ, нѣтъ. Что ты! Какой тутъ ситникъ! Праздникъ, что-ли, сегодня! Вотъ развѣ чернаго хлѣбца къ завтраму немножко... А то вдругъ эдакія деньги за ситный платить! отказалась Акулина.

Фіона, однако, склонила ихъ купить фунтъ полюбѣлаго хлѣба за три копѣйки. Онѣ купили и уже отправились на ночлеги.

Идти было не близко. Квартира, гдѣ жила Фіона, была близъ Каминкина моста, въ одномъ изъ пе-

реулковъ и помѣщалась на дворѣ въ полуразвалившемся деревянномъ домишкѣ.

Когда женщины вошли, ихъ встрѣтила хозяйка—здоровая, полная женщина въ линючемъ ситцевомъ платьѣ, съ засученными по локоть рукавами. Она стояла около закоптѣлой русской печки и жарила на щепкахъ, на таганѣ, поставленномъ на шесткѣ, картофель.

— А я, Марья Тимофѣвна, къ тебѣ ночлежницъ привела, начала Фіона.—Пусти ихъ переночевать. Женщины хорошія, смиренныя. По пятаку съ нихъ взять тебѣ не мѣшаетъ.

Хозяйка оглядѣла Акулину и Арину съ ногъ до головы и отвѣчала:

— Да развѣ въ проходномъ корридорчикѣ улягутся, а то вѣдь больше негдѣ. У меня, сама знаешь, всѣ углы заняты.

— И, милая! Намъ только-бы гдѣ-нибудь приткнуться, сказала Акулина.

— Смотрите, вѣдь ночью черезъ васъ жильцы ходитъ будутъ, такъ какъ-бы не наступили.

— Ничего, голубушка, какъ-нибудь посторонимся. Вѣдь ужъ на живаго человѣка нарочно ступать не будутъ, а только развѣ споткнутся.

— Ну, не скажи. У меня корридоръ темный, а жильцы могутъ быть и хмельные.

— Никто, какъ Богъ, ангелка... Всѣ подъ Богомъ... А мы не привередливы.

— Инъ оставайтесь тогда, давайте паспорта. Безъ паспортовъ чужихъ людей не пуцу. У меня

тоже добро есть, а вы кто васъ знаетъ какія такія...

— Возьми, возьми, душечка, паспорта...

И Акулина, и Арина полѣзли въ котомки за паспортами и передали ихъ хозяйкѣ.

— Только ужъ ты, Марья Тимофѣевна, пусти ихъ въ нашей комнатѣ къ столику чайку напитокъся, сказала Фіона.

— Что-жъ, пусть пьютъ. Только-бы жильцы не заругались, что навела чужихъ.

— За что-же ругаться-то? Онѣ мои гости. Къ жильцамъ гости-же ходятъ.

Фіона повела Акулину и Арину въ комнату, гдѣ она занимала уголъ. Комната была очень небольшая и въ ней стояло пять коекъ. На одной изъ коекъ лежала ужъ какая-то босая женщина и спала. На другой койкѣ сидѣла старуха съ сѣдой косматой головой и въ полутьмѣ, на обумѣ, вязала чулокъ. У окна помѣщался простой некрашенный столъ и около него двѣ такія-же табуретки. На столѣ горѣла маленькая жестяная керосиновая лампочка и тускло освѣщала комнату.

— Ну, вотъ, присаживайтесь къ столу, а я добѣгу съ чайникомъ до трактира да заварю чай,—пригласила Акулину и Арину Фіона.—Трактиръ тутъ у насъ рядомъ.—Двѣ чашки у меня есть въ коробу подъ кроватью, а третью мы у жилицы спросимъ. Анна Марковна, дай, мать, намъ твою кружечку на поддержаніе. Гостью мнѣ вотъ попить, обратилась она къ старухѣ.

— Да спроси у хозяйки. Что все у жильцовъ побираться! прошамкала старуха.

— У хозяйки-то я жестянаго чайничка попрошу. Ну, что ты кружку-то жалѣешь! Цѣла останется.

— А небось, какъ я вчера у тебя пуговицу съ окна взяла, такъ ты какой содомъ подняла!

— Да пуговица, милая, отъ моей кацавейки была. Пришить ее нужно было. Какъ-же я безъ пуговицы-то застегнулась-бы. Ну, инъ Богъ съ тобой. Я у хозяйки спрошу.

Фіона вытащила изъ короба, находящагося подъ кроватью, двѣ чашки съ блюдечками и заварку чаю въ бумажкѣ, чашки поставила на столъ, а сама пошла въ кухню къ хозяйкѣ. Слышно было, какъ она выпрашивала у хозяйки чайникъ и чашку.

Оставшись однѣ, Акулина и Арина сейчасъ-же начали разуваться. Разувшись, онѣ посмотрѣли по сторонамъ и стали обозрѣвать комнату. Комната была оклеена смѣсью розовыхъ, синихъ и желтыхъ кусковъ обоевъ, которые мѣстами отстали отъ стѣны. Надъ каждой койкой висѣла одежда жильцовъ, въ двухъ мѣстахъ на стѣнѣ были налѣплены картинки, вырѣзанныя изъ иллюстрированныхъ журналовъ, а въ углу висѣло нѣсколько иконъ жильцовъ, одна изъ коихъ была въ фольговой ризѣ, въ кіотѣ и съ вѣнчальными свѣчами, прикрѣпленными по сторонамъ иконы, за стекломъ кіоты. За иконами было заткнуто нѣсколько пучковъ вербы. Такая-же верба стояла на окнѣ въ бутылкѣ съ водой. Обозрѣвъ комнату, Акулина не утерпѣла и сказала Аринѣ:

— Горницы-то какія въ Питерѣ хорошія. Бумажками оклеены и картинки на стѣнѣ.

— Изъ деревни пріѣхали? угрюмо спросила Акулину старуха.

— Да, бабушка, изъ деревни на заработки,

— И чего вамъ тамъ въ деревнѣ не сидится, плендамъ! Лѣзете сюда въ Питеръ у питерскихъ хлѣбъ отбивать. И такъ ужъ здѣсь для питерскихъ работы мало.

— Да вѣдь съ голодухи, бабушка. Неужто отъ радости полѣзли-бы?

— Поди ты! Съ голодухи! Здѣсь голодуха-то хуже. Просто пленды бить хочется.

Вскорѣ явилась Фіона съ большимъ жестянымъ чайникомъ, изъ подъ крышки котораго струился паръ. Въ другой рукѣ она держала чашку на блюдечкѣ.

— Ну, давайте попьемте чайку, пока онъ горячъ, радушно сказала она Акулинѣ и Аринѣ и стала разставлять все на столѣ, приготавлиаясь къ чаепитію.

XIX.

ЧАЕПИТИЕ продолжалось долго. Съ жадностью схлебывали съ блюдечекъ Акулина и Арина горячій, слабенькій настой дешеваго чая, припахивающаго вѣнниками, и закусывали его полубѣлымъ хлѣбомъ. Со вчерашняго вечера во рту у нихъ еще ничего не было горячаго. Фіона пила тоже и говорила:

— Вотъ до квартиры доберешься и попьешь горячаго, такъ рай красный. И ноги перестанутъ ныть.

А на вѣтру да на сырости, такъ просто бѣда. Ино, милушки, до того доходить, что даже хотъ въ слезы... Ну, судите сами, какая я работница! А пить-ѣсть надо, стало быть и работать надо. И то ужъ, грѣшница, подчасъ подумываю: «коли-бы было хорошо, кабы Господь прибралъ меня». Да вотъ дѣвочку жалко. Дѣвочку въ деревнѣ у невѣстки оставила. Хорошенькая такая. Выростетъ большая, такъ кормилицей будетъ.

Фіона заплакала и стала утираться кончикомъ шейнаго платка. Акулина махнула рукой и тоже слезливо заморгала глазами.

— Охъ, и не говори умница! И у меня въ деревнѣ у свекрови мальчикъ, заговорила она.—Нынче зимой подъ Спиридоновъ день я его родила. День и ночь о немъ думаю, какъ онъ теперъ на соскѣ лежитъ. Конечно свекровь—родня, да вѣдь все-же не мать. А главное, что онъ на соскѣ-то. Вѣдь всего только четвертый мѣсяць, а я ужъ его отъ груди отняла и на соску посадила. Мальчикъ-то слабенькій. Ангелъ изъ себя, а слабенькій.

Слезы еще больше стали подступать къ горлу Акулины и она навзрыдъ заплакала.

— Никто какъ Богъ, Акулинушка, никто какъ Богъ, утѣшала ее Фіона, а сама продолжала заливать-ся слезами.

— Не выживетъ... на соскѣ не выживетъ... прошептала Акулина.

— Ну, вотъ... Съ перваго мѣсяца, случается, что на соскахъ поднимають.

Въ короткое время Акулина рассказала все не-

радостное положеніе своей семьи въ деревнѣ и прибавила:

— Пять рублей обѣщалась имъ къ Николину дню въ деревню на подмогу послать, а вотъ гдѣ такія деньги взять! Смотри какая безработица. На огородахъ не вездѣ еще начинали работать, а гдѣ начали, такъ изъ за пятіалтыннаго въ день, а то такъ прямо только изъ-за харчей покуда берутъ. Бѣда, чистая бѣда.

Часу въ одиннадцатомъ двѣ комнаты, отдаваемые хозяйкой, стали наполняться жильцами. Въ комнатѣ, гдѣ сидѣли Акулина съ Ариной и гдѣ имѣла койку Фіона, жили только женщины. Въ комнатѣ рядомъ, въ которую, какъ и въ эту комнату, нужно было проходить черезъ узенькій корридоръ, идущій изъ кухни, обитали мужчины. Тамъ уже громыхали сапогами и слышалась крѣпкая ругань. Сама хозяйка съ мужемъ, работающимъ гдѣ-то на фабрикѣ, жили въ кухнѣ, гдѣ за ситцевой занавѣской помѣщалась ихъ кровать. Мужъ тоже ужъ пришелъ съ фабрики и слышно было, какъ онъ и жена гремѣли посудой, ужиная. Ужинали и обитательницы женской комнаты. Почти всѣ ѣли большія астраханскія селедки съ хлѣбомъ, такъ какъ былъ постъ, и вслѣдствіе этого комната пропахла селедками. Развѣшанные у коекъ для просушки чулки жилиць также издавали свой специфическій запахъ прѣлю. Изъ мужской комнаты черезъ корридоръ пробирался махорочный дымъ. Воздухъ становился сильно спертымъ. Огонь въ жестяной лампочкѣ сталъ горѣть тусклѣе. Къ лампѣ подѣбла жилица-папиросница, пришедшая съ фабри-

ки, молодая еще женщина съ сильно испытимъ лицомъ и, покашливая, принялась чинить какую-то ветошь, наскоро зашивая ее иголкой. Жилица-старуха перекликалась черезъ перегородку съ мужчиной изъ мужской комнаты и просила его написать куда-то прошеніе о помощи на бѣдность.

— Завтра, бабушка, завтра вечеромъ. Сегодня усталъ какъ собака, да и бумаги нѣтъ, отвѣчалъ изъ мужской комнаты басистый хриплый голосъ.

— Бумагу-то можно и купить. Лавочки еще незаперты. Сходи, Меркуль Иванычъ, купи. Вѣдь я не даромъ прошу, стояла на своемъ старуха.—Я тебѣ гривенничекъ на вино пожертвую,

— Знаю я. На этомъ благодаримъ покорно. Но, понимаешь ты, сегодня просто ноги подломились— вотъ до чего усталъ. Чего тебѣ приспичило! Успѣешь еще прошеніе-то подать. Времени еще много.

— Много! Много и нужно. Прошенія надо заранѣе передъ праздникомъ подавать. Пока прочтуть, пока придутъ меня осматривать. Ты мнѣ, голубчикъ, два прошенія напиши, есть еще одно мѣсто, куда можно подать, а я тебѣ за это пятакъ еще прибавлю.

— И два напишу, только не сегодня. Я вотъ легъ на койку—и подняться не могу, до того спину ломить. Да и пригрѣлся таково важно.

Старуха умолкла, умолкъ и басистый жилецъ. Въ мужской комнатѣ звякнула посуда и заговорили другіе голоса.

— Гдѣ денегъ-то взялъ, что водку пьешь? Вѣдь не было ни копѣйки.

— У извозчика три гривенника выигралъ. Боль-

ше-бы выигралъ, такой козыристый попался, что страсть, да товарищи, другіе извошники отъ меня оттащили. Работы нѣтъ, такъ хоть билліардомъ брать; благо руку набилъ.

— Поднеси полстаканчика. Я тебя самъ завтра попотчую.

— Вишь ты какой! И всего-то только я себѣ на гривенникъ купилъ, чтобы на сонъ грядущій...

— Я тебѣ за полстаканчика завтра цѣлый пятакъ-ковый стаканчикъ... Ей-ей...

— Надуешь.

— Вотъ тѣ Христось!

— Ну, пей.

Акулина и Арина начали зѣвать. Сонъ такъ и клонилъ ихъ, Фіона, убравъ посуду, сидѣла уже на койкѣ и мазала себѣ какой-то мазью ноги.

— Прикурнуть-то ужъ можно намъ, умница? спросила ее Акулина.

— Идите въ корридоръ да и стелитесь. Теперь тревожить ногами не будутъ. Жильцы, кажись, ужъ всѣ собрались.

Акулина и Арина захватили котомки и отправились въ корридоръ. Корридоръ былъ узкій и, начавъ укладываться въ немъ къ стѣнкѣ, онѣ заняли почти всю ширину его. Заслыша, что онѣ копошатся въ корридорѣ, вошла хозяйка.

— У насъ, милая, такой порядокъ, что за ночь легъ впередъ беремъ. Давайте по пятакъ, сказала она.

Акулина полѣзла въ карманъ за деньгами и отдала хозяйкѣ гривенникъ.

— Денегъ-то ужъ у насъ, Аришенька, очень немного осталось, шепнула Акулина Аринѣ по уходѣ хозяйки:—Вдругъ ежели мы завтра этого барина, который насъ нанималъ, не сыщемъ и безъ работы останемся, что тогда?

Арина ничего не отвѣчала. Она стояла на колѣняхъ на разостланной на полу душегрѣѣ, около котомки, долженствующей замѣнить ей подушку, и смотря изъ темнаго корридора въ просвѣтъ двери женской комнаты, крестилась на иконы, висѣвшія въ углу. Акулина все еще въ раздумьѣ, что онѣ завтра могутъ и не найти «барина», покрутила печально головой и тоже начала креститься и шептать молитву, глядя въ просвѣтъ двери.

Черезъ минуту онѣ улеглись. Въ женской комнатѣ брюзжала старуха на жилищъ-товарокъ, въ мужской комнатѣ кто-то спорилъ, громко ругаясь, но Акулина и Арина тотчасъ-же заснули.

Акулинѣ снился радостный сонъ: видѣла какъ она кормила своего мальчика, маленькаго Спиридона, и онъ весело улыбался ей.

XX.

НЯГКОЕ что-то, но тяжелое наступило на руку Арины выше локтя. Она взвизгнула, проснулась и сѣла на полъ, бормоча: «О, Господи! Что это такое!» Хриплый мужской голосъ говорилъ:

— Вишь, гдѣ чертей анафемскихъ улечься уто-

раздило! Въ проходномъ корридорѣ... Подвиньтесь къ сторонкѣ, окаянныя, что-ли...

Вслѣдъ за симъ Арина почувствовала ударъ бо-сой ноги въ бокъ. Она пришла въ себя и увидѣла босаго мужчину съ всклокоченной головой и въ ситцевой рубахѣ безъ опояски. Онъ стоялъ надъ ней и теръ себѣ ладонью лобъ.

— Башкой черезъ васъ, проклятыхъ, о стѣну двинулся. Завтра, пожалуй, синякъ будетъ, пробормоталъ онъ, умѣряя тонъ, и прошелъ въ кухню.

Уже разсвѣло. Черезъ просвѣтъ двери изъ женской комнаты въ корридоръ падалъ сѣроватый утренній свѣтъ. Арина продолжала сидѣть на полу и гладила рукой то мѣсто, на которое ей сейчасъ наступили. Въ такомъ-же положеніи сидѣла и Акулина, тоже проснувшаяся, и почесывала грудь.

— Наступилъ на тебя кто-нибудь, дѣвушка? спрашивала она Арину.

— Мужчина наступилъ. Да какъ больно-то! Съ просонокъ-то просто не знала, на что и подумать. Не пора-ли вставать, Акулинушка? Вѣдь ужъ день бѣлый.

— Да конечно-же пора. А то какъ-бы на работу не опоздать. Гдѣ она эта самая Гороховая-то улица, куда насъ вчера баринъ нанялъ? Вѣдь ничего не знаемъ. Можетъ статься и далеко.

Акулина и Арина поднялись и сунулись въ женскую комнату. Тамъ еще всѣ спали. Съ коекъ торчали голыя ноги. Въ кухнѣ также было все тихо, но въ мужской комнатѣ кто-то кашлялъ и съ раскатомъ громко харкалъ. Акулина и Арина сѣли на

табуретки и начали обуваться. Босой мужчина съ всклокоченной головой прошелъ по корридору обратно и исчезъ въ мужской комнатѣ. Тамъ послышался разговоръ, заскрипѣли доски чьей-то койки и кто-то громыхнулъ о полъ сапогами, очевидно надѣвая ихъ. Черезъ нѣсколько минутъ раздалась громкая зѣвота и въ кухнѣ. Кто-то тяжело ступалъ босыми ногами по полу. Акулина заглянула въ кухню. Хозяйка была уже вставши, вышла изъ-за ситцевой занавѣски, гдѣ спала, и накидывала на себя юбку.

— Который-то теперь часъ, милая? спросила ее Акулина.

— Да ужъ пятый. Уходите что-ли?

— Надо уходить. Мы на работу порядились. Гдѣ-бы тутъ, желанная, умыться водицей?

— Иди въ сѣни. Тамъ есть ушатъ и рукомойникъ.

— Акулина и Арина, захвативъ полотенце, направились въ сѣни умываться. Было очень холодно въ сѣняхъ. Холодный свѣжій воздухъ и холодная вода освѣжили ихъ. Вернувшись опять въ комнаты, онѣ уже чуть не задыхались отъ спертаго воздуха, хотя ночью его и выносили.

— Сейчасъ я вамъ паспорта ваши отдамъ, сказала имъ хозяйка и подала паспорта. — Приходите ужо вечеромъ опять ночевать. Видите, какъ у насъ смирно, приглашала она.

Акулина и Арина одѣлись, накинули на плечи котомки и стали уходить, распросивъ хозяйку, какъ имъ пробраться на Гороховую. Хозяйка подробно рассказывала, но изъ всего ея рассказа онѣ поняли

только, что изъ воротъ надо идти налѣво. Съ ними вмѣстѣ вышли на улицу и двое мужчинъ, отправляющихся тоже на работу. Мужчины эти вывели ихъ изъ переулка и опять рассказали дорогу на Гороховую. Арина и Акулина вышли на Фонтанку и поплелись по набережной. На улицахъ было еще совсѣмъ пусто. Кой гдѣ попадался спящій на дрожкахъ ночной извозчикъ, кой гдѣ дворникъ мелъ улицу. Мелочныя лавки и трактиры были еще заперты. Идти пришлось долго, спрашивать пришлось много, но вотъ онѣ и на Гороховой. Онѣ показали городовому записку съ адресомъ дома. Городовой послалъ дальше. Наконецъ домъ найденъ. Ворота были заперты и отворена была только калитка, у которой стоялъ дворникъ въ полосатой фуфайкѣ съ заспанными глазами и почесывался. Опять показана была записка. Дворникъ прочелъ ее и сказалъ:

— Здѣсь. Вы къ кому такую ранъ?

— Да баринъ тутъ такой въ дикомъ пальтѣ и въ рыжей шапкѣ поломойничать насъ нанялъ. Чтобъ окна, значить, вымыть, двери, полы и тамъ разное.

— Не баринъ должно быть, а лакей евонный. Тутъ баринъ генералъ. Рано только идете. Теперъ тамъ всѣ спятъ еще.

— Такъ какъ-же, миленькій, намъ быть-то?

— А вотъ погодите у воротъ. Черезъ полчаса я понесу туда въ кухню дрова, такъ разбуджу. Садитесь вотъ тутъ на скамеечкѣ.

У воротъ стояла неубранная еще скамейка дежурнаго дворника и Акулина съ Ариной присѣли. Напротивъ воротъ черезъ улицу отворилась мелоч-

ная лавочка. Отворившій двери прикащикъ въ полушубкѣ и передникѣ вышелъ на тротуаръ и сталъ креститься на виднѣющійся вдаль золотой крестъ церкви. Покрестившись, онъ опять ушелъ въ лавку. На тротуарѣ все чаще и чаще стали показываться пѣшеходы, по большей части рабочій народъ. Прошли плотники съ топорами за поясомъ, прошли землекопы съ лопатами на плечахъ. Наискосокъ черезъ улицу помѣщался черный трактиръ. Дверь трактира, находившаяся подъ красной вывѣской, то и дѣло визжала блокомъ, пропуская въ трактиръ дворниковъ въ шерстяныхъ фуфайкахъ и передникахъ, мастеровой народъ въ опоркахъ на босую ногу и въ накинутыхъ на плечи пальтишкахъ.

— Поѣсть-бы надо передъ работой-то, да не знаю успѣемъ-ли?.. Вонъ лавочка, такъ хлѣбца купить, что-ли, сказала Аринѣ Акулина.

— Купи, Акулинушка. Я смерть ѣсть хочу.

— Да и я хочу. Такъ ты посиди у воротъ, а я за хлѣбомъ сбѣгаю.

Когда Акулина вернулась изъ лавочки съ хлѣбомъ, у воротъ стоялъ дворникъ и говорилъ Аринѣ:

— Идите въ квартиру. Сейчасъ я носилъ дрова, такъ лакей уже всталъ, да и кухарка встала. Вамъ вѣдь придется плиту растопить; да воду согрѣть, иначе какъ-же помойничать.

— А мы, миленькій, хотѣли малость хлѣбца пожевать, сказала Акулина.

— Тамъ и пожуete, пока вода грѣться будетъ.

Дворникъ провелъ Акулину и Арину на дворъ и указалъ на лѣстницу, по которой нужно было взо-

браться въ третій этажъ. Въ кухнѣ ихъ встрѣтилъ тотъ самый бакенбардистъ, который нанималъ ихъ съ вечера на работу. Это былъ дѣйствительно лакей. Въ сообществѣ кухарки онъ сидѣлъ въ кухнѣ около самовара и пилъ чай.

— А! Госпожи капорскія французенки! привѣтствовалъ онъ ихъ. — Ну, что-жь, разоблакайтесь да топите плиту, а я вотъ напыюсь чаю да за мыломъ вамъ сбѣгаю. Вонъ дрова въ ящикѣ лежатъ. Кладите въ топку.

Акулина и Арина сняли котомки и душегрѣи и принялись класть въ топку дрова.

— Молоденькая-то совсѣмъ кренделекъ, подмигнулъ на Арину лакей, обращаясь къ кухаркѣ.

— Ну ужъ... Рожа, какъ тарелка, прошептала кухарка, презрительно сморща носъ.

— Зато свѣжѣ. Мамзель! Вы говорите-ли по французски-то? обратился лакей къ Аринѣ.

Та молчала и потупила взоръ.

— Ничего. Кусокъ не вредный... продолжалъ лакей.—Эй, тетка, вы давно-ли изъ деревни-то? крикнулъ онъ Акулинѣ.

— Четвертый день, голубчикъ, четвертый день.

— Бывалыя въ Питерѣ-то?

— Нѣ, милый челоуѣкъ, не бывали еще.

— Сиволапость стало-быть форменная. Ну, вы будете мыть въ комнатахъ, такъ съ господски-ми-то вещами поосторожнѣе. Поломаете что, такъ сохрани васъ Богъ. У насъ каждая вещь дороже васъ въ десятеро. Марфа Ивановна! Припаси имъ ведра для поломоуства, да мочалки.

— Позволь, милостивецъ, прежде покормиться малость, поклонилась Акулина.—Сейчасъ хлѣбца купили.

— Ъшьте, ѡшьте. Я еще за мыломъ побѣгу.

Плита уже топилась, въ вмазанный въ нее котелъ была уже влита вода Акулиной и Ариной, и онѣ принялись ѣсть хлѣбъ. Лакей смотрѣлъ на нихъ и говорилъ:

— Вишь, какъ уписываютъ! Чай-то пили-ли сегодня?

— Нѣ, голубчикъ... Какой тутъ чай! отвѣчала Акулина.

— Или ужъ попить васъ чайкомъ-то? Ну, садись. Чай еще крѣпкій. Дай имъ, Марфа Ивановна, по куску сахару, да налей по чашкѣ чаю.

— Спасибо тебѣ, голубчикъ, спасибо... заговорили Акулина и Арина, присаживаясь къ столу.

Лакей скосилъ на Арину глаза и еще разъ произнесъ:

— Ей-ей, бабецъ не вредный!

XXI.

ИПИСАВШИСЬ чаю, Акулина и Арина разулись и принялись за мытье половъ и дверей. Лакей присутствовалъ тутъ-же. Онъ распоряжался, приказывалъ, отодвигалъ мебель, мѣшавшую полумойкамъ, и ежели подходилъ къ Аринѣ, не могъ удержаться, чтобы не тронуть ее: то ущипнетъ, то потреплетъ по спинѣ или по плечу

и при этомъ приговаривалъ: «свѣжь», «корюшка», «фрикадель». Арина всякій разъ вздрагивала, роняла мочалку и говорила:

— Да полно вамъ... Оставьте... Ну, чего вы?.. Вѣдь я столкнуть какуюнибудь вещь могу.

— А ты веди себя смирно, такъ и не столкнешь. Чего отмахиваешься-то? Я тихо, ласково...

Все это происходило на глазахъ Акулины. Акулина, боясь разгнѣвать его и тѣмъ лишиться заработка, сначала ничего не говорила, но наконецъ и она сказала:

— А ты зачѣмъ, милый, трогаешь дѣвушку? И ласково не слѣдь. Не замай ее. Не хорошо.

— Не замай... Не хорошо... Ахъ, деревня сивая! Да она должна радоваться, что генеральскій главный управляющій съ ней шутки шутить.

Часу въ десятомъ лакей, впрочемъ, исчезъ. Его позвалъ проснувшійся баринъ. Подалъ барину умыться, одѣться, напоивъ его чаемъ и проводивъ на службу, лакей снова явился. По уходѣ барина, онъ сдѣлался смѣлѣе, сталъ разговаривать громче, закурилъ папироску и сѣлъ въ кресло, смотря какъ помойки мыли двери.

— Дѣвушка? — спросилъ онъ Арину.

— Дѣвушка.

— А ты? — отнесся онъ къ Акулинѣ.

— Замужняя, милый.

— Ну, а я холостой, и баринъ нашъ холостой. У насъ два барина: одинъ въ генеральскомъ чинѣ, а другой гимназистъ, а я у нихъ старшій управляющій. Да вотъ что я еще хотѣлъ сказать: ужо баринъ

вернется къ обѣду со службы, да ежели онъ васъ спросить, почему вы поряжены, такъ говорите ему, что по три четвертака, ну, а я вамъ за это по пятаку прибавлю. По сорокъ пять копѣекъ получите. Слышали вы?

— Слышали, голубчикъ, — отвѣчала Акулина.

— Ну, такъ вотъ... Подрядь... Нельзя... Надо чтобы и управляющему отъ подряда что нибудь очистилось. У меня все такъ... «По три, моль, четвертака, ваше превосходительство»... Похлебать мы вамъ въ двѣнадцать часовъ тоже дадимъ. У насъ варева много. Это по нашему завтракъ, а по вашему, простонародному, обѣдъ.

— Спасибо тебѣ, милый... — сказала Акулина радостно взглянувъ на Арину.

— Ну, то-то. Вотъ какъ я добръ! Намъ господскаго не жаль. Ёшьте. И чай послѣ завтрака будемъ пить, такъ остатки вамъ... Пейте, зудите до отвалу... Все равно остатки выливать придется.

— Благодаримъ покорно.

— Ну, вотъ... А ты давеча говоришь мнѣ про свою товарку: «не замай». Во-первыхъ, это и слово мужицкое, а во-вторыхъ, что за бѣда, ежели холостой человѣкъ пошутить хочетъ. У насъ и господа холостые, и я холостой. Кухарка замужня, потому она кучерова жена. Вотъ давеча кучеръ-то приходилъ, такъ это мужъ ейный.

Лакей помолчалъ, сообразилъ и прибавилъ:

— Да что-жъ вы обѣ за однимъ-то дѣломъ возитесь! Пстой-ка я васъ на разныя дѣла разставлю.

Вѣдь намъ нужно еще всѣ окна перемыть. Ты, курносенькая... какъ тебя звать-то?

— Арина.

— Ну, такъ вотъ ты, Арина, оставайся здѣсь и мой двери, а ты... Тебя какъ звать?

— Акулина.

— А ты, Акулина Савишна, вчерашняя давишна, отправляйся вонъ въ ту комнату, въ заднюю, спальня это, по нашему, и начинай тамъ окна мыть. Я тебѣ табуретку дамъ. Знаешь, какъ окна мыть? Табуретку-то на подоконникъ поставишь, встань на нее и мой. Только осторожниѣе... смотри, не скувырнишь за окно... а то изъ-за тебя потомъ въ отвѣтъ будешь. Ну, бери ведро и мочалки. Авось, такъ у насъ дѣло успѣшнѣе пойдетъ.

Лакей увелъ Акулину и минутъ черезъ десять опять вернулся къ Аринѣ. На лицѣ его сіяла сладенькая улыбка. Онъ подошелъ къ Аринѣ и сказалъ:

— Акулину свою, что-ли, церемонилась, что давеча такая недотрога была, что чуть что сейчасъ: не тронь, да не тронь?

Арина молчала и продолжала усердно натирать двери мочалкой.

— Сродственница она тебѣ, что-ли? продолжалъ лакей...

— Просто такъ, землячка... Ну, да мы по деревенски въ сватовствѣ... тихо пробормотала Арина. — Въ сватовствѣ-то мы родня.

— Знаю я, что значить въ сватовствѣ. Мы хоть и городскіе, а понимаемъ.

Арина старалась не смотрѣть на лакея и стояла

къ нему спиной. Онъ помолчалъ и зашелъ къ ней спереди, чтобы видѣть ее въ лицо.

— Вотъ мы теперь одни, такъ намъ свободнѣе разговаривать, сказалъ онъ.—Глазенки-то у тебя хорошіе... вотъ и носъ курносъ, а я такой люблю. Что толку въ длинныхъ-то носахъ!

На такую похвалу Арина невольно улыбнулась, но тотчасъ-же отвернула отъ лакея голову. Тотъ продолжалъ:

— Чего-жъ ты отвертываешься-то? А ты гляди на меня. Я человекъ хоть и образованный, а деревенскихъ до смерти люблю. Наши городскія трепанья перетрепанья, а деревенская дѣвушка свѣжѣ. Одно только, что вотъ онѣ настоящей учтивости не понимаютъ и брыкаются. А ты не брыкайся. Коли пришла въ Питерь, то учись по городскому.

— Зачѣмъ-же мы этому будемъ учиться? Намъ не слѣдъ. Мы въ Питерь пришли на заработки, проживемъ здѣсь до осени, а по осени обратно въ деревню уйдемъ, тихо пробормотала Арина.

— Заговорила таки! радостно подмигнулъ лакей.—А я ужъ думалъ, что ты языка лишена и только и умѣешь, что—«ахъ оставьте», да «не замай».

— Мы деревенскими были, деревенскими и останемся... продолжала Арина.

— Да ужъ слышали, слышали... Женская нравность намъ извѣстна, перебилъ ее лакей.—А ты все-таки не брыкайся, коли къ тебѣ хотятъ съ комплиментомъ...

— Не троньте меня — я и не буду брыкаться.

— Да ужъ слышали, слышали... А ежели не

въ могу? Вѣдь человѣкъ въ себѣ не воленъ, коли ежели онъ влюбившись. А ты вотъ какъ давеча вошла, такъ сейчасъ меня и поразила.

— Да полно вамъ.... махнула ему рукой Арина съ сдержанной улыбкой.

— Чего — полно! Я нарочно и землячку-то твою отсюда увелъ, чтобы намъ можно было свободно разговаривать.

— Разговаривать разговаривайте, а только рукамъ воли не давайте.

— Да вѣдь я деликатно, я не по мужицки...

— Вовсе этого не надобно.

— Чудная! покрутилъ головой лакей, сѣлъ на диванъ и сталъ манить Арину къ себѣ пальцемъ.

— Чего вы пальцемъ-то кривляете? спросила она.

— Ага! Расшевелилась! Настоящій разговоръ пошелъ! радостно проговорилъ лакей и тихо прибавилъ:—Бросай мочалку, иди сюда и садись со мной на диванъ рядышкомъ. Тебѣ отдохнуть надо.

— Нѣтъ, не надо. Да и не слѣдъ мнѣ на барскія мѣста садиться, спокойно отвѣчала Арина.

— Садись, садись. Или до тѣхъ поръ будешь мажежиться, покуда тебя подъ ручку не поведутъ. Ну, ладно. Пусть будетъ по твоему.

Лакей поднялся съ дивана и направился къ Аринѣ. Та бросила мыть дверь, прислонилась къ стѣнѣ и, держа передъ собой мочалку, испуганно говорила:

— Не надо! не надо! Все равно я не сяду! Не троньте меня!

Въ дверяхъ стояла Акулина и говорила:

— Милый! Да дай намъ вмѣстѣ работать. Вмѣстѣ-то все-таки хоть словечкомъ другъ съ дружкой перекинешься. Ты не бойся, мы лѣниться не станемъ. Вдвоемъ мы тебѣ взамѣсто лошадей—вотъ какъ усердно.

Появленіе Акулины было до того неожиданно, что лакей плюнулъ, махнулъ рукой и ушелъ въ кухню.

XXII.

ПОСЛѢ полудня, когда лакей, кучеръ и кухарка отвѣтракали, лакей настоялъ, чтобы кухарка дала Акулинѣ и Аринѣ остатки щей и когда тѣ принялись хлебать, онъ сѣлъ противъ нихъ и смотрѣлъ, какъ онѣ ѣдятъ. Ложки имъ подали мельхиоровыя. Акулина взглянула на ложки и невольно улыбнулась.

— Ложки-то какія у нихъ! Серебряныя, господскія, толкнула она слегка въ бокъ Арину.—Такими ложками никогда и хлебать-то, дѣвушка, не трафилось. Ёла-ли ты такими ложками?

— Гдѣ-же ѣсть-то, Акулинушка! Сама знаешь... отвѣчала та.

— Хлебайте, хлебайте на здоровье, сказалъ лакей, замѣтивъ, что женщины улыбаются.—Щи у насъ вкусныя, настоящіе. У насъ прислугѣ варится также какъ и господамъ, на господскій манеръ. У насъ нѣтъ этого, чтобы для прислуги кой-какъ...

— Спасибо, милый, спасибо... бормотала Акулина.

— Отхлебаете щи—и втораго блюда дадимъ, продолжалъ лакей. — Ъшьте сколько влѣзетъ. Вотъ вы на сегодня и съ харчами. Нанималъ безъ харчей, а предоставилъ и харчи. Это для васъ прямо три гривенника экономіи для двоихъ. Марфа! Давай имъ и макаронъ послѣ щей. Пускай поѣдятъ,—обратился онъ къ кухаркѣ.

— Съ чего это ты такъ раздобрился? спросила кухарка, улыбаясь и подавая остатки макаронъ.

— Да что ужъ тутъ! Пусть поѣдятъ. Народъ пришлый.

Акулина и Арина никогда не ѣдали макаронъ, а потому при видѣ макаронъ переглянулись. Арина шепнула что-то Акулинѣ и та спросила лакея:

— Да можетъ быть, милый человѣкъ, это скоромъ? А вѣдь теперь великій постъ.

— Постное, постное. На подсолнушномъ маслѣ. Щами потчивали грибными, такъ неужто ужъ на второе-то скоромное подадимъ? Мы тоже христіане.

Акулина и Арина попробовали ѣсть ложками, но длинныя макароны были скользки и не поддѣвались на ложку. Лакей увидалъ это и расхохотался.

— Ахъ, деревня! воскликнулъ онъ.—Да кто-же макароны ложками ѣсть?! Вы вилками тыкайте, вилками.

Арина поддѣла вилкой длинную макарону и никакъ не могла ее упрятать въ ротъ.

— Втягивай, втягивай макарону-то въ себя. А то обмотай ее на вилку да и запихни въ ротъ—вотъ какъ это дѣлается, училъ лакей.

Наконецъ съ макаронами кой-какъ женщины справились.

— Не видали мы, милостивецъ, такой ѣды-то никогда. Ужъ больно ѣда-то у васъ мудреная. Поди-жь ты, что твои черви или змѣи, сказала Акулина.—Ну-съ, за хлѣбъ за соль. Очень тебѣ благодарны. Благодаримъ покорно.

Поблагодарила и Арина.

— Не за что, отвѣчалъ лакей и прибавилъ:—Ну, теперь можете и отдохнуть часикъ. Работой я васъ неволить не хочу.

— Да, милый... Прилечь-бы гдѣ... Очень ужъ мы сегодня рано вставши, проговорила Акулина.

— И прилечь дадимъ. Ступай въ прихожую и ложись на деревянный диванъ, а Аришу твою я куда-нибудь въ другое мѣсто положу. Пойдемте... повелъ лакей женщинъ.

— Да намъ, голубчикъ, хоть на полу, да только-бы вмѣстѣ. Мы вмѣстѣ и ляжемъ.

— Зачѣмъ-же на полу, коли есть мебель? Ложись вотъ тутъ, а Арину я въ людскую. Пусть тамъ ложится на мой диванъ. Я спать не буду. Я сейчасъ газеты въ кабинетѣ читать стану.

— Нѣтъ, голубчикъ, мы ужъ вмѣстѣ... стояла на своемъ Акулина.—Не отпущу я отъ себя дѣвушку. Мнѣ съ ней кой о чемъ поговорить надо.

— Послѣ поговоришь, за работой поговоришь. Пойдемъ, Арина.

— Нѣтъ, господинъ, не пойду я...—сказала Арина.

— Экая вѣдь какая упрямая! Вамъ хотять сдѣлать, чтобы было лучше, удобнѣе, а вы не согласны.

— Очень намъ хорошо, милостивецъ, будетъ и здѣсь на полу,—говорила Акулина.

Лакей разсердился и плюнулъ.

— Ну, чортъ съ вами! Ложитесь гдѣ хотите. Деревня, такъ деревня и есть. Упрямыя лошади!

Арина и Акулина улеглись на полу. Лакей оставилъ ихъ и ушелъ куда-то. Оставшись съ Ариной глазъ на глазъ, Акулина спросила ее:

— Пристаетъ?

— Пристаетъ. Даве то щипается, то за платокъ дергаетъ.

— Фу, ты пропасть! И что это здѣсь въ Питерѣ за мужчины такіе! Совсѣмъ нахальники. Вѣдь вотъ поди-жъ ты, кажись, и человѣкъ добрый...

— Да онъ, Акулинушка, и добръ-то изъ-за этого самаго. Я, Акулинушка, боюсь его.

— Ну, чего-жъ тутъ бояться! Я всегда при тебѣ. День сегодня проработаемъ и уйдемъ.

Лакей не на шутку началъ приударять за Ариной. Онъ то и дѣло искалъ случая остаться съ Ариной наединѣ и когда послѣ обѣденнаго отдыха, женщины опять принялись за работу, онъ долго ходилъ около нихъ, что-то соображалъ и наконецъ сказалъ:

— Не чисто вы моете. У насъ баринъ такъ не любить и мнѣ отъ него навѣрно будетъ гонка. Надо будетъ попробовать мыть съ содой. Ты вотъ что, Акулинушка... Ты сходи въ лавочку, вотъ тутъ напротивъ лавочка, и возьми тамъ соды на гривенникъ. Снадобье такое есть. Сода. Съ содой мыть, куда чище будетъ. Вотъ тебѣ гривенникъ.

Акулина сразу сообразила, что онъ хочетъ удалить ее, чтобы остаться съ Ариной, и сказала:

— Да ты-бы, милостивецъ, Аришу послалъ. Она дѣвушка молодая, ноги у ней быстрыя—живо сбѣгаетъ.

— Зачѣмъ-же Арину, коли я тебя посылаю! воскликнулъ лакей.—Что за нравъ такой капризный! Можешь наконецъ ты уважить моей фантазіи. Къ вамъ и такъ, и сякъ, и харчи вамъ даютъ, и чаемъ васъ собираются поить послѣ обѣда, а вы все въ контру. Что за неблагодарный народъ такой!

Акулина взяла гривенникъ и отправилась въ лавочку за содой.

— Соды, соды возьми. Смотри, не перепутай. Слышишь: соды! кричалъ лакей.

Когда Акулина вернулась изъ лавочки съ содой, Арина была вся въ слезахъ.

— Опять приставалъ?

— Приставалъ. Такъ и лѣзетъ цѣловаться. Я ужъ бѣгала въ кухню кухаркѣ жаловаться, такъ та стыдить его начала. И что я за несчастная такая, что ко мнѣ всѣ пристають! плакалась на свою судьбу Арина.

Лакей долго не показывался. Акулина пошла его искать и нашла его въ маленькой лакейской каморкѣ. Онъ лежалъ на диванѣ, курилъ папиросу и читалъ газету.

— Принесла я, голубчикъ, соду-то. Ты приди и покажи, что намъ съ ней дѣлать, сказала она.

— Ну, теперь мнѣ некогда. Видишь, я занятъ, отвѣчалъ лакей.—Я ужъ показывалъ, рассказывалъ,

но что-жь, коли вы такія непонятливыя дуры. Показывалъ и тебѣ, и Аринѣ. А та ужь дура вдоль и поперекъ. Ее натолкнешь на что-нибудь, тронешь за руку, за плечо, а она отмахивается и бѣжитъ. Думаетъ, что не вѣдь что такое! Придумала, что я къ ней цѣловаться лѣзь. Не видалъ я такой сивой дряни!

— Ты только скажи, что намъ съ снадобьемъ-то твоимъ дѣлать, съ содой-то?

— Повалите ее въ ведро, да и мойте съ ней.

Часовъ около четырехъ дня въ кухнѣ прислуга пила чай, но лакей уже не приглашалъ Акулину и Арину къ чаю. Въ началѣ шестаго часа полы, двери и окна были вымыты, и Акулина пришла объ этомъ сказать лакею.

Лакей сурово, недружелюбно посмотрѣлъ на нее и произнесъ:

— И дня даже не работали, а подай вамъ за день расчетъ.

— Да вѣдь ужь это не отъ насъ. Укажи, голубчикъ, на работу и мы тебѣ до вечера проработаемъ, сказала Акулина.

— Не надо намъ, ничего не надо. Вотъ вамъ восемьдесятъ копѣекъ и проваливайте ко всѣмъ чертямъ.

— За что-же такъ, милый?

— Не учи, сивое невѣжество! Вотъ деньги.

Лакей вынулъ четыре двугривенныхъ и бросилъ ихъ передъ Акулиной на столъ. Та поблагодарила.

Когда онъ пошелъ посмотрѣть, все-ли вымыто, что нужно было вымыть, женщины стояли ужь обув-

шіяся и въ котомкахъ. Онъ посмотрѣлъ на котомки и произнесъ:

— Всѣ-ли вещи-то господскія цѣлы у насъ? Не сперли-ли чего?

— И что ты, голубчикъ! Храни Богъ! испуганно воскликнула Акулина.—Да хоть обыщи насъ.

— Не требуется. Коли чего не хватить, то съумѣемъ и черезъ полицію васъ найти. Все цѣло, окинулъ онъ глазами комнату.—Ступайте.

Акулина и Арина попрощались съ нимъ и съ кухаркой, поблагодарили за хлѣбъ-соль и ушли.

XXIII.

РЫДЯ послѣ работы за ворота на улицу, Акулина и Арина невольно задали другъ другу вопросъ: куда теперь идти? Былъ всего еще шестой часъ и весеннее солнце ярко сіяло.

— Бѣда, коли не знаешь, гдѣ приткнуться, гдѣ переночевать, сказала Акулина.

— Бѣда-то бѣда, а только, Акулинушка, ужъ я куда рада, что мы изъ этого дома ушли, гдѣ полы и двери мыли, отвѣчала Арина.—Очень ужъ меня обидѣлъ этотъ самый... управляющій онъ, что-ли...

— Ну, что, дѣвушка, терпи... Въ людяхъ жить, такъ терпѣть надо. Вѣдь не поддалась. А я вотъ что думаю: вѣдь теперь еще не поздно... Эво, какъ солнце-то стоитъ... Такъ не пойти-ли намъ опять на Никольскій рынокъ? Можетъ статься опять, ктонибудь съ вечера на работу найметъ?

Арина согласилась и онѣ отправились. Поспрашивая, какъ имъ пройти, онѣ черезъ нѣсколько времени пришли къ Никольскому рынку.

Подъ навѣсомъ у рабочихъ на этотъ разъ было многолюднее, чѣмъ вчера. Пришлыхъ деревенскихъ женщинъ съ котомками было до пятнадцати, переминался съ ноги на ногу вчерашній носильщикъ, покуривая махорку въ свернутой изъ газетной бумаги папиросѣ, была вчерашняя женщина съ синякомъ подъ глазомъ, но Фіоны не было. Большинство деревенскихъ женщинъ очевидно были землячки, изъ одного мѣста. Женщинъ семь или восемь сидѣли группой и ужинали, дѣля огромный каравай хлѣба. Около нихъ стояла объемистая деревянная чашка съ варенымъ картофелемъ, купленнымъ у торговки, и онѣ всѣ хозяйничали, выбирая изъ этой чашки картофель. Съ женщиной съ синякомъ подъ глазомъ Акулина и Арина встрѣтились уже какъ съ знакомой.

— Не нанялась еще, милая? спросила ее Акулина.

— Гдѣ наняться! Сегодня почитай что и наймать не было. Плотниковъ брали, мостовщиковъ брали, а женщины съ утра безъ почину сидятъ. Вонъ ихъ сколько.

— Откуда, милыя? Изъ какого мѣста? отнеслась Акулина къ ужинающимъ женщинамъ.

— Демянскія, изъ подъ Демянска, Новгородской губерніи.

— Ну, и мы новгородскія, только Боровичскаго уѣзда. На огороды пріѣхали?

— Приѣхали на огороды, ходили по огородамъ да не берутъ, вездѣ говорятъ, что послѣ Пасхи наймы будутъ.

— Вотъ и намъ тоже самое говорятъ. Никуда еще не нанимались?

— Да куда-же наниматься-то? Два дня ходили по огородамъ и все попусту. Вотъ завтра, коли ежели здѣсь не наймутъ, хотимъ толкнуться къ тряпичнику одному на Петербургскую сторону тряпки и кость перебирать. Тамъ, говорятъ, всегда есть работа. Только ужъ очень дешево платить. Всего по двугривенному въ день и харчи свои, пропитывайся, какъ хочешь,—отвѣчала скуластая съ краснымъ обвѣтреннымъ лицомъ баба.

— Есть, есть, подхватила широколицая женщина.—Лѣтось я у него работала, но работать-то только у него очень непріятно, умницы. Вонь, смрадъ отъ тряпокъ и отъ костей. Иныя вѣдь кости-то отъ падали.

— Да гдѣ-жъ ужъ тутъ духи-то разбирать, коли жрать нечего! возразила скуластая женщина.—При безработицѣ и это работа. Только-бы живу быть. На двугривенный все-таки кой-какъ прокормиться можно. Вотъ завтра пойдемъ его отыскивать, этого самага тряпичника.

— Да нечего и отыскивать, коли я знаю, гдѣ его дворъ, сказала широколицая женщина.

— Ну, вотъ и веди насъ завтра. Здѣсь ужъ видно, что никакого найма не будетъ.

— Все-таки, землячки, завтра утречкомъ нужно

здѣсь посидѣть. Авось, что нибудь и получше на-
кдюнется.

— Ну, утромъ-то посидимъ, а послѣ обѣда и пой-
демъ. Можетъ статья, при двугривенномъ-то онъ и
уголь дастъ, чтобы ночевать, а то вѣдь бродя безъ
дѣла-то каждый день и за ночлеги плати.

— Дастъ, дастъ. У него въ сараѣ ночуй сколько
хочешь. Этого онъ не запрещаетъ. Сарай большущіе-
пребольшущіе.

— Ну, вотъ видишь. Стало быть завтра послѣ
полудня и веди насъ всѣхъ къ нему.

— Только въ сараяхъ-то запахъ. Охъ какой за-
пахъ! сморщилась широколицая женщина.

— Дался ей этотъ запахъ! Люди послѣднія свои
копѣйки безъ дѣла проѣдаютъ, а она: запахъ! заго-
ворили со всѣхъ сторонъ женщины.

— Вы, милыя, ужъ и насъ завтра съ собой возъ-
мите, коли мы никакой работы себѣ не найдемъ,—
сказала Акулина.—Вотъ я съ дѣвушкой... Насъ двое...
На работу мы не привередливы, а тамъ все-таки
двугривенный.

— Ну, вотъ... Не вѣдь откуда пришли, да и
брать васъ!—послышались протесты.—Намъ самимъ
работа нужна. Ищите себѣ сами работы. А то еще
водить васъ, да хлѣбъ у себя отбивать.

— Не отобьютъ, не отобьютъ, милыя. Тамъ всег-
да много работы,—отвѣчала женщина съ широкимъ
лицомъ.—Туда приходи хоть пятьдесятъ человѣкъ,
и всегда про всѣхъ работы хватить, а только не осо-
бенно-то лѣстятся на эту работу, потому иныхъ пря-

мо съ души воротить. Вы вѣдь не знаете, какой запахъ. Очень многія не выдерживаютъ.

— Ну, а мы выдержимъ, стояла на своемъ скуластая баба.—А то чужихъ набирать въ компанію, такъ еще жеребьевка понадобится, кому оставаться на работѣ.

— Да не придется жребія кидать. Говорю тебѣ, что цѣлыя горы костей, тряпокъ и всякаго мусору навалено и тряпичникъ радъ, коли много народу приходитъ. Пойдемте, боровичскія, ничего. Про всѣхъ работы хватить.

— Да мы, умницы, вотъ какъ сдѣлаемъ, сказала Акулина.—Какъ придемъ, да ежели жеребьевка, то мы и отстанемъ. Кидайте вы тогда только промежъ себя жребій, а намъ ужъ не надо. Мы назадъ пойдемъ.

Демянскія женщины не возражали.

Акулина и Арина подсѣли къ своей вчерашней знакомкѣ, женщинѣ съ синякомъ подъ глазомъ. Акулина освѣдомилась, не знаетъ-ли эта женщина что-нибудь о Фіонѣ.

— Это такая въ платкѣ-то закутанная? На манерь кувалды?—спросила женщина съ синякомъ подъ глазомъ.

— Ну, вотъ, вотъ. Еще она все на ноги жаловалась, съ больными ногами. Мы вчера съ ней вмѣстѣ ночевали, такъ интересно-бы знать.

— Ну, знаю теперь, про кого ты спрашиваешь, а то вѣдь много тутотка перебиваетъ. Была она сегодня утречкомъ, да расхворалась. Ходила потомъ въ

больницу, чтобы лечь, да не взяли ее: «не такая, говорятъ, у тебя болѣзнь, чтобы въ больницѣ лежать. Твоя болѣзнь долгая и скоро отъ нея въ больницѣ не поправишься». Посидѣла она тутъ часовъ до четырехъ, поныла да и пошла домой лежать.

— Эка, бѣдная!—покачала головой Акулина.— При болѣзни-то рабочему человѣку просто бѣда! Право, бѣдная.

— Всѣ мы бѣдныя. Всѣмъ намъ бѣда. Жалѣть всѣхъ, такъ и про себя жалости не хватить,— злобно отвѣчала женщина съ синякомъ подъ глазомъ.— Я вотъ четвертый день сюда хожу и хоть-бы грошъ заработала. Да недѣли три уже такое несчастье. День проработаю, а четыре дня безъ дѣла. Платокъ проѣла, подушку проѣла. Теперь и закладывать нечего, только вотъ всего и добра-то, что на мнѣ. Сначала уголь нанимала, а потомъ ужъ хозяйка и изъ угла согнала. Теперь по ночлежнымъ домамъ ночую.

— Да просись вонъ у демянскихъ-то бабъ, чтобы съ собой онѣ тебя завтра къ тряпичнику взяли, — сказала Акулина.

— А съ какой стати мнѣ проситься, коли я въ лучшемъ видѣ знаю, гдѣ этотъ тряпичный дворъ! Я даже сама ихъ поведу на дворъ. Пойдемте и вы, тамъ работы про всѣхъ хватить. Дешево ужъ, только платятъ, охъ, какъ дешево! Вотъ оттого-то я и не шла туда.

Спускались сумерки. Темнѣло. Ожидавшія найма женщины стали собираться на ночлегъ. Со всѣхъ сторонъ слышались разговоры, кто куда пойдетъ.

— Мы вчера на Лиговкѣ, на постояломъ ночевали, говорили демянскія женщины:— да больно ужъ далеко туда идти. Сегодня утромъ оттуда шли, шли сюда—и конца нѣтъ.

— Такъ самое лучшее въ ночлежный домъ, у кого пятачекъ есть. За эти деньги даже покормятъ и чаемъ попоятъ, предложила женщина съ синякомъ подъ глазомъ.—Вотъ и отправимся. Иногда тамъ мѣстовъ не бываетъ, но ежели пораньше придти, то про всѣхъ мѣста хватить.

— А далече, милая, отсюда этотъ ночлежный домъ?—спрашивали демянскія женщины,

— Да ужъ куда ближе, чѣмъ на Лиговку-то переть.

— Ну, такъ пойдете, бабоньки?...

— Да, конечно, пойдете. Она знаетъ, она бывалая.

— Еще-бы! Всѣ ночлежные дома произошла, похвасталась женщина съ синякомъ подъ глазомъ.—Въ одномъ домѣ для всѣхъ ночлега не найдемъ, такъ въ другой сведу. Не вездѣ только кормятъ, чаемъ-то поятъ на ночлегѣ, а ужъ переночевать гдѣ—найдемъ. Коли ежели безъ ѣды да безъ чаю, то и за три копѣйки ночлегъ вамъ сыщутъ.

Всѣ тронулись въ путь подъ предводительствомъ женщины съ синякомъ подъ глазомъ. По улицѣ шла цѣлая толпа женщинъ съ котомками и мѣшками за плечами. Къ этой толпѣ примыкали и Абулина съ Ариной.

ЖЕНЩИНА съ синякомъ подъ глазомъ была предводительшей толпы бабъ по дорогѣ въ ночлежный домъ. Она шла впереди всѣхъ, поминутно оглядывалась и торопила товарокъ. Сначала онѣ шли по тротуару, но первый-же городской сигналъ ихъ на мостовую, сказавъ, что по тротуару съ ношей ходить не велѣно. Пришлось идти по мостовой. Деревенскія женщины, непривычныя къ булыжному камню, торопясь, то и дѣло спотыкались и поправляли съѣзжавшіе съ плечъ мѣшки и котомки. Проходя мимо церквей и часовенъ, онѣ останавливались и крестились. Женщина съ синякомъ подъ глазомъ и здѣсь торопила ихъ.

— Скорѣй, скорѣй, а то опоздаете! Поторапливаться надо. Въ ночлежный домъ, гдѣ за пятакъ и чаемъ поять, очень многіе лѣстятся, а потому мѣста надо захватывать пораньше, говорила она, крестясь на ходу.

Извозчики, видя толпу женщинъ, подшучивали надъ ними и кричали:

— Эй, бабѣ войско! Пушку потеряли!

Женщины смѣялись и шли далѣе.

Когда онѣ пришли, ночлежный домъ еще былъ запертъ для ночлежниковъ, но у входа на лѣстницу уже стояла толпа челоуѣкъ въ пятнадцать, большей

частью мужчинъ. Женщинъ всего было только двѣ или три.

— Въ самый разъ попали... Еще не пускаютъ въ нутро-то. Здѣсь съ восьми часовъ пускаютъ. Теперь попадемъ. Всѣ будемъ въ одномъ мѣстѣ почевать, сказала женщина съ синякомъ подъ глазомъ.—Становитесь только ближе ко входу и не пускайте никого изъ чужихъ впередъ.

Женщины навалились на двери. Двѣ-три изъ нихъ сняли съ себя котомки, положили ихъ на землю и приготовились было садиться на нихъ, но женщина съ синякомъ подъ глазомъ запретила это дѣлать.

— Нѣтъ, такъ нельзя. Надо плечо въ плечо сомкнуться, а то живо кто-нибудь забѣжитъ впередъ и тогда нѣкоторыя изъ нашихъ могутъ не попасть сюда на ночлегъ! кричала она.—Здѣсь впускаютъ по счету, здѣсь женскихъ мѣстовъ не много.

Около ночлежнаго дома бродилъ разносчикъ съ корзинкой и продавалъ желающимъ хлѣбъ и куски варенаго соленого судака. Двое мужчинъ изъ числа ожидающихъ закусывали, отщипывая крохотными кусочками купленную рыбу и отправляя ее въ ротъ, остальные курили, накуриваясь на всю ночь, такъ какъ въ ночлежномъ домѣ курить открыто не дозволяется. Въ большинствѣ случаевъ одна папироска ходила по тремъ-четыремъ ртамъ. И какихъ, какихъ только одеждъ не было у этихъ чающихъ ночлега мужчинъ! Тутъ были и рваныя сермяги, и пестрядинные штаны, заправленные въ худые стоптанныя сапожонки, были ошорки, одѣтые на босую ногу, были дырявые валенки и даже туфли, сплетенные

изъ суконныхъ покровокъ и подшитые кожей отчайныхъ цибиговъ. У нѣкоторыхъ сквозь прорѣхи ветхой одежды сквозило голое тѣло. Въ особенности это выдѣлялось у двухъ ночлежниковъ, одѣтыхъ въ городскіе костюмы. Одинъ былъ въ легкомъ, когда-то гороховомъ, пальто, опоясанномъ мочальной веревкой, такъ какъ оно не имѣло ни одной пуговицы. Около горла, по воротнику, оно было стянуто какой-то грязной тряпицей, но все-таки настолько плохо стянуто, что сквозила голая мохнатая грудь. Владѣлецъ этого пальто имѣлъ на головѣ дѣтскую жокейскую, когда-то свѣтло-синюю фуражку, которая еле-еле держалась у него на макушкѣ. Другой былъ въ мятомъ плюшевомъ цилиндрѣ на головѣ и въ женской ситцевой ватной кацавейкѣ, подпоясанной ремнемъ, изъ короткихъ рукавовъ которой выглядывали красныя жилистыя руки.

Мужчины все прибывали и прибывали. Пришелъ какой-то пьяный усатый человекъ въ рваной кожаной курткѣ и въ валенкахъ и хриплымъ голосамъ сталъ балагурить.

— Три двугривенныхъ, братцы, удалось сегодня съ гробовщика содрать. Человекомъ съ фонаремъ впереди ходилъ... Сорокъ копѣекъ отъ гробовщика да двадцать копѣекъ съ сродственниковъ покойника очистилось, а вотъ теперъ всего только пятакъ на ночлегъ остался да три папироски. Яко благъ, яко нагъ, яко нѣтъ ничего. Все спустилъ за упокой господина покойничка! говорилъ онъ.

— Куда ты пьяный-то лѣзешь! Вѣдь не впускать. Здѣсь строго, замѣчали ему другіе мужчины.

- Да будто я пьянъ? О!
- Конечно-же пьянъ. А то нѣтъ, что-ли?
- Ну, коли по вашему пьянъ, то притворюсь трезвымъ—вотъ и не замѣтятъ.
- Какъ-же не замѣтятъ-то, коли ты шатаешься.
- Я шатаюсь? А хочешь, я сейчасъ по одной половицѣ пройду?
- Иди, иди прочь съ Богомъ.
- Какъ: иди? А гдѣ-же мнѣ нечевать?
- Да въ участкѣ. Самое для тебя лучшее мѣсто будетъ.
- Ну, веди меня въ участокъ, коли такъ. Предоставь. Пусть возьмутъ.
- Очень мнѣ нужно съ пьянымъ возиться. День-то деньской по городу слонялся я, слонялся, такъ только-бы на нары приткнуться.
- Ну, то-то! прищелкнулъ языкомъ пьяный.—Не возьмутъ меня, а то я въ лучшемъ-бы видѣ на даровую квартиру пошелъ. Въ участокъ берутъ только тѣхъ, кто на ногахъ не стоитъ, на тротуарѣ валяется. А я... Хочешь, я сейчасъ предъ тобой трепака спляшу?..
- Тьфу пропасть! Вотъ навязался! Да отойди ты отъ меня, Христа ради! А то и меня могутъ за твою пьяную компанію счесть и не пустятъ. Ну, уйди. Честью тебя просятъ. Вѣдь сейчасъ дверь отворяютъ, а ты тутъ около меня мотаешься.
- О?! А нешто пропить этотъ послѣдній пятакъ?..
- Въ это время щелкнулъ замокъ и отворилась дверь на лѣстницу.
- Протискивайтесь, бабы! Протискивайтесь ско-

рѣй впередь! командовала женщина съ синякомъ подъ глазомъ, стоявшая около самыхъ дверей и влетѣвшая на лѣстницу первая.

Деревенскія бабы и дѣвки толпой хлынули за ней. Въ толпѣ проскользнули на лѣстницу и Акулина съ Ариной.

XXV.

НОЧЛЕЖНЫЙ домъ, въ который попали Акулина и Арина съ товарками, былъ одинъ изъ тѣхъ, которыми завѣдывало общество ночлежныхъ домовъ. Дома эти устроены съ благотворительной цѣлью и хотя общество беретъ за ночлегъ пять копѣекъ съ человѣка, но каждый ночлежникъ обходится обществу гораздо дороже. За пять копѣекъ общество, кромѣ ночлега, вдаетъ ночлежнику передъ сномъ небольшую чашку щей съ кускомъ хлѣба или каши, а утромъ, передъ выходомъ съ ночлега, кружку чаю съ кускомъ сахара.

— Не напирай, не напирай! Столъ опрокинете! Куда всѣ сразу лѣзете! Бабы! Осади назадъ! Осади, говорятъ вамъ, назадъ! Которая будетъ напирать—вонъ вышвырну! раздался съ площадки, у которой кончалась лѣстница, мужской голосъ.

На площадкѣ стоялъ столъ въ видѣ стойки, онъ загоразивалъ входъ въ ночлежныя комнаты и около стола сидѣлъ смотритель дома, онъ-же и кассиръ,

человѣкъ торговаго типа въ потертомъ пальто-пиджакѣ и шапкѣ. Человѣкъ этотъ пропускалъ мимо себя ночлежниковъ, принималъ пятаки и выдавалъ билеты, вырывая ихъ изъ книжки.

Женщины, оповѣщенные предводительшей—женщиной съ синякомъ подъ глазомъ, что въ ночлежный домъ можно и не попасть, ежели мѣстовъ не будетъ, въ особенности напирала на столъ, стараясь протискаться къ нему. Стоялъ говоръ визгливыхъ женскихъ голосовъ. Кто-то кричалъ въ толпѣ:

— Бабоньки! Что-же это такое! Я башмакъ съ ноги потеряла! Дайте-же нагнуть. Вѣдь пропадетъ башмакъ. Какъ-же мнѣ объ одномъ башмакѣ!..

— Вамъ-же сказано, чтобы вы не тискались, бабье племя! Что это такое! Я, ей-ей, перестану билеты выдавать! возглашалъ смотритель.

Арина получила уже билетъ, проскользнула мимо стола и кликала Акулину:

— Акулинушка! Гдѣ ты! Иди скорѣй! А то разрознимся.

— Я здѣсь, здѣсь, милая. Погоди немножко... Сейчасъ... Видишь, пускаютъ по очереди, отвѣчала Акулина, стоя въ толпѣ сзади женщины съ синякомъ подъ глазомъ.

Женщина съ синякомъ подъ глазомъ рылась въ карманѣ, шаря денегъ. У ней оказалось въ наличности только три копѣйки, но смотритель за три копѣйки билета не выдавалъ.

— Какъ-же ты лѣзешь, мать, не сосчитавъ деньги? Вѣдь знаешь, что сюда за три копѣйки не пуска-

ють, а надо пять, говорилъ смотритель.—Ну, ступай назадъ. Нечего тебѣ тутъ толкаться...

— Да у меня, голубчикъ, было пять копѣекъ, три и двѣ копѣйки, да карманъ-то дырявый... Сама считала, что пять. Ахъ, ты Господи! Да неужто-же я двѣ-то копѣйки потеряла?

— А потеряла такъ и уходи. Зачѣмъ-же ты другихъ задерживаешь!

— Пстой, я въ юбка пошарю. Тамъ тоже карманъ.

— Отстраняйся, отстраняйся! Пропускай другихъ. Некогда тутъ шарить да вчерашняго дня искать.

Мѣсто женщины съ синякомъ подъ глазомъ заступила Акулина и ей тотчасъ-же былъ выданъ билетъ.

— Бабоньки! Дайте двѣ копѣйки! Ей-ей, я куда-нибудь эти двѣ копѣйки засунула, обратилась женщина съ синякомъ подъ глазомъ къ товаркамъ, но тѣ молчали и отвертывались.—Акулинушка! Мать родная, снабди двумя копѣйками, Христа ради! Я тебѣ какую-нибудь вещь въ залогъ дамъ. Сама-же я васъ сюда привела и вдругъ сама-же должна вонъ идти. Я вѣдь отдамъ. Право слово, отдамъ.

Акулина вопросительно взглянула на Арину. Та отвѣчала:

— Да дай, Акулинушка. Жалко ее, бѣдную.

Акулина вынула двѣ копѣйки и положила на столъ. Женщина съ синякомъ подъ глазомъ была пропущена мимо стола и, держа въ рукѣ билетъ, говорила:

— Спасибо, голубушка, спасибо. Я вотъ завтра

какую-нибудь вещь продамъ, такъ сейчасъ-же отдамъ тебѣ двѣ копѣйки. И какъ только я эти двѣ копѣйки потерять могла—и ума не приложу! Вѣдь и въ юбочномъ карманѣ нѣтъ.

— Да, потеряла! Чего ты врешь-то! Ты и третьего дня такъ-же двѣ копѣйки теряла, какъ и сегодня. Вѣдь третьего-то дня я ночлежничала съ тобой у Измайловскаго моста, такъ помню, говорилъ въ толпѣ женскій голосъ.—Просто на чужія двѣ копѣйки хочешь ночлежничать. Маклачка извѣстная!

Женщина съ синякомъ подъ глазомъ не возражала и юркнула вмѣстѣ съ Акулиной и Ариной въ женскую ночлежную.

Женская ночлежная была сравнительно небольшая комната о трехъ окнахъ съ нарами въ два яруса по срединѣ и около двухъ стѣнъ. Нары были окрашены темно-красной масляной краской и были раздѣлены въ видѣ стойловъ невысокими перегородками съ возвышеніемъ для изголовья, которое вмѣстѣ съ тѣмъ служило и ящикомъ. Верхняя доска поднималась и туда можно было прятать одежду и котомки. Подстилокъ и подушекъ не было. У третьей стѣны топился маленькимъ огнемъ большой каминъ и вентилировалъ комнату.

— Залѣзай, дѣвоньки, на нары! Захватывай хорошія мѣста, пока нижнія нары не заняты! На верхнихъ-то жарко и душно бываетъ! командовала женщина съ синякомъ подъ глазомъ.—Бери, Акулинушка, голубушка, уголокъ у стѣнки. У стѣнки уголки всегда лучше.

И она даже пихнула Акулину къ угловому стой-

лу на нижнихъ нарахъ, находящемуся около стѣны, а сама залѣзла въ стойло рядомъ и также указывала на стойло Аринѣ.

Черезъ пять минутъ женщины всѣ проскользнули въ ночлежную и, размѣстившись на нарахъ, сидѣли въ отдѣльныхъ стойлахъ и разувались. Запахло прѣлью, потомъ, какой-то кислятиной и воздухъ началъ становиться спертымъ.

— Дѣвушки! Кто хочетъ чулки посушить, такъ идите къ печкѣ. На это здѣсь запрету нѣтъ,—обращалась къ товаркамъ по ночлегу женщина съ синякомъ подѣ глазомъ, какъ бывалая.

— Знаемъ. Безъ тебя знаемъ. Не учи, откликнулась какая-то деревенская баба, все еще относящаяся къ женщинѣ съ синякомъ подѣ глазомъ недружелюбно за то, что она взяла у Акулины двѣ копѣйки, и прибавила: — Подлая тварь! Второй разъ такую штуку продѣлываетъ съ двумя копѣйками. Третьяго дня тоже какую-то дуру облапошила и вымолила у ней двѣ копѣйки. А вотъ не приплати за нее двѣ копѣйки—и у самой-бы у ней эти двѣ копѣйки нашлись-бы. Обѣ закладъ побьюсь, что нашлись-бы.

А женщина съ синякомъ подѣ глазомъ уже вертѣлась около камина и, поднявъ подолъ ушлепанной въ грязи юбки, сушила ее около огня.

Вскорѣ въ сосѣдней комнатѣ раздался звонокъ.

— Къ ужину звонять! Пойдемте къ ужину, товарки! крикнула женщина съ синякомъ подѣ глазомъ и бросилась въ сосѣдную комнату, изъ которой уже распахнули дверь въ ночлежную.

Остальные ночлежницы также повскакали съ нарѣ и направились въ столовую, изъ которой выбивался запахъ горячихъ кислыхъ щей и свѣжеиспеченнаго хлѣба.

XXVI.

КОМНАТА, гдѣ кормили ночлежницъ, была въ тоже время и кухней. Поданы имъ были немудрые щи со снятками, впрочемъ, въ отдѣльныхъ маленькихъ глиняныхъ чашкахъ. Ъли онѣ кто сидя, кто стоя и на-скоро.

Большинство женщинъ усиѣли уже позаправиться ѣдой подѣ навѣсомъ у Никольскаго рынка, а потому особенно голодныхъ не было. Съ жадностью набросилась на ѣду только женщина съ синякомъ подѣ глазомъ. Акулина и Арина, съѣвшія предѣ отправленіемъ на ночлегъ по доброй краюшкѣ хлѣба, хлебали щи только потому, что щи были предложены имъ, а Арина даже отдала свой кусокъ хлѣба, полагающійся къ щамъ, женщинѣ съ синякомъ подѣ глазомъ.

Когда женщины поѣли, ихъ попросили опростать кухню, дабы послѣ нихъ кормить мужчинъ—и вотъ Акулина и Арина вновь на нарахъ ночлежной, Арина лежитъ въ стойлицѣ у стѣнки, рядомъ съ ней въ стойлицѣ помѣшается Акулина, а рядомъ съ Акулиной — женщина съ синякомъ подѣ глазомъ. Всѣ онѣ зѣваютъ и при свѣтѣ не ярко свѣтящей съ по-

толка лампы разговариваютъ. Акулина смотритъ по сторонамъ и умиляется на удобства ночлежнаго дома.

— Скажи на милость, какъ здѣсь хорошо, двушка! говорить она женщинѣ съ синякомъ подъ глазомъ.—Вѣдь вотъ не приведи ты насъ сюда, такъ мы-бы и не знали, что такой хорошей ночлеги за пятакъ есть. Большое тебѣ спасибо, родная. Какъ тебя звать-то, я все не спрошу...

— Лукерьей меня звать, Лукерьей. А насчетъ двухъ копѣекъ, которыя мнѣ дала, ты не безпокойся. Въ лучшемъ видѣ я тебѣ завтра изъ заработка, на тряпичномъ дворѣ отдамъ, а не будетъ заработка, такъ вотъ чулки продамъ, что-ли, а двѣ копѣйки все-таки отдамъ. Не безпокойся.

— Да что за безпокойство! Я и не безпокоюсь. Рада, что помогла. Мало съ кѣмъ какой грѣхъ можетъ случиться! А потерять деньги долго-ли?..

— Ну, вотъ... А тутъ инья бабы не вѣрятъ, что у меня было пять копѣекъ, когда я сюда шла, сомнѣваются, оправдывалась Лукерья. — Главная статья, что у меня карманъ съ прорѣхой! Надо-бы вотъ его зашить, да нитки-то съ иглой нѣтъ. Ты посмотри, какой у меня карманъ...

— Да вѣрю, вѣрю я тебѣ, Лукерьюшка, перебила ее Акулина.

— Еще милостивъ Богъ, что я всѣ пять копѣекъ не потеряла. Только потому и не потеряла, что дырочка-то маленькая въ карманѣ, а будь большая— и трехкопѣчникъ-бы провалился. Деньги были у меня такія, что одинъ трехкопѣчникъ и двѣ мо-

нетки по копѣйкѣ. Копѣйки-то маленькія, такъ провалились въ прорѣшку, а трехкопѣчникъ-то застрялъ.

— Да полно, брось. Ну, что объ этомъ говорить!

— Какъ: что! Двѣ копѣйки—тебѣ фунтъ хлѣба. Конечно, я отдамъ ихъ тебѣ, но все-таки ты меня не знаешь и можешь сомнѣваться.

— Ты сама-то изъ какихъ мѣстъ? Какой губерніи? спросила Лукерью Акулина, чтобы замять разговоръ о двухъ копѣйкахъ.

— Я, Акулинушка, тульская, но дѣвочкой маленькой оттуда изъ деревни привезена и съ тѣхъ поръ тамъ уже не бывала. Теперь я въ мѣщанки приписана... Шлиссельбургская мѣщанка я. Жила и въ Москвѣ, жила и въ Нижнемъ на ярмаркѣ, ну, а теперь годовъ вотъ ужъ шесть въ Петербургѣ живу.

— Больше по прислугамъ жила? интересовалась Акулина.

— Жила и по прислугамъ. Всяко жила. А привезена-то я была изъ деревни въ Москву въ ученье въ цвѣточницы. Я, Акулинушка, когда-то хорошо жила. У меня не только конфекты или тамъ сладости разныя со стола не сходили, а я пивомъ и виномъ обливаться могла, да и виномъ-то дорогимъ, хорошимъ.

— Тсъ... скажи на милость... Замужняя, что-ли?

— Нѣтъ, я дѣвушка. Купецъ тутъ одинъ былъ, который мнѣ большія благодѣянія дѣлалъ. И очень меня любилъ этотъ самый купецъ, даже можно сказать обожалъ, но вдругъ всѣхъ своихъ капиталовъ лишился, запилъ и померъ. Одно только, что онъ женатый былъ. Ну, да что объ этомъ говорить! А жила хо-

рошо за нимъ, такъ хорошо, что даже въ каретахъ подъ часъ ѣздила. Я не только кому-нибудь двѣ копейки въ долгъ давала, а можетъ быть по двадцати рублей давала, да и назадъ забывала требовать, а вотъ теперь пришлось горе горевать. О-о-охъ!

Лукерья начала зѣвать въ слухъ и умолкла. Умолкла и Акулина.

— Ариша! Ты спишь уже? спросила она Арину.

Отвѣта не послѣдовало.

— Умаялась у меня дѣвушка-то на поломоинчаньи сегодня. Ужъ спить, сказала Акулина Лукерья и сама громко зѣвнула.

Лукерья тоже ничего не отвѣтила. Она уже засыпала, посвистывая носомъ. Акулина повернулась на бокъ, поджала подъ себя ноги и сама начала засыпать.

Когда Акулина на утро проснулась, солнце уже бросало свои косые лучи въ окно ночлежной комнаты. За стѣной громко разговаривали мужскіе голоса и кто-то громыхалъ сапогами. Нѣсколько женщинъ было уже также проснувшись. Онѣ сидѣли на нарахъ и почесывались, позѣывая.

— Пятый часъ... говорила одна изъ женщинъ.— Пора вставать, да будить своихъ.

Лукерья и Арина еще спали. Акулина полежала еще немного, потянулась и принялась ихъ расталкивать. Онѣ поднялись, сѣли на нары и принялись обуваться.

— Хорошо, что разбудила пораньше, Акулинушка. Надо вставать да идти на тряпичный дворъ, ужъ ежели мы насчетъ этого двора порѣшили,

сказала Лукерья.—Дорога отсюда не близкая, а онъ, тряпичникъ-то этотъ самый, не любить, кто поздно приходитъ и даже иногда за полдня за работу считаетъ, которыя ежели опаздываютъ, а то такъ пятачекъ не додасть. Хозяинъ очень вороватый. Вставайте, товарки, вставайте! Пора, кто хочетъ на тряпичный дворъ идти! кричала она деревенскимъ женщинамъ.

Черезъ четверть часа всѣ ночлежницы были уже на ногахъ. Акулина вытаскивала уже изъ ящика изъ-подъ изголовья свою котомку.

— Погоди котомку-то брать! Еще вѣдь чаемъ будутъ поить за пятакъ-то, остановила ее Лукерья.

— Чаемъ? Ахъ, милая! Да какъ здѣсь хорошо-то, съ вечера щи, каждому свое отдѣльное мѣсто, чтобы спать; да еще по утру чаемъ поять. Вѣдь это просто рай красный! Арина, слышишь? Еще чаемъ поить насъ будутъ.

— Ну, что-жъ, поъемъ, отвѣчала та.

— Пойдемте, товарки, чай пить, пойдемте,—приглашала Лукерья другихъ деревенскихъ женщинъ.

— А коли чай пить, то надо, стало быть, и помолиться предъ вкушаніемъ,—сказала Акулина, осмотрѣла углы комнаты, нашла образъ и стала креститься.

Крестилась и Арина. Другія деревенскія женщины, глядя на нихъ, тоже крестились. Троекратно наскоро перекрестилась и Лукерья.

Черезъ пять минутъ всѣ ночлежницы пили чай въ кухнѣ изъ глиняныхъ кружекъ. На этотъ разъ въ кухнѣ вмѣстѣ съ женщинами были и мужчины.

Чай пили также кто сидя, а кто стоя, такъ какъ про всѣхъ мѣста для сидѣнья не было. Акулина опять начала умиляться на порядки ночлежного дома.

— Ахъ, милыя, какъ здѣсь чудесно-то! Да кабы всегда такъ жить, такъ и умирать не надо!—говорила она.—Главное, что каждому своя коечка на ночлегъ. А мы вонъ на огородѣ работали день, такъ ночевка-то на полу въ повалку, да полъ-то сырой, холодный. Вчера тоже спали на полу у хозяйки, такъ мужики чуть насъ не задавили, по намъ ногами ступавши. Аришѣ на руку наступили, такъ у ней весь день вчера рука ныла. Хорошо, очень чудесно здѣсь.

— Ну, а ужъ у тряпичника работать будемъ, такъ такого ночлега не будетъ, сказала Лукерья, и опять заторопила товарокъ.—Сбирайтесь, бабы, собирайтесь скорѣй на тряпичный-то дворъ. Нельзя прохлаждаться.

Демянскія женщины, а также Акулина и Арина потянулись въ ночлежную надѣвать на себя котомки. Спустя нѣсколько минутъ, онѣ гурьбой выходили на улицу.

— Подай Боже, чтобы всѣхъ насъ взяли тамъ на работу. А то какъ будетъ обидно, ежели ни съ чѣмъ-то съ этого тряпичнаго двора уйти придется, говорила какая-то баба.

— Будетъ работа, будетъ. Тамъ только дешево ужъ очень платятъ, а работа всегда про всѣхъ найдется, утѣшала ее Лукерья.

ОЛПА деревенскихъ женщинъ подь предводительствомъ Лукерьи двигалась на трепичный дворъ, на Петербургскую сторону, направляясь къ Троицкому мосту. Уличное движеніе только еще начиналось. Попадались плотники съ топорами за поясомъ и съ пилами на плечахъ, идущіе на работу, штукатуры въ картузахъ и сапогахъ, забрызганныхъ растворомъ извести, каменьщики-кладчики и другіе мастеровые. Утро было теплое, ясное, обѣщающее хорошій день. Пройдя версты съ три, женщины стали освѣдомляться у Лукерьи, далеко-ли еще идти.

— Что вы, матери! И половины дороги еще не прошли, отвѣчала та.—До Троицкаго моста столько еще идти, сколько шли, да отъ Троицкаго-то моста нужно колесить, да колесить.

— Въ такомъ разѣ чего-жъ намъ зря сапоги-то топтать! Лучше разуться и идти босикомъ, раздалось среди демянскихъ женщинъ.

— Конечно-же лучше разуться. Сапоги-то еще пригодятся, а сегодня и безъ нихъ тепло, поддержали другіе голоса и нѣсколько женщинъ, присѣвъ на возвышенный тротуаръ и спустивъ ноги на мостовую, стали разуваться.

Разулись и Акулина съ Ариной. Лукерья не ра-

зувалась. Она посмотрѣла на свои рваные сапоги и съ усмѣшкой сказала:

— Ну, а у меня таковскіе, что ихъ жалѣть нечего. Скоро и сами съ ногъ свалятся.

Женщины перекинули сапоги и чулки черезъ плечи и опять отправились въ путь.

Близъ Невскаго проспекта у нѣкоторыхъ женщинъ явилось сомнѣніе относительно тряпичнаго двора и онѣ стали шушукаться, не идти-ли имъ лучше къ Никольскому рынку.

— На Никольскомъ-то рынкѣ на поломойство вонъ по два двугривенныхъ въ день нанимають, а на тряпичномъ дворѣ нужно за двугривенный работать, такъ лучше-же на Никольскій и идти.

— А какъ не наймутъ, да безъ найма просидишь, такъ что тогда? возражала Лукерья.— Наймы-то нынче ой-ой-ой въ какомъ умаленіи. Я вонъ нѣсколько дней на Никольскомъ просидѣла и хоть-бы кто плюнулъ, а на тряпичный-то дворъ иду, такъ ужъ знаю, что тамъ навѣрное два гривенника заполучу.

Сомнѣвались и Акулина съ Ариной, но Акулина спросила Лукерью:

— А ты мнѣ вотъ что, милушка, скажи. Какъ тамъ на тряпичномъ-то: только на одинъ день въ работу возьмутъ или можно и на завтра остаться?

— Да хоть вплоть до Пасхи работай. Тряпокъ и разнаго хлама горы за зиму накопили и все теперь разбирають. Одно только—заработка двугривенный мала, а насчетъ работы не сомнѣвайся.

— Ну, такъ мы съ тобой на тряпичный—и бу-

демь тамъ работать до Пасхи, а послѣ Пасхи ужь, что Боть дастъ, на огородь... рѣшила Акулина.—Идемь, Арина, нечего тутъ думать.

Пять демянскихъ бабъ, однако, попрощались съ товарками и свернули съ дороги, отправляясь къ Никольскому рынку.

— Эй, не промѣняйте, землячки, синицу на ястреба! кричали имъ вслѣдъ товарки...—Лучше вернитесь и пойдите съ нами.

— Ну, будь, что будетъ! Попробуемъ счастья, благо сегодня на харчи и на ночлегъ денегъ хватить, отвѣчали тѣ, махнувъ руками.

Толпа женщинъ порѣдѣла. Вотъ и Троицкій мостъ. Оставшіяся въ толпѣ женщины, хоть и шли за Лукерьей на тряпичный дворъ, но также, видимо, сомнѣвались, хорошо-ли онѣ дѣлають, что идутъ туда.

— А ужь больше двугривеннаго въ день тамъ не дадутъ? спросила наконецъ Лукерью скуластая тощая женщина.

— Нѣтъ, ужь у тамошняго хозяина положеніе двугривенный. Онъ такъ и расчитываетъ на такихъ, которымъ дѣться некуда. Да чего ты сомнѣваешься-то! По нынѣшнему времени, когда работы нигдѣ нѣтъ, и двугривенный Божій даръ.

— Такъ-то оно такъ, но все-таки...

— А ночлегъ, умница, дають? Ты это навѣрное знаешь? допытывалась у Лукерьи женщина съ широкимъ лицомъ. Лѣтось я работала, такъ давали.

— Дають, дають, и теперь дають. Сколько-же разъ я тамъ въ началѣ поста работала. У него сараевъ много. Спи сколько хочешь.

— А ужъ меньше двугривеннаго въ день ряды не бываетъ?

— Не любить онъ вотъ когда опаздываютъ и опоздавшимъ иногда по пятялтынному вмѣсто двугривеннаго предлагаетъ — это точно, ну, да мы сегодня, кажись, не опоздали.

— Ну, вотъ видишь, все-таки бываетъ ряда и по пятялтынному, а за пятялтынный-то какъ-же работать, коли ежели на своихъ харчахъ?

— Да полноте вамъ плакаться-то! Богъ милостивъ.

Перешли Троицкй мостъ и пошли по улицамъ Петербургской стороны. Вотъ и церковь, обнесенная оградой, за которой высились еще голыя, но уже съ надувшимися почками деревья и кустарники. На колокольнѣ заунывно звонили къ заутрени. Женщины остановились передъ церковью и стали креститься. Взоръ Акулины упалъ на часовенку, помѣщающуюся около церкви на углу ограды. Часовенка была открыта и въ отворенную дверь виднѣлся подсвѣчникъ съ нѣсколькими горящими свѣчами передъ старымъ потемнѣлымъ образомъ.

— Голубушки, сложимтесь на свѣчку отъ усердія и поставимте вонъ въ часовенкѣ, предложила товаркамъ Акулина.— Намъ за это Богъ подастъ, что ужъ насъ всѣхъ до единой на тряпичный дворъ въ работу возьмутъ. Умницы, кто усердствуетъ?

Мгновенно опустили руки въ карманы, начались развязываться узелки кончиковъ головныхъ платковъ, гдѣ были у нѣкоторыхъ женщинъ спрятаны деньги, и Акулинѣ стали подавать копѣйки. Подавая монеты, женщины набожно крестились.

— Положи ужъ и за меня копѣечку, Акулинушка, ежели милость твоя будетъ, шепнула Акулинѣ Лукерья.—Двѣ копѣйки я тебѣ должна, ну, а теперь ужъ три должна буду. Я, ей-ей, отдамъ. Ты не сомнѣвайся.

— Ладно, ладно, отвѣчала Акулина, сосчитала деньги и пошла въ часовню купить свѣчку.

Черезъ минуту мірская свѣчка теплилась уже передъ образомъ. Толпа женщинъ стояла передъ входомъ въ часовню и опять набожно крестилась.

— Ну, поторапливайтесь теперь, товарушки, поторапливайтесь, а то какъ-бы не опоздать, да не привязался-бы хозяинъ-то, что поздно пришли, торопила Лукерья женщинъ.

— Нѣтъ, ужъ теперь не привяжется, теперь намъ Богъ поможетъ, потому хорошее-дѣло мы сдѣлали по своему усердію, не попуститъ Царица Небесная, чтобы онъ привязался, весело и увѣренно сказала Акулина и быстро зашагала, стараясь опередить Лукерью.

— Далеко еще идти? спрашивала Лукерью демянская женщина съ широкимъ лицомъ.—Вѣдь вотъ и работала я здѣсь лѣтомъ, а дорогу, хоть убей, не помню.

— А вотъ эту большую улицу пройдемъ, свернемъ въ первый переулокъ, потомъ во второй—въ этомъ, во второмъ переулкѣ и будетъ.

Попадались деревянные домики, выкрашенные желтой или сѣрой краской, весело смотрящіе, но наконецъ начались заборы, которыми были обнесены пустыри. Свернули въ послѣдній переулокъ, прошли далеко уже не весело смотрящій ветхій домъ съ де-

рвяннoй, начинающeй гнить, крышей, мѣстами на которой виднѣлся мохъ. Домъ этотъ совсѣмъ вросъ въ землю, нижняя часть его оконъ, съ заплатками на стеклахъ, почти касалась земли. За домомъ пошелъ покачнувшійся заборъ, сколоченный изъ барочнаго лѣса.

— Вотъ это тряпичный дворъ и есть. Сейчасъ ворота будутъ. Надо въ ворота входить, сказала Лукерья, указывая на заборъ.

— Вотъ, вотъ теперь и я вспомнила! воскликнула женщина съ широкимъ лицомъ.

— Ну, слава Богу! Пришли наконецъ. Коли было-бы хорошо, кабы намъ всѣмъ сюда безъ жеребьевки на работу попасть! послышалось въ толпѣ.

XXVIII.

ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВУЕМЫЯ женщины, Лукерей, вернули въ ворота, сдѣланныя въ заборѣ, и глазамъ ихъ представился огромный грязный дворъ, на которомъ то тамъ, то сямъ стояли покачнувшіеся ветхіе деревянные навѣсы и сараи. Подъ навѣсами виднѣлся разный хламъ, опрокинутыя койки телѣгъ, старые ящики, старыя колеса, оси, дышла, на половину поломанные кузова городскихъ экипажей, виднѣлся даже опрокинутый на бокъ омнибусъ безъ колесъ. Между навѣсами, прямо на землѣ, также были навалены груды разнаго хлама. Груды эти равнялись чуть не съ кры-

шами навѣсовъ. При ближайшемъ разсмотрѣнїи, въ грудахъ можно было видѣть и обручное желѣзо, и ржавые гвозди, и кости, и стеклянный бой, пробки, катушки, жестяныя коробки и банки изъ-подъ консервовъ. На одной изъ грудъ лежала даже портретная, когда-то вызолоченная, рама съ обрывками темнагозакрашеннаго полотна, оставшагося уже только въ одномъ углу рамы. Три женщины буквально въ рубищѣ стояли наклонившись около одной изъ кучъ и, раскапывая палками, выбирали что-то такое изъ нея и складывали въ грязныя корзинки. Когда толпа вошедшихъ на дворъ женщинъ подошла къ роющимъ въ кучѣ женщинамъ, послѣднія обернулись и выпрямились. Одна была старуха и двѣ среднихъ лѣтъ.

— Богъ на помощь,—сказала имъ Лукерья.

— Спасибо, отвѣчала старуха, изъ подъ-лобья поглядывая на пришедшихъ, и прибавила:—Вишь, васъ сколько навалило! Работать, что ли, пришли?

— Да, загнала нужда. А гдѣ прикащикъ? Прикащика-бы намъ повидать.

— Емельяна Алексѣича? Въ трактиръ чай пить ушелъ. Скоро вернется.

— Будемъ ждать, пробормотала Лукерья и, подмигнувъ пришедшимъ съ ней женщинамъ, сказала:— Опоздали вѣдь, милыя.

Демянскія бабы и Акулина съ Ариной мгновенно переглянулись и испуганно покачали головой.

— Стало быть ужъ теперь и по двугривенному не заполучишь? спросила Лукерью Акулина.

— Прикащикъ-то еще ничего, а вотъ хозяинъ...

А все-таки и прикащикъ любить, чтобы пораньше являлись. Вотъ ужъ онъ въ трактиръ чай пить ушелъ. Вы вновѣ, милыя, или уже давно работаете на здѣшнемъ дворѣ? отнеслась Лукерья къ работающимъ женщинамъ.

— Я съ недѣлю, а вонъ онѣ, кажется, третій день, дала отвѣтъ старуха.

— По двугривенному?

— По двугривенному. Здѣсь ужъ положеніе извѣстное.

— Хозяинъ-то самъ еще не выходилъ?

— Да вѣдь онъ никогда такъ рано не выходитъ.

— Нѣтъ, тутъ я какъ-то въ началѣ поста работала, такъ онъ, бывало, спозаранку ужъ бродилъ по двору. Даже самъ и въ работу принималъ, которая ежели... Ухъ, какой жохъ!

— Да вѣдь въ началѣ поста рабочее утро-то когда начиналось? Часу съ восьмаго, потому раньше-то еще темно. Ну, а теперь иной расчетъ, теперь съ шести часовъ... Спать еще хозяинъ. Онъ часовъ въ восемь выходитъ. Вонъ онъ въ томъ домѣ живетъ.

И старуха указала на ветхій деревянный домъ, отгороженный, впрочемъ, отъ двора покосившейся невысокой рѣшеткой.

— Знаю, знаю я. Что ты мнѣ рассказываешь-то! Я бывала.

Старуха и двѣ ея товарки снова принялись за работу. Старуха выбирала изъ кучи пробки, двѣ другія женщины вытаскивали стекло и жестяныя коробки и сортировали ихъ по корзинкамъ. Пришедшія съ Лукерьей женщины присѣли на бревна, ле-

жавшія около запертаго сарая. Изъ сарая пробивалась сильная вонь.

— Фу, какъ смердитъ оттуда, дѣвушки! замѣтила Акулина.

— Тряпки тамъ лежатъ. Всегда пахнетъ. Ужасъ какая вонь. Тряпки то-же всякія есть. А сложены онѣ въ кучу, такъ прѣютъ, спокойно сказала Лукерья.— Вотъ ежели ихъ разбирать заставятъ, такъ ино просто съ души претъ.

Вскорѣ въ воротахъ показался прикащикъ. Это былъ вертлявый человѣкъ съ рыженькой клинистой, очень рѣдкой бородкой, въ картузѣ и синемъ армякѣ. Шель онъ торопясь и размахивая руками. Лукерья и пришедшія съ ней женщины поднялись съ бревень. Подойдя къ женщинамъ, онъ улыбнулся и произнесъ:

— А! Бабья команда! Экъ, васъ сколькохъ проняло придти! То все не было никого, а тутъ какъ словно волки васъ на дворъ загнали. Разъ, два, три, четыре... Одиннадцать душъ, сосчиталъ онъ.— Поработать хотите?

— Возьми, милостивецъ, поклонилась Акулина.

— Да много мнѣ одиннадцать-то душъ. Куда мнѣ столько!

— У васъ, голубчикъ, всегда много работы. Провсѣхъ хватить, сказала Лукерья.

— Хозяинъ осерчать можетъ... Скажетъ: эку уйму бабьяго племени набралъ!

— Не осерчаетъ.

— Цѣну нашу знаете?

— Да по двугривенному, голубчикъ.

— Эво! А по пятялтынному не хотите?

— Не тѣсни, милый. Ну, что тѣснить! Пожалѣй насъ проговорила Акулина.

— Да вѣдь я, коли ежели что, вплоть до страстной пятницы найму. Работайте даже до страстной субботы.

— На этомъ благодаримъ покорно, а только ужъ не утягивай, милый. Вѣдь ужъ у васъ на дворѣ положеніе по двугривенному.

— Положеніе-то положеніемъ, а только голоднаго-то брюха нонѣ много, такъ зачѣмъ баловать! Эво сколько васъ привалило! Вѣдь не отъ радости пришли.

— А не отъ радости, такъ ты горю-то нашему и помощи, опять поклонилась Акулина.

Прикащикъ подумалъ, почесалъ затылокъ и сказалъ:

— Ну, ладно. Начинайте работать. Надо намъ кость отбирать, указалъ онъ.—Вонъ въ грудяхъ лежить. Я вотъ сейчасъ покажу какъ. А только ужъ уговоръ лучше денегъ. Не прогнѣвайтесь, коли хозяинъ выйдетъ на дворъ, да скажетъ, что много народу. Тогда онъ отберетъ сколько ему народу нужно, выкините жребій и кто не попалъ, уходите со двора безъ всякихъ разговоровъ.

— Да полно тебѣ. Вѣдь у васъ страсть что работы... проговорила Лукерья.

— Я не про себя, а про хозяина. Мое понятіе одно, а его другое.

— Мы его попросимъ.

— Ужъ это тамъ какъ хотите, а я сказалъ мое мнѣніе. Ну, пойдѣте. Сейчасъ я вамъ дамъ корзинки и крючки.

— Голубчикъ... Вотъ еще что... перебила его Лукерья.—Ты ужъ само собой и ночевать намъ на дворѣ дозволишь? Вѣдь мы бездомовныя. Намъ вотъ какой нибудь сарайчикъ.

— Бездомовныя... Ночевать... Насъ тоже за ночевку безъ прописки-то по головѣ не гладятъ. Запрещено это нонѣ... отвѣчалъ прикащикъ.

— Полно, голубчикъ. Никто и не узнаетъ. Мы народъ смиренный... Женщины тихія.

— Уйма васъ большая. Это вѣдь не одна, не двѣ. Одиннадцать бабъ—небулавка. Одиннадцать душъ скрыть трудно—вотъ что. Конечно, пустопорожній сарай у насъ есть...

Прикащикъ колебался.

— Паспорты у васъ у всѣхъ въ порядкѣ? спросилъ онъ наконецъ.

— Да какъ-же иначе-то? Въ порядкѣ, въ порядкѣ!

— Ну, ладно, я скажу хозяину. А только вечеромъ послѣ работы, чтобъ показать паспорты.

— Да смотри, голубчикъ, хотъ сейчасъ...

Бабы засуетились и нѣкоторыя изъ нихъ стали снимать съ себя котомки.

— Не надо, не надо теперь, остановилъ ихъ прикащикъ.—Передъ ночевкой и покажете. А теперь зачѣмъ-же?... Ну, идите, котомки-то вонъ въ тотъ са-

рай сложите, а потомъ и за работу... Сейчасъ я отопру сарай.

Прикащикъ полъзъ въ карманъ за ключами, звякнулъ ими и повелъ женщинъ къ сараю, стоящему въ отдаленіи.

XXIX.

ТРЯПИЧНИКА, Акима Михайлова Лузина, было такое обыкновеніе: изъ экономіи онъ никогда не отыскивалъ себѣ работницъ-поденьщицъ на тряпичный дворъ, а ограничивался только тѣми, которыя сами придуть къ нему и попросятъ работы, и при этомъ ужъ болѣе двугривеннаго въ день не давалъ. Женщинамъ и мужчинамъ—всѣмъ была одна плата. Разумѣется, поденьщики и поденьщицы являлись къ нему только въ безработицу, когда дѣться некуда, прямо, чтобы выработать только на скудный насущный хлѣбъ; въ рабочую-же пору, когда трудъ былъ въ спросѣ, дворъ Лузина пустовалъ безъ рабочихъ, но Лузинъ не унывалъ и въ это время ограничивался только тѣмъ, что собиралъ товаръ, то-есть тряпки, кости, жечь, желѣзо, стекло, разный хламъ и валилъ это все безъ разбора въ кучу. Кучи эти лежали и ждали опять безработицы, когда безысходная нужда загонитъ къ нему поденьщиковъ и поденьщицъ для разбора и разсортировки товара. Собираніемъ-же товара занимался у него цѣлый штатъ.

служащихъ у него мальчишекъ, въ большинствѣ случаевъ взятыхъ прямо изъ деревни. Этимъ мальчишкамъ онъ давалъ помѣщеніе, не мудрую, скудную одежду и харчи. На обязанности ихъ лежало ходить по дворамъ съ мѣшкомъ и трехъ-зубнымъ крючкомъ и собирать изъ помойныхъ ямъ и мусорныхъ кучъ товаръ. Утромъ мальчики уходили на промыселъ, а къ обѣду являлись къ хозяину на тряпичный дворъ съ мѣшками, переполненными товаромъ. Ихъ кормили и вновь отправляли на промыселъ вплоть до ужина. Явившихся домой безъ товара не кормили на томъ простомъ основаніи, что, значить, они товаръ набрали и продали на сторону. Ежели мальчикъ часто являлся безъ товара, его выгоняли вонъ. Болѣе усердныхъ сборщиковъ товара, приносящихъ въ день по три и четыре мѣшка, хозяинъ поощрялъ денежными подачками. Нѣкоторымъ, болѣе надежнымъ, мальчикамъ хозяинъ давалъ деньги и на покупку товара. Они ходили по дворамъ и покупали у кухарокъ и иной прислуги кости, бутылки, банки, тряпки, а подчасъ и болѣе цѣныя вещи, часто украденныя прислугой, ищущей случая поскорѣе сбыть ихъ. Тряпичнымъ дворомъ, мальчишками и поденными рабочими завѣдывалъ прикащикъ Емельянъ Алексѣевъ. Совсѣмъ, впрочемъ, дворъ никогда не пустовалъ безъ поденныхъ рабочихъ. Даже и въ дни спроса на трудъ—на тряпичномъ дворѣ всегда работали двѣ или три поденьщицы, по большей части старухи, проживающія гдѣ-нибудь по сосѣдству въ углахъ и негодныя ни на какую другую работу, кромѣ сортировки костей, тряпокъ и желѣза.

Старухъ часто привлекалъ этотъ трудъ потому, что онѣ могли имъ заниматься сидя около кучъ на какихъ-нибудь обрубкахъ дерева, тогда какъ большинство всѣхъ остальныхъ работъ производится стоя.

Демянскимъ деревенскимъ женщинамъ, а также Акулинѣ, Аринѣ и Лукерьѣ прикащикъ Емельянъ Алексѣевъ поручилъ разбирать кучу съ костями и сортировать кости на большія и маленькія, полныя и не полныя и ссыпать ихъ въ мѣшки. Женщины принялись за работу усердно. Работа кипѣла. Прикащикъ стоялъ, смотрѣлъ и одобрительно говорилъ:

— Молодцы, бабы, молодцы! Такъ, такъ...

— Да ужъ мы-то постараемся, а ты вотъ похлопочи-ка, землячекъ, чтобы хозяинъ насъ за наше усердіе чайкомъ вечеромъ попоилъ, сказала Акулина.

— Ну, ужъ этого у насъ не полагается. А получишь вечеромъ двугривенный, такъ на эти деньги можешь пить хоть шампанское, отвѣчалъ прикащикъ и отошелъ отъ поденщицъ.

— Кости-то, дѣвоньки, разбирать рай красный, заговорила баба съ широкимъ лицомъ. — Онѣ хоть и воняють, да не очень. А вотъ какъ я, лѣтось, тряпки разбирала, такъ просто бѣда. Такая вонь, что не приведи Богъ. Да и пыль летить. Бѣдная-пребѣдная пыль эдакая. Глаза кусаетъ, въ носу свербить. И кашель, и чиханье тебя проймаютъ. Ужъ мы въ тѣ поры что дѣлали? Платками ротъ и носъ себѣ завязывали. Право слово.

— Вишь, ты, нѣженка какая! откликнулась Лукерья. — А я такъ здѣсь тоже тряпки разбирала — и ничего.

— Это, дѣвушка, у кого нутро какое. У одного нутро выносить, а у другаго не выносить.

— Неприятно, что говорить, продолжала Лукерья.— Дѣйствительно въ носу свербитъ, но прочихаешься, папирску покуришь—и ничего.

— Ну, мы этимъ баловствомъ не занимаемся, а потому мнѣ куда трудно было, отвѣчала женщина съ широкимъ лицомъ.

Въ это время въ отдаленіи показался самъ хозяинъ двора Акимъ Михайловъ Лузинъ. Его подвдидъ къ работающимъ женщинамъ прикащикъ.

— Хозяинъ идетъ, хозяинъ... заговорила демянская скуластая женщина.— Понавалитесь, дѣвушки, на работу, понавалитесь! прибавила она.

Женщины нагнулись надъ кучей и усердно работали, разбирая кости.

XXX.

ХОЗЯИНЪ тряпичнаго двора, Акимъ Михайловъ Лузинъ, былъ плотный, рослый человекъ съ окладистой русой бородой, съ заплывшими жиромъ глазами и съ значительно выдающимся чревомъ. По одеждѣ онъ ничѣмъ не отличался отъ своего прикащика Емельяна Алексѣева; развѣ только сапоги были тщательно вычищены и имѣли больше сборокъ на голенищахъ. Къ поденъщицамъ хозяинъ подошелъ вмѣстѣ съ прикащикомъ и остановился, барабая себя пальцами по животу. Поденъщицы перестали работать и въ по-

ясь поклонились ему, но онъ не пошевелилъ даже и картуза въ отвѣтъ на поклонъ и сказалъ прикащику:

— Убавлять народа не будемъ. Зачѣмъ обижать, коли ужъ ежели пришли! А только напрасно ты ихъ кость-то разбирать заставилъ. Кость такой товаръ, что можетъ сколько хочешь лежать, ей ничего не дѣлается, а у насъ тряпка прѣветъ, надо намъ на тряпку поналечь и съ ней разобраться. Льняная тряпка всегда въ спросѣ. На нее даже есть у меня и теперь покупатель. Отобрать ее, да и свезти на фабрику.

— Да вѣдь я собственно изъ-за того кость заставилъ разбирать, что думалъ, что не весь народъ возьмете, — отвѣчалъ прикащикъ. — Просто, чтобы имъ безъ дѣла до васъ не мотаться. А потомъ, думаю, отберете сколько народу требуется, такъ я ихъ на тряпку и посажу.

— Всѣхъ оставимъ. Только пересади на тряпку.

— Спасибо тебѣ, господинъ хозяинъ, спасибо, заговорили женщины.

— Ну, вотъ что, бабы... сказалъ прикащикъ. — Поналягте поусерднѣе, съ этой грудой покончите, перенесете кости въ корзинкахъ вонъ подъ тотъ навѣсъ, да я васъ въ сарай посажу. Надо тряпкой заняться. Всѣ четырнадцать душъ на тряпки садить, Акимъ Михайлычъ?

— Всѣхъ, всѣхъ...

— Тетки! Кончайте и вы здѣсь! И вы на тряпки!.. крикнулъ прикащикъ старухѣ и двумъ женщинамъ, которыя рылись за отдѣльной кучей еще

до прихода партіи поденьщицъ, предводительствуемой Лукерьей.

— Что-жь, мнѣ тряпки-то лучше разбирать. Около тряпокъ-то я по крайности сяду и сидя буду разбирать, отвѣчала старуха.—Здѣсь стоя и согнувшись, а старыя-то ноги да спина, самъ знаешь...

— Ну, ты бобы-то не разводи, а слушай...

Хозяинъ потоптался и сталъ уходить. Прикащикъ остался около поденьщицъ.

— Понавались, ребята, понавались! воодушевленно крикнулъ онъ имъ.—А ты, косоглазая, и ты, курносая... Какъ васъ звать-то?.. Вы вотъ ссыпайте кость по сортамъ въ корзинки и стаскивайте подъ навѣсъ въ кучи, такъ дѣло-то скорѣе пойдетъ.

Двѣ демянскія бабы отдѣлились и стали перетаскивать кость подъ навѣсъ. Вскорѣ къ нимъ присоединились и Акулина съ Ариной, ибо разборъ кучи приходилъ уже къ концу. Прикащикъ завелъ связкой ключей и пошелъ отворять сарай, гдѣ были сложены не разсортированныя еще тряпки. Скрипнули полотна широкихъ сарайныхъ дверей, распахнувшись настежь, и всѣхъ обдало дѣйствительно сквернымъ, противнымъ запахомъ грязныхъ тряпокъ.

— Ну, что, дѣвушки, не говорила я вамъ? Слышите, какой противный духъ пошелъ! сказала товаркамъ демянская баба съ широкимъ лицомъ, морща носъ.

— Ну, чего ты пугаешь-то?! перебила ее Лукерья.—Это оттого, что тряпки въ заперти были, а сейчасъ провѣтрятся и духъ будетъ меньше.

— Ну, идите! Идите сюда всё въ сарай! маниль прикащикъ женщинъ...—Вотъ тряпка... указалъ онъ имъ на цѣлые ворохи тряпья, когда онѣ подошли и остановились на порогѣ дверей.—Тутъ она у насъ разная, безъ разбора, всёхъ сортовъ. Тутъ и льняная, тутъ и шерстяная, тутъ и бумажная, такъ нужно ее по сортамъ...

— Знаемъ... Не учи... Ученыя... Работали здѣсь... отвѣчала Лукерья.

— Кожа попадается — кожу тоже отдѣльно кладите. Да которая тряпка ежели комкомъ, то вы ее разворачивайте, а такъ не кладите. Нужно, чтобы провѣтрить и просушить. Ну, съ Богомъ. Принимайтесь... Работа эта не трудная. Тутъ и присѣсть можете.

Женщины принялись за тряпки. Полетѣла пыль отъ перепрѣлаго волокна. Прикащикъ чихнулъ и шутя, прибавилъ:

— Что твой табакъ носъ свербитъ. Которыя ежели изъ васъ нюхающія, такъ табаку покупать не надо. Первый барышъ.

Зачихали и женщины. Демянская баба съ широкимъ лицомъ чихнула разъ пять, такъ что на глазахъ ея выступили даже слезы и, смѣясь сказала:

— Фу, бабенки! Даже безъ удержу и до слезъ...

— На табачной фабрикѣ, такъ даже хуже, коли ежели безъ привычки, ободрительно произнесла Лукерья.—Тамъ такой чихъ и кашель поднимется, что просто бѣда, а потомъ привыкнешь, обтерпишься— и ничего.—Ты на табачной-то фабрикѣ работала-ли?

— Да гдѣ-же работать-то!

— Ну, а я работала. На табачной фабрикѣ даже чахотку въ нутро нагнать можно.

— Да и здѣсь нагонишь, коли подольше поработать.

— Отъ тряпокъ-то? хватила тоже!

— Да вѣдь тряпки-то грязныя... Кто ихъ знаетъ, откуда онѣ? Ну, смотри... Вотъ даже тряпка въ крови... Вѣдь это кровь засохшая. Оттого она такъ и смердитъ. Тьфу!

Чихали, кашляли и плевались и Акулина съ Ариной. Нѣкоторыя женщины завязали ротъ и носъ шейными ситцевыми платками, оставивъ открытыми только глаза, въ томъ числѣ и Арина, но черезъ полчаса стали одна за другой снимать обвязки.

— Обтерпѣлись? спросила Лукерья.

— Да хуже съ платками. Больше еще, кажется, подъ платокъ-то пыли идетъ. Да ужъ теперь и ничего... Принюхались.

— Ну, что? Не говорила-ли я вамъ? И, миленькія! Человѣкъ ко всему привыкаетъ.

— Не скажи... Поработать съ недѣлку эдакимъ манеромъ, такъ и глаза вспухнуть и вереда по всему тѣлу пойдутъ,—возразила старуха въ рубищѣ.— Я вотъ часто здѣсь работаю, такъ у меня разъ что-же?.. Вдругъ ни съ того, ни съ сего рана на ногѣ и струпя на головѣ. Пошла я къ доктору—прямо говорить, что отъ тряпокъ. Далъ мазь, упростила я хозяина, чтобы мнѣ съ тряпки на пробку и на желѣзо со стекломъ перейти—ну, и прошло, а то чистая бѣда. Доктора сильно эту самую тряпочную работу запрещаютъ.

— Ну, докторовъ-то послушать, такъ безъ куска хлѣба насидишься, — отвѣчала демянская женщина съ широкимъ лицомъ.

— А ты часто, бабушка, здѣсь работаешь?—спросила старуху Акулина.

— Часто. Я у него, у здѣшняго хозяина, чуть-ли не постоянная. Я тутотка около и живу, вонъ въ томъ переулкѣ. Дешево онъ платить, да за то близко мнѣ изъ дома ходить, да и всегда работа есть.

— Питерская?

— Николаевская солдатка я. Три рубля пенсіи въ мѣсяць получаю. На уголь-то вотъ есть, а на пропитаніе не хватаетъ—ну, и надо работать. Жила я и по прислугамъ прежде — да что! Такъ лучше. Хоть ино не допьешь, не доѣшь, а все-таки въ углу сама себѣ госпожа. Да и не берутъ нонѣ въ прислуги-то: говорить, что стара стала. Бѣдность-то бѣдность, а ничего—живемъ день за день изъ кулька въ рогожку...

Изъ Петропавловской крѣпости съ колокольни стали доноситься куранты, отбивающіе двѣнадцать часовъ, вдали около хозяйскаго дома мелькали мальчишки-тряпичники, вернувшіеся къ обѣду съ промысла. Нѣкоторые изъ нихъ подходили къ кучамъ на дворѣ и вываливали изъ мѣшковъ собранный по помойнымъ и мусорнымъ ямамъ товаръ. Все это работающія въ сараѣ женщины видѣли сквозь отворенныя двери сарая. Вскорѣ въ сарай заглянулъ прикащикъ и сказалъ женщинамъ:

— Шабашьте. До двухъ часовъ у насъ на обѣдъ и на отдыхъ полагается.

Сидѣвшія среди тряпокъ женщины стали подниматься, выпрямлялись, потягивались и выходили изъ сарая на воздухъ.

XXXI.

ИЖНО было обѣдать. Почти ни у кого изъ женщинъ никакого продовольствія не было. Только двѣ демянскія бабы принесли съ собой въ котомкѣ по небольшой краюшкѣ хлѣба, да и то онъ былъ черствый. Стали сговариваться, чтобы сообща купить хлѣба и соли, а у прикащика попросить ведерко воды на запивку и ковшичекъ. Подговаривала всѣхъ Лукерья. Она вызывалась и сходить въ лавку за хлѣбомъ.

— Сколько насъ всѣхъ? ораторствовала она.— Нашей компаніи одиннадцать душъ, да три чужія—четырнадцать стало быть. Ежели на четырнадцать женщинъ каравай хлѣба въ двадцать три или четыре фунта купить, то намъ за глаза довольно. Польшфунта соли на всю братію. Давайте, дѣвушки, по пятачку съ сестры, а что лишнее будетъ — я потомъ возвращу. Расчитаемся. Не разносоловъ еще какихъ-нибудь покупать отъ двугривеннаго зароботка.

— Лучку-бы, милыя, по головкѣ, лучку... Очень ужъ хорошо этотъ лукъ на ѣду тянетъ и всякая ѣда отъ него вкусна, предложила какая-то демянская баба.

— Лучку! перебила ее демянская баба съ широ-

кимъ лицомъ. — А ты знаешь-ли, что въ Питерѣ лукъ-то стоитъ?! По кофѣйкѣ за головку, меньше не отдадутъ, а это полфунта хлѣба. Нѣтъ, Бегъ съ нимъ, съ лукомъ! Такіе-ли сегодня заработки, чтобы лукъ ѣсть!

— Да вы сыпьте по пятачку-то. Можетъ быть, я ухищрюсь на эти деньги и нѣсколько головокъ луку купить. Ну, по половинкѣ луковки подѣлимъ, коли ежели мало лавочникъ дастъ, а все-таки будемъ съ лукомъ. Амфисупка! Давай пять кофѣекъ! приставала Лукерья въ женщинамъ и подставляла демянской бабѣ съ широкимъ лицомъ поднятый подолъ своего платья.

— Да ты сначала сама-то пятачекъ просыпь. Что ты къ намъ-то пристаешь! Вишь, какая непрошенная старостиха выискалась! Бѣто тебя выбрали? огрызнулась на Лукерью демянская баба съ широкимъ лицомъ, вспомя, что у Лукерьи и вчера не хватило двухъ кофѣекъ на ночлегъ, да и сегодня утромъ Акулина положила за нее кофѣйку на свѣчку. — Сынь! пятакъ-то, раскопеливайся. Посмотрю я, откуда у тебя деньги найдутся!

Лукерья опѣшила. У нея дѣйствительно не было ни гроша денегъ.

— Будь спокойна, насыплю и я. Я теперь на работѣ. Пятачекъ-то я завсегда могу у прикащика спросить. Поль-дня отработала.. Олама тебѣ, Господи! смущенно отвѣчала она.

— Такъ прежде поди и спроси, а потомъ и старости. А то «сыпьте, сыпьте», а у самой ни полушки!

Нѣкоторыя изъ демянскихъ женщинъ, приготовившія уже деньги, чтобы бросить Лукерѣ въ подоль, попридержали деньги.

— Конечно-же, прежде поди спроби пять копѣекъ у прикащика, а деньги собереть вонъ Анфиса, чтоли, да и сходить въ лавку за покупками, заговорили онѣ, указывая на землячку съ широкимъ лицомъ.—Она тоже бывалая въ Питерѣ, знаетъ, какъ и что испушить.

Лукерья совсѣмъ сконфузилась и, опустивъ передъ поднятаго платья, сказала:

— Экія вы какія невѣроятныя, Богъ съ вами. Денегъ нѣтъ! Да я, ежели и не брать у прикащика, такъ завсегда могу чулки продать. Вонъ у меня чулки-то... Нигдѣ ни дырочки. Всѣ паголенки крѣпкія. Развѣ только что пятка продралась. Чулки продать, такъ за нихъ...

— Такъ ты поди да и продай. Чего тутъ разговаривать! возвысила голосъ демянская скуластая женщина. — А то хочешь старостихой быть да на артельные покормиться. Знаемъ мы васъ, питерскую шишгаль!

— Сдѣлай, братъ, одолженіе. Никогда я на чужія не кормилась, огрызнулась въ свою очередь Лукерья. — Около меня вотъ дѣйствительно разная шентрона кормилась, когда я при своихъ достаткахъ жила.

— Было да прошло. Что тутъ вспоминать, что было да прошло! А теперь ты голь перекатная, да и норовишь въ чужой карманъ заѣхать.

— Я? Я норовлю заѣхать? Ахъ, ты кислая дрянь!

подбоченилась вышедшая изъ себя Лукерья.—Укажи, къ кому я заѣхала?

— Да вонъ вчера на чужія двѣ копѣйки ночевала. Сегодня утромъ опять... Ужъ на что Богу на свѣчку— и то копѣйку у чужого человѣка выклянчила.

— Не выклянчила, а въ займы взяла, кислая ты дрянъ. Да и не у тебя взяла-то, такъ чего ты горло дерешь! Отдамъ я, все до полупечки отдамъ. Возьми, Акулинушка, мои чулки и дай мнѣ еще двѣнадцать копѣекъ. За пятнадцатый отдамъ. Чулки хорошіе. Пятки заштопать, такъ совсѣмъ новые будутъ. Три копѣйки я раньше у тебя взяла, да теперь двѣнадцать дашь, такъ въ расчетъ и будемъ.

Лукерья сѣла на землю и принялась разуваться.

— Да не надо мнѣ, не надо твоихъ чулокъ, откликнулась Акулина.—Ну, куда мнѣ такіе тонкіе чулки! Что я барыня, что-ли! Лучше ужъ такъ пятакъ за тебя положу.

Акулина полѣзла въ карманъ за деньгами.

— Эй, не давай ей, дѣвушка, больше денегъ! Надуетъ! кричала Акулинѣ женщина съ широкимъ лицомъ.

— Не надуетъ. Что-жъ, надо-же ей пропитаться. А ужо вечеромъ отъ прикащика двугривенный расчету возьметъ—мнѣ и отдастъ восемь копѣекъ. Никто какъ Богъ.

Акулина перекрестилась и, держа въ рукахъ три пятака, прибавила:

— Сбирайте-же, бабоньки. Вотъ за меня, за Арину и за Лукерью. Сбирайте вы, демянскія, васъ больше здѣсь, вы артель.

— Сбирай, Анфиса! Сбирай, Анфисушка! Будь ты старостихой! кричали демянскія женщины.

Анфиса сняла съ шеи ситцевый платокъ и разострала его на землѣ. На платокъ посыпались мѣдныя деньги. Положила туда-же Анфиса и свой платъ.

— Вотъ такъ-то ладнѣе будетъ! слышалось у демянскихъ бабъ.

Старуха — николаевская солдатка, между тѣмъ, уходила со двора.

— А ты что-жь, бабушка! Или не хочешь въ нашу артель присосѣдиться? спросила ее Акулина.

— Зачѣмъ-же въ вашу артель пойду, коли я сама по себѣ? отвѣчала старуха.—У меня уголь есть. Я вотъ пойду домой, по дорогѣ захвачу въ лавочкѣ на двѣ копѣйки трески, да на двѣ копѣйки хлѣба, да дома на спокоѣ поѣмъ, на койкѣ своей отдохну послѣ обѣда. Живу-то вѣдь, почитай, рядомъ...

Отказались отъ компаніи и двѣ другія женщины, работавшія вмѣстѣ съ старухой, и отправились тоже съ ней, проговоривъ:

— У насъ тоже свои углы есть. Что намъ на вонючемъ дворѣ отдыхать!

— Пойдите. Покажите хоть лавка-то гдѣ здѣсь! Проводите меня хоть до лавки-то! кричала имъ въ слѣдъ Анфиса и, собравъ со всѣхъ деньги, послѣшно побѣжала за уходящими женщинами.

— Лучку-то, лучку-то хоть немножко для вкуса захвати! говорили ей въ догонку демянскія бабы, оставшіяся дожидаться ѣды.

Всѣ тотчасъ-же начали выбирать чистенькое мѣ-

сто на дворѣ, гдѣ-бы можно было расположиться для обѣда. Стихнувшая Лукерья, поблагодаривъ Акулину за довѣріе пяточка и поцѣловавъ ее даже за это, желая хоть чѣмъ-нибудь услужить компаніи, побѣжала на хозяйскій дворъ добывать ведро воды и ковшикъ.

— Лукавая! Охъ, какая лукавая пройдоха! Палець ей въ ротъ не клади! кивали на удаляющуюся Лукерью демянскія женщины.

Вскорѣ Лукерья вернулась съ ведромъ воды и ковшикомъ.

— Нѣтъ прикащика-то, куда-то ушелъ, а то-бы ужъ я у него выпросила восемь копѣекъ и отдала-бы тебѣ долгъ, обратилась она къ Акулинѣ. — Ведро и ковшичекъ ужъ у хозяйской кухарки выпросила. Вотъ, дѣвушки, получайте кофей, пошутила она, указывая на воду въ ведрѣ.

Пришла и Анфиса съ караваемъ хлѣба и пяточкомъ луковиць.

— И луковокъ раздобыла? Вотъ за это спасибо! улыбнулась женщина съ скуластымъ лицомъ. — Спасибо, Анфисушка. Луковки кусочекъ отлично.

— Что-жъ ты хлѣбъ-то не велѣла въ лавкѣ нарэзать? замѣтила Анфисѣ Акулина. — Какъ-же мы теперь будемъ нерѣзанный-то дѣлать?

— У насъ свой ножъ есть. Мы съ хозяйствомъ... — отвѣчала Анфиса. — Бывалыя въ Питерѣ полольшницы всѣ съ ножами. Безъ ножа иной разъ и грядку не прополешь, которая ежели травой заросла. Аграфена! Доставай-ка изъ мѣшка твой ножъ. Твой ножъ-то, мать, новый, такъ повострѣе, — обратилась

она къ землячкѣ. — Да весь-то хлѣбъ рѣзать не будемъ, будемъ рѣзать по' немного, сколько съѣстся, а то разрѣванные-то остатки скоро сохнутъ и черствѣютъ.

Явился ножъ. Компанія женщинъ покрестилась и усѣлась на землѣ вокругъ ведра съ водой. Анфиса крошила на кусочки луковицы и, положивъ ихъ на разостланный платокъ, принялась кропать отъ каравая ломти хлѣба. Женщины глядѣли на лукъ и облизывались.

— Кабы были у насъ ложки да можно-бы было гдѣ-нибудь раздобыться чашками, то тюрю изъ хлѣба-то съ лукомъ на водѣ сдѣлать... То-то было-бы хорошо, дѣвушки, похлебать! говорила демянская женщина съ скуластымъ лицомъ.

— Вишь, лакомка! Хороша и безъ тюри, отвѣчала ей Анфиса.

XXXII.

ЖЕНЩИНЫ предвкушали уже удовольствіе ѣды, какъ вдругъ Акулина воскликнула:

— Ой, бабоньки! Какъ-же мы это послѣ такой грязи съ неумытыми руками ѣсть собираемся? Въ попыхахъ-то вѣдь мы и забыли умыться. Отъ рукъ-то вѣдь страсть какъ воняетъ послѣ тряпокъ, да и въ носу свербить.

— И то дѣло. Въ самомъ дѣлѣ, не помывшись-то не хорошо за хлѣбъ руками браться. Какія онѣ такія эти самыя тряпки, кто ихъ вѣдаетъ,—откли-

кнулись другія женщины и стали подниматься съ земли.—Ведро воды есть и ковшикъ есть, а для питья-то можно и во второй разъ съ ведромъ за водой сходить.

— Ариша! Добѣги-ка, дѣвушка, до сарая, да вынь полотенце изъ котомки,—сказала Акулина Аринѣ.

Пошли въ сарай и другія женщины. Появились полотенца. Арина, кромѣ полотенца, принесла и мыло. Началось умыванье. Лукерья черпала ковшикомъ воду изъ ведра и лила ее женщинамъ на руки, стараясь хоть этимъ услужить имъ, дабы онѣ были съ ней въ ладу. Но женщины, кромѣ Акулины и Арины, косились и продолжали недружелюбно относиться къ ней. Акулина полила Лукерью въ свою очередь воды на пригоршни, и когда та умылась, дала ей утереться своимъ полотенцемъ.

Только Анфиса отказалась умываться, сказавъ:

— А я не въ васъ, милыя. Я какъ въ лавку давеча побѣжала, первымъ дѣломъ въ придорожной канавкѣ на улицѣ около забора умылась, а пока въ лавку да изъ лавки ходила, Богъ высушилъ

Лукерья сбѣгала съ ведромъ вновь за водой, всѣ опять усѣлись вокругъ ведра и началась скромная трапеза.

Пообѣдавъ, женщины начали зѣвать. По заведенной рабочей привычкѣ ихъ тянуло ко сну. Одна за другой отправились онѣ въ сарай и улеглись на полу, положивъ подъ головы мѣшки и котомки. Приютилась въ уголкѣ и Лукерья, положивъ подъ голову полѣно, обернутое въ головной платокъ, такъ какъ у нея даже ни мѣшка, ни котомки не было. Въ са-

раѣ, отведенномъ женщинамъ прикащикомъ подъ ночлеги и для отдыха, также пахло прѣлыми тряпками, хотя и въ меньшей степени чѣмъ въ томъ сараѣ, гдѣ онѣ сортировали тряпки, но женщины не обращали уже вниманія на этотъ запахъ и заснули крѣпкимъ сномъ.

Въ два часа дня надъ ними раздался возгласъ прикащика, кричавшаго.

— Эй, вы, долгогривыя! Чего разнѣжились! Вставайте! Два часа уже било! За работу пора.

Потягиваясь и позѣвывая, повскакали женщины и стали переходить на работу въ другой сарай. Старуха и двѣ ея спутницы были уже тамъ и работали.

И опять сортированіе вонючихъ тряпокъ вплоть до вечера, вплоть до возгласа прикащика: «шабашъ. Стройся въ рядъ. Сейчасъ по двугривенному одѣлять буду».

Женщины вышли изъ сарая и размѣстились въ рядъ по наружной стѣнкѣ. Прикащикъ, пересыпая съ руки на руку стопочку мелочи, сталъ подавать каждой заработанныя ею деньги.

— На завтра-то примешь, милостивецъ, насъ на работу?—пытливо и боясь отказа, спрашивали его деревенскія женщины.

— Есть приказъ отъ хозяина, чтобы всѣхъ взять, хотя не понимаю я, куда ему такую уйму,—отвѣчалъ прикащикъ.

На лицахъ женщинъ выразилась радость.

— Ну, вотъ спасибо, ну, вотъ спасибо,—заговорили онѣ.—Ночевать-то, стало быть, намъ здѣсь на дворѣ позволишь, какъ сказалъ?

— Отъ слова не отопрусь. А только въ порядкѣ-ли у васъ паспорта? Чтобы безпаспортныхъ между вами не было.

— Да что ты, милостивецъ! Изъ деревни въ Питеръ на заработки пришли, такъ нешто можно безъ паспортовъ... Вотъ посмотри. Паспорты у насъ въ котомкахъ.

И деревенскія женщины сдѣлали движеніе, чтобы идти въ сарай, гдѣ были сложены ихъ котомки.

— Не надо, не надо. Не про васъ рѣчь, — отвѣтилъ прикащикъ, окинувъ подозрительнымъ взоромъ Лукерью и сказалъ:—А вотъ ты, питерская стрекоза въ серьгахъ, покажи паспортъ. У такихъ новыхъ дамъ не всегда бываетъ.

Лукерья вспыхнула, но тотчасъ-же полѣзла къ себѣ въ чулокъ и вынула оттуда изъ-за подвязки замасленный паспортъ и подала прикащику, говоря:

— Сдѣлай, братъ, одолженіе, голубчикъ. Паспортъ у насъ завсегда есть.

Прикащикъ посмотрѣлъ на паспортъ и тотчасъ-же возвратилъ его.

— Ну, и ты можешь остаться. Спи въ волю.

Получивъ расчетъ, Лукерья тотчасъ-же отдала Акулинѣ восемь копѣекъ долгу, но отъ участія въ складчинѣ на ужинъ отказалась и, позвякивая мѣдяками, отправилась съ тряпичнаго двора на улицу.

Демянскія бабы, Акулина и Арина ужинали въ компаніи при томъ-же порядкѣ, какъ и обѣдали. Когда онѣ кончили ужинъ, Лукерья еще не было. Смеркалось. Въ хозяйскомъ домѣ замелькали уже огни. Походивъ безцѣльно по двору, посидѣвъ на

бревнахъ, женщины стали собираться на ночлегъ. Когда онѣ пришли въ сарай и улеглись спать, Лукерья все еще не возвращалась.

— Пропала наша модница-то,—сказала про Лукерью Анфиса, позѣвывая и свертываясь калачикомъ, чтобы подтянуть подъ юбку начинавшія забнуть ноги.

— Да поди, въ кабакѣ сидить. Двѣнадцать-то копѣекъ зашевелились у ней—вотъ и надо имъ протереть глаза. Пьющая бабенка, это сейчасъ видно,—отвѣчала какая-то демянская баба.—Съ чего у ней синякъ-то во весь глазъ? Прямо пьяная на какой-нибудь уголь налетѣла да и задумала его съ мѣста сдвинуть.

— И полно, дѣвушки, вамъ языки-то точить! Не осуждайте. Бѣдная она, остановила женщину Акулина.—Осуждать грѣхъ.—У ней вонъ даже полотенчика нѣтъ, чтобы лицо послѣ умывки обтереть.

— Оттого и полотенца нѣтъ, что пьющая. Пропила.

Въ сараѣ уже всѣ спали, похрапывали и посвистывали носомъ, когда вернулась Лукерья. Только Акулина не спала и слышала, какъ вошла Лукерья. Вошла она замѣтно нетвердыми шагами, на что-то наткнулась и выруталась. Акулина замѣтила, что въ рукѣ ея была зажженная папироска.

— Акуль... А Акуль... Гдѣ ты растянулась? Откликнись...—проговорила Лукерья пьянымъ голосомъ.

Акулина притворилась спящей и не отвѣчала.

Лукерья опять выруталась, тихонько замурлыкала какую-то пѣсню, но языкъ Лукерьи заплетал-

ся. Она плюнула, пыхнула еще разъ папирской и стала опускаться на полъ.

— Акуль... Да неужто ты дрыхнешь? А я тебѣ какое происшествіе хотѣла...

Отвѣта не послѣдовало и Лукерья умолкла. Черезъ минуту и ея храпъ присоединился къ сопѣнью другихъ женщинъ.

XXXIII.

НАРТОВСКІЯ ночи въ Петербургѣ бываютъ всегда очень холодныя. Большинство спавшихъ въ сараѣ деревенскихъ женщинъ, кромѣ коротенькихъ душегрѣекъ да сермяжныхъ армяковъ, никакой другой теплой одежды не имѣло. Полушубки были только у Анфисы да еще у другой демянской женщины, но и то съ протертой овчиной, дырявые. У Лукерьи-же ничего не было, кромѣ ветхой драповой кофточки и такого же ветхаго байковаго платка. Сарай былъ изъ барочнаго лѣса, да къ тому-же и съ не вполне припертыми дверьми. Спать было холодно. Женщины подтягивали подъ себя ноги, прикрывались чѣмъ только было можно, лежали въ плотную другъ къ дружкѣ чтобы было сколько нибудь теплѣе, но все-таки то и дѣло просыпались отъ холоду. Подъ утро нѣкоторыя изъ нихъ попробовали улечься между мѣшками и кулями съ разсортированными уже тряпками, наваливая на ноги мѣшки, но и это плохо сог-

рѣвало. Подниматься онѣ начали ранѣе обыкновеннаго, едва только еще свѣтъ забрезжился. На дворѣ стоялъ морозный утренникъ. Доски и разный хламъ на дворѣ были подернуты бѣлымъ инеемъ. Какая-то лихорадочная дрожь обхватывала все тѣло.

— Фу, дѣвушки! Совсѣмъ цыганскій потъ пробираетъ, сказала Акулина, еле попадая зубъ на зубъ.

Вся посинѣвшая, дрожала отъ холода и Арина. Отъ холоду всѣ начали размахивать руками, приплясывать, чтобы хоть сколько нибудь согрѣться. Лукерья еще спала, забравшись совсѣмъ подъ мѣшки съ тряпками, и оттуда торчала только ея голая нога, обутая въ дырявый сапогъ.

Анфиса взглянула на нее и сказала:

— Насдавала вчера въ себя на каменку, такъ вотъ и спать. А сильно, дѣвушки, она вчера, должно быть, хвативши пришла. Ночью я проснулась. Что, думаю, на меня это виномъ, словно изъ кабака, садить, а это она ко мнѣ подъ бокъ подкатилась, да полу моего полушубка на себя и натянула. Вѣдь должна была перелечь я, свѣтики. Очень ужъ я не терплю перегару-то этого самаго.

— А съ меня такъ она прямо армякъ сдернула, да имъ и покрывалась, право слова, рассказывала другая баба.— Свѣтъ-то еле-еле мерцалъ, такъ на силу розыскала я свой армякъ. Подъ мѣшки-то, должно-быть, это она недавно подлѣзла. Лукерья! Чего ты дрыхнешь! Вставай.

— Оставь ее... Пушай проспится, остановила землячку Анфиса.

— Ну, что-жь, бабоньки, теперь дѣлать? За работу приниматься, что-ли? спрашивала Акулина.

— Да еще рано. Поди, какъ начинать, такъ прикащикъ выдетъ и скомандуетъ, отвѣчали ей.—Чего надсажаться-то.

— Умыться-бы слѣдовало, слышалось гдѣ-то.—Да какъ начнешь умываться холодной водой, такъ еще хуже въ такую стужу продрогнешь.

— Какое теперь умыванье! поддержали другія женщины.—Поѣсть теперь малость. Ъда—она грѣеть, черезъ ѣду теплѣе...

— Да какъ-же это не умывшись-то и лба не перекрестя ѣсть... раздалось возраженіе.

— Ну, вотъ... Богъ проститъ.

— Ужаси какъ холодно! жалась Анфиса.—Нѣтъ, вторую ночь, кажется, такъ не проспишь. Надо куда нибудь на постоялый...

— Да вѣдь на постоялый-то идти—надо, милыя, три копѣйки платить, а здѣсь даромъ спи, возражали другія женщины,

— Артелью дешевле пустягъ. Поторговаться, такъ за двугривенный всѣхъ пустягъ. Надо вотъ только разузнать, гдѣ здѣсь постоялый. Ну, по двѣ копѣйки...

— Да вѣдь и по двѣ копѣйки, ежели, Анфисушка, то тоже расчесть.

— Такъ чтожь околѣвать-то отъ холоду! Подохнешь, такъ хуже... Лучше ужъ не доѣсть, что-ли...

— Ну, Богъ дастъ, слѣдующую ночь потеплѣеть, сказала Акулина.

— Да, дожидайся! Нѣтъ, землячки, вы какъ хо-

тите, а я чай пить пойду, рѣшила Анфиса. — Тутъ въ прошломъ году, когда я работала, чайная была поблизости и въ ней по три копѣйки чаемъ поили. Хлебова не хлебаемъ, такъ надо хоть чаемъ разъ въ день грѣться. Кто, дѣвушки, пойдетъ со мной?

Вызвались три-четыре деревенскія бабы. Другія переминались. Не рѣшались сказать ни да, ни нѣтъ. — и Акулина съ Ариной и стали перешептываться, совѣтуясь другъ съ дружкой, наконецъ начали считать свои деньги. Арина стала сдаваться на то, чтобъ идти пить чай.

— Чтобы въ деревню сколько-нибудь денегъ послать—все равно до Пасхи не скопишь, говорила она.

— Какіе тутъ скопы, Аришенька, коли двугривенный въ день на своихъ харчахъ! А я такъ рассуждаю, что вѣдь вотъ, пожалуй, всю Святую недѣлю изъ-за праздниковъ безъ работы придется промаячить, такъ хоть что-нибудь-бы себѣ на харчи приберечь.

— Ну, ничего не останется на пищу, такъ армякъ мой проѣдимъ. Господи Боже мой! Что тутъ такъ ужъ очень-то надсажаться. Я, Акулинушка, страхъ какъ иззябла. У меня даже внутри все трясется.

— Ну, пойдемъ, пойдемъ, попьемъ чайку, согласилась Акулина.—И мы идемъ, Анфисушка! сказала она Анфисѣ.

— Да пойдете ужъ всей артелью, бабоньки! крикнула Анфиса остальнымъ демянскимъ женщинамъ.—

Авось артелью-то насъ и дешевле попоить чаемъ. Сколько насъ всѣхъ? Безъ Лукерьи десять женщины! Ну, поторгуемся. Десятерыхъ-то можетъ быть и за четвертакъ напоить. Идемте, бабоньки, идемте.

Остальные женщины нерѣшительно пошли за Анфисой.

— А Лукерьюшку-то? напомнила Акулина.—Разбудить ее, что-ли, да тоже съ собой захватить?

— Ну, ее... Ну, что пьяную!.. Пусть проспится. Да и не нашей она компаніи, отвѣчала Анфиса.

Женщины направились къ воротамъ двора.

— А только и баловницы-жѣ мы, бабоньки! Смотри на милость, чай пить идемъ въ трактиръ, словно барыни какія! улыбаясь говорила скуластая дьянская женщина.

— Такъ вѣдь не околѣвать-же. Надо-же погрѣться. Вишь, у меня руки даже не разминаются, до того смерзли, пробормотала Анфиса, дуя въ кулаки.

— И я вся окоченѣла, Акулинушка, дрожа всѣмъ тѣломъ, но стараясь улыбнуться, сказала Арина и принялась подпрыгивать.

— Ахъ, какая стужа! Вотъ стужа, такъ стужа! слышалось со всѣхъ сторонъ.

— А для озими-то теперича какъ такая стужа нехороша! Просто бѣда, прибавилъ кто-то.—Людымъ-то еще туда сюда такая стужа, а храни Богъ, ежели морозъ озимъ побьетъ и опять неурожай будетъ...

Женщины вышли на улицу и поплелись по дорогѣ.

ОСПРАШИВАЯ у прохожихъ, какъ пройти въ чайную, женщины дошли до чайной. Сначала имъ указали на трактиръ, но доведя до него женщинъ, Анфиса увидала красную вывѣску и остановилась. Какъ бывалая въ Петербургѣ, она знала, что подъ красной вывѣской берутъ за чай дороже.

— Нѣтъ, дѣвушки, это трактиръ, тутъ красная вывѣска, тутъ дешево не напоятъ, тутъ сдерутъ. А намъ нужно чайную. Тамъ дешевле поятъ, сказала она и опять обратилась къ прохожимъ за указаніями.

И вотъ передъ женщинами чайная, помѣщающаяся въ маленькомъ деревянномъ ветхомъ домишкѣ съ мезониномъ. Надъ входомъ не было красной вывѣски и Анфиса оживилась.

— Вотъ, вотъ... Сюда... заговорила она.—Здѣсь мы лѣтось и пили чай, когда на тряпичномъ дворѣ работали. Пойдемте, дѣвушки. Здѣсь женщина заведеніе держитъ.

Компанія вошла въ чайную. За стойкой, однако, стоялъ мужчина съ окладистой бородой, въ пиджакѣ и въ длинной серебряной часовой цѣпочкѣ, надѣтой черезъ шею, поверхъ жилетки. На стойкѣ лежали грудой булки, крендели и баранки, на отдѣльной подставкѣ около стойки кипѣлъ громаднѣхъ размѣровъ позелѣнѣвшій самоваръ. Чайная состояла изъ двухъ ком-

натъ. За столами сидѣло человѣкъ десять-двѣнадцать неопредѣленнаго званія мужчинъ, очень плохо одѣтыхъ. Была и баба въ опоясанномъ полушубкѣ съ груднымъ ребенкомъ за пазухой, который тихо плакалъ. Войдя въ чайную, женщины прижались другъ къ другѣ, остановились и выѣхивали впередъ Анфису, что-бы она торговалась.

— Садитесь, садитесь вонъ налѣво. Вы артелью?.. Сейчасъ я вамъ два стола вмѣстѣ сдвину, заговорилъ мужчина въ пиджакѣ, выскакивая изъ за стойки.

— Ты постой... Ты погоди... остановила его Анфиса.—Ты прежде скажи намъ, милостивецъ, за сколько ты насъ всѣхъ напоишь. Насъ тутъ десять бабъ.

— Да вѣдь ужъ порядокъ извѣстный. Какъ вездѣ.. Садитесь.

— Нѣтъ, ты скажи. Ежели дорого, то мы и пить не будемъ, настаивала Анфиса.

— Да у насъ по пятаку съ человѣка, а ежели артелью, да булки брать будете—ну, по три копѣйки.

— Куда намъ булки, что ты! Вишь, что захотѣлъ! Булки... Чернаго хлѣба возьмемъ, пожалуй, ежели не дороже чѣмъ въ лавочкѣ.

— Ну, вотъ видите... Стало быть и по три копѣйки васъ поить не расчетъ. Чернаго хлѣба мы не держимъ. Вы что тутъ? Работаете гдѣ-нибудь, что-ли?

— А на тряпичномъ дворѣ, мы съ тряпичнаго двора.

Мужчина въ пиджакѣ подумалъ и отвѣчалъ:

— Ну, ужъ сказалъ, что по три копѣйки, такъ по три копѣйки и напою. Садитесь.

— За три копѣйки дорого. А ты спусти что нибудь. За двѣ попой, продолжала Анфиса.

-- И разговаривать не стоитъ! Что вы бѣлены объѣлись, что-ли, что цѣнь не знаете!

— Спусти, милостивецъ... Мы тутъ на тряпичномъ всю недѣлю проработаемъ и кажиный день къ тебѣ ходить будемъ.

— Да вѣдь ужъ и такъ спустилъ. Изъ-за этого только и спустилъ, что артелью. Десять вась душъ— ну, за тридцать копѣекъ.

— Ты за двадцать попой.

— Поворачивайте оглобли!

Мужчина въ пиджакѣ рѣшительно махнулъ рукой и удалился за стойку. Женщины стали шептаться. Черезъ минуту Анфиса сказала:

— Ну, за четвертакъ. Спусти пяточокъ-то, голубчикъ.

— Вамъ сказано, чтобы вы уходили!

Нѣсколько женщинъ тронулись къ дверямъ. Другія начали ихъ останавливать. Началось опять перешептыванье. Арина и Акулина отдѣлились и сѣли за столъ.

— Ну, подавай, подавай и намъ чаю, что ужъ съ тобой дѣлать! заговорила Анфиса и стала приглашать остальныхъ женщинъ къ столу.—Дорого ты, голубчикъ, берешь, дорого. Не расчетъ намъ къ тебѣ ходить пить чай. Тутъ лѣтось женщина за стойкой стояла, такъ она, я помню, дешевле поила коли ежели артелью.

— Была да сплыла. Изъ-за того и сплыла, что дешево поила, отвѣчалъ мужчина въ пиджакѣ, гремя чашками, набирая ихъ на подносъ.—Вы тоже разоттите, что вѣдь за помѣщеніе платимъ, права выправляемъ, посуду бьемъ, такъ какъ дешевле-то трехъ копѣекъ поить! Вы вѣдь, деревня, ничего этого не понимаете. На десятерыхъ кипятку-то сколько надо! Вы вѣдь ведро вызудите.

— Нѣтъ хлѣбушка-то здѣсь ржаного. Надо будетъ въ лавку бѣжать. Сложимся, дѣвушки, по копѣечкѣ и купимъ на гривенникъ хлѣба. Нельзя вѣдь не поблившись до обѣда... Животы подведетъ... говорила Анфиса.

— Да, да, да... Такъ ужъ ты будь старостихой... Сходи за хлѣбомъ, а потомъ и посчитаемся, отвѣчали женщины.

Черезъ минуту былъ поданъ чай на составленные два стола, вскорѣ вернулась и Анфиса съ хлѣбомъ, и женщины отдались чаепитію. Съ необыкновенной жадностью глотали онѣ горячую влагу, съ шумомъ схлебывая ее съ блюдецекъ и жуя хлѣбъ. На лицахъ появились веселыя улыбки.

— Въ теплѣ-то да за тепленькимъ, такъ какъ, дѣвушки, хорошо!.. Рай красный! говорила Акулина. Теперь вотъ и руки какъ руки... Въ себя пришли... А давеча, куда холодно было.

— Еще-бы! Вѣдь цѣлую ночь въ холоду... слышалось со всѣхъ сторонъ.

— Почтенный! Чайничекъ-то у насъ пусть! Нацѣдите еще кипяточку! выкрикивала мужинѣ въ пиджакѣ Анфиса.

— Вотъ и я теперь оттаяла, сказала Арина, выпивъ чашекъ пять чаю.—А давеча просто не своя была. Не только-что снаружи, а даже нутро все тряслось.

Чай былъ спать, но женщины все еще продолжали пить кипяткомъ, до того онѣ назяблись за ночь, до того имъ пріятно было горячее. Наконецъ онѣ опрокинули чашки на блюдечкахъ кверху доннышкомъ и чаепитіе кончилось. Анфиса разчиталась съ хозяиномъ чайной и заторопила женщинъ:

— На работу, дѣвушки, на работу. Долго мы сидѣли здѣсь. Прикащикъ-то на тряпичномъ, поди, ужъ вставши, дожидается насъ и ругается. Закапризится, что поздно за работу примемся, такъ вѣдь можетъ и со двора согнать.

Всѣ поспѣшно повскакали и стали выходить изъ чайной на улицу. По улицѣ онѣ почти бѣжали по направленію къ тряпичному двору.

Прикащикъ на тряпичномъ дворѣ дѣйствительно былъ уже вставши и расковыривалъ крючкомъ какую-то сильно слежавшуюся кучу мусора, разсматривая, изъ чего она состоитъ. Изъ подъ навѣса виднѣлись уже старуха и двѣ ея товарки по работѣ. Онѣ сидѣли около тряпокъ и разбирали ихъ.

— Долгонько, толстопятыя, вы по трактирамъ прокладаетесь, долгонько! — сказалъ женщинамъ прикащикъ.—Эдакъ вѣдь намъ нельзя, за это мы въ другой разъ и по шеямъ. Деньги вѣдь за работу-то берете, а не щепки. Ну, принимайтесь скорѣй за тряпки. Живо, живо!

Женщины бросились подъ навѣсъ.

— А гдѣ-же Лукерьюшка?—вспомнила про Лу-

керью Акулина.— Неужто еще все спить? Надо ее разбудить, а то вѣдь прикащикъ ее со двора сгонить.

И она бросилась въ сарай за Лукерьей. Лукерьья оказалась дѣйствительно все еще спавшей подъ мѣшками съ тряпками. Акулина насилу раскачала ее.

— Иди, мать, за работу. Прикащикъ ругается. Мы ужъ всѣ принялись и работаемъ, говорила Лукерьѣ Акулина.

Лукерьья, вылѣзши изъ-подъ мѣшковъ, ежилась отъ холоду и посоловѣлыми глазами смотрѣла на Акулину. Лицо ея было страшно отеки и опухши и отъ нея самой сильно разило виннымъ перегаромъ.

— Страхъ какъ башка трещить! Ошиблась я вчера, сильно ошиблась насчетъ вина. Чулки-то продала да и вздумала выпить. Фу! Даже еще сегодня шагаетъ! жаловалась Лукерьья Акулинѣ и нетвердыми шагами поплелась за ней изъ сарая подъ навѣсь.

Начался второй рабочій день на тряпичномъ дворѣ. Гдѣ-то на колокольнѣ заунывно звонили къ заутрени.

XXXV.

П ОСЛѢ холодной ночи и утренняго мороза день разыгрался опять теплый и солнечный. Весеннее солнышко весело заглядывало подъ навѣсь и свѣтлой узкой полосой ложилось по краю его. Хотя женщины сортировали тряпки въ той части мѣстности подъ навѣсомъ, которая оставалась въ тѣни, но работать и тамъ было

не холодно. Время отъ времени, онѣ, впрочемъ, выходили на солнышко и съ наслажденіемъ потягивались. Принялась за работу и Лукерья, но работа со вчерашняго похмѣлья, видимо, была ей тяжела. Лукерья то и дѣло прерывала работу, чтобы закурить папиросу.

— Чего ты, дура, деньги съ одного палишь! Лучше-бы на хлѣбъ поберегла, говорили ей демянскія женщины.

— А вамъ какая забота? Чулки продала, такъ хватить и на хлѣбъ, и на папирасы.

— Да вѣдь это на сегодня хватить, а надо о передѣ подумать. На Пасху вѣдь останешься совсѣмъ безъ работы.

— Кофту продамъ и на нее сыта буду.

— Кофту! Да развѣ можно кофту объ эту пору!.. А застудишься да заболѣешь?

— Тѣмъ лучше. Въ больницу на даровые хлѣба лягу. У меня больничныя заплочены.

— Ты и не завтракала сегодня, милушка? участливо отнеслась къ Лукерьѣ Акулина.

— Какой тутъ завтракъ! Мнѣ и на ѣду-то противно смотрѣть послѣ вчерашняго. Теперь-бы стаканчикъ на поправку...

— Да что ты! Вѣдь стаканчикъ-то пятачекъ стоитъ.

— А что-жъ изъ этого? Плевать! Деньги найдутся. Акулина покачала головой и не возражала.

Часовъ около десяти утра Лукерья вышла изъ-подъ навѣса и исчезла. Черезъ полчаса она явилась обратно пьяная, сѣла около тряпокъ, но за работу

не принималась и запѣла извѣстную пѣсню «Стрѣлочекъ». Голосъ ея былъ хриплый, она поминутно откашливалась, и изъ пѣсни ничего не выходило.

— А я, дѣвушки, въ прежніе годы и въ актрисахъ была, начала Лукерья.—Право слово, въ хору въ Нижнемъ, у Макарья на ярмаркѣ пѣла. Въ красномъ сарафанѣ, съ позументами, на головѣ повязка съ бусами. Вотъ житье-то! Купцы страсть какъ угощали. Бывало, на пиво-то мы и не глядѣли, а лимонадъ съ коньякомъ, либо красное вино, либо марсалу. Марсалу я ужаси какъ обожаю. Знаете-ли, что такое марсала?!

Женщины молчали и улыбались.

— Ну да гдѣ вамъ знать: вѣдь вы сивая деревня необразованное невѣжество, продолжала Лукерья.— А ужъ и попила-же я въ Нижнемъ на ярмаркѣ этой марсалы! Или марсалу, или портеръ; или портеръ, или марсалу... Только это питье и обожала. Голосъ у меня въ тѣ поры былъ такой, что на отличку, коса до пояса... Право слово, коса до пояса. Изъ-за моей косы одинъ купецъ даже пожениться на мнѣ хотѣлъ. Не вѣрите? Бриллиантовое кольцо онъ мнѣ, милушки, въ сто рублей подарилъ—вотъ до чего былъ распалившись. А ужъ пуще всего онъ любилъ, когда я ему «Не уѣзжай, голубчикъ мой» пѣла:

«Не уѣзжай, голубчикъ мой,
Не покидай поля родныя,
Тебя тамъ встрѣтятъ люди злые
И сердцу не дадутъ покой».

пѣла Лукерья, прерывая пѣніе затяжкой папиросой и откашливаньемъ.

— Да брось ты, пьяная дура!—оборвала ее старуха николаевская солдатка, работавшая тоже подь навѣсомъ.—Ну, чего ты тоску-то наводишь. Еще ежели-бы выходило у тебя что, а то словно кошка съ прищемленнымъ хвостомъ.

— Кошка съ прищемленнымъ хвостомъ... Какъ ты мнѣ смѣешь такія слова говорить! огрызнулась Лукерья.—А вотъ хочу пѣть и буду. Нарочно буду. Никого я сегодня уважать не намѣрена. На всѣхъ мнѣ плевать! «Не уѣзжай! Не уѣзжай, го-луб-чикъ мой!»! начала она выводить и опять закашлялась.

— Черти! Только съ тону сбили. Никакъ въ тонъ не могу попасть.

— Да гдѣ тебѣ въ тонъ попасть, коли ты пьяна, какъ стелька! Ты вотъ въ тряпку-то лучше руками попадай, чтобы прикащикъ по шеѣ не прогналъ,—говорила старуха.

— И на прикащика мнѣ вашего наплевать, и на все мнѣ наплевать! Хочу работать—работаю, не хочу—не работаю. Посмотрѣла-бы ты на меня, старая карга, какая я была въ хорѣ на ярмаркѣ и какъ меня тамъ всѣ почитали и уважали! Только, бывало и слышишь, что — Лизавета Федоровна, да Лизавета Федоровна. Тамъ я не Лукерья, а Лизаветой называлась. Одинъ купецъ мнѣ шелковое платье подарилъ, а другой шаль турецкую. Да вѣдь какая шаль-то была!—прищелкнула языкомъ Лукерья и опять запѣла:

Гляжу я безумно на черную шаль.

— Кто это такъ распѣваетъ?! Кого это тутъ та-

кое веселье разобрало?! слышался голосъ прикащика, заглянувшего подъ навѣсъ.

— Я, откликнулась Лукерья, вставая и покачиваясь на ногахъ,—Что? Или понравилось, такъ послушать пришелъ.

— Гдѣ намъ слушать! Намъ при дѣлѣ слушать не досугъ. А ты вотъ работай лучше основательнѣе, чѣмъ глотку-то драть!—Э, мать! да ты совсѣмъ пьяна, проговорилъ прикащикъ, взглянувъ на Лукерью. Ну братъ, мы этого не любимъ, коли ежели кто на работѣ... Ступай, ступай со двора. Съ Богомъ! Пьяная ужъ какая работница... Ей только-бы пѣсни пѣть! Уходи.

Лукерья подбоченилась и крикнула:

— Расчетъ за поль-дня, тогда пойду.

— Какой тутъ расчетъ за поль-дня, коли ты съ ранняго утра нализалась. Уходи, уходи, пока по шеѣ не спровадили.

— Не имѣешь права по шеѣ. Не на такую напалъ. Расчетъ!

— Тебѣ сказано, чтобъ ты уходила.

— Не пойду безъ расчета.

Лукерья опустила на грудь тряпокъ и сѣла.

— Ну, сиди, коли такъ, а я сейчасъ за городовымъ схожу.

— И городской со мной ничего не подѣлаетъ, коли я расчета за работу не получала.

— Да вѣдь ты съ ранняго утра пьяна, ты и не работала сегодня вовсе.

— Нѣтъ, она работала съ утра, а только сейчасъ

сходила въ питейный и грѣхъ сдѣлала, заступилась за Лукерью Акулина.

— Ахъ, черти, черти! И на какіе вы капиталы пьете, двадцать-то копѣекъ въ день получая! Ну, вотъ тебѣ пяточекъ на стаканчикъ, сдался прикащикъ и прибавилъ:—Добръ я, только потому и даю.

Лукерья взяла пяточокъ, ухарски подбросила его на рукѣ и запѣла:

Ужъ какъ вѣтъ вѣтерокъ
Изъ трактира въ погребокъ.

— Ну, проваливай, проваливай! За воротами по-поешь, торопилъ ее прикащикъ.

— погоди, дай съ товарами-то попрощаться. Прощайте, товарушки, не поминайте лихомъ. Авось, опять на Никольскомъ рынкѣ свидимся. Прощай, Акулинушка, прощай, душенька, спасибо тебѣ за твою ласку.

Она наклонилась къ Акулинѣ и поцѣловала ее мокрыми губами.

— Ты знаешь, изъ-за кого я пью? шепнула она Акулинѣ на ухо. Изъ-за него.—Изъ за того купца, что мнѣ въ Нижнемъ брилліантовое кольцо подарилъ и пожениться на мнѣ хотѣлъ. Право-слово. Съ него у меня и запой начался. Какъ вотъ вспомню про него подлеца — ну, и прощай... прибавила она вслухъ.—Прощай, Ариша. Сейчасъ пойду и за твое здоровье стаканчикъ выпью.

Лукерья стала уже уходить изъ подъ навѣса, но вдругъ остановилась и обернулась.

— Прощай, старая вѣдьма! крикнула она стару-

хѣ, махнула рукой и опять запѣла:—«Не уѣзжай голубчикъ мой»...

Черезъ минуту она скрылась изъ подъ навѣса. Слышно было, какъ хриплый ея голосъ сначала раздавался на дворѣ, потомъ на улицѣ и наконецъ замолкъ.

— Вотъ путанная-то! проговорила про Лукерью послѣ ея ухода Анфиса.

— Порченная она, дѣвушки, просто порченная. сказала Акулина.—Съ порчи и пьеть. Бѣдная... Ну, куда она потомъ дѣнется, когда деньги пропьеть и вытрезвится?! прибавила она, тяжело вздохнувъ, и съ сожалѣніемъ покачала головой.

XXXVI.

ТРАБОТАЛИ женщины и второй день на тряпичномъ дворѣ. Вечеръ былъ ясный, холодный и обѣщаль еще болѣе холодную ночь, съ морозомъ поутру. Ночь эту женщины ожидали съ безпокойствомъ и готовились хоть какъ-нибудь расположиться въ сараѣ на ночлегъ такъ, чтобы было потеплѣе. Получивъ дневной расчетъ за заработокъ, онѣ попытались узнать у прикащика, не пустить-ли хозяинъ переночевать ихъ хоть въ кухню своего дома, но получили отказъ.

— Ну, вотъ еще что выдумали! Да что у хозяина-то для васъ постоянный дворъ, что-ли! Мы нанимаемъ народъ поденно безъ квартиры и харчей, да и въ сараѣ-то позволяемъ ночевать только изъ ми-

лости, а вы ужъ и въ кухню захотѣли. Въ горницы хозяйскія вамъ еще не влѣзть-ли! сказалъ онъ.

— Да ужъ очень холодно, голубчикъ, ночью-то. Смотри, вотъ и теперь морозить начинается.

— Въ холоду-то блохи меньше ѣдятъ. Всякая мелкопитающаяся тварь—она холоду боится.

— Гдѣ ужъ, милый, тутъ блохъ разбирать! Пусть жрутъ. Только-бы самимъ-то не околѣть.

— Ну, идите на постоялый. Постоялый дворъ тутъ недалеко.

— Да изъ какихъ доходовъ на постоялый-то? Вчера вонъ въ обрѣзъ ѣли, не сытно, не голодно, а и то по одиннадцати копѣекъ проѣли, да по три копѣйки на чаю пропили, а двадцать копѣекъ и всего-то получаемъ.

— Вы-бы еще кофею захотѣли.

— Да вѣдь холодно, болѣзненный. Утречкомъ проснулись — околѣли, руки, ноги не разгибаются, такъ какъ не погрѣться.

— Такъ-то оно такъ, согласился прикащикъ и прибавилъ:—Да вѣдь и на чай хватило и шесть копѣекъ еще на рукахъ осталось, такъ о чемъ-же разговаривать! Вотъ изъ шести-то копѣекъ по пяти за ночлегъ и заплатите. Копѣйка еще Богу на свѣчку останется.

— Что ты, милостивецъ! Развѣ можно все до копѣйки тратить! А что у насъ для переду-то? Надо тоже про запасъ оставить.

— У тряпичниковъ работать, да про запасъ оставлять, такъ больно жирно будетъ.

— А какъ-же иначе?

— День прошелъ, сыта, жива—ну, и ладно.

— Нѣтъ, кормилецъ, произнесла Акулина.— Вѣдь намъ всѣ праздники-то на Пасхѣ безъ работы жить, такъ надо и о запасѣ подумать. Вотъ тогда волей-неволей на постоялыйй пойдешь. Куда приткнуться-то? Да пить, ѣсть надо. А заработковъ никакихъ. Вѣдь у васъ на Пасхѣ работы не бываетъ?

— Въ пятницу на страстной недѣлѣ дѣйствительно дворъ запираемъ, потому нужно-же и намъ покой имѣть, ну, а на четвертый день Пасхи приходите.

— Такъ вотъ, видишь, пять дней безъ работы. Да надо тоже передъ Пасхой-то въ баню сходить, самой помыться да и пообстираться малость—и вотъ опять деньги. Здѣсь вѣдь не деревня, сказывали, что и за баню нужно деньги платить.

— А то даромъ, что-ли! Само собой, за баню пятакъ подай.

— Мало пятакъ-то, подхватила Анфиса.— Ежели съ вѣнничкомъ, то еще копѣйку подай, да мыла хоть на двѣ копѣйки. А какъ безъ вѣнника и безъ мыла мыться и тереться! Вотъ онѣ и всѣ восемь копѣекъ.

— Восемь копѣекъ за баню!—воскликнула Акулина, не бывавшая въ Петербургѣ.— Боже милостивый! Да вѣдь это разоренье! Вотъ видишь, кормилецъ! А ты говоришь: идите на постоялыйй дворъ.

Прикащику надоѣло слушать бабьи разговоры о денежныхъ расчетахъ. Онѣ разсердился и воскликнулъ:

— Да что вы передо мной-то бобы разводите попусту! Словно я вашъ батька. Вамъ даденъ сарай для ночевки, а не любъ онѣ, такъ гдѣ хотите, тамъ и ночуйте.

Прикащикъ махнулъ рукой и ушелъ. Женщины стали переговариваться, ужъ не идти-ли и въ самомъ дѣлѣ отъ такого холоду ночевать на постоянный дворъ. Однѣ стояли за постоянный дворъ, въ томъ числѣ и Анфиса, другія были противъ постоянлаго двора и рѣшили ночевать въ сараѣ. Рѣшили ночевать въ сараѣ и Акулина съ Ариной.

— Подъ мѣшки съ тряпками забьемся, какъ вонъ вчера Лукерья сдѣлала—и въ лучшемъ видѣ будетъ. На ноги тоже мѣшки съ тряпками. Богъ поморозить, Богъ и согрѣетъ, весело говорила Акулина, чтобы ободрить нѣсколько приунывшую Арину.

Ужинали опять всѣ женщины вмѣстѣ, въ скадчину, также запивали ѣду водой изъ ковша, взятого у хозяйской кухарки, какъ и вчера, но когда пришлось укладываться на ночлегъ, Анфиса и двѣ другія демянскія женщины отправились ночевать на постоянный дворъ.

Оставшіяся на дворѣ стали устраиваться въ сараѣ, чтобы хоть какъ-нибудь потеплѣе провести ночь.

— Шалашъ мы изъ мѣшковъ съ тряпьемъ сдѣлаемъ—вотъ что я придумала, говорила Фекла—демянская женщина съ скуластымъ лицомъ. — Одни мѣшки поставимъ стоймя на манеръ каморочки, а сверху доски положимъ и на доски опять мѣшки, да подъ мѣшки-то въ каморку и залѣземъ. Ляжемъ потѣснѣе, сверху, у кого что есть, всѣ сообща укроемся и ладно будетъ. Влѣземъ туда, да и опять мѣшками завалимъ себя. Такъ тепло будетъ. Тряпка вѣдь она грѣетъ. Давайте, дѣвушки, укладываться.

Всѣ женщины принялись ставить мѣшки, какъ говорила Фекла. Черезъ нѣсколько времени кой-какое подобіе шалаша было готово и женщины стали подлѣзать подъ него и укладываться на ночлегъ.

— Заваливай теперь скорѣй, Акулинушка, мѣшками четвертую-то сторону, заваливай, да и сама влѣзай къ намъ! командовала Фекла.— Вотъ такъ!.. Видишь, какъ хорошо теперь. А надышемъ, такъ еще лучше будетъ. — Ну, что, хорошо? спрашивала она лежавшихъ вмѣстѣ съ ней подъ мѣшками товаровъ.— Видите, какъ я ладно придумала! Вотъ ужъ подлинно, что вѣкъ живи и вѣкъ учись.

— Ладно-то ладно, отвѣчала Акулина: а только ужъ духъ очень отъ тряпокъ.

— И, милая! что тутъ духъ! Было-бы тепло да безъ обиды. А къ духу принюхаемся. Духъ вѣдь онъ только съ первоначала, а потомъ, какъ заснешь— и не слышишь никакого духа.

Фекла, какъ подлѣзла подъ шалашъ изъ мѣшковъ, такъ почти сейчасъ и заснула. Стали раздаваться всхрапыванія и присвистыванья носомъ и другихъ женщинъ, но Акулина еще не спала. Она вспомнила о своемъ ребенкѣ, оставленномъ въ деревнѣ, слезы быстро сжали ей горло, и она сказала Аринѣ:

— А какъ-то мой дружокъ, маленькій Спиридоша, въ деревнѣ! Думаю, ужъ живъ-ли, сердечный?

— Ну вотъ... Съ чего-жъ ему умирать-то! отвѣчала Арина.— Богъ милостивъ.

— Грудной вѣдь... Ахъ, Ариша, Ари...

Акулина хотѣла еще что-то сказать и не догово-

рила. Слезы брызнули у ней изъ глазъ и не дали ей говорить. Она заплакала навзрыдъ.

— Ну, полно, полно... Что ты себя-то надрываешь! Уймись, утѣшала ее Арина.

— Ахъ, дѣвушка! Не знаешь ты материнскаго сердца. И хоть-бы вѣсточку, хоть-бы вѣсточку какую-нибудь объ немъ!..

— Да какъ-же, Акулинушка, вѣсточку, коли тамъ въ деревнѣ не знаютъ, куда намъ и писать.

— Да, да... Да и мы-то не можемъ ихъ увѣдомить, куда намъ отписать. На какое мѣсто писать? Когда мы еще осядемъ настоящимъ манеромъ! Видишь, гдѣ день, гдѣ ночь живемъ. Вотъ объ этомъ-то я, дѣвушка, и горюю, такъ какъ-же не плакать!

— И я горюю, однако-же коровой не реву.

— Да о чемъ тебѣ реветъ! Ты дѣвушка, Арина.

— Какъ о чемъ? Что-жъ, что дѣвушка? Нешто это не горе, что я рубля не могу послать въ деревню родителямъ, а они всѣ перезаложились, отправляя меня въ Питеръ на заработки.

— Охъ, охъ, охъ! О деньгахъ и не говори! Вѣдь и меня-то, поди, какъ клянеть свекровь, что я имъ ни копѣйки денегъ не шлю! Вѣдь онѣ тамъ, въ деревнѣ, не знаютъ, какъ трудно въ Питерѣ на счетъ денегъ.. Думаютъ, что ужъ ежели Питеръ, то здѣсь для всѣхъ горы золотыя. А вотъ, поди-ка... наскреби хоть рубликъ... Ужъ хоть на ребеночка-то, на ребеночка-то, на Спиридончика моего милаго что-нибудь послать!

И Акулина опять зарыдала.

Только въ волю наплакавшись, стала она засыпать. Арина заснула раньше.

РЕТІЙ рабочейй день на тряпичномъ дворѣ прошелъ въ томъ-же порядкѣ, какъ и два предшествующіе дня. Ночью подъ шалашомъ изъ мѣшковъ съ тряпками спать было хоть нѣсколько теплѣе, но за то воздухъ былъ ужасный и женщины проснулись съ головной болью, вдыхая въ себя во время сна вонь тряпокъ. Въ особенности онъ подѣйствовалъ на Акулину. Выйдя поутру изъ сарая на дворъ, она просто шаталась и долго сидѣла на какомъ-то опрокинутомъ ящикѣ, пока хоть немного пришла въ себя. Ноги были слабы, въ поясницѣ и въ плечахъ чувствовалась ломота, голова была тяжела. Вернувшіяся съ ночлега на постояломъ дворѣ женщины очень расхваливали постоянный дворъ.

— По пяти копѣекъ, милыя, съ насъ взяли, но ужъ за то какъ спать-то было чудесно! рассказывала Анфиса.—Улеглись мы на полу у печки, а отъ печки такъ и пышетъ тепломъ. И вѣдь такая печка хорошая, что даже къ утру не остыла. У самой печки спали, мѣсто непроходное и то-есть ни единая душа насъ не потревожила. Ни-ни, чтобъ кто-нибудь наступилъ или ногой пнулъ. И спрашивали мы тоже хозяевъ насчетъ Пасхи... Вѣдь нужно-же намъ будетъ гдѣ-нибудь на праздникахъ приткнуться, когда здѣсь на дворѣ работы не будетъ. Ну, вотъ хозяйева

и говорятъ: «ежели, говорятъ, васъ артель и ежели, говорятъ, дадите по четвертаку впередъ, то можете жить цѣлую недѣлю—и вещи ваши въ сохранности будутъ, а только надо хотъ человѣкамъ пяти прописаться, и прописка эта будетъ стоить по гривеннику съ человѣка». И я такъ рассчитала, что ежели насъ десять женщинъ и дадимъ мы хозяевамъ два съ полтиной, да полтину на прописку, то ужъ мы всѣ праздники спокойны будемъ.

— Два съ полтиной да полтину!.. Вѣдь это будетъ, стало быть, три рубля... Да что ты, Анфисушка! Вѣдь это ужасъ какія деньги! воскликнула скуластая Фекла.—Три рубля. Шутка-ли это!

— А какъ-же ты хочешь иначе? Вѣдь это по три гривенника на человѣка.

— Да откуда ихъ взять-то при безработицѣ? Отдай три гривенника, а потомъ и клади зубы на полку. На какіе шиши мы будемъ питаться-то?

— Надо ужъ теперь какъ-нибудь на праздникъ сколачивать.

— Да какъ тутъ склотишь отъ двугривеннаго въ день!

— Однако, вѣдь, милыя, отсюда со двора на праздникъ выгонять, такъ куда-же дѣться?

— Будемъ лучше въ ночлежный ходить и по пятаку за ночлегъ платить. И наконецъ въ ночлежномъ за пятакъ и щей хлебать малость даютъ и чаемъ поятъ.

— Вѣрно. Но за-то переночевалъ и ужъ на утро ступай на всѣ четыре стороны, а куда-жъ мы днемъ-то дѣнемся? Вѣдь не слоняться-же цѣлый день по

улицамъ. А на постояломъ хозяева и день позволяютъ жить. Все-таки будетъ пристанище.

— Да, да... Эдакій праздникъ, святая недѣля, Пасха—и вдругъ будемъ безъ пристанища! Нельзя-же цѣлые дни съ котомками по улицамъ бродить, подхватили другія демянскія женщины.—Ну, продадимъ что-нибудь изъ одежды, заложимъ какую ни-на-есть вещь, а ужъ безъ пристанища на Пасху нельзя... Пасха великій праздникъ. Веди насъ туда на постоялый въ страстную пятницу, Анфисушка.

— Конечно-же, надо основаться на постояломъ...— отвѣчала Анфиса.—Къ тому-же я вамъ по пятаку въ недѣлю и выторговала.

— Да зачѣмъ намъ за недѣлю?—возразила Арина.— За недѣлю отдадимъ на постоялый, а вдругъ на Пасхѣ такое мѣсто найдемъ для работы, гдѣ съ ночлегомъ? Вѣдь ужъ деньги-то на постояломъ назадъ не отдадутъ.

— Гдѣ ты на Пасхѣ другое мѣсто для работы найдешь? Полно тебѣ врать-то!.. Огородныя работы вездѣ начинаются послѣ Пасхи. Ежели и придется съ четвертаго дня праздника работать, такъ ужъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, какъ здѣсь, на тряпичномъ дворѣ. А здѣсь какой ночлеги? Собаки дворовыя въ иномъ мѣстѣ — и тѣ спятъ лучше, доказывала Анфиса.

— Такъ-то оно такъ. Но зачѣмъ намъ за постоялый дворъ по тридцати копѣекъ впередъ платить? Будемъ платить каждый день по пятаку... стояла на своемъ Арина.

— Да вѣдь по пятаку-то выйдетъ дороже...

— А насколько дороже? Только на лишній пятакъ въ недѣлю. За то мы будемъ вольные казаки и никакой намъ прописки паспортовъ не надо, подхватила Фекла. — Ариша это правильно говорить. Вѣрно, Акулинушка? обратилась она къ до сихъ поръ молчавшей Акулинѣ.

— Охъ, не можется мнѣ сегодня! отвѣчала, пожимаясь, Акулина. — Дѣлайте какъ хотите. Я отъ міра не отстану. Конечно, по пятаку-то кажинный разъ ладнѣе будетъ платить, прибавила она.

— По пятаку, по-пятаку... Это самое любезное дѣло! кричали и другія женщины.—Чего тутъ сразу три гривеника отдавать.

— А ежели за пятакъ-то хозяйка не позволить днемъ у ней пристанище имѣть? сказала Анфиса.

— Позволить. Какъ не позволить! Насъ вѣдь артель. Ино у ней на праздникахъ щець похлѣбаемъ, ино кашки поѣдимъ. Нельзя-же, дѣвушки, на Пасху, да и не разговѣться, а на сухомъ хлѣбѣ сидѣть. Пасха — великъ день. Ужъ хоть продадимся, да по кусочку мяса у хозяйки на постояломъ попробуемъ, такъ зачѣмъ-же она торговлю будетъ отъ себя отбивать и отъ своей выгоды отказываться?

— Объ этомъ все-таки надо поговорить съ хозяевами. Я не говорила.

— И поговоримъ! Вотъ сегодня пойдемъ ночевать и уговоримся. Просто, дѣвушки, невозможно здѣсь на тряпичномъ спать, сказала Акулина.—Отъ этого самаго тряпичнаго духу у меня до того голову сдавило, что я сегодня совсѣмъ больная. Вотъ те-

перь сижу, а самой рукой и ногой тяжело пошевелить. Ну, храни Богъ, сляжешь?

— Да вѣдь и я, Акулинушка, сегодня кожу какъ полоумная, а только бодрюсь, подхватила Арина.— А это отъ духу, отъ тряпокъ... Ужаси, какъ этотъ духъ не хорошъ!

— Впустять по пяти копѣекъ съ пристанищемъ ночью и днемъ, впустять! Какъ не впустить, рѣшили почти всѣ женщины.

Поднялся опять вопросъ объ утреннемъ чаепитіи и рѣшили тотчасъ-же идти во вчерашнюю чайную. Акулина кряхтѣла, поднимаясь съ ящика, и говорила:

— Пропотѣю малость отъ чайку, такъ авось мнѣ полегче будетъ, а то, вѣрите-ли, дѣвушки, до чего трудно! Руки словно гири.

— Ну, поспѣшайте, умницы, поспѣшайте, торопила Анфиса.— Въ чайной тоже долго сидѣть нельзя, а то прикащикъ опять, по вчерашнему, скажетъ, что поздно за работу принялись и разсердится.

Женщины прибавили шагу, но Акулина отставала. Она была совсѣмъ больна.

— Да что съ тобой, Акулинушка? испуганно спрашивала ее Арина.

— Охъ, не можется, совсѣмъ мнѣ не можется, Аришенька.

— Господи Боже мой! Да что-же это будетъ, ежели ты свалишься? Ну, куда я съ тобой? Смотри, не свались.

— Не свалюсь, не свалюсь. Богъ милостивъ. Вотъ

чайку пошью, въ потъ ударить — и все какъ рукой сниметь, отвѣчала Акулина, стараясь прибодриться.

До чайной, однако, Акулина въ сопровожденіи Арины приплелась позднѣе другихъ женщинъ, вошла въ комнату и немощно опустилась на стулъ передъ столомъ. Арина смотрѣла ей прямо въ глаза и въ раздумьи покачивала головой.

XXXVIII.

РЪ ЧАЙНОЙ, какъ и вчера, сидѣла деревенская женщина съ груднымъ ребенкомъ за пазухой полушубка и пила чай. Лицо ея было болѣзненное, испитое. Акулина, какъ услышала пискъ ребенка, такъ и сама расплакалась. Она вспомнила о своемъ ребенкѣ, о Спиридошѣ, оставленномъ ею въ деревнѣ, и нервы ея, и безъ того сильно разстроенные болѣзненнымъ состояніемъ, не выдержали. Тихій плачь перешелъ въ рыданія. Арина и демянскія женщины всполошились и стали успокаивать Акулину.

— Ну, чего ты? Что ты? Пей чай-то скорѣй, отпивайся, говорили онѣ Акулинѣ.

— Больна, совсѣмъ больна... Что мнѣ съ ней только и дѣлать! растерянно бормотала Арина.— Второй разъ вотъ такъ-то... Вчера, вы ужъ спали, лежала она со мной рядомъ, да какъ разревется!.. Ну, просто безъ удержу... А сегодня опять... Грѣхи... Совсѣмъ грѣхи... Не можетъ вспомнить про ребенка, такъ и залъется.

— Это она, дѣвушка, просто испорчена. Испортилъ ее кто-нибудь... проговорила Фекла. — Смотри, вѣдь кликаетъ даже... Нѣтъ, тутъ лихой человѣкъ испортилъ.

На сцену эту участливо смотрѣли всѣ посѣтители чайной и самъ хозяинъ. Тутъ-же была и женщина съ ребенкомъ за пазухой.

— Съ угля ее спрыснуть, да такъ, чтобы незначай, чтобы она не знала и испугалась, говорила она. — Это она не иначе, какъ съ глазу... Съ глазу всегда такъ, а испугается — и полегчаетъ. Вы вотъ домой придете, такъ возьмите уголекъ, да и опустите его въ ковшикъ съ водой...

— Уйди ты! Не вертись тутъ... Изъ-за тебя-то и все это происшествіе стряслось! крикнула на нее Арина.—Ты своимъ ребенкомъ ее дразнишь...

Кой-какъ Акулина пришла въ себя и принялась пить чай. Женщина съ ребенкомъ какъ разъ сидѣла противъ нея. Акулина заговорила съ ней.

— Дѣвочка или мальчикъ? участливо спросила Акулина.

— Дѣвочка. По рукамъ, по ногамъ связала меня. Съ ребенкомъ-то никуда и на работу не берутъ. Третью недѣлю вотъ какъ вышла изъ родильнаго дома и все пропиваюсь и проѣдаюсь, отвѣчала женщина съ ребенкомъ.

— Ахъ, такъ ты питерская?

— Нѣтъ, деревенская. Крестецкія мы. Лѣтось еще я изъ деревни пришла да и зазимовала. Я на извощичьемъ дворѣ въ маткахъ жила, въ кухаркахъ то-есть, всю артель обстирывала и стирала на нихъ,

а вотъ случился грѣхъ и пришлось лечь въ родильный... Родила я, вернулась къ извощикамъ, анъ мѣсто-то ужъ занято, другая матка тамъ. Вотъ теперь уголокъ наняла да безъ работы и маюсь. Бѣда... Чистая бѣда... А у извощиковъ, милыя, красно жила. Извощики меня любили... На Рождество платокъ мнѣ подарили. Три платья я у нихъ себѣ нажила, одѣяло и подушку перовую, сапогъ двѣ пары, а вотъ теперь приходится все проѣдать безъ работы. Одну пару сапогъ и платьишко спустила, пока въ родильномъ была. Ребеночка-то вѣдь тоже нужно было окрестить. Вы гдѣ, умницы, работаете? Нѣтъ-ли у васъ тамъ и для меня работки?

— Ты дѣвушка или замужня? въ упоръ спросилъ ее хозяйнѣ чайной, прислушивавшійся къ разговору.

Женщина съ ребенкомъ замаялась, застынчиво опустила глаза, но все-таки проговорила:

— Дѣвушка... Грѣхъ попуталъ... Изъ-за этого-то на зиму и въ деревню не попала...

— А лѣтомъ работала на огородахъ?

— На огородахъ.

Хозяинъ чайной улыбнулся и сказалъ:

— Порядокъ извѣстный... Много тутъ вашей сестры такимъ манеромъ зимуетъ. Въ деревню ѣхать послѣ всего этого совѣстно, ну, и... Тебѣ самое лучшее въ мамки, въ кормилицы идти... Не будь дура и ступай къ какой-нибудь бабкѣ-повитухѣ и она тебя въ лучшемъ видѣ пристроить къ господскому ребенку.

— Нѣтъ, милый, говорили ужъ мнѣ про это и

въ родильномъ, но я ребеночка не могу оставить очень ужъ онъ милъ мнѣ, очень ужъ я люблю его.

— Ну, а ужъ коли хочешь съ незаконнымъ ребенкомъ куражиться, то и голодай. И не диво бы—ребенокъ былъ законный, а то незаконный.

— И не законный да любь. Пуще жизни онъ мнѣ... Вѣдь кровь моя...

Женщина съ любовью во взорѣ заглянула къ себѣ за пазуху, тронула рукой тряпки и поднявъ головку ребенка чмокнула его. Хозяинъ чайной pokrutilъ головой и сказалъ:

— Ну, а коли такія понятія къ жизни, то вотъ тебѣ мой сказъ: на работу съ ребенкомъ никуда не возмуть, начнешь ты побираться и нищенствовать, заберутъ тебя и отправятъ черезъ нищенскій комитетъ въ деревню.

— Охъ, милый, не говори! Не говори и не терзай меня, не надрывай моего сердца! забормотала женщина съ ребенкомъ.

— Да ужъ порядокъ извѣстный, коли не хочешь ребенка въ воспитательный сдать.

— Будь, что будетъ, а не отдамъ...

— Да вѣдь можешь по бланку сдать. Выдадутъ тебѣ контрамарку, а потомъ послѣ всего происшествія разыщешь и получишь своего ребенка.

— Ни-ни... Уморятъ тамъ... Ужъ умирать, такъ умирать съ нимъ вмѣстѣ... твердо и рѣшительно сказала женщина съ ребенкомъ. — За два рубля въ мѣсяцъ пойду куда-нибудь служить, за половинную цѣну буду поденно работать, а ребеночка не брошу.

Женщины смотрѣли на нее и съ сожалѣніемъ покачивали головами.

— Мы изъ-за безработицы на тряпичномъ дворѣ теперь работаемъ, ряда двугривенный въ день. Пойдемъ съ нами на тряпичный. Авось и тебя прикащикъ возьметъ, сказала Фекла.—Мы тряпки перебираемъ... Что-жъ тутъ ребенокъ-то? Чѣмъ онъ помѣшаетъ? Ребенка-то можно укутать, да и положить, а самой за тряпки приниматься. Пойдемъ.

— Спасибо вамъ, милыя, спасибо. Возьмите меня... Надо попытаться... заговорила женщина съ ребенкомъ.

Чаепитіе кончилось и женщины отправились на тряпичный дворъ на работу. Женщина съ ребенкомъ отправилась вмѣстѣ съ ними. Акулина хоть и бодрилась, но еле брела. Арина шла съ ней рядомъ.

— Не лучше съ горяченькаго-то? спрашивала она Акулину.

— Нѣтъ. Страсть какъ знобитъ. Пила, пила, на- сильно пила, а даже и въ потъ не ударило. Какъ только я, Аришенька, сегодня работать буду!

— Ну, ужъ какъ-нибудь понатужься... А вечеромъ пойдемъ на постоянный дворъ, тамъ хлеба горячаго похлебаемъ на ночь. Спать будемъ въ теплѣ, за ночь въ теплѣ отлежишься и на утро, Богъ дастъ, будешь здорова, утѣшала Акулину Арина. Вотъ ежели-бы въ баню, такъ любезное дѣло и всю болѣзнь-бы какъ рукой сняло. Ты, Акулинушка, какъ хочешь, а ежели къ завтраму ты не отлежишься, то я ужъ хоть армячишко свой продамъ, а тебя свѣжу въ баню.

— Не надо мнѣ, милая, ничего не надо. Такъ перемогусь, отвѣчала Акулина.

XXXIX.

КОГДА женщины принялись за работу, прикащикъ еще не выходилъ на дворъ. Женщинѣ съ ребенкомъ, пришедшей проситься на работу, пришлось ожидать прикащика. Въ ожиданіи его она сѣла на грудь еще неразобранныхъ слежавшихся тряпокъ и принялась кормить ребенка грудью. Работавшія женщины посматривали на нее съ большимъ участіемъ. Онѣ хотъ и привели ее съ собой на дворъ, но все-таки сомнѣвались, чтобы прикащикъ взялъ ее на работу, увидя, что она съ ребенкомъ. Наконецъ Анфиса сказала ей:

— Милая, крестецкая! Да ты-бы лучше убрала куда-нибудь ребенка-то передъ тѣмъ, какъ проситься у прикащика на работу.

Женщина съ ребенкомъ не поняла, что ей совѣтуютъ, и широко открыла глаза.

— Тебя какъ звать-то?—продолжала Анфиса.

— Домной.

— Такъ вотъ что, Домнушка. Сними скорѣй съ груди-то ребенка, благо онъ не реветъ, да спрячь его вонъ въ тряпки, положи тамъ вонъ на ту грудь. Тамъ мягко и онъ теперь покормленный-то крѣпко спать будетъ. А сама, какъ придетъ прикащикъ, просись на работу, да о ребенкѣ-то ему ничего и не говори. Поняла? Такъ лучше будетъ. А то вѣдь можетъ и не взять съ ребенкомъ-то.

— Конечно-же убери,—подхватили другія женщины.—Ну, увидить онъ потомъ ребенка, такъ ужъ не гнать-же тебя со двора, коли ты настоящимъ ма-
неромъ работаешь.

Домна просіяла.

— А вѣдь и то дѣло, дѣвушки. А то, ей-ей, куда ни сунешься—вездѣ съ ребенкомъ отказъ,—сказала она.—Какъ это вы хорошо придумали.

— Прячь, прячь скорѣй. Полно тебѣ бобы-то раз-
водить. Клади вонъ за ту кучу.

Домна поспѣшно вынула изъ-за пазухи ребенка, сняла съ себя полушубокъ, завернула его въ полушубокъ и положила на тряпки, прислушиваясь, не заплачетъ-ли онъ.

— Молчить?

— Молчить. Кажись, уснулъ таково сладко. Ну, Христось съ нимъ,—отвѣчала Домна.

Вскорѣ пришелъ прикащикъ. Окинулъ взоромъ всѣхъ работающихъ женщинъ, въ отвѣтъ на ихъ поклоны, не снимая картуза, передвинулъ его со лба на затылокъ и обратно и, въ видѣ воодушевле-
нія крикнулъ:

— Повеселѣй, повеселѣй, тетки! Дремать нечего!

Въ это время къ нему приступила Домна. Она поклонилась и сказала:

— Къ вамъ, господинъ хозяинъ. Примите на работу.

— На работу? протянулъ прикащикъ.—Принять, конечно, не расчетъ, а только у меня и такъ ужъ народу-то хоть отбавляй. Мы и съ этими справимся.

— Очень ужъ голодно, хозяинъ. Примите, заставьте Бога молить. Заслужу. Я на работу не лѣнива.

— Да лѣнивыхъ-то у насъ и безъ того всегда по шеѣ... отвѣчалъ прикащикъ, подумалъ и прибавилъ:—Ну, оставайся. Условія наши знаешь?

— Знаю, знаю, хозяинъ. Женщины ужъ сказали.

Домна радостно засуетилась и тотчасъ-же, подсѣвъ къ грудѣ тряпокъ, принялась разбирать ихъ. На лицѣ ея мелькнула улыбка. Улыбнулись и другія женщины и, когда прикащикъ удалился, заговорили:

— Видишь, какъ ловко надули его. А теперь можно сдѣлать такъ, что онъ и ребенка-то не замѣтитъ. Онъ вѣдь заглядываетъ сюда подъ навѣсъ не часто.

Работа продолжалась. Работала и Акулина, но черезъ силу—и то и дѣло все хваталась за голову и за бока.

— Словно, кто мнѣ наколотилъ ребра-то—вотъ до чего ломаютъ и ноютъ, а по спинѣ такъ мурашки и бѣгаютъ, говорила она.

— А ты прилягъ чуточку, Акулинушка, прилягъ малость, покуда прикащика-то нѣтъ, совѣтовала ей Арина.—Какъ станетъ онъ подходить къ навѣсу, такъ мы увидимъ и скажемъ.

И Акулина въ изнеможеніи легла на тряпки. Такъ она дѣлала нѣсколько разъ. Ее то ударяло въ жаръ, то трясла лихорадка.

Въ обѣдъ Акулина не прикоснулась къ хлѣбу, отошла отъ обѣдающихъ женщинъ, удалилась въ сарай и легла тамъ. Арина, наскоро пообѣдавъ, прибѣжала къ ней.

— Можетъ быть, Акулинушка, ситничка, хоть немножко поѣшь, такъ я сбѣгаю въ лавочку, принесу полфунтика, предлагала она Акулинѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ... Вовсе на ѣду не тянетъ. Даже претить.

— Ахъ, ты болѣзная, болѣзная! покачала Арина головой.

— Испить дай, испить смерть хочу... просила Акулина.—Кисленькаго-бы чего нибудь.

— Кваску? Сбѣгать за кваскомъ въ лавочку?

— Сбѣгай, милушка, принеси въ ковшичкѣ на копѣечку. Да капустки-бы кисленькой тоже на копѣечку... Можетъ етаться, отъ кисленькаго-то мнѣ и полегчаетъ.

Арина, захвативъ ковшикъ, побѣжала въ лавочку за квасомъ и за капустой. Когда она принесла и то и другое, Акулина съ жадностью выпила ковшъ квасу, а капусты взяла щепоть, пожевала и тотчасъ-же выплюнула.

— Нѣтъ, не могу я ѣсть. Словно вотъ что отвратило меня отъ ѣды, сказала она и опять повалилась какъ снопъ, щелкая зубами отъ лихорадочной дрожи.

Пришла къ Акулинѣ и Домна съ ребенкомъ на рукахъ.

— Переложу-ка я ребеночка-то изъ-подъ навѣса сюда въ сарай, а то тамъ съ одного прикащикъ шляется, сказала Домна, усаживаясь около Акулины, и принялась кормить ребенка грудью.—Эка ты бѣдная у насъ! прибавила она, съ сожалѣніемъ смотря на Акулину.—Крѣпко недужится?

— Страсть...

— Ты-бы ялапнаго корня взяла въ аптекъ на три копѣчки... Ялапный корень ужаси какъ помогаетъ. Теперь въ обѣденную пору бабы живо въ аптеку сбѣгали-бы.

— Нѣ... не надо... Я и такъ отлежусь, отвѣчала Акулина.

Пришли въ сарай на отдыхъ и другія женщины и также окружили Акулину. Всѣ придумывали разные средства, какъ-бы полечить Акулину. Кто со-вѣтоваль хрѣну съ водкой къ головѣ привязать, кто лошадиной дугой животъ потереть, кто бодяги выпить. Акулина ото всего отказывалась.

Женщины улеглись на послѣобѣденный отдыхъ и заснули. Засыпая, онѣ слышали, какъ Акулина бредила. Бредила она своимъ маленькимъ Спиридошей, просила кого-то послать въ деревню два рубля.

— Не отвертѣться ей... Придется, кажется, свезти въ больницу, сказала Анфиса.

Арина вздрогнула, до того ей была ужасна эта мысль.

Въ послѣ-обѣденную пору Акулина перешла кой-какъ изъ сарая подъ навѣсъ на работу, но работать была не въ силахъ и легла тутъ-же на тряпки. Вошелъ прикащикъ.

— Разгасилась, заболѣла... сказали про нее ему женщины.—Даже головы не можетъ поднять.

Прикащикъ прищелкнулъ языкомъ.

— Слабосильная команда... пробормоталъ онъ.—Ну, этого мы не любимъ Тащите ее въ больницу, коли такъ, а то еще умретъ, чего добраго, здѣсь на дворѣ.

— Милый, она отлежится. Позволь ей часикъ

полежать. Она отлежится и примется за работу, а мы ужъ всё огуломъ за нее тебѣ наворачстаемъ, обратилась къ нему Арина и вскинула на него умоляющій взоръ.

— Гдѣ отлежаться, коли даже вся лицомъ почернѣла! Да вотъ еще что... Эй, вы! Чей это у васъ тамъ въ сараѣ ребенокъ пищитъ?

— Мой, голубчикъ, мой... Прости..: испуганно заговорила Домна.

— Какъ-же ты не сказала мнѣ утромъ, что ты съ ребенкомъ?

Домна виновато молчала.

— Ну, зналь-бы, что ты съ ребенкомъ, такъ не взяль-бы тебя на работу, продолжалъ прикащикъ.

— Да вѣдь онъ, голубчикъ, не мѣшаетъ мнѣ на работѣ-то, пробормотала Домна.

— Разсказывай еще! Шесть разъ въ день грудью покормишь—вотъ ужъ полтора часа изъ рабочаго дня съ костей долой... Скажите на милость, приходятъ съ ребятами и прячутъ ихъ!..

Прикащикъ потоптался еще нѣсколько времени подъ навѣсомъ и удалился.

XI.

ВКУЛИНА такъ и не могла уже работать послѣ полудня. Вплоть до окончанія работъ на тряпичномъ дворѣ пролежала она на тряпкахъ подъ навѣсомъ въ бреду. При расчетѣ прикащикъ рассчиталъ ее за полъ-дня, то

есть даль ей всего гривенникъ. Такъ какъ женщины порѣшили уже ночевать на этотъ разъ на постояломъ дворѣ, то на постоянный дворъ повели Акулину подь руки. Она была до того слаба, что еле переступала ногами и то и дѣло просилась присѣсть. Ее нѣсколько разъ сажали по дорогѣ на тротуарѣ около домовъ и, наконецъ, привели на постоянный дворъ. Хозяйка постоялаго двора, разбитная женщина, какъ увидала Акулину, такъ и замахала руками.

— Охъ, не пуцу, не пуцу съ больной! крикнула она.—Ведите ее, куда хотите, а ночевать я ее не пуцу.

— Да куда-же, милая, мы ее поведемъ-то? заговорили женщины:—Вѣдь это товарка наша. Ей дѣться некуда.

— А мнѣ какое дѣло? Ведите ее въ больницу.

— Да зачѣмъ-же въ больницу-то, умница, коли она къ завтрашнему дню въ лучшемъ видѣ отлежится! Ее теперь только чайкомъ попить, потомъ полушубкомъ прикрыть и она къ завтраму будетъ здоровѣе здоровой.

— Нѣтъ, нѣтъ, Богъ съ ней. Почемъ знать, можетъ быть у ней какая-нибудь прилипчивая болѣзнь, а у меня дѣти. Пристанеть, такъ и горя не оберешься. Ведите въ больницу.

Арина бросилась хозяйкѣ постоялаго двора въ ноги.

— Голубушка! Дай ей переночевать, повремени до завтраго... слезливо просила она за Акулину.—Завтра, ежели ей не полегчаетъ, мы ее приберемъ куда-ни-

Будь, а теперь дай переночевать. Ну, гдѣ теперь, на ночь глядя, тащить ее въ больницу!

Хозяйка была непреклонна. Вышелъ мужъ хозяйки, рослый мужчина въ красной кумачевой рубахѣ, пестрой жилеткѣ и скрипучихъ сапогахъ съ наборомъ на голенищахъ. Женщины обратились къ нему съ просьбой. Арина опять упала въ ноги и заголова. Хозяинъ погладилъ бороду, посмотрѣлъ на сидящую на лавкѣ Акулину и сказалъ:

— Можетъ у ней та самая болѣзнь, что вотъ теперь полицейскіе по помойнымъ ямамъ ищутъ, такъ какъ-же ночевать-то пустить? Нынче строго.

— Да вотъ и я тоже самое говорю, подхватила хозяйка.—А вдругъ за ночь-то умереть? Вѣдь тогда хлопотъ не оберешься. Беремъ-то за ночлегъ пятакъ, а умри она—вскочить и въ красненькую бу-мажку.

— Да полно тебѣ, матушка. Ты вотъ увидишь какъ она завтра вскочить, какъ встрепанная, уговаривали хозяйку женщины.

Хозяинъ наклонился къ Акулинѣ и сталъ задавать ей вопросы, стараясь узнать гдѣ и какое мѣсто у нея болитъ, но Акулина сидѣла свѣсивъ на грудь голову и безмолвствовала.

— Просто она застудилась—вотъ вся и болѣзнь, отвѣчали за Акулину женщины.—Ночевали видишь-ли, мы двѣ ночи въ холодномъ сараѣ, а по ночамъ-то нонѣ стужа—вотъ она и застудилась. Ей теперь въ теплѣ отойти и пропотѣть малость, такъ она здоровѣе здороваго будетъ, право слово. Пожа-лѣйте ее бѣдну, господа хозяева, не гоните.

— Голубчики вы мои, заставьте за васъ Богу молить! взвыла опять Арина.

— Да ты что такое? Ты ей дочь, что-ли? спросилъ Арину хозяйнѣ.

— Нѣтъ, просто землячка, сосѣди мы, милый, по деревнямъ-то, ну, и въ сватовствѣ приходимся.

Хозяинъ сталъ шептаться съ хозяйкой.

— Въ сѣни впущу, а въ горницы не пущу. Пускай въ сѣняхъ ночуетъ. Сѣни у насъ теплыя, рубленыя, рѣшила наконецъ хозяйка.—Коли ежели что, можетъ полушубкомъ укрыться.

Женщины были благодарны и за сѣни и тотчасъ повели Акулину укладывать спать.

Постоялый дворъ помѣщался въ ветхомъ деревянномъ домѣ. Въ сѣняхъ, состоящихъ изъ стеклянной галереи съ кой-гдѣ выбитымъ въ переплетахъ стеклами, стояли опрокинутыя кадушки, квасныя бочки, кадка съ водой, лежали дрова и стоялъ кулъ съ углями. Недостающія, впрочемъ въ переплетахъ стекла были замѣнены синей сахарной бумагой и въ сѣняхъ было не особенно холодно. Хозяинъ сжалился надъ Акулиной и для подстилки далъ ей войлокъ, женщины отдали ей два имѣвшихся у нихъ полушубка и три сермяжныхъ армяка—и изъ всего этого была устроена на полу постель для Акулины. Арина рѣшила ночевать вмѣстѣ съ ней.

Уложивъ Акулину и прикрывъ ее полушубками, женщины стояли надъ ней и спрашивали:

— Можетъ быть, щецъ горяченькихъ похлебать хочешь, такъ мы спросимъ тебѣ у хозяйки чашечку?

— Ни... пробормотала Акулина.

— Въ такомъ разѣ чайку съ ситничкомъ? Нельзя-же, мать, цѣлый день не жравши!..

Вмѣсто отвѣта Акулина забредила Спиридошей и тремя рублями.

— Три рубля... три рубля... Вонъ земляки пришли изъ Поливанова... Пошлите, голубушки, съ ними три рубля свекрови Марьѣ Пантелѣевнѣ... Григорій Епифанычъ, а Григорій Епифанычъ! звала она кого-то, сбросила съ себя полушубокъ и сѣла.

Ее опять уложили и опять укрыли. Анфиса покачала головой и сказала Аринѣ:

— Нѣтъ, дѣвушка, безъ больницы ей не обойтись. Какъ ты хочешь, а у ней навѣрное горячка.

— Господи! Да что-же это будетъ! заплакала Ариня, схватившись за голову.—Вѣдь тамъ ее уморять, сердечную!

— Зачѣмъ морить? Лѣтось я сама въ больницѣ лежала, да не уморили-же меня. А какъ тамъ кормятъ, дѣвушка, такъ просто на удивленіе! Каша бѣлая, хорошая-прехорошая была, вотъ какъ сейчасъ помню.

— Да полно врать-то тебѣ, Анфисушка. У меня дядю роднаго въ больницѣ уморили. Земляки сказывали: какъ привезли мы его—сейчасъ доктора и потащили его въ кипятеѣ купать.

— И у насъ одного земляка уморили доктора въ больницѣ, поддакнула Аринѣ Фекла.—Онъ съ крыши свалился здѣсь въ Питерѣ, сказываютъ, а ему взяли да въ больницѣ ногу и отпилили. Такъ и померъ. Нѣтъ, отъ больницы избави Богъ. Рѣдко кто въ больницѣ выживаетъ.

Дабы умиловить хозяйку постоялаго двора женщины рѣшили у ней поужинать горячимъ и спросили себѣ щей съ грибами. Арина, впрочемъ, до того была разстроена, что ее и отъ горячей пищи отшибло. Она хлебнула нѣсколько ложекъ щей, пожевала хлѣба и, бросивъ ложку, побѣжала къ Акулинѣ.

Спала она ночью рядомъ съ ней въ сѣняхъ, на голомъ полу, прикрывшись своимъ сермяжнымъ армякомъ и положивъ подъ голову котомку. Но и для Арины ночь была тревожная. Акулина то и дѣло кричала во снѣ, вскакивала и хотѣла куда-то бѣжать. Аринѣ приходилось ее успокаивать, поить водой, укладывать—и такъ вплоть до утра.

XII.

УТРОМЪ на постояломъ дворѣ всѣ уже встали, а Акулина даже не могла поднять головы. У ней наступило безпамятство. Она еле узнавала окружающихъ. Хозяева постоялаго двора настоятельно требовали, чтобъ ее уводили со двора.

— Не уведете—за полиціей пошлемъ и тогда все равно ее въ больницу оберутъ, говорили они. — Везите ее лучше честь честью въ больницу. Вѣдь ее нигдѣ на квартирѣ больную держать не будутъ.

Арина еще разъ бросилась хозяевамъ въ ноги, прося ихъ, чтобъ они позволили полежать на постояломъ дворѣ Акулинѣ, но они были непреклонны.

— Штрафъ за васъ платить, что-ли? Вонъ, вонъ! кричалъ хозяинъ.—Больныхъ не велѣно на постоянныхъ дворахъ держать. Не дашь знать въ участки, что вотъ такъ и такъ, больная — оштрафовать могутъ. Тащите ее вонъ.

Акулину подняли, напялили на нее душегрѣйку и, рассчитавшись за ночлегъ, повели подъ руки на улицу. Она еле волочила ноги. Арина такъ и заливалась слезами.

— Да неужто въ больницу, дѣвушки?.. съ отчаяніемъ говорила она женщинамъ.

— А то куда-же иначе! отвѣчала Анфиса.—Вѣдь она что твой пласть, руки и ноги что твои плети, голова не держится.

— О, Господи, Господи! Вотъ бѣда-то страслась!

— Надо взять извозчика, говорила Домна, которая явилась на постоянный дворъ съ ребенкомъ, дабы идти вмѣстѣ съ женщинами на работу.—Пѣшкомъ все равно ее не доведешь.

— Извозчика! А на какіе шиши извозчика-то? Поди у нихъ и денегъ-то нѣтъ, кричала Фекла.—Какъ-нибудь и такъ дотащимъ. Берись, Анфисушка, за лѣвую руку, а я за правую вмѣсто Ариши возьму. Ариша ужъ сама еле ноги носить, до того она намаялась...

— Нѣтъ, нѣтъ, я ее не отпущу, отбивалась Арина.—Я сама ее поведу.

— А гдѣ тутъ больница-то? Анфисушка, ты бывала въ Питерѣ, ты должна знать, спрашивала Фекла Анфису.

— Не знаю я здѣшнюю мѣстность, милая. Я на

Петербургской сторонѣ очень мало жила. Вотъ Маринскую больницу я знаю. Та на той сторонѣ рѣки, далеко. А здѣсь въ Питерѣ вѣдь больницъ много.

— Надо городского спросить, предлагала Домна.—
Ведите до городского.

И Акулину опять поволокли. Прохожіе останавливались и смотрѣли женщинамъ въ слѣдъ. Подметавшіе улицу дворники тоже участливо смотрѣли на еле переставлявшую ноги и поминутно останавливающуюся Акулину.

— Зашиблась, что-ли, гдѣ? спрашивали они.

— Разболѣлась. Стояли на постояломъ, а она разболѣлась. Въ больницу ведемъ, отвѣчали женщины.—Гдѣ здѣсь больница?

— Больница не близко. Вамъ такъ ее не дотащить. Надо извозчика.

Дворники стали рассказывать, какъ пройти въ больницу.

Вскорѣ Акулина окончательно уже не могла идти и повалилась на тротуаръ. Съ ней сдѣлался обморокъ. Случилось это на углу какой-то улицы. Женщины побѣжали въ лавочку за водой, но вынесли квасу въ деревянномъ ковшикѣ. Онѣ подносили Акулинѣ ко рту ковшъ, но она не пила. Всѣ суетились около нея, стали прыскать ей въ лицо квасомъ. Образовалась толпа. Подошелъ городской.

— Что здѣсь за происшествіе? Расходитесь! заговорилъ онъ, но узнавъ въ чемъ дѣло, сказалъ:—
Надо везти въ больницу.

Онъ далъ свистокъ. Прибѣжалъ дворникъ.

— Покарауль здѣсь, а я за извозникомъ схожу.

Повезешь въ больницу. Гдѣ живетъ она? Гдѣ прописана?

Женщины переглянулись и отвѣчали:

— Да нигдѣ, милостивецъ. Мы изъ деревни на заработки пришли. Сегодня вотъ ночевали на постояломъ...

Городовой черезъ нѣсколько времени явился съ извозчикомъ. Акулину втащили на дрожки.

— Дворникъ! Садись! Вези! Паспортъ при ней?

— У меня, у меня ейный паспортъ, вотъ тутъ въ котомкѣ, отвѣчала Арина.

— Сдай ему ея паспортъ на руки.

— Да я сама вмѣстѣ съ ней... Я ее не отпущу.

И Арина полѣзла на дрожки.

— Нельзя троимъ на дрожкахъ! крикнулъ дворникъ на Арину.—Сходи прочь.

Арина завыла.

— Милостивецъ! Господинъ дворникъ! Да какже я ее одну-то оставлю, коли мы все вмѣстѣ... Не буду знать, куда ее и повезутъ.

— Да дай ты ей самой ее везти! Пусть дѣвушка сама ее везетъ. Извозчикъ-то вѣдь дорогу знаетъ, говорили городовому женщины.

Городовой не возражалъ. Дворникъ слѣзъ съ дрожекъ. На мѣсто его влѣзла Арина и обхватила Акулину. Городовой замѣтилъ номеръ у извозчика, написалъ въ книжку и сказалъ: «трогай».

Извозчикъ, чувствуя, что проѣздъ до больницы долженъ быть даровой, взмолился:

— Вели имъ хоть на половинѣ дороги на другія дрожки пересѣсть! Вѣдь путь не близкій...

— Пошелъ! Пошелъ!

Лошадь тронулась трусцей по плохой, не вычищенной еще по случаю ранняго весенняго времени мостовой. Безсильно свѣсившаяся голова Акулины качалась.

— Свезешь ее въ больницу, такъ приходи на тряпичный дворъ! Мы будемъ на тряпичномъ... на постоянный обѣдать не пойдемъ! кричали Аринѣ женщины.

— Да, да... Поберегите наши котомки... отвѣчала Арина.

Извозикъ ѣхалъ и ругался.

— Заболѣть, черти, а потомъ вези ихъ даромъ! Слышишь, я даромъ не повезу, слѣзай съ дрожекъ, коли такъ, сказалъ онъ Аринѣ, когда уже отѣхали на нѣкоторое разстояніе отъ городского, но вспомнивъ, что городской записалъ его номеръ, прибавилъ:—Ты дай мнѣ хоть гривенникъ на чай...

— Да конечно-же дамъ, землячекъ. Неужто-же я такъ задарма? отвѣчала Арина, и не помышлявшая, что извозикъ везетъ ихъ даромъ.

Извозикъ успокоился и стегнулъ лошадь.

Вотъ и больница. Кой какъ съ помощью сторожа сняли Акулину съ дрожекъ и потащили по лѣстницѣ, подъ руки въ пріемную. Въ пріемной было уже нѣсколько больныхъ. Ждали врача. Было рано и онъ еще спалъ. Въ пріемной спросили паспортъ Акулины, посмотрѣли его и покачали головами.

— Даже больничныя деньги не уплочены, а онѣ въ больницу лѣзутъ, слышалось замѣчаніе.

Черезъ нѣсколько времени явился врачъ съ за-

спанными глазами. Начавъ осматривать больныхъ, онъ подошелъ и къ Акулинѣ, которая уже лежала.

— Чѣмъ больна? что болитъ? спросилъ онъ.

— И сердцемъ, и нутромъ, отвѣчала за Акулину Арина.—И распалилась, и на їду не тянетъ, бредить, а теперъ уже и насъ узнавать перестала. Работали мы это на тряпичномъ дворѣ, ночевали въ холодномъ сараѣ...

Врачъ взялъ Акулину за руку, пощупалъ пульсъ, тронулъ за голову, покачалъ головой и сказалъ больничнымъ служителямъ:

— Въ тифозную... Ну, ступай, матушка, уходи...— обратился онъ къ Аринѣ.— Навѣщать больную можешь по вторникамъ и субботамъ.

Арина заплакала и бросилась обнимать безмолвную Акулину, лежащую съ закрытыми глазами.

— Голубушка ты моя, сердечная...—завыла Арина.

— Уходи, уходи! Обниматься тутъ нечего: болѣзнь прилипчивая. Еще пристать можетъ. Съ Богомъ...

Все еще всхлипывая и утирая слезы рукавомъ, Арина вышла изъ пріемной и стала сходить съ лѣстницы, направляясь на улицу.

XLII.

ЕЗНАКОМАЯ съ Петербургомъ, Арина, выйдя изъ пріемной больницы, долго блуждала по улицамъ Петербургской стороны, пока отыскала тотъ тряпичный дворъ, на которомъ она до сего времени работала. Отправляя

Акулину въ больницу, она впопыхахъ даже не освѣдомилась, въ какой улицѣ находился этотъ тряпичный дворъ. Она не знала даже фамиліи хозяина тряпичнаго двора и помнила только одно, что зовутъ его Акимомъ Михайлычемъ, а прикащика Емельяномъ Алексѣевымъ. Пришлось заходить въ мелочныя лавочки и спрашивать про дворъ, обращаться къ городовымъ. Такимъ образомъ исколесила она множество улицъ, пока какой-то околоточный, подойдя къ городовому, у котораго она разспрашивала про дворъ, не сказалъ ей, въ какой улицѣ и гдѣ находится этотъ дворъ. Оказалась, что она забрела совсѣмъ на противоположный конецъ Петербургской стороны. По указаніямъ околоточнаго Арина наконецъ нашла тряпичный дворъ и до того была рада, что странствованія ея кончились, что ужъ не вошла, а вбѣжала на дворъ—и прямо бросилась подъ навѣсъ. Демянскія женщины сидѣли около тряпокъ и работали, была тутъ и старуха николаевская солдатка съ двумя своими товарками, но Домны съ ребенкомъ не было.

Вбѣжавъ подъ навѣсъ, она такъ и опустилась на грудь тряпокъ, до того была уставши. Безсонная ночь около Акулины, горе по случаю заболѣвшей землячки и руководительницы, хожденіе по улицамъ для отыскиванія двора до того утомили ее, что она еле переводила духъ и глядѣла на всѣхъ посоловѣлыми глазами. Время приближалось уже къ полудню.

— Ну, что? Какъ? обратились къ ней демянскія женщины.

— Оставила въ больницѣ... Страсть, что съ ней,

дѣвушки, сдѣлалось. Ни руками, ни ногами недвижима. Не знаю ужъ и жива-ли теперь... отвѣчала Арина и при воспоминаніи объ Акулинѣ слезы опять брызнули изъ ея глазъ.

Дальше она говорить не могла.

— Чего ты ревешь-то такъ ужъ очень объ ней? сказала Анфиса.—Теперь она и въ теплѣ, и на мягкой постели. Надо радоваться, что приняли въ больницу-то. А то иногда здѣсь въ Питерѣ въ двѣ, три больницы привезешь—и нигдѣ не принимаютъ и все посылають дальше да дальше. Вонъ я лѣтось жила на огородѣ и у насъ захворала одна полольщица, такъ ту возили, возили по Питеру, да такъ и довозили до смерти. Здѣсь вѣдь больницъ много. Въ пять больницъ что-то съ ней совались—и нигдѣ мѣстовъ нѣтъ, вездѣ отказъ. Привезли наконецъ куда-то, стали ее принимать—глядь, а она ужъ и Богу душу отдала.

Арина продолжала плакать.

— Брось. Не реви. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, не мать тебѣ родная эта самая Акулина, а только землячка. Всѣ подъ Богомъ ходимъ, утѣшала Арину Фекла.—А мы вотъ объ тебѣ-то безпокоились, думали, ужъ найдешь-ли насъ-то. Въ Питерѣ ты не бывала, мѣстовъ и порядковъ здѣшнихъ не знаешь, а у насъ твоя котомка и паспортъ, да и Акулининъ мѣшокъ. Ну, куда ты безъ паспорта-то дѣлась-бы? Здѣсь безъ паспорта никуда и ночевать не впустять.

— Я ужъ и сама рада радехонька, дѣвушки, что нашлась, отвѣчала Арина, улыбаясь сквозь слезы.— Міромъ все какъ-то лучше... А то куда-бы я одна-

то?.. Вотъ теперь все-таки съ вами, съ знакомыми. Ужъ не покиньте меня, дѣвушки... Я вамъ хотъ и чужая, не делянская, но ужъ обжилась съ вами, вмѣстѣ горе-то мыкаемъ. Не гоните...

— Зачѣмъ гнать! Живи съ нашей артелью... отвѣчали женщины.

— Спасибо, милья, спасибо... Потомъ я разыщу своихъ боровичскихъ, онѣ здѣсь въ Питерѣ на огородѣ у этого самага... какъ его?.. у Ардальона Сергѣича работаютъ.

— Знаю я Ардальона Сергѣева... сказала Анфиса.—У него огородъ на Выборгской сторонѣ. Мужикъ богатый, но ой-ой какой пронзительный! И жмохъ, и бабникъ... Чуть дѣвка помоложе и показистѣе—сейчасъ и приставать къ ней...

— Вотъ изъ-за этого-то мы съ Акулинушкой оттуда и ушли, а то вѣдь тоже тамъ работали. Работали по пятналтынному въ день и на евонныхъ харчахъ. Тамъ куда было жить лучше, а только очень ужъ онъ сталъ ко мнѣ приставать, рассказывала Арина...

— Ну, вотъ, вотъ... Его всѣ бывалыя полольщицы чудесно знаютъ. Насчетъ женскаго сословія—мужикъ-ядъ.

— А гдѣ-же, дѣвушки, Домна-то у васъ? освѣдомилась Арина.—Не взялъ ее должно быть прикащикъ на работу-то?

— Не взялъ. «У насъ, говорить, правило, чтобы безъ ребенковъ»... отвѣчала Анфиса.—На Никольскій пошла. «Авось, говорить, на поломойничество кто найметъ».

Въ полдень, по заведенному порядку, подъ навѣсъ заглянулъ прикащикъ и объявилъ обѣденный отдыхъ. Арина встала и поклонилась ему.

— Землячку, милостивецъ, я въ больницу возила, оттого и не могла придти на работу съ утра-то, сказала она.—Дозволь послѣ обѣда полдня отработать за гривенничекъ.

Прикащикъ скосилъ на нее глаза и проговорилъ:

— Какая теперь работа! И остальныхъ-то бы согнать со двора надо. Время передпраздничное. Завтра страстная пятница и ужъ совсѣмъ шабашить надо. Уходи съ Богомъ...

— Голубчикъ... Позволь остаться...—дрогнувшимъ голосомъ слезливо заговорила Арина.—Я съ артелью, я съ товарками... Позволь хоть за пяточекъ остаться.

Прикащикъ ухмыльнулся.

— Или ужъ такъ очень наши тряпичные духи понравились?—спросилъ онъ и прибавилъ:—Ну, за пяточекъ оставайся, пяточекъ хозяина не разорить.

Арина опять поклонилась ему въ поясъ.

Вечеромъ прикащикъ, выдавая на руки женщинамъ «расчетъ», шутливо прибавилъ:

— Ну, съ предстоящимъ праздникомъ васъ, барышни. Будете разговляться на праздникахъ, такъ смотрите, не обожритесь.

— Какое тутъ обжиранье, голубчикъ,—отвѣчала ему Фекла.—Только-бы животы отъ голодухи не подвело. Вѣдь вотъ пять день безъ заработка надо просидѣть, а то и шесть. На четвертый-то день праздника примешь-ли на работу?

— Да, да... Съ четвертаго дня у насъ дворъ будетъ открытъ. Кто хочетъ, тотъ приходи на работу. Теперь время весеннее, надо торопиться. Вонъ тамъ у насъ кучи еще не оттаяли, а въ нихъ вѣдь кость и разная разность свалена. За шесть-то дней пооттааетъ хорошенько, такъ тоже разбирать надо. Тряпки разберемъ—за кость примемся. Ну, съ Богомъ! — кивнулъ прикащикъ женщинамъ и спросилъ:—А гдѣ на праздникахъ будете нѣжиться? На постояломъ дворѣ, что-ли?

— Да вотъ ужъ и не знаемъ какъ... Безъ пристанища жить нельзя, а и постоялый-то намъ не по деньгамъ, отвѣчала Анфиса.—Суди самъ: вѣдь тоже на баню нужно, Богу на свѣчку, безъ того чтобъ не разговѣться тоже нельзя, потому христiane... А на какіе достатки при нашихъ заработкахъ-то?

— Ну, никто какъ Богъ... Въ Питерѣ люди съ голоду не мрутъ, ободрительно произнесъ прикащикъ.—Идите на постоялый...

— Да конечно-же на постоялый... А тамъ нужно сообразить, нельзя-ли какъ-нибудь позаложиться, чтобы концы-то съ концами до заработка свести... бормотала Анфиса и прибавила товаркамъ:—Пойдемте, дѣвушки.

Женщины перекинули черезъ плечи кто котомку, кто мѣшокъ, кто полушубокъ, и поплелись съ тряпичнаго двора. Прикащикъ смотрѣлъ имъ въ слѣдъ и крикнулъ:

— Придите хозяина-то въ первый день Пасхи поздравить! Онъ честь любить, похристосуется и по ялицу вамъ дастъ, а то такъ и двугривеннымъ посе-

ребрить вашу братію. Ему двугривенный плюнуть, а почетъ дорогъ...

— Ладно, ладно... Придемъ, голубчикъ... Спасибо тебѣ, что сказалъ и надоумилъ насъ, глупыхъ, отвѣчали женщины и вышли за ворота тряпичнаго двора.

XLIII.

ТАЩИЛИ въ больницу? спрашивала про Акулину хозяйка постоялаго двора, когда женщины пришли къ ней на ночлегъ.

— Свезла, свезла, сердечную, отвѣчала Арина.

— Спрашивалъ докторъ, откуда она? Записали тамъ нашъ адресъ?

— Спрашивали, милая, спрашивали, гдѣ она ночевала, про квартиру спрашивали и на какой улицѣ и чей домъ, но почему я знаю на какой улицѣ и чей домъ! Ужъ ты извини, что не знала. Сказала, что на постояломъ дворѣ—вотъ и все.

— И счастливъ твой Богъ, что не знала! А то доктора сейчасъ прислали-бы болѣзнь искать. И начали-бы тутъ все ворошить да прыскать и переворачивать. Нынче ежели заболитъ постоялецъ да попадетъ въ больницу, такъ просто бѣда! Хлопотъ не оберешься. Но главное, что они навоняютъ въ комнатахъ. Такимъ снадобьемъ прыскаютъ, что просто ужаси! Ну, что-жъ, на всю Пасху ко мнѣ? спросила хозяйка женщинъ.

— Да вѣдь на всю Пасху, такъ паспорта пропи-

сывать надо, отвѣчала Анфиса.—Я знаю Питеръ-то, я бывала. А тамъ при пропискѣ и рубль больничныхъ подай, а у насъ, милая, говоримъ прямо, денегъ-то ни кругомъ, ни около.

— Мужъ можетъ прописать васъ, что вы проѣздомъ, тогда никакихъ больничныхъ. Только за прописку и возьмутъ...

— Нѣтъ, ангелка, намъ каждая копѣйка дорога. Дай ты намъ такъ переночевать сегодня, а что завтра—видно будетъ.

— Чудачка! Да вѣдь у насъ тоже ревизія бываетъ, ревизоры ходятъ, осматриваютъ.

— А придетъ кто осматривать, такъ мы сапоги и котомки на плечи, да и уйдемъ, куда глаза глядятъ. Нѣтъ, ужъ ты, душечка, насъ не тѣсни. Паспорты всегда при насъ.

— Ладно. Поговорю я мужу, согласилась хозяйка.—А только боюсь, какъ-бы чего не вышло. Вы хоть харчи-то у насъ берите, а то намъ не расчесть...—обратилась она, помолчавъ, къ женщинамъ.

— Милая! Да какіе наши харчи!—сказала Фекла.—Пожевалъ хлѣбца—вотъ и сытъ. Нешто мы можемъ разносолы хлебать! Денегъ у насъ у всѣхъ столько, что не знаемъ, какъ и протянуть праздники до заработковъ.

— Ну, хоть хлѣбъ берите, что-ли. Васъ сколько? Девять бабъ? Съ артели мы не дороже лавки будемъ брать. Да самоваръ требуйте... За самоваръ я буду съ васъ по семи копѣекъ брать. А чаю съ сахаромъ можете въ лавкѣ купить.

— Купило-то у насъ притупило, умница. Вотъ

развѣ что въ первый день Пасхи у тебя убоинкой да яичкомъ разговѣмся. Безъ этого ужъ нельзя. Самъ Богъ велѣлъ. Хоть заложимся, а ужъ разговѣться разговѣмся.

Видя такихъ маловыгодныхъ для себя постояльцевъ, хозяйка съ неудовольствіемъ покачала головой и перестала разговаривать. Женщины и самичувствовали себя какъ-бы виноватыми, не знали гдѣ приткнуться и столпились въ углу большой комнаты постоялаго двора. Была пора ужина. Въ комнатѣ пахло щами, кашей и раздражало ихъ аппетитъ. Наконецъ онѣ, одна за другой, вышли на дворъ и стали пересчитывать свои деньги, хотя каждая изъ нихъ знала, сколько у ней есть денегъ.

— Не дотянуть до четвертаго-то дня Пасхи, ежели хлебово хлебать, начала Анфиса.—А самоваръ попросить у ней, дѣвушки, на ужинъ все-таки надо. Двѣнадцать копѣекъ намъ выдетъ, ежели сообщу чаю напиться. Семь копѣекъ ей за самоваръ три копѣйки заварку чаю въ лавочкѣ купимъ, да на двѣ копѣйки сахару. Ну, по махонькому кусочку, ну раскусимъ... А ужъ двѣнадцать-то копѣекъ можно... Никто, какъ Богъ...

— Да конечно, можно, согласились женщины.— Все-таки горячее. Иди заказывай хозяйкѣ, да купи у ней десять фунтовъ хлѣба. Все-таки и ей-то будетъ повеселѣй, а то она ровно какъ-бы осовѣла и ужъ косо глядитъ.

Анфиса пошла къ хозяйкѣ, а Фекла побѣжала въ лавочку за чаемъ и за сахаромъ.

Черезъ полчаса женщины сидѣли въ комнатѣ за

столомъ передъ большимъ, нечищеннымъ, красной мѣди самоваромъ и ѣли хлѣбъ, захлебывая его чаемъ.

— А что-то теперь наша бѣдная Акулинушка?! вспомнила Арина и закапала слезами.

— Да ей, милая, теперь лучше насъ, ей-ей, лучше насъ. Я вѣдь лежала въ больницѣ, такъ ужъ знаю, проговорила Анфиса.— Тамъ каждый день горячее, и даже бѣлый хлѣбъ даютъ.

— Въ субботу надо сходить спровѣдать ее. По субботамъ, докторъ сказалъ, пуцаютъ.

— Ну, что-жъ, сходимъ, и мы сходимъ, въ субботу, пожалуй, и я съ тобой схожу. Все равно теперь безъ работы сколько дней слоняться будемъ.

— А завтра хоть землячекъ моихъ боровическихъ на огородъ спровѣдать, что-ли... говорила Арина.— Какъ онѣ тамъ? Что? Да и не слыжали-ли что объ огородныхъ мѣстахъ гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ.

— Вотъ, вотъ... пойдёмъ, дѣвушки. Всѣ пойдёмъ. Я знаю огородъ-то этотъ. Это отсюда не далеко, это на Выборгской сторонѣ. И еще на одинъ огородъ зайдемъ. Теперь надо повсюду поспрашивать и нюхать. Послѣ Пасхи ужъ на всѣхъ огородахъ грядное дѣло начинается.

Спали женщины въ той-же комнатѣ на полу, около большой русской печки, отъ которой такъ и пыhalo тепломъ. Арина улеглась около самой стѣнки.

— Вотъ ужъ хорошо гдѣ, такъ хорошо, сказала она, улыбаясь, и начала тотчасъ-же засыпать. Бессонная ночь съ Акулиной дала себя знать.

Подняться утромъ пришлось женщинамъ рано,

такъ какъ стряпуха, которой нужно было топить печь, безъ всякаго стѣсненія растолкала ихъ. Дабы чѣмъ нибудь услужить, женщины привялись ей помогать таскать дрова и затоплять печь. Другіе постояльцы, разлегшіеся на лавкахъ по стѣнѣ, еще спали, спала и хозяйка, но хозяинъ уже бродилъ по двору и переругивался съ мужиками, остановившимися на ночлегъ съ подводами. Наконецъ встала и хозяйка, спавшая въ отдѣльной маленькой комнатѣ, половина стѣны которой была завѣшена образами, увидала женщинъ и первымъ дѣломъ повела разговоръ о самоварѣ.

— Вѣдь ежели жить на постояломъ дворѣ, да ничего не требовать, такъ какая-же намъ корысть держать-то васъ въ теплѣ? Вѣдь однимъ ночлежнымъ, что за ночлегъ заплатите, сытъ не будешь. Мы тоже такъ рассчитываемъ, чтобы постояльцы у насъ харчи и самоваръ брали, говорила она.

Женщины переглянулись, пошептались и рѣшили взять самоваръ.

— Да ужъ давай, давай самоваръ-то... Что съ тобой дѣлать! сказала Анфиса и опять откомандировала Феклу въ лавочку за чаемъ и сахаромъ.

— Да тоже вотъ хоть и насчетъ харчей-то... продолжала хозяйка.—Ну, что вамъ стоитъ взять вмѣстѣ съ хлѣбомъ хоть на пятіалтынный картофелю на всю братію къ обѣду!

— Мы, милая, на постояломъ обѣдать не будемъ, мы вотъ напьемся чайку да пойдемъ землячекъ розыскивать, по огородамъ побродимъ. Надо вѣдь тоже работу искать, чтобы работа гдѣ была послѣ

Пасхи. Мы вѣдь собственно на огородъ въ полотьщицы пріѣхали, отвѣчала Арина.

— Да, да... подхватили демянскія женщины.— Насчетъ картофелю развѣ ужъ что на ужинъ, когда ночевать къ тебѣ придемъ, а теперь извини.

— Ну, голь-же вы, посмотрю я на васъ, сказала хозяйка и надулась.

Напившись чаю и позавтракавъ хлѣбомъ, женщины отдали хозяйкѣ на сохраненіе котомки, мѣшки и сапоги, и такъ какъ утро было ясное и сравнительно теплое, босикомъ вышли со двора, направляясь бродить по огородамъ и развѣдывать о мѣстахъ.

XLIV.

ГОРОДЪ Ардальона Сергѣева, гдѣ работали двѣ боровичскія землячки Арины, пришедшія вмѣстѣ съ ней изъ деревни, былъ найденъ безъ особеннаго труда съ помощью Анфисы, дѣйствительно нѣсколько знакомой съ Петербургомъ. Когда женщины пришли къ воротамъ огорода, было уже близко къ полудню. Шли онѣ не торопясь, по дорогѣ заходили на попутные огороды и справлялись, не потребуется-ли полотьщиць. Хозяева вездѣ разговаривали съ ними неохотно и отвѣчали въ такомъ родѣ:

— Какіе теперь наймы насчетъ бабъ! Приходите послѣ Пасхи, тогда и разговоръ будетъ. Грядное дѣло мы только послѣ Пасхи, на фоминой недѣлѣ

зачинаемъ. Радуницу отпразднуемъ, да и начнемъ
ряды копать.

На вопросъ, какая ряда на бабу будетъ, отвѣ-
чали:

— А ужъ это глядя потому, сколько голоднаго
народу въ Питерь придетъ. Ряду Богъ строить.

Подойдя къ огороду Ардальона Сергѣева, жен-
щины не рѣшились войти всѣ въ ворота, дабы хо-
зяинъ, видя такую толпу гостей, пришедшихъ къ
работницамъ, не заругался и не выгналъ съ огоро-
да. На огородъ вошли только Арина съ Анфисой.
Не смотря на страстную пятницу, на огородѣ Ар-
дальона Сергѣева работали. Женщины копошились
около парниковъ. Нѣкоторыя таскали изъ пруда
лейки съ водой и поливали въ парникахъ растенія.
Увидавъ свою землячку Аграфену, Арина такъ и
бросилась къ ней и сейчасъ-же расцѣловалась.

— Здравствуй, душенька! Ну, что? Ну, какъ вы
здѣсь? спрашивала Арина Аграфену.

— Да ничего, живемъ. Поправляемся изъ кулька
въ рогожку. А гдѣ-же Акулина?

— Охъ, дѣвушка, и не говори! Совсѣмъ горе
горькое... Акулина захворала, пласть пластомъ сва-
лилась и свезла я ее въ больницу, отвѣчала Арина
и при этомъ залилась слезами.

Аграфенѣ было передано ею подробно о работѣ
на тряпичномъ дворѣ, о заработкѣ на этомъ дворѣ,
о странствованіяхъ по ночлежнымъ и постояннымъ
дворамъ, о болѣзни Акулины и объ отвозѣ ея въ
больницу.

Аграфена слушала и печально покачивала голо-

вой. Арина, рассказывая, всхлипывала и отирала глаза рукавомъ.

— Ну, какъ-же ты теперь? Стало быть одна, безъ товарки? задала вопросъ Аграфена.

— Да вонъ къ демянскимъ женщинамъ приткнулась, кивнула Арина на Анфису.—Вмѣстѣ работали на тряпичномъ дворѣ, онѣ меня въ компанію и приняли. Одной-то, дѣвушка, въ Питерѣ безъ пристанища ой-ой какъ трудно! У насъ за воротами цѣлая компанія женщинъ. На тряпичномъ-то дворѣ сегодня работы нѣтъ, такъ пошли побродить по огородамъ да поспрашивать, не будетъ-ли гдѣ работы.

— Работа, Аринушка, будетъ, и будетъ работа выгодная. Подружилась я тутъ съ одной новолодожской дѣвушкой и та эту работу разнюхала. Работа такая, что можно много денегъ заработать, ежели себя не пожалѣть. Только безпремѣнно надо на эту работу попарно идти, чтобъ въ компаніи съ какой-нибудь другой товаркой, рассказывала Аграфена. Дрова пилить и колоть. На сплавъ дровъ надо идти. Сорокъ верстъ отъ Питера рѣчка будетъ, такъ туда. Сказываютъ, что по сорока копѣекъ съ сажени платятъ. Ежели намъ хозяинъ на Пасхѣ къ пятнадцатому въ день не прибавитъ, то отработаемъ мы у него за прописку паспортовъ и за больничныя рубль и тридцать копѣекъ, да и уйдемъ съ этой новолодожской дѣвушкой на дровяной сплавъ.

— А отчего-жъ съ новолодожской дѣвушкой, а не съ Надюшкой? Надюшка все-таки тебѣ землячка, вы пришли съ ней вмѣстѣ изъ деревни, сказала

Арина и спросила про свою другую боровичскую землячку:—Да гдѣ-же, кстати, она?

Аграфена улыбулась и отвѣчала:

— Надюшка наша теперь не пойдетъ съ здѣшняго огорода. Ардальонъ Сергѣичъ ее постоянной стряпухой сдѣлалъ, при себѣ держитъ, чаемъ съ вареньемъ поить и она какъ сыръ въ маслѣ катается.

— Съ хозяиномъ повелась?! испуганно и вмѣстѣ съ тѣмъ удивленно воскликнула Арина.

— Спуталась, отвѣчала Аграфена.—Вчера рыжиковъ онъ ей на закуску покупалъ, нынче утромъ гляжу—она ситникъ съ медомъ ѣсть.

— Ай, ай, ай! покачала головой Арина. — Что мать-то ейная въ деревнѣ скажетъ!

— Да у ней и мать-то путанная, барочная. Ты вѣдь не знаешь ихъ семьи, а я знаю. Каждое лѣто на Мстѣ рѣкѣ разбитыя барки караулила, чтобы товарь затонувшій въ порогахъ таскать, такъ что хорошаго!

— Поди-жъ ты, какая оказія! продолжала дивиться Арина. — Вотъ ужъ про Надюшку я этого никогда-бы не подумала.

— Пустяки. Она и раньше была путанная, махнула рукой Аграфена.

Въ это время изъ избы показался Ардальонъ Сергѣевъ въ жилеткѣ и красной кумачевой рубахѣ. Увидавъ Аграфену разговаривающую съ женщиною, онъ крикнулъ:

— Къ парникамъ, къ парникамъ, толстопятая! Надо понавалиться и хозяину угодить. Сегодня толь-

ко до обѣда работаете изъ-за праздничнаго дня, а вѣдь харчи-то вамъ полностью подай.

— Послѣ я вамъ все расскажу, послѣ... Ступайте за ворота и ждите меня тамъ. Послѣ обѣда я къ вамъ выйду, заговорила Аграфена, юркнувъ отъ Арины и Анфисы къ парникамъ.

Арина и Анфиса направились за ворота и носъ съ носомъ столкнулись съ хозяиномъ. Хозяинъ узналъ Арину.

— А! Царевна недотрога! воскликнулъ онъ.— Не подвело-ли ужъ брюхо съ голодухи и не проситься-ли ко мнѣ на огородъ опять пришла? спросилъ онъ.

— Нѣтъ. Есть у насъ работа. Работаемъ по малости, слава тебѣ Господи, скромно отвѣчала Арина.

— То-то я вижу, что ты во французскихъ сапогахъ щеголяешь, кивнулъ хозяинъ на босыя ноги Арины и насмѣшливо улыбнулся.

Аграфену пришлось дожидаться за воротами съ добрый часъ. Женщины, пришедшія съ Ариной, тоже не уходили. Онѣ побродили по улицѣ и присѣли на бережокъ придорожной канавки, идущей мимо забора огорода. Наконецъ Аграфена показалась.

— Покончили на сегодня съ работой, сказала она и прибавила: — Вѣдь вотъ въ праздники здѣсь такое заведеніе для поденщицъ, что парники ты все-таки полей, возись около нихъ, раскутывая да закутывая ихъ рогожами, а ужъ поденной платы хозяинъ не дастъ, а только изъ-за харчей. И такъ всю Пасху будетъ, такъ стоитъ-ли, дѣвушки, жить здѣсь, ежели хорошая работа наклеывается?!

— Охъ, намъ еще хуже! вздохнула Анфиса.— Васъ хоть покормятъ въ праздники да ночлегъ дадутъ и есть у васъ пристанище, а вотъ мы въ праздники и покормись-то на свои деньги, да и за ночлегъ заплати.

— Такъ гдѣ-же, Аграфенушка, на эту работу-то наниматься надо, чтобы дрова пилить? заговорила Арина.— Нельзя-ли и намъ пристать?

— Можно, можно. На распилку дровъ много народу требуется. Прикащикъ здѣсь одинъ на баркѣ нанимается, а барка въ рѣчкѣ у моста стоитъ, тоже съ дровами сюда въ Питерь пришла. Вотъ ужъ не знаю я, у какого моста-то, а эта самая новолодожская дѣвушка знаетъ. Федосьей ее звать. Она сейчасъ придетъ.

Пришла и новолодожская Федосья, здоровая, рослая дѣвушка, поздоровалась съ Ариной, которую она уже знала по огороду Ардальона Сергѣева, познакомилась съ демянскими женщинами и сообщила, что прикащикъ стоитъ на баркѣ въ Фонтанкѣ у Симеоновскаго моста, что зовутъ его Карпомъ Ивановичемъ, что сплавъ дровъ находится на рѣкѣ Тоснѣ, въ сорока верстахъ отъ Петербурга.

— И вѣдь чѣмъ хорошо тамъ, дѣвушки: плата съ сажени дровъ, сколько ты разстараясь въ работѣ, столько и заработаешь. И никакихъ праздниковъ нѣтъ. Хочешь ты по праздникамъ работать — работай, на себя работаешь и за отработанное все равно тебѣ деньги идутъ. Хоть день и ночь работай, коли ежель въ силахъ.

— Да, да... улыбались женщины. — Ну, чего-жь еще лучше!

— Такъ вотъ ежели Ардальонъ Сергѣичъ намъ не прибавить на праздникахъ къ поденному пятіалтынному, то мы и пойдѣмъ наниматься.

— Да хоть-бы и прибавилъ, такъ все равно уйдѣмъ. Ну, много-ли онъ прибавить? Ну, пятачокъ прибавить, подхватила Федосья.—Изъ двугривеннаго все равно не стоитъ работать, коли тамъ на дровяномъ сплавѣ по сорока копѣекъ за распиловку сажени дровъ платятъ. Вѣдь это ежели поналечь, то три сажени въ день можно распилить и расколоть, а то и больше. По сорока копѣекъ три сажени— рубль двадцать... Тутъ хоть двугривенный въ день на харчи просаливай, такъ и то не разоришься.

— Вѣрно, вѣрно... заговорили женщины.

Рѣшено было, что Арина и демянскія женщины придуть къ Федосѣѣ на огородъ на второй день праздника и вмѣстѣ съ Федосѣей и новолодожской дѣвушкой отправятся къ Симеоновскому мосту, къ прикащику на барку и подрядятся, чтобы идти на распиловку дровъ. Новеселѣвшія, что хоть что-нибудь удачное имѣется въ виду, Арина и демянскія женщины отправились обратно на постоянный дворъ.

XLV.

ВЪ СТРАСТНУЮ субботу Арина ходила въ больницу навѣстить Акулину и Аринѣ сопутствовали Анфиса и Фекла. Онѣ припесли Акулинѣ пятачковую булку, но Акулина была въ безпамятствѣ и не только булку не могла

принять, но даже и не узнала ихъ. Пока женщины сидѣли около нея, она все металась и бредила. Въ бреду она называла имена свекрови, невѣстки, упомянула про своего ребенка Спиридошу. Посидѣвъ около постели больной съ полчаса, женщины такъ и не могли дождаться, чтобы она пришла въ себя и узнала ихъ. Онѣ передали булку сидѣлкѣ, прося, чтобы сидѣлка отдала булку Акулинѣ, когда та придетъ въ себя, и ушли изъ больницы.

Акулина произвела на Арину, Анфису и Феклу тяжелое впечатлѣніе. Арина всхлипывала, Анфиса утирала мокрые отъ слезъ глаза, Фекла хмурилась и кусала губы.

— Не подвѣяться ей, дѣвушки, ни за что не подвѣяться, говорила Арина.—Видѣли вы ее? Даже потемнѣла вся. Лицо-то что твоя сапожная голенища.

— Ничего, Богъ дастъ, поправится, утѣшала товарку Анфиса.—Въ нутрѣ у ней болѣзнь, нутро у ней жжетъ—вотъ чернота-то наружу и выходитъ.

— Гдѣ поправится, коли ужъ даже и не узнаетъ никого! Просто руки опускаются... Не знаю, что и дѣлать... Вѣсточку о ней свекрови подать въ деревню, что вотъ больна? Письмо отписать, что-ли?

— Да что-же зря-то писать! Вотъ сходимъ еще разъ къ ней, навѣстимъ, да ежели не будетъ ей лучше, такъ тогда и напишешь. А такъ писать—только пугать.

— Умереть, безпремѣнно умереть... твердила Арина.

— Эхъ, дѣвушка! мрачно вздохнула скуластая Фекла!—Всѣмъ намъ умереть, такъ и то едва-ли не краше будетъ. Ну, какая наша жизнь?!

Возвращаясь из больницы на постоянный дворъ, женщины шли мимо мелочныхъ лавочекъ и булочныхъ съ выставленными на окнахъ куличами, пасхами, крашеными яйцами. На улицахъ уже сновалъ праздничный народъ, таща домой купленную въ лавкахъ провизию для розговѣнья: куски буженины на мочалкѣ, ватрушки съ брусничнымъ вареньемъ, пасхальные яства. Попадались уже и пьяные. Праздничная суетня была въ полномъ разгарѣ. Это напоминало и женщинамъ, что имъ нужно приготовиться къ празднику, дабы встрѣтить его по обычаямъ.

— Какъ хотите, дѣвушки, а ужъ безъ творожку и ситнаго хлѣба сегодня ночью нельзя. Надо будетъ на всю братю и яичекъ красныхъ хоть десяточекъ купить. Вѣдь мы все-таки христіане, начала Анфиса.

— Да, да... творожку... Пасхи-то готовыя, поди, дороги, такъ мы сами пасху сладимъ на постояломъ, подхватила Фекла.— Руками сбить творогъ въ горку— вотъ и пасха. Ночью снесемъ ее къ церкви и освятимъ, а потомъ и разговѣмся. Вотъ Богу на свѣчку также надо.

— Хватить-ли только у насъ денегъ-то на все на это? усумнилась Арина.

— Да ужъ не хватаетъ, такъ заложиться надо, а безъ того, чтобы разговѣться, нельзя, отвѣчала Анфиса.— Вотъ развѣ что на второй день Пасхи не хватаетъ, а на первый то хватаетъ. Чего торопиться закладываться! Намъ ежели по гривенику сложиться— вотъ и розговѣнье.

— Ну, не скажи. Ночью послѣ заутрени надо.

будеть у хозяйки и убоинки спросить, сказала Фекла.—
Завтра въ обѣдъ хоть щецъ у ней похлебать.

— Вотъ развѣ убоинка да щи-то... Ну, ей и за-
ложимъ чей-нибудь армячишко, коли ежели не хва-
титъ.

Придя на постоялый дворъ, Анфиса начала дѣ-
лать сборъ на розговѣнье. Девять женщинъ дали по
гривеннику и образовалось девяносто копѣекъ. Хо-
зайка, увидавъ сборъ, просила, чтобы творогъ, сит-
никъ и яйца не брали въ лавкѣ и предложила всѣ
эти припасы, имѣющіеся у нея на постояломъ дворѣ.

— Вотъ вамъ пасочку за двугривенный, вотъ
вамъ два десятка яичекъ за сорокъ копѣекъ, а вотъ
на остальные тридцать копѣекъ и ситнику дадимъ,
сказала она, подавая пасху на дощечкѣ и отсчиты-
вая яйца.—По крайности все-таки тамъ и поку-
паете, гдѣ на квартирѣ стоите.

— Да что-жъ ты за яйца-то дорого? возражали
женщины.—Теперича ежели эти яйца у насъ въ де-
ревнѣ...

— Такъ въ деревню и ступай, а здѣсь Питеръ.—
За моремъ телушка полушка, да провозъ дорогъ.
Ужъ я и такъ съ васъ не дороже, какъ въ мелоч-
ной лавочкѣ за все беру. Сунься-ка въ мелочную
лавочку, попробуй.

Пришлось согласиться. Женщины взяли отъ хо-
зайки пасху, яйца и ситникъ, и поставили все это
до заутрени на полку около печи и покрыли чи-
стымъ платкомъ. Къ вечеру праздникъ сказывался
все шире и шире. Запахло жаренымъ. Хозяйка и
стряпуха начали запекать въ печи два окорока вет-

чины, хозяинъ затеплилъ у образовъ лампы. Арина и демянскія женщины посчитали деньги и стали собираться въ баню.

— Хоть-бы полы мнѣ подмыли до бани то, что ли, сказала имъ хозяйка:—а я-бы вамъ за это обмылочки прожертвовала. Въ баню-то еще успѣете сходить.

Просить долго не пришлось. Женщины тотчасъ-же схватили ведра и мочалки, и полы были вымыты.

— Ну, вотъ спасибо, ну вотъ за это умницы,— благодарила хозяйка.—А принесете мнѣ изъ бани вѣнчики, такъ я самоваромъ васъ угощу, только чаю съ сахаромъ купите. Вѣнчики покупать будете, а выпаритесь, такъ куда вамъ съ ними! А намъ по хозяйству пригодятся.

— Хорошо, хорошо,—говорили женщины и начали между собой дѣлить обмылки, оставшіеся отъ поломоищества, разрѣзая ихъ на еще болѣе маленькіе кусочки.

Вернувшись подъ вечеръ изъ бани и принеся хозяйкѣ пять вѣнчиковъ, онѣ пили чай въ ожиданіи праздника и опять считали деньги.

— Почти по семи копѣекъ на сестру пришлось, чтобы въ баню-то сходить,—разсуждали онѣ.

— А только и бани-же здѣсь въ Питерѣ, дѣвухи! Рай красный! говорила Фекла, вся пунцовая отъ бани.—Воды горячѣй сколько хочешь, пару много. Одно вотъ только, что тѣсно.

При счетѣ денегъ опять слышался шепотъ: «дотянемъ-ли? хватить-ли?»

— Богъ дастъ, дотянемъ какъ-нибудь, утѣшала

Анфиса.—Разносолы-то вѣдь ужъ всѣ куплены. Въ баню тоже сходили...

— У меня еше, кромѣ своихъ, Акулинушкиныхъ денегъ тридцать восемь копѣекъ есть, похвасталась Арина.—Коли ежели что, такъ я ихъ потратить могу, а потомъ при заработкѣ ей отдамъ.

— У тебя, Марья Власьевна, сколько? спрашивала Фекла демянскую молодую бабенку всю въ веснушкахъ.

Та стала считать мѣдныя деньги и разсыпала ихъ.

— Хватить... слышалось опять у женщинъ.— Даже до четвертаго дня хватить, а на четвертый день вѣдь ужъ можно и на трипичный дворъ на работу, ежели насчетъ распиловки дровъ у насъ дѣло не сладится.

— Хватить... ободряли себя Фекла и Анфиса.— Вѣдь только завтра разносольничать-то будемъ, а на второй день Пасхи опять сожмемся.

Напившись чаю, женщины въ ожиданіи праздника побродили по улицѣ, по двору и, вернувшись въ комнату, прилегли кто въ уголкахъ на полу, кто на лавкахъ.

— Тятенька у насъ тоже теперь въ деревнѣ къ заутрени собирается, поди... вспомнила Арина и тяжело вздохнула.—Церковь-то отъ насъ въ четырехъ верстахъ... Я тоже, бывало, всегда съ нимъ вмѣстѣ къ заутрени ходила. У насъ въ заутреню-то костры вокругъ церкви жгутъ и бочки смоленыя... Весело таково... Крестный ходъ... А мамка всегда дома съ ребятишками... стряпушничаетъ. Есть-ли только что нынче стряпушничать-то!... Уѣхали мы, такъ какъ

было голодно! Страсть какъ голодно... Вѣдь вотъ въ Питерь-то ѣдучи думала, что какъ, молъ, пріѣду, такъ сейчасъ у хозяевъ заберу два рубля задатку и пошлю имъ на праздникъ, а вотъ вышло такъ, что и гроша мѣднаго послать не изъ чего. Ругаютъ теперь, поди, меня въ деревнѣ, страсть какъ ругаютъ.

Въ это время на ближайшей колокольнѣ раздался первый ударъ колокола къ заутрени. Женщины поднялись и стали креститься.

Арина, Анфиса, Фекла и еще двѣ демянскія женщины стали собираться къ заутрени. Анфиса снимала съ полки пасху, яйца и хлѣбъ, чтобы нести ихъ къ церкви святить. Женщины, которыя порѣшили не идти въ церковь, совали ей по копѣйкѣ на мірскую свѣчку.

XLVI.

КОЛО церкви такъ и гудѣлъ народъ, пришедшій святить пасхальныя яства. Все это освѣщалось тысячами копѣчныхъ свѣчекъ, воткнутыхъ въ куличи и пасхи. Женщины и мужчины въ праздничныхъ нарядахъ пестрой лентой выстроились вокругъ церковной ограды, поставивъ на тротуаръ тарелки съ творогомъ, крашеными яйцами, разукрашеннымъ бумажными цвѣтами хлѣбомъ и ждали священника съ святой водой. Присоединила сюда и свои скудныя пасхальныя яства Анфиса. Арина и другія демянскія женщины были около нея.

— Копѣчку-то приготовила-ли за освященіе? спрашивала Арина Анфису.

— Есть, есть копѣйка...

Ближе къ полуночи около церкви зажгли плошки и сдѣлалось еще свѣтлѣе. Великій праздникъ сказывался и въ сердцахъ. Грустившая по Акулинѣ и по дому Арина просвѣтлѣла. Къ сердцу ея прихлынуло что-то теплое, радостное. Перестала быть угрюмой и скуластая Фекла. Вскорѣ раздался пушечный выстрѣлъ и на колокольнѣ начался трезвонъ. Звонили во всѣхъ церквахъ и все сливалось въ одинъ общій гулъ. Изъ церкви стали выходить народъ съ горящими свѣчами, показались хоругви, раздалось ликующее «Христось воскресъ» и начался крестный ходъ вокругъ церкви.

— Христось воскресъ! возглашала священникъ.

— Гу-гу-гу... Воистину воскресъ! гудѣла толпа.

Арина опять вспомнила о деревнѣ.

«Вотъ и тятенька теперь около церкви съ пасхой стоитъ, мелькнуло у ней въ головѣ. Есть-ли только хлѣбець-то у нихъ бѣлый? Было-ли на что купить? Творогомъ-то, поди, у сосѣдей раздобылись за милую душу, а вѣдь ситную-то муку купить надо».

Крестный ходъ кончился. Хоругви и образа опять внесли въ церковь, вошелъ въ церковь и сопровождавшій крестный ходъ народъ. Арина и Фекла также попробовали войти въ церковь, но пробраться туда не было никакой возможности, до того было все переполнено. Потолкавшись на паперти, онѣ опять вернулись къ Анфисѣ, стоявшей все на томъ-же

мѣстѣ, около церковной ограды съ пасхальными яствами.

— Яблоку негдѣ упасть—вотъ до чего тѣсно въ церкви. Сейчасъ одну женщину чуть не замертво вытащили изъ нутра... рассказывала Арина Анфисѣ.

— Да, да... А у одного мужчины полу оторвали... подхватила Фекла.

— Одинъ какой-то тоже шапку потерялъ, прибавляли другія демянскія женщины.

Наконецъ показался священникъ съ кувшиномъ святой воды и съ кропиломъ и началъ кропить пасхи, куличи и яйца. Сзади шель причетникъ съ блюдомъ и съ плетеной корзинкой. На блюдо ему клали мѣдныя деньги, а въ корзинку яйца. Положила и Анфиса свою лепту.

— Христось воскресь, Анфисушка! сказала Арина Анфисѣ.—Христось воскресь, Фекла Степановна!

— Воистину воскресь!

И женщины начали христосоваться другъ съ дружкой.

Служба въ церкви продолжалась. Женщины еще разъ попробовали протискаться хоть въ притворъ, но ихъ такъ стѣснили, что пришлось снова выдти на паперть.

— Ну, что-жь, помолились и будетъ. Богъ простить, что до донца не достояли. Пойдемте на постоянный, сказала товаркамъ Анфиса.—Ты, Аришенька, огонекъ-то на свѣчкѣ сохрани да такъ и иди. Хорошо это, кто въ этотъ день затепленную свѣчку домой принесетъ. Черезъ это счастье... Черезъ это за-

мужъ въ этомъ году за хорошаго человѣка выйти можешь.

— Эхъ, Анфисушка! Куда намъ! тяжело вздохнула Арина.

Всю дорогу она, впрочемъ, шла съ зажженной свѣчкой, прикрывая огонь и ладонью и платкомъ, и сохранила ее въ такомъ видѣ до постоялаго двора.

Большая комната постоялаго двора была прибрана и имѣла нѣкоторый праздничный видъ. Закопѣлое жерло большой русской печки хозяйка завѣсила даже ситцевой занавѣской на веревкѣ. Въ углу передъ образами, кромѣ лампадки, теплились восковыя свѣчки, прикрѣпленныя къ кіотамъ. Передъ каждымъ образомъ было по свѣчкѣ.

— Христось воскресъ! встрѣтила женщину хозяйка, не ходившая въ церковь, и расцѣловалась съ ними со щеки на щеку.—Христова огоньку принесли? Ну, вотъ за это умница, сказала она при видѣ зажженной свѣчки въ рукѣ Арины.—Семъ-ка я этимъ огонькомъ лампадку затеплю.

Она задула горѣвшую уже у образовъ лампадку и вновь зажгла ее отъ свѣчки принесенной Ариной.

Въ комнатѣ сидѣли уже три проѣзжихъ мужика и ждали хозяина постоялаго двора, отправившагося въ церковь для освященія пасхальныхъ яствъ, чтобы разговѣться этими яствами. Вскорѣ хозяинъ явился—и началось уничтоженіе яицъ, ветчины.

Арина и демянскія женщины сидѣли отдѣльно и разговлялись творогомъ и яйцами съ ситнымъ хлѣбомъ.

— Купите ветчинки-то хоть на три гривенничка? обратилась къ нимъ хозяйка.

Женщины переглянулись и хоть не сказали другъ дружкѣ ни слова, но глазами порѣшили, что надо удержаться отъ лишнихъ тратъ. За нихъ отвѣчала Анфиса.

— Да что-жъ въ одинъ разъ и все въ одно брюхо? Завтра ужъ въ обѣдъ мяса-то спросимъ, сказала она хозяйкѣ.

— Такъ самоваръ подать, что-ли? Что-жъ вамъ въ сухомятку-то разговляться!

Опять переглянулись женщины и Анфиса сказала:

— Ну, самоваръ-то, пожалуй, подай... Только нѣтъ у насъ ни чаю, ни сахару.

— Чай и сахаръ мы вамъ и съ самоваромъ-то по три копѣйки съ человѣка соберемъ.

— Ну, давай, давай...

— Экія вы какія жадныя! попрекнула женщинъ хозяйка.—Ужъ Христовъ день великъ праздникъ, а вы и то жадничаете.

— Эхъ, милая! Будешь жаденъ, коли ни кругомъ, ни около... отвѣчала Анфиса.

Явился чай. Женщины пили его съ жадностью. Фекла улыбнулась и сказала:

— Третій разъ сегодня сидимъ за чаемъ съ самоваромъ. Словно барыни какія.

— И то, и то... подхватила Арина и сейчасъ-же вспомнила о деревнѣ и о родителяхъ, сказавъ со вздохомъ:—А что-то теперь тятенька съ маменькой?!. Похристосоваться-то я съ ними и забыла, дура...

Христось воскресъ, тятенька, Христось воскресъ, маменька, произнесла она и при этомъ съѣла нѣсколько крошекъ, оставшихся на тарелкѣ отъ уничтоженной уже пасхи.

Разговѣвшись, женщины, не раздѣваясь, улеглись на лавкахъ и на полу около печки. Анфиса крестилась и говорила:

— Вотъ и праздникъ привелъ Богъ встрѣтить по христіански, какъ слѣдуетъ.

Мужики и хозяинъ постоялаго двора съ хозяйкой продолжали еще бражничать. Они пили водку, пиво, гремѣли посудой, звенѣли бутылками, но утомленные и довольныя встрѣчей праздника Арина и демянскія женщины уже спали.

XLVII.

КУЧНО прошелъ первый день Пасхи для Арины и ея товарокъ демянскихъ женщинъ. хоть и былъ онъ отличенъ ими отдыхомъ и улучшеніемъ пищи въ родѣ двукратнаго чаепитія, горячихъ щей къ обѣду, фунта ветчины и куска ситнаго пирога съ рисомъ. Всѣ эти разносолы, какъ называли ихъ женщины, являлись, впрочемъ, только по настоянію хозяйки постоялаго двора, и женщины ѣли ихъ не съ удовольствіемъ, а скорѣй съ тревогой, что онѣ проѣдаютъ свои послѣднія деньги и скоро можетъ наступить такое истощеніе денегъ, когда и чернаго хлѣба купить будетъ не на что. Хозяйка навязала имъ даже на

три копѣйки лакомства въ видѣ подсолнечныхъ зеренъ, повторяя свою обычную фразу:

— Мѣсто въ комнатѣ занимаете, топчетесь и мѣшаете другимъ гостямъ, которые пьютъ и ѣдятъ, какъ въ праздникъ подобаешь, а сами жметесь и ничего не требуете. Не велика отъ васъ корысть, что только за постоянное заплатите. Это въ будни хороши такіе гости, а ужъ въ праздникъ вовсе не подходитъ. Знала-бы, такъ и не пускала на праздникъ.

Дабы не стѣснять и не тревожить хозяйку, женщины вышли изъ дома и держались больше на дворѣ, усѣвшись на крылечкѣ и бревнахъ около него, но выходящій на дворъ хозяинъ для выдачи проѣзжимъ мужикамъ сѣна, овса и для другихъ хозяйственныхъ надобностей, нашель, что женщины и тутъ мѣшаютъ.

— И чего вы толпитесь тутъ у крыльца! Ни пройти, ни пробѣжать... Только мѣшаете. Шли-бы хоть куда-нибудь да походили, а то торчите какъ бѣльмо на глазу.

Но идти было рѣшительно некуда. Огороды для отысканія работы были обойдены третьяго дня, въ пятницу, идти къ Никольскому рынку и ждать тамъ найма было бесполезно въ такой праздникъ, да къ тому-же женщины, по своимъ понятіямъ, считали грѣхомъ и искать работу въ первый день Пасхи.

Онѣ вышли за ворота и размѣстились на улицѣ у дома и на скамеечкѣ около калитки, грызя подсолнечныя зерна, навязанныя имъ хозяйкой. Здѣсь онѣ отдались воспоминаніямъ о своихъ деревняхъ, но воспоминанія эти были до нельзя грустныя.

— Вѣдь вотъ жуемъ здѣсь гостинцы, а дома-то у насъ въ деревнѣ что!—начала Фекла, обыкновенно очень мало жаловавшаяся на свою судьбу. — А дома-то у меня мать въ кусочки пошла — вотъ до чего у насъ худо. Побираться-то по добрымъ людямъ нешто пріятно?

— Ну?!—протянула Арина.—Да неужто ее никто въ домъ взять не могъ?

— Кому взять, милая? Родни у насъ, почитай что нѣтъ. Есть двоюродный братанъ, но у того и безъ того семья велика, да и своя больная старуха имѣется. Былъ-бы живъ тятенька, такъ, само собой, этого не случилось, а тятеньку у насъ на Татьянинъ день въ лѣсу деревомъ убило. Былъ подрядившись рубить лѣсъ—ну, и убило. Привезли еле живаго... Три дня полежалъ на печкѣ, постоная да Богу душу и отдалъ. Три брата у меня было, а вотъ одинъ въ солдатахъ, другой померъ въ Питерѣ на заработкахъ, а третій и не вѣдь гдѣ мотается. И паспорта не беретъ, и домой не приходитъ. Должно полагать, или тоже умеръ, или безъ паспорта слоняется.

— Вотъ незадача-то!—покачала головой Арина.

— У всѣхъ у насъ такая незадача. Отъ радости въ Питеръ не приходятъ. Вонъ у Марьи Власьевны мать у дьячка ребятъ изъ-за хлѣбовъ пестуетъ, а домъ заколоченъ стоитъ, — кивнула она на демянскую женщину въ веснушкахъ. Неурожай, хлѣба своего до Рождества не хватило, работишки никакой.

— Да и то дьячокъ-то мать согнать сулился. «Я, говорить, лучше дѣвочку для пестованья ребятисекъ возьму, потому дѣвочка ѣсть меньше». У ма-

тери-то ноги пухнуть, больна она—ну, онъ и недо-
воленъ.

Разсказывали и другія женщины о своемъ не-
радостномъ деревенскомъ житьѣ-бытьѣ. Въ такихъ
разговорахъ прошелъ первый день Пасхи.

Вечеромъ, во время ужина хозяйка опять при-
стала къ женщинамъ, чтобы онѣ взяли щей или
селянки, но тѣ уже на отрѣзъ отказались, расчитавъ,
что такъ у нихъ и на хлѣбъ на завтра и послѣ-
завтра не хватитъ, вынесли ее попреки и даже ру-
гательства и ограничились чернымъ хлѣбомъ и са-
моваромъ. Улечься на покой имъ пришлось не скоро.
По случаю праздника комнаты были переполнены
гостями и гости бражничали до полуночи. Много
было пьяныхъ. Хозяинъ и хозяйка тоже изрядно
выпили. Какой-то постоялецъ билъ жену, кого-то
выталкивали вонъ съ постоялаго двора и хотѣли
тащить въ полицію. Хозяйка, разсердившись на жен-
щинъ или сомнѣваясь, что у нихъ и за ночлегъ
нечѣмъ будетъ заплатить, потребовала за ночлегъ
деньги впередъ и взяла еще почему-то пять копѣекъ
лишнихъ, говоря, что это за воду.

— Воду зудите то и дѣло, по нѣскольку разъ
на дню умываетесь, а вѣдь вода въ Питерѣ денегъ
стоитъ.

Только за полночь успокоились женщины, рѣ-
шивъ, что съ этого постоялаго двора надо уходить,
и дѣйствительно на утро ушли на огородъ Ардаль-
она Сергѣева, гдѣ работали Аграфена и Федосья,
захвативъ съ собой котомки.

Аграфена и Федосья уже ждали женщинъ, чтобы

идти къ Симеоновскому мосту на деревянную барку, къ прикащику, который подраживаетъ народъ для распилки и рубки дровъ. Аграфена встрѣтила Арину и демянскихъ женщинъ на улицѣ, за воротами огорода и похристосовалась со всѣми. Она тотчасъ же кликнула свою товарку новолодожскую Федосью. Та порѣшила, что на барку надо идти сейчасъ-же.

— Чѣмъ скорѣе узнаемъ возьмутъ-ли насъ, тѣмъ лучше, сказала она.—Сегодня ежели подрядимся, то завтра ужъ пойдемъ на деревяной сплавъ. Сорокъ верстъ въ день можно сдѣлать. Придемъ на сплавъ, отдохнемъ ночку, а съ четвертаго дня и примемся за работу. Ежели мы у Ардальона Сергѣича не зажили еще по рублю тридцати копѣекъ за прописку паспортовъ и больничныхъ, такъ ужъ теперь немного не хватаетъ. Восемь гривенъ у меня есть — вотъ я изъ нихъ и заплачу, чего не хватаетъ.

— А я платокъ продамъ и заплачу... рѣшила Аграфена.—У меня два платка. Куда мнѣ съ двумя-то?.. Заработаю, буду при деньгахъ, такъ новый куплю.

Федосья и Аграфена говорили весело. Это придало бодрости начинавшимъ уже упадать духомъ Аринѣ и демянскимъ женщинамъ. Онѣ тоже повеселѣли и засуетились. Аграфена и Федосья сбѣгали на огородъ и отпросились у Ардальона Сергѣева со двора.

Черезъ десять минутъ компанія женщинъ, предводительствуемая Анфисой, которая, какъ бывалая въ Петербургѣ, знала, гдѣ находится Фонтанка и Симеоновскій мостъ, шла на барку къ прикащику наниматься для новой работы.

СИМЕОНОВСКАГО моста на Фонтанкѣ стояли три барки съ дровами, но рабочихъ на нихъ видно не было. По случаю втораго дня Пасхи барки не разгружались. На дровахъ одной изъ барокъ лежали опрокинутыя кверху колесомъ тачки, сушилась красная кумачевая рубаха, напяленная на крестъ изъ кольевъ. Впрочемъ, изъ отверстія въ бортѣ барки шлепалась въ рѣку вода, стало быть—на баркѣ подъ дровами были люди и отливали накопившуюся воду. Женщины, стоя на набережной, у периль, стали кликать рабочихъ, крича: «эй, голубчики, землячки, выдите кто-нибудь», но стукъ колесъ проѣзжавшихъ по набережной экипажей заглушалъ голоса. Тогда Анфиса перебралась по сходнямъ на барку и, наклонясь надъ отверстіемъ, сдѣланнымъ въ дровахъ въ видѣ схода на дно барки, начала звать караульнаго. Изъ отверстія показался по поясъ рыжебородый мужикъ въ розовой ситцевой рубахѣ.

— На здѣшнихъ баркахъ прикащикъ Карпъ Ивановъ существуетъ, миленькій? обратилась къ нему Анфиса.

— Здѣсь, только онъ теперь въ трактирѣ. А вамъ что надо?

— Да вотъ мы деревенскія... Работы ищемъ.. такъ наслышались, что онъ народъ беретъ на сплавъ

для распилки дровъ, такъ пришли попроситься и подрядиться.

— Нанимаетъ, это точно. Народу ему много требуется. Погодьте маленько, пока онъ изъ трактира вернется. Онъ вотъ тамъ въ трактирѣ пообѣдаетъ, такъ сюда на барку спать придетъ.

Женщины, стоя на набережной, начали дожидаться. Вскорѣ явился прикащикъ, юркій человекъ съ клинистой бородкой въ кожанномъ пиджакѣ, въ сапогахъ бураками и въ картузѣ съ глянцевымъ козыремъ. Женщины инстинктивно узнали его, когда онъ сталъ перебираться съ набережной по сходнямъ на барку.

— Не вы-ли, голубчикъ, прикащикъ Карпъ Ивановичъ будете? окликнула его Федосья.

Онъ обернулся и сказалъ:

— Я самый. А что?

— Да вотъ наши новолодожскія къ вамъ на Тосну порядились дрова пилить и колотъ, такъ и намъ желательно... Возьми насъ, благодѣтель. Насъ вотъ тутъ десять душъ.

— Что-жъ, можно взять. Намъ народъ требуется, отвѣчалъ прикащикъ, подумавъ, и прибавилъ: — Только вѣдь вы, поди, безъ пилъ и безъ топоровъ.

— Да, ужъ пилъ и топоровъ у насъ нѣтъ.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, что не сподручны намъ такія пильщицы. Положимъ, что пилъ и топоровъ у насъ тамъ есть и дать вамъ можно, ну, а поломаете зубья у пилъ, такъ что съ васъ возьмешь?!

— И, что ты, голубчикъ! Зачѣмъ-же ломать?

— Зубе у пилы ломается, такъ не спрашиваетъ зачѣмъ. Да и какъ вамъ инструментъ повѣрить? А вдругъ вы пилы-то да топоры уведете?

— Господи Иисусе! Да зачѣмъ-же это пилы-то уводить?

— Бывали случаи. Пропьютъ пилы и топоры— и сами сбѣгутъ. На сплавной рѣкѣ не въ домѣ, рабочій живетъ безъ прописки. Его за хвостъ не удержишь.

— Да что ты, милостивецъ, мы не такія, обидчиво отвѣчала Анфиса.

— Въ нутро къ вамъ не влѣзешь, такія вы или не такія... Паспорты-то у васъ въ порядкѣ?

— Въ порядкѣ, въ порядкѣ, голубчикъ.

— Ну, такъ вотъ развѣ паспорта отъ васъ отобрать для вѣрности.

— Да ужъ отбери, коли такъ сомнѣваешься, а только на работу-то возьми.

— Десять душъ, пять паръ, говорите вы... пробормоталъ прикащикъ. — Ну, что-жъ, можно взять. Пилы и топоры отработаете за себя или ужъ такъ нашими пилами и пилить будете? За пилу у насъ два съ полтиной отработать надо, а за топоры по сорокъ копѣекъ. За пилу и за два топора по три рубля съ тремя гривенниками на пару. Покончите съ работой, такъ пилы и топоры на сторону продать можете.

— А вашими ежели пилами и вашими топорами работать? Попортимъ, такъ вычтешь съ насъ изъ заработка.

— Да вѣдь ужъ тогда цѣна съ сажени будетъ не та.

— А какая ваша цѣна, коли ежели съ вашими пилами? спросила Фекла.

Прикащикъ хотѣлъ отвѣчать, потоптался и наконецъ крикнулъ:

— Да идите сюда на барку! Здѣсь и рядиться будемъ. А то что такъ-то перекликаться! Я на баркѣ, а вы на тротуарѣ...

Женщины перешли по сходнямъ на барку. Прикащикъ сѣлъ на сложенные полѣнья.

— Нашими пилами ежели пилить и нашими топорами раскалывать, то цѣна четвертакъ съ сажени. Пилить надо девятку на четыре части.

— Знаемъ мы девятку, отвѣчала Арина. — Мы боровичскія, съ Мсты, такъ знаемъ. У насъ тамъ заготовка дровъ тоже бываетъ. Это дрова въ девять четвертей, отвѣчала Арина.

— Ну, вотъ... Ее и распиливать надо и потомъ колоть пополамъ, кивнулъ прикащикъ.

Женщины пошептались.

— А какъ-же наши новолодожскія намъ говорили, что по тридцати пяти копѣекъ съ сажени подрядились? начала Федосья.

— Про тридцать пять при нашихъ пилахъ не слыхалъ. Такой и цѣны теперь нѣтъ, потому народу ужъ очень много голоднаго изъ деревень понашло, отвѣчалъ прикащикъ.—А что по тридцати пяти копѣекъ, коли ежели кто съ своими пилами и топорами, то за сажень платимъ, это точно. Можно, пожалуй, и вамъ по три гривенника съ сажени дать, коли наши пилы и топоры отработаете. Инструментъ

хозяину отработаете—и ужь тогда за работу деньги вамъ на руки. Согласны?

— Нѣтъ, ужь это гдѣ-же! Шутка-ли три рубля и тридцать копѣекъ каждой парѣ отработать, пока деньги получишь! Намъ пить, ѣсть надо, а денегъ у насъ ни кругомъ, ни около.

— Ну, такъ цѣна четвертакъ. У насъ всѣмъ одна цѣна. Что Марфѣ и Ульянѣ, то Аннѣ и Татьянѣ. Вотъ увидите тамъ на работѣ мужиковъ и бабъ, такъ можете справиться. Платили и по сорокъ пять копѣекъ послѣ урожайныхъ годовъ, когда народу голоднаго изъ деревень мало приходитъ, а теперь цѣна упала.

Женщины опять стали шептаться. Федосья выдвинулась впередъ и сказала прикащику:

— Какъ-же двѣ новолодожскія наши землячки на прошлой недѣлѣ мнѣ говорили, что у тебя-же по тридцати пяти копѣекъ съ сажени подрядились.

— А ты не всякому слуху вѣрь. По тридцати копѣекъ, такъ это точно, коли инструментъ намъ прежде всего отработать, отвѣчалъ прикащикъ.— Такъ вотъ по четвертаку, коли ежели съ нашимъ инструментомъ—и за поломку вычесть. Хотите, такъ давайте и по рукамъ ударимъ и тогда я дамъ записку на Тосну къ другому прикащику, что я нанялъ васъ, а нѣтъ, такъ уходите съ Богомъ, потому торговаться мнѣ тутъ съ вами некогда. Придете на Тосну съ запиской къ прикащику, ему и паспорта ваши отдадите.

— Дай подумать, кормилецъ, чуточку... Дешево, кажись, что-то... сказала Анфиса.—Какъ вы думаете,

дѣвушки? обратилась она къ женщинамъ и стала съ ними шептаться.

— Дешево, потому что вездѣ дешево, а поднимется цѣна на пятакъ, такъ пятакъ и мы вамъ прибавимъ, проговорилъ прикащикъ въ утѣшеніе и крикнулъ:—Ну, что-жь! Будетъ вамъ толкаться-то! Рѣшайте!

— Постой, голубчикъ... Ну, а насчетъ ночлега какъ? снова обратилась къ прикащику Анфиса.

— А насчетъ ночлега рѣка Тосна длинна и берега у ней широкіе... Гдѣ хотите, тамъ и ночуйте по берегу. Шалашики изъ девятки себѣ понадѣлайте. Тамъ всѣ такъ ночуютъ. Воздухъ легкій: спереди, сзади и съ боковъ продуваетъ.

Женщины опять стали шептаться. Прикащикъ опять крикнулъ;

— Кончайте-же наконецъ такъ или этакъ! Ну, чего стали? Или застудиться на легкомъ воздухѣ боитесь?

— По четвертаку на вашихъ пилахъ?—переспросила его Анфиса.

— Да вѣдь ужъ сказано, что по четвертаку! Что десять-то разъ повторяютъ! Ну?!

— Согласны,—махнула рукой Анфиса. — Давай записку.

Зашевелились и другія женщины. Кто-то изъ нихъ набожно перекрестился. Прикащикъ пошелъ въ трактиръ писать записку. Женщины пошли за нимъ слѣдомъ и остановились у входа въ трактиръ.

— Ну, вотъ... Слава Богу, подрядились. Задѣльная плата куда лучше. Тутъ для себя стараешься.

Себя не пожалѣешь, понатужишься и больше выработаешь. А намъ чего-же себя жалѣть! Слава Тебѣ, Господи, не немощныя...

Прикащикъ вынесъ записку къ другому прикащику на Тосну, гдѣ онъ сообщалъ, что нанялъ десять женщинъ на такихъ-то и такихъ-то условіяхъ. Передавая записку, онъ разсказалъ женщинамъ, какъ отыскать этого прикащика на рѣкѣ Тоснѣ, въ какой деревнѣ и какъ зовутъ тосненскаго прикащика. Женщины поблагодарили и разстались съ нанявшимъ ихъ прикащикомъ.

XLIX.

ВОРЯДИВШИСЬ на пилку дровъ, женщины торжествовали. Заручившись запиской отъ дровянаго прикащика, съ радостными лицами отходили онѣ отъ трактирныхъ дверей и, поглядывая другъ на дружку, весело перемигивались.

— Что-жь, дѣвушки, вѣдь и четвертакъ съ сажени хорошо, говорила Федосья.—Наші новолadoжскія, которыя пилили тамъ, такъ сказывали, что ежели попривыкнуть да разстараться, то четыре сажени можно въ день распилить. Четыре сажени по четвертаку — вотъ ужъ рубль. Шутка-ли—рубль!

— Да вѣдь пилить-то надо вдвоемъ, попарно, стало быть рубль пополамъ, замѣтила скуластая Фекла.

— Нѣтъ, нѣтъ... По четыре сажени на человѣка.

Вдвоемъ восемь—такъ мнѣ наши новолодожскія сказывали.

— Не распилить, Федосьюшка, восьми сажень, хотъ лобъ себѣ разбей. Вѣдь распиливши-то надо ихъ расколоть и сложить!

— Распилимъ. Съ ранняго утра будемъ вставать и до поздней ночи. Вѣдь ужъ на себя будемъ работать, а на не кого другаго, стояла на своемъ Федосья.

— Да ежели и восьми сажень не распилить, а только шесть, то и такъ по три четвертака въ день на сестру, подхватила Анфиса. — Три четвертака тоже ой-ой-ой какъ хорошо! Десять дней проработать—вотъ оно ужъ семь съ полтиной.

И опять радостныя улыбки на лицахъ.

Въ особенности торжествовала Арина, такъ что забыла на нѣкоторое время и объ Акулинѣ въ больницѣ.

— Покою себѣ не дамъ, днемъ и ночью буду работать, пока трехъ рублей не выработаю. И какъ только выработаю—сейчасъ два рубля тятенькѣ въ деревню пошлю, говорила она. — Мы съ Грушей такъ-то разстараемся, что у насъ по три-то рубля въ три дня будетъ отработано. Только ужъ, Груша, не дремать!

— Ой, дѣвка, не хвались заранѣ! остановила ее Анфиса. — Ты не знаешь, что это такое пила, ты не пилила, а я пилила. И съ сажени такъ надсадишься, что спина-то у тебя какъ чужая будетъ. Я пилила въ нашемъ мѣстѣ, въ деревнѣ, я знаю.

— Спина не купленная. Отлежимся часика че-

тыре-пять за ночь—вотъ на утро она опять своя, а не чужая.

— На утро-то, дѣвушка, только ее и ломить начинается. Поднимешься—и колеть тебѣ во всѣ мѣста..

— Пущай колеть. Все-таки мы съ Аграфеной будемъ на отличку работать. Правда, Груша? подмигнула Арина своей землячкѣ.

Возникъ вопросъ, когда идти на пилку дровъ.. Демянскія женщины говорили, чтобы идти на пилку завтра раннимъ утромъ, Арина настаивала, чтобы идти сегодня-же.

— Сейчасъ пойдемъ къ Ардальону Сергѣеву на огородъ, тамъ Аграфена и Федосья выкупятъ свои паспорта отъ хозяина и сейчасъ-же въ путь... Чего зѣвать-то! Сорокъ верстъ къ дровамъ-то... Ну, двадцать сегодня пройдемъ, по дорогѣ на постояломъ ночуемъ и покормимся, а завтра раннимъ утречкомъ опять въ путь. Къ полудню будемъ на мѣстѣ, а ужъ послѣ обѣда и за дѣло приниматься можно, рассчитывала она, но вдругъ вспомнила про Акулину и осѣклась.—Ахъ, нѣтъ, нѣтъ... Нельзя сегодня на Тосну идти и завтра утромъ нельзя идти, заговорила она другимъ тономъ.—Вѣдь завтра въ полдень нужно Акулинушку въ больницѣ навѣстить. Нѣтъ ужъ, дѣвочки, попрошу я васъ, чтобы завтра послѣ обѣда идти, обратилась она къ женщинамъ.

— Ну, вотъ... То сегодня, сейчасъ-же безъ передышки идти, а то ужъ и завтра утромъ нельзя! съ неудовольствіемъ воскликнула Фекла.—Эка переметная сума!

— Да я, Феклуша, собственно изъ-за Акулинушки.—Нельзя-же не спровѣдавши ее.

— А спровѣдаешь ее, такъ поможешь ей? спросила Анфиса.—Смотри, какая лекарка! Ну, къ Акулинѣ сходимъ сегодня, а завтра въ путь.

— Да не пустятъ сегодня въ больницу. Завтра только впусять.

— А тебѣ что надо? Тебѣ надо только узнать, жива-ли еще она или померла, а это-то ты можешь узнать и сегодня. Я знаю, я лежала въ больницѣ. Впустить не впусять, а въ конторѣ все-таки скажутъ, жива или нѣтъ. Вотъ мы сейчасъ отправимся въ больницу, а Груша съ Феней пойдутъ на огородъ за паспортами. Изъ больницы мы пройдемъ къ нимъ на огородъ, около нихъ гдѣ-нибудь на постояломъ вмѣстѣ съ ними переночуемъ, отдохнемъ, а раннимъ утромъ и пойдете на Тосну.

Предложеніе было принято компаніей женщинъ и Аринѣ тоже пришлось согласиться. Аграфена и Федосья отправились на огородъ, а Арина и демянскія женщины пошли въ больницу. По дорогѣ онѣ купили хлѣба въ мелочной лавочкѣ и тамъ-же поѣли, запивъ на радостяхъ квасомъ. Въ больницу онѣ пришли уже подъ вечеръ. Сначала швейцаръ не пускалъ ихъ въ контору больницы, говоря, что теперь тамъ никого уже нѣтъ, что за справками ходятъ по утрамъ, но наконецъ, слыша неотступныя просьбы женщинъ, сжалился и сказалъ:

— Ну, идите, но идите только двое. Вѣдь вамъ за справкой, такъ за справкой и двоимъ довольно, а то зачѣмъ-же всей оравой! Только зря грязными

ногами полы наши будете топтать. Идите. Не знаю только, добьетесь-ли вы толку, прибавилъ онъ.

Въ контору больницы отправились Арина и Анфиса. Тамъ, дѣйствительно, былъ только одинъ сторожъ, который не могъ дать никакихъ справокъ.

— Никого нѣтъ, а я ничего не знаю. Это не по нашей части. Тутъ надо набольшаго. Понимаете-ли вы: набольшого,—говорилъ онъ.

— Такъ поди ты, голубчикъ, за набольшимъ-то, попроси его, чтобы пришелъ. Вѣдь намъ только-бы онъ сказалъ, что жива-ли наша землячка, потому намъ надо завтра изъ Питера уходить. Ну, какъ уйти изъ Питера, не узнавши жива-ли? Умерла, такъ надо вѣсточку объ ней въ деревню дать. Вѣдь у ней семья тоже въ деревнѣ: ребятишки малыя, упрасивали Арина и Анфиса сторожа...

— Э-эхъ! Бѣда съ бабами! Пристануть какъ пчелы на пасѣкѣ и нѣтъ отъ нихъ спасенья,—съ неудовольствіемъ крикнулъ сторожъ и отправился за «набольшимъ».

Явился заспанный человѣкъ съ включенной головой и позѣвывая.

— Что вамъ? Чего не въ показанное время ходите?—спросилъ онъ хмуро.

— Да вотъ женщину мы въ четвергъ на прошлой недѣлѣ сюда привезли, такъ пришли справиться жива-ли?

— Вы бы еще ночью за справками-то!.. За справками утромъ ходять. Деревня!.. Право, деревня безпардонная! обругался онъ и спросилъ:—Какъ зовутъ вашу землячку?

— Акулиной, голубчикъ.

— Акулиной! У насъ Акулинъ въ больницѣ— прудъ пруди. Что она—крестьянка, мѣщанка или генеральша?

— Крестьянка, милостивецъ, крестьянка...

— Какой губерніи? Вотъ сивость-то! Даже порядкомъ не можете назвать того, о комъ справляе-
тесь! Губернія, уѣздъ?

— Крестьянка Новгородской губерніи, Борович-
скаго уѣзда, Разлапинской волости, деревни Федо-
сѣво, отвѣчала Арина.

— Имя... Имя и фамилію... Прозвище, то-есть.

— Акулина Федотова...

Началось перелистываніе книги и наконецъ за-
спанный человѣкъ сказалъ:

— Акулина Федотова Иванова, крестьянка Нов-
городской губерніи, Боровичскаго уѣзда... Есть та-
кая... Прибыла и выбыла... Акулина Федотова волею
Божіей умерла и сегодня похоронена на Воскресен-
скомъ кладбищѣ.

— Какъ умерла? Какъ похоронена?! воскликнули
въ одинъ голосъ Арина и Анфиса.

— Очень просто. Отъ тифа умерла.

Арина схватилась за голову и залилась слезами.
Анфиса стояла и крестилась.

КАКЪ ни рады были Арина и демянскія женщины предстоящей, по ихъ мнѣнію, выгодной заработкѣ на дровяномъ сплавѣ, но извѣстіе о смерти Акулины отшибло эту радость. Грустныя шли онѣ на огородъ къ Аграфенѣ и Федосьѣ, а Арина во время пути даже два раза принималась плакать навзрыдъ. Съ ней дѣлалось нѣчто въ родѣ истерики. Пришлось останавливаться, сажать ее на улицѣ гдѣ нибудь около дома или забора и просить холодной воды, дабы напоить ее и тѣмъ прибодрить. Около Арины сталпливались дворники, прохожіе, шли распросы о чемъ она плачетъ, и женщинамъ пришлось подробно рассказывать о ея горѣ. Видя истерическое состояніе Арины, подошедшій къ толпѣ городской хотѣлъ даже везти Арину въ полицейскій пріемный покой, но женщины возопіяли противъ этого и, схвативъ товарку подъ руки, повели ее дальше.

— На чужой сторонѣ, на чужихъ рукахъ умерла, никто изъ землячекъ глаза ей не закрылъ и даже похоронили ее неизвѣстно гдѣ. Про могилку ея—и то знать не будемъ, плакалась Арина, бредя на огородъ Ардальона Сергѣева.

Демянскія женщины, какъ могли, утѣшали ее.

— Всѣ тамъ будемъ, Аринушка, всѣ. Никто этого самага не минуетъ, говорила скуластая Фекла.—

А что до могилки, то вѣдь мать-то сыра земля все одна и та-же. Напишешь ты сродственничкамъ ейнымъ письмоце въ деревню, отслужать они по ней панихидку, помянуть въ двадцатый день и будетъ все честь честью.

Но Арина не внимала.

— Милость Божья, что еще похоронили ее на больничный счетъ,—вотъ за что ты Бога благодари, а умри-ка она у насъ гдѣ-нибудь на постояломъ дворѣ, да придись намъ ее хоронить, на что-бы мы ее похоронили?! разсуждали другія женщины.—Ни кругомъ у насъ, ни около—ну, и пришлось бы всѣ армяки и душегрѣи продавать.

— Вся, вся-бы продалась, только-бы она, голубка, на моихъ рукахъ померла, отвѣчала Арина.

— И вся продайся, такъ и то не похоронишь. Ты, милая, цѣнѣ здѣшнихъ не знаешь. Здѣсь Питеръ. Здѣсь про все за все въ три-дорога платить надо, возразила Анфиса.—Даже ежели-бы и намъ продаться, то и нашей требушины на похороны-то не хватило-бы. Помню я, лѣтось наши землячки хоронили мужика изъ больницы, такъ что имъ стоило!

Разсуждая такимъ образомъ, женщины пришли на огородъ. Аграфена и Федосья ждали уже ихъ за воротами съ котомками за плечами и издали съ какою-то торжественностью потрясали передъ ними паспортами.

— Выручили свои паспорта! кричала Аграфена.—Не отпускалъ вѣдь хозяинъ-то, ругался, отчего уходимъ, рубль тридцать копѣекъ за прописку и больничное не заживши. Я ему сорокъ пять копѣекъ

за себя и пятиалтынный за Федосьюшку сую, чтобы паспорта отдалъ, сую ему чего мы по расчету не зажили, а онъ не беретъ. Да ужъ хорошо, что мужики, евонные земляки, стали на нашу сторону— ну, и выдалъ паспорта. Паспорты-то выдалъ да и ну насъ гнать съ огорода за ворота. «Чтобы и духу вашего, говорить, на огородъ не было, вонъ отсюда»... рассказывала она женщинамъ, увидала плачущую Арину и умолкла.—Умерла Акулинушка-то? вдругъ спросила она.

Вмѣсто отвѣта Арина опять зарыдала и не могла говорить.

Уже стемнѣло, когда женщины отправились искать постоянный дворъ, гдѣ-бы можно было переночевать. Постоянный дворъ былъ вскорѣ найденъ, но здѣсь опять стали принуждать женщинъ, чтобы онѣ потребовали себѣ харчей на ужинъ, и поставили вопросъ такъ, что безъ этого не позволяли оставаться и на ночлегъ. Пришлось спросить щей и хлѣба. Щи даже въ горло еле шли, ибо женщины чувствовали, что онѣ проѣдаютъ послѣднія деньги, а имъ предстоитъ еще сорока-верстный путь, во время котораго надо питаться, да и придя на работу нельзя быть безъ денегъ, потому что задѣльная плата за работу, на которой онѣ будутъ, не сейчасъ выдается. Онѣ посчитали свои деньги и, за уплатой за харчи и ночлегъ, у всѣхъ вмѣстѣ не оказалось даже двухъ рублей, а ихъ было одиннадцать женщинъ.

— Надо будетъ завтра продать чтонибудь изъ вещей, заговорили онѣ.—Всѣ деньги собрать и передать старостихѣ. Пусть старостиха и кормить насъ.

Такъ ладнѣе будетъ. Старостихой выберемъ Анфису. Она и расчетъ будетъ держать.

— Я продамъ свой армякъ... вызвалась Арина.— А для меня пусть Акулининъ армякъ будетъ. Все равно, онъ теперь лишній. Когда еще оказія-то въ деревню сыщется, чтобы его Акулининымъ родственникамъ переслать! На ейные сапоги мы тамъ, когда придемъ на работу, панихидку отслужимъ. Нельзя же безъ панихидки христіанской душѣ помирать. Ну, а церковь навѣрное ужъ тамъ, куда мы идемъ, найдется.

Такъ и порѣшили.

Покупатель на армякъ нашелся даже на постояломъ дворѣ. Это былъ проѣзжій подгородный мужикъ, возвращавшійся изъ Петербурга съ пустыми жестяными кувшинами изъ-подъ сливокъ, ѣхавшій къ себѣ въ деревню и остановившійся на постояломъ дворѣ покормить лошадь и самому похарчиться. За сермяжный армякъ Арины, по тщательномъ его разсмотрѣніи; онъ далъ рубль съ гривенникомъ. Арина продала его и деньги передала Анфисѣ, какъ старостихѣ.

На другой день, рано по утру, женщины поднялись, спросили про дорогу и тронулись въ путь, направляясь къ Шлиссельбургскому тракту. Въ мѣстности Стекляннаго завода онѣ сдѣлали приваль и позавтракали около мелочной лавки хлѣбомъ; въ селѣ Рыбацкомъ онѣ обѣдали и отдыхали на бережкѣ придорожной канавки. Усталыя, измученныя большимъ усиленнымъ переходомъ, онѣ спали какъ убитыя, пригрѣтыя весеннимъ солнышкомъ. День былъ

ясный и солнце, припекало живительно. Проснувшись, онѣ снова отправились въ путь, хотя уже у нихъ и ломило бока и поясицу. Часамъ къ пяти дня онѣ были въ селѣ Корчминѣ, гдѣ опять отдыхали и кормились остатками хлѣба. На вопросъ ихъ, сколько верстъ осталось еще до рѣки Тосны, имъ отвѣтили, что семь верстъ.

— Ну, дѣвушки, недалеко уже!.. Вечеромъ будемъ на мѣстѣ!..—радостно воскликнула Аграфена.— Полно нѣжиться-то... Пойдемте... Лучше пораньше, за-свѣтло на сплавъ дровъ придти и ужъ тамъ отдохнуть въ настоящую. Да и прикащика-то засвѣтло лучше найти. Вѣдь намъ еще нужно къ прикащику съ запиской явиться. Стемнѣетъ, такъ ночью его, пожалуй, и не разыщешь.

— Да, да... Аграфена дѣло говорить,—поддакнула Фекла и первая вскочила съ травы при дорогѣ, гдѣ онѣ отдыхали.

Слова, сказанныя Аграфеной, приободрили компанію, и женщины опять зашагали. Кто-то изъ демянскихъ женщинъ пробовалъ затянуть пѣсню, два-три голоса стали подтягивать, но пѣсня не удалась. Усталость женщинъ была слишкомъ велика.

Отъ Корчмина путь лежалъ пять верстъ по безлюдной голой мѣстности, поросшей чахлымъ лознякомъ. Шли мимо широкой ленты рѣки Невы. Съ Невы вѣяло рѣзкимъ холоднымъ вечернимъ вѣтромъ. Вотъ и Новая Деревня. Двѣ-три демянскія женщины, особенно уставшія, хотѣли отдохнуть пройдя деревню, но Аграфена и Фекла опять заторопили ихъ.

— Нечего, нечего отдыхать! Понаддай пару, ше-

ведите ходулями-то! На мѣстѣ отдохнете. Теперь ужъ недалеко, торопили ихъ Аграфена и Фекла.

И путь продолжался.

— Всѣ ноженьки мы себѣ надорвали, по шоссе-ной щепенкѣ-то босикомъ шагавши, слышался чей-то ропотъ.

— Ноги что... За двѣ копѣйки полъ-сальной свѣчки купить, смазать ихъ—вотъ и залечили, а намъ вотъ прикащика-то сегодня-бы увидеть, чтобъ завтра можно было приняться за работу, отвѣчала Фекла.

Показалась деревня Усть-Тосна... Вотъ и большой деревянный мостъ, перекинутый черезъ Тосну, впадающую въ Неву. За мостомъ виднѣлось село Ивановское.

— Гдѣ тутъ сплавъ дровами и чтобъ намъ прикащика при сплавѣ разыскать? спрашивали женщины стоявшихъ на мосту парней и дѣвушекъ, по случаю праздника горланившихъ пѣсни.

— А вотъ какъ мостъ перейдете, сверните на лѣво, да такъ по берегу Тосны и идите все прямо. Тутъ сплавъ и будетъ. Сами увидите, что дрова во всю рѣку стоять.

— Пришли, дѣвушки, пришли. Слава тебѣ Господи! проговорила Арина и въ первый разъ во время пути улыбнулась.

Но до сплава нужно было идти еще версты двѣ по берегу Тосны. Прошли красивую новую дачу, выстроенную на гористомъ берегу, прошли мимо полуразвалившихся построекъ кирпичнаго завода, начался ольховый лѣсокъ и женщины увидали дровами сплавъ.

О, ЧТО увидѣли женщины, можно было назвать царствомъ дровъ. Рѣка Тосна, имѣющая ширину отъ 25 до 30 сажень, была перегороджена съ одного берега на другой громадными бревнами, связанными между собою цѣпями. Бревна эти удерживались нѣсколькими кустами свай и, въ свою очередь, удерживали сплошную массу четырехполѣнныхъ дровъ, держащихся на водѣ на необозримомъ пространствѣ. Въ нѣкоторыхъ мелкихъ мѣстахъ рѣки дрова выперло, и они стояли стоймя, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ихъ поразбросало по берегамъ. Босые мужчины и женщины вытаскивали эти дрова баграми и руками изъ воды и складывали ихъ на берегахъ въ полѣнницы. Работа шла на обоихъ берегахъ рѣки. Помимо плавающихъ въ водѣ и беспорядочно разбросанныхъ по берегамъ дровъ, образовались уже цѣлыя горы сложенныхъ дровъ. Работа такъ и кипѣла. За горами сложенныхъ дровъ визжали пилы, стучали топоры, раскалывающіе дрова, и образовались новыя полѣнницы уже распиленныхъ и расколотыхъ дровъ, аккуратно сложенные въ сажени. То тамъ, то сямъ виднѣлись мужчины и женщины попарно распилывающіе девятку, то есть дрова—въ длину девять четвертей или два съ четвертью аршина. Пильщики и пильщицы, разбросанные попарно на довольно да-

легкое разстояніе, пилили около шалашей, сложенныхъ изъ тѣхъ-же дровъ девятки. Шалаша эти въ два съ четвертью аршина въ ширину, въ вышину и въ длину служили для ночлега рабочихъ и были складочнымъ мѣстомъ всего незатѣйливаго ихъ хозяйства. Только нѣкоторые изъ шалашей были прикрыты рогожами по щелямъ дровъ. Кой гдѣ около шалашей уже дымились костры. Рабочіе варили себѣ ужинъ.

— Вотъ какъ люди-то здѣсь живутъ, сказала Анфиса, указывая на шалаша, и покачала головой.

— А что-жъ? Все-таки лучше, чѣмъ мы на тряпичномъ дворѣ жили. Здѣсь по крайней мѣрѣ вони нѣтъ, отвѣчала Арина.

— Все-таки, дѣвушка, тамъ хоть подъ навѣсомъ или въ сараѣ отъ дождя-то можно было укрыться, а здѣсь вѣдь промежду дровъ-то щели. Ну, какъ дождь ночью?...

— Богъ вымочить, Богъ и высушить, сказала Фекла.—А здѣсь по крайности можно три четвертака, а нѣтъ такъ и весь рубль въ день заработать. Рубль... Это не то, что двугривенный, который мы получали на тряпичномъ дворѣ отъ Емельяна Алексѣева. Такъ чего тутъ охать-то! Не хуже насъ другіе люди, да живутъ-же!

— Эй, бабы! Вы пилить, что ли, пришли? крикнулъ мужской голосъ женщинамъ и изъ-за дровъ показался мужикъ съ головой обвязанной тряпичей вмѣсто шапки.

Онъ былъ босъ, воротъ пестрядинной рубахи былъ разстегнуть. Когда женщины приблизились

къ мужику, то увидали, что потъ съ него лиль градомъ.

— Пилить, пилить, голубчикъ, отвѣчала Анфиса и спросила его:—Гдѣ-бы намъ тутъ прикащика Калину Максимыча розыскать? Насъ прикащикъ Карпъ Иванычъ вотъ съ этой запиской изъ Питера къ нему прислалъ.

— Прикащикъ Калина Максимовъ стоитъ на квартирѣ вонъ въ той деревнѣ, гдѣ большая заводская труба-то виднѣется, отвѣчалъ мужикъ и указалъ на высокую кирпичную трубу.

— Что-жъ, дѣвушки, надо поспѣшать, встрепенулась Аграфена.—Пойдемте поскорѣй къ прикащику-то.

Изъ-за полѣнницъ распиленныхъ и расколотыхъ дровъ вышла вслѣдъ за мужикомъ босая баба. Она обтирала подоломъ платя большую пилу и стала задавать женщинамъ вопросы, какой онѣ губерніи, какого уѣзда, будутъ-ли пилить своими пилами или хозяйскими и, получивъ отвѣты, сказала:

— Ну, и мы съ мужемъ также по четвертаку съ сажени пилимъ на хозяйскихъ пилахъ, а только ужъ очень за поломку зубьевъ вычитаютъ. Вотъ пилу-то какъ глазъ свой бережешь. Дешево нынче платять за распилку-то, прибавила она.—А все оттого, что ужъ очень много народу сюда преть. Въ повзапрошломъ году народу меньше приходило, такъ мы съ мужемъ начали съ ранней весны по тридцати пяти копѣекъ пилить, а кончили въ іюнѣ мѣсяцѣ по сорока пяти.

— Пойдемте, дѣвушки, пойдемте-же на деревню

то скорѣй. А то стемнѣетъ, прикащикъ заляжетъ спать и тогда и рядиться будетъ не съ кѣмъ, торопила женщинъ Аграфена.—Увидимся еще милая, такъ поговоримъ, кивнула она бабѣ-пильщицѣ и ускорила шагъ.

Женщины послѣдовали за ней. Онѣ прошли съ поль-версты. Вотъ и небольшая деревушка. Дрова все еще стояли сплошной массой по рѣкѣ и виднѣлись вдаль, но выгрузки дровъ на берегъ здѣсь уже не было. Смеркалось. У самаго входа въ улицу деревни они встрѣтили мальчишекъ играющихъ въ бабки и спросили ихъ, гдѣ живетъ прикащикъ Калина Максимычъ.

— А вотъ въ первой избѣ. Да вонъ онъ и самъ сидитъ за воротами и курить папироску, отвѣчали мальчишки.

У воротъ избы сидѣлъ толстенькій, коротенькій человекъ въ сапогахъ бутылками, въ кожанной курткѣ и въ кожанномъ картузѣ и курилъ папиросу. Около него прыгала маленькая дѣвочка, закутанная въ большой байковый платокъ, завязанный концами на спинѣ, и ѣла крендель. Подойдя къ толстенькому человеку, женщины остановились, поклонились, спросили его онъ ли Калина Максимычъ и, получивъ утвердительный отвѣтъ, подали ему значительно уже засаленную записку.

— Отъ Карпа Иваныча. Подрядилъ онъ насъ пилить.

Прикащикъ прочелъ записку, повертѣлъ ее и отвѣчалъ:

— Рядить человекъ на работу съ нашими пи-

лами эдакую араву, а самъ того и не знаетъ, что у насъ только три пилы осталось. Что-жь, оставайтесь, а только напередъ скажу, что у меня пиль только для трехъ паръ, а васъ одиннадцать человекъ. Чѣмъ остальные-то пять женщинъ пилить будутъ?

Женщины опѣшили.

— Да нельзя-ли, милостивецъ, какъ нибудь? заговорили онѣ.

— Есть еще четвертая пила, да у ней нѣсколь-ко зубовъ не хватаетъ. Эту, поди, сами не возьмете.

— Да ужъ дай хоть эту, кормилецъ.

— Ладно, дамъ, а только все равно, трое безъ пиль останутся. Сообща развѣ станете работать, чтобы расчетъ сообща получать? Однѣ могутъ пилить днемъ, другія ночью.

— Да, да, голубчикъ, можно и сообща, допусти только до работы. Вотъ наша и старостиха, указали женщины на Анфису.

— Паспорта въ порядкѣ?

— Въ порядкѣ, голубчикъ.

— Ну, давайте паспорта и ступайте получать пилы.

Женщины полѣзли въ котомки за паспортами, вынули ихъ и передали прикащику.

— По четвертаку съ сажени? задала прикащику вопросъ Анфиса.

— Да, да... По четвертаку... А только знаете-ли, какая наша сажень? Наша сажень въ три съ половиной аршина.

— То-есть какъ-же это такъ, голубчикъ?

— Очень просто. Вездѣ такъ... Здѣсь свои по-

рядки. Таковъ нашъ монастырь. А въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ. Наша сажень четырнадцать четвертей. Такъ намъ въ четырнадцать четвертей сажень и выставляйте.

Женщины стали перешептываться.

— Такъ выдавать пилы-то или, можетъ статья, обратно паспорта возьмете? спросилъ прикащикъ женщинъ.

— Гдѣ ужъ тутъ!.. Что ужъ тутъ, коли у васъ такіе порядки. Давай пилы... заговорила Анфиса.

— Всѣ такъ пилятъ. Вотъ будете работать, такъ можете справиться у другихъ рабочихъ, сказалъ прикащикъ и повелъ женщинъ на дворъ избы.

Черезъ пять минутъ пилы и топоры были женщинамъ выданы. Прикащикъ вывелъ женщинъ опять за ворота и произнесъ:

— Ну, съ Богомъ. Идите туда къ полѣнницамъ, гдѣ девятка сложена, и стройте себѣ изъ плахъ палаты. Да костры будете жечь, такъ дрова-то поберегайте, а то за это и нашему брату отъ хозяевъ нашлапка бываетъ.

Женщины поплелись къ выставленнымъ на берегу полѣнницамъ дровъ.

— Слава Богу, принялъ на работу. А я шла и все думала: а вдругъ какъ не приметъ? радостно шепнула Арина Аграфенѣ и шутливо пихнула ее въ бокъ.—Груша! Рада ты?

— Рада, отвѣчала та и улыбнулась во всю ширину лица.

ТѢ прикащика Калины Максимыча женщины вернулись опять къ выгруженнымъ дровамъ. Тамъ уже ужинали. Между полѣнницами дровъ горѣли уже десятки костровъ, розовымъ заревомъ, отражающимся въ темнотѣ ночи, и около костровъ сидѣли усталые рабочіе. Гдѣ-то звенѣла гармонія и раздавалась пѣсня. Большинство ужинало горячимъ—тутъ-же на кострахъ свареной кашей или похлебкой. У мужчинъ въ двухъ-трехъ мѣстахъ женщины замѣтили сороковки, блеснувшія при свѣтѣ костра, но пьяныхъ не было. Хотя и былъ третій день праздника Пасхи, но почти всѣ рабочіе работали днемъ, кто принявшись за пилы съ утра, а кто послѣ обѣда. Кой-гдѣ на кострахъ грѣлись и желѣзные чайники, подвѣшенные на треножникахъ изъ колебвъ. Женщины шли и отыскивали мѣсто, чтобы имъ можно было разложить костеръ и поужинать около него принесеннымъ съ собой хлѣбомъ. Наконецъ, между двухъ полѣнницъ девятки мѣсто было выбрано и женщины стали располагаться, положивъ данные имъ прикащикомъ топоры и пилы, бережно прикрывъ ихъ мѣшками и котомками. Аграфена и Федосья какъ пришли, такъ и растянулись на травѣ лицомъ внизъ. Кто доставалъ изъ мѣшковъ хлѣбъ, кто обувался въ чулки и сапоги, такъ какъ холодъ ночи давалъ себя знать.

— Груша! Феня! Чего-жь вы дрыхнете-то! Надо прежде костеръ разложить, а ужъ потомъ растягиваться на покой. Складывайте-ка дрова, да соберите по берегу бересты посуше на подтопку. Вонъ сколько бересты по берегу валяется, суетилась, какъ старостица, Анфиса.

— Охъ, Анфисушка, дай малость пожежать! Всѣ ноженьки, всю спину разломило, отвѣчала Аграфена.—Шутка-ли, сколько шли!.. До того замучилась, что меня и на ѣду не тянетъ.

— Вишь, нѣженка... Дѣвушки, бабоньки!... Да что-жь вы! Собирайте дрова и подтопки, да ладыте костеръ. При кострѣ-то какъ чудесно. А я пойду къ сосѣдямъ, да головешку изъ ихъ костра принесу.

Двѣ демянскія женщины и Арина стали выбирать дрова посуше и поднимать на берегу бересту.

— Попроси ужъ, кстати, и ведро, чѣмъ воды зачерпнуть, а то намъ не изъ чего и напиться, а я ковшичекъ изъ бересты слажу, сказала Арина.

Анфиса отправилась къ сосѣдямъ, расположившимся шагахъ въ тридцати тоже между полѣнницами дровъ. Сосѣди сидѣли около костра и хлебали изъ котелка деревянными ложками жидкую пшеничную кашу или похлебку, такъ какъ изъ нея торчали рыбные хвосты и головы. Тутъ были три женщины и одинъ пожилой мужикъ въ пестрядинной рубахѣ и короткомъ сермяжномъ армякѣ. Мужикъ ѣлъ безъ шапки.

— Хлѣбъ да соль... поклонилась имъ Анфиса.

— Милости просимъ,—отвѣчали они хоромъ.

— Благодаримъ на ласковости. Я за огонькомъ пришла. Дайте головешечки нашъ костеръ поджечь.

— Сдѣлай, братъ, одолженіе,—сказалъ мужикъ и спросилъ Анфису:—Каковскія будете?

— Мы-то демянскія, а съ нами есть двѣ боровичскія и одна новолодожская.

— Ну, вотъ, стало быть, одна землячка. Мы сами новолодожскіе... Здѣсь и демянскіе есть, пилятъ и боровичскіе... Всякаго народу собралось.

— Да вотъ и мы сегодня пришли и порадились, съ завтраго пилить начнемъ и вотъ теперь устраняться надо. Вишь, какъ у васъ хорошо! Совсѣмъ хорошо!—сказала Анфиса, замѣтивъ благосостояніе сосѣдей.

А благосостояніе это состояло въ слѣдующемъ: около костра были сложены изъ дровяныхъ длинныхъ плахъ три шалаша и на каждомъ изъ нихъ было накинута по рогожѣ и лежали плотной массой пучки нарѣзаннаго лозняка, что составляло крыши. Съ нижнихъ концовъ плахи были обрѣты на полтаршина земель. На кострѣ грѣлся закопченный чайникъ, около костра стояли два деревянные ведра, лежала путаница—небольшая сѣтка для ловли рыбы и тутъ-же были два берестяныхъ бурака, изъ которыхъ торчали донышки чайныхъ чашекъ.

— Запасливые вы люди, прибавила Анфиса.

— Здѣсь, милая, безъ запаса нельзя... Хозяйства не будетъ, такъ какъ жить! похвастался мужикъ.—Трактиръ въ двухъ верстахъ, да и дорого въ немъ.

— А пуще всего ужъ то, что въ трактирѣ одинъ забалуи и больше ничего, прибавила сидѣвшая ря-

домъ съ мужикомъ на землѣ баба и звонко схлебнула съ ложки похлебку.

— Позвольте, добренькіе, у васъ ведерочкомъ пользоваться. Сейчасъ только пришли, ничего-то у насъ нѣтъ и нечѣмъ водицы зачерпнуть, сказала Анфиса.

— Бери. Только сегодня и принеси обратно, а то тутъ не доглядишь, такъ и утащутъ, отвѣчала мужикъ.

Анфиса взяла ведро и зажженную головешку изъ костра и отправилась къ товаркамъ. Тѣ уже сложили костеръ и подтопки, Арина смастерила съ помощью ножа ковшичекъ—берестяную посудинку въ видѣ конуса и скрѣпляла его, прошивая берестяной ленточкой.

— Ну, дѣвушки, а какъ сосѣди хорошо живутъ, такъ просто рай красный, рассказывала Анфиса, зажигая головешкой костеръ.—Сѣно у нихъ въ шалашахъ настлано, подушку я въ красной наволочкѣ видѣла, сѣтка у нихъ для рыбной ловли—все, все. Вотъ надо и намъ такъ устроиться, какъ обживемъ. Все, все у нихъ въ порядкѣ. И посуда есть.

— Да конечно-же устроимся, дай только хотя по рублю заработать, отвѣчала Фекла.

Вскорѣ костеръ запылалъ. Женщины усѣлись около него и стали ѣсть хлѣбъ, запивая его водой изъ берестянаго ковша. Поужинавъ, онѣ стали приготовляться къ ночлегу и, подражая сосѣдямъ, начали мастерить около костра шалаша изъ дровяныхъ плахъ. Костеръ рѣшено было оставить на всю

ночь и поддерживать въ немъ огонь, пилы и топоры подложить подъ котомки подъ головы.

Во время складыванія шалашей къ женщинамъ подошелъ молодой парень лѣтъ двадцати, бѣлокурый, съ еле пробивающейся бородкой, въ лаптяхъ, въ плохенькомъ армячишкѣ и замазленномъ картузѣ. Онъ остановился, посмотрѣлъ на женщинъ и, помолчавъ, спросилъ:

— Которыя тутъ изъ васъ боровичскія? Сейчасъ сказывали, что боровичскія проявились.

— Я, да вотъ она, отвѣчала Арина, указывая на Аграфену.

— Ну, такъ землячки будете... Мы сами боровичскіе.

— Откуда? Изъ какой деревни? быстро спросила Арина.

— А мы тутъ отъ Мсты двадцать верстъ, близъ Покрова.

— Ну, а мы стало быть въ пятнадцати верстахъ отъ васъ. Мы отъ Рождества. Рождество въ двухъ верстахъ отъ насъ. Деревня Галкино.

— Знаю я Галкино. У насъ изъ Галкина невѣстка взята.

— Чья такая?

— Вавилы Прохорова дочка.

— Кривой Вавила Прохоровъ? Какъ не знать! Онъ намъ даже родней приходится: у старшей сестры сынишку крестилъ, которая теперь померши.

— Такъ вы не Гаврилы-ли Матвѣева дочь?

— Вотъ, вотъ... Федотовы мы по прозванью.

— Очень чудесно знаю и Гаврилу Матвѣва. Спину ему на Мстѣ гонками придавило.

— Придавило, придавило, долго хворалъ, а теперь отлежался и поправился.

— Ну, вотъ здравствуйте... Ближніе будемъ, скажаль парень.— Васъ какъ звать-то?

— Я Арина; а вонъ она Аграфѣна, проговорила Арина, указывая на землячку.

— А я Андрей...

— Ты, молодець, чѣмъ зря бобы-то разводить, помогъ-бы лучше шалашики намъ смастерить, замѣтила парню Анфиса.— А то вонъ дѣвки-то да бабы у насъ надорвались, плахи таскавши.

— Что-жь, это можно...

И парень принялся помогать женщинамъ устранивать шалаши.

— Сегодня переночуйте такъ, какъ есть, говорилъ онъ.— А завтра я раздобудусь лопатой да дерну нарѣжу, такъ можно на верхнихъ-то плахахъ и крыши изъ дерна сдѣлать. Чудесно будетъ во время ненастья и дождь не такъ протекать станеть.

— Ну, вотъ, вотъ... спасибо тебѣ.

Анфиса взяла ведро и понесла его сосѣдямъ. Тѣ уже залѣзли подъ шалаши на ночлегъ, завѣсивъ входы въ нихъ разной ветошью, и Анфисѣ пришлось увидеть только ноги.

— Поставь ведерочко-то тутъ около шалашика, сказалъ ей изъ-подъ дровъ мужикъ.

Когда Анфиса вернулась къ товаркамъ, шалаши были уже сложены. Демянскія женщины лѣзли подъ нихъ укадываться. Парень все еще суетился около

шалашей, сдвигая плотнѣ дровяныя плахи. Арина зѣвала. Потолкавшись еще немного, парень сказалъ ей:

— Прощайте, Арина Гавриловна. Будьте здоровеньки на новомъ мѣстѣ.

Проговоривъ это, онъ покосился на нее и ушелъ. Арина перекрестилась на небо и полѣзла подъ шалашъ. Полѣзла вслѣдъ за ней и Анфиса.

ЛШ.

ВОЧЬ БЫЛА холодная. Женщины то и дѣло просыпались, подкладывали дровъ въ костеръ, но и костеръ грѣлъ плохо, хоть и былъ разложенъ близъ шалашей: ногамъ, высунутымъ изъ шалашей, было относительно тепло, но все тѣло, находившееся подъ шалашомъ, прохватывала дрожь. Нѣкоторыя женщины вылѣзли изъ-подъ шалашей и легли подъ открытымъ небомъ, близъ самыхъ костровъ, и въ такомъ положеніи окончили ночь. Просыпаясь ночью, онѣ слышали звуки пилъ о дерево, удары топоровъ. Очевидно, кое-кто изъ пильщиковъ работалъ и ночью. Утромъ дѣло объяснилось. Оказалось, что нѣкоторые изъ пильщиковъ, въ виду того, что по ночамъ спать холодно, а днемъ все-таки пригрѣваетъ солнце, передѣляли день въ ночь и работали ночью, а днемъ отсыпались. Женщинамъ сообщилъ это парень Андрей, раннимъ утромъ пришедшій къ ихъ шалашамъ.

— А что, дѣвушки, вѣдь это ловко придумано. Надо и намъ такъ попробовать, сказала Фекла.— А то что по ночамъ-то дрогнуть!

— Погоди. Дай сначала днемъ-то къ работѣ привыкнуть, отвѣчала Анфиса.— А ты, парень, что-жъ это слоновъ-то водишь и не работаешь?

— Да мой товарищъ съ перваго дня Пасхи въ Ижору къ землякамъ ушелъ и до сихъ поръ не вернулся, отвѣчалъ Андрей. — Загулялъ онъ, что-ли, ужъ и ума не приложу. А какъ-же одному-то пилить? Никакъ на это дѣло не ухитришься. Остались тутъ у насъ не расколотыя дрова—ну, вчера колоть ихъ, а сегодня ужъ и колоть нечего. Вотъ развѣ что вамъ помочь, пока товарищъ вернется. Для этого и пришелъ. Вѣдь у меня пила есть.

— Ну, что-жъ, помогай. Намъ пила-то и не хватаетъ. Кстати, и покажешь намъ какъ и что, а то вѣдь намъ съ непривычки-то дико. А долю, какая за твою работу придется, мы тебѣ отдадимъ, когда съ хозяина расчетъ получимъ. Вотъ я старостиха, сказала Анфиса и крикнула грѣвшимся у костра отъ утренняго холода женщинамъ:—Ну, что-жъ, дѣвушки, благословитесь да и принимайтесь за работу! Гдѣ пилы-то? Берите пилы.

— Чего-же зря пилы брать, коли у насъ еще козловъ нѣтъ, на которыхъ надо пилить, возразила Фекла.—Надо прежде козлы сдѣлать, а ужъ эта плотничья работа для бабы ой-ой...

— Ну, давайте дѣлать козлы.

— А какъ ихъ сдѣлаешь, коли нѣтъ ни гвоздя ни долота.

— Да вонъ парень поможетъ, кивнула Анфиса на Андрея.

— Въ лучшемъ видѣ могу, а только все-таки безъ гвоздей невозможно. Надо за гвоздями въ лавочку на деревню сходить и купить, а что до долота, то никакого тутъ долота не надо. Я и такъ сдѣлаю. Пусть только кто-нибудь въ лавочку сбѣгаетъ за гвоздями. За хлѣбомъ-же вѣдь, поди, въ лавочку пойдете, такъ за одно ужъ...

— Ну, ладно, я схожу въ лавочку, вызвалась Арина.—На сколько купить-то гвоздей?

— Четыре пилы у васъ, четверо козелъ надо—ну, фунтъ пяти-дюймовыхъ гвоздей ужъ навѣрное потребуется. Пятнадцать копѣекъ здѣсь эти самые гвозди стоятъ.

— Вотъ деньги. Это ужъ мы сообщаемъ... Бѣги, Ариша, въ лавочку. Купишь и хлѣба каравай для обѣда.

— А гдѣ здѣсь лавочка? задала вопросъ Арина.

— Э, матка, языкъ до Кіева доведетъ. Тебѣ сказано, что на деревнѣ. Бѣги скорѣй, торопила ее Анфиса.

Арина, взявъ деньги, тронулась въ путь. Парень посмотрѣлъ ей въ слѣдъ и сказалъ женщинамъ:

— Да семь-ка я ее провожу. Такъ ужъ она и будетъ знать, гдѣ лавочка. Здѣсь три лавочки на деревнѣ и только въ одной хлѣбъ хорошій, а въ другихъ-то норовятъ продать такой хлѣбъ, что твоя замазка—вотъ до чего сырѣ.

Женщины улыбнулись.

— Лясы по дорогѣ съ землячкой поточить хочешь?—отвѣтилъ кто-то.

— Ну, пусть его идетъ, пусть проводитъ, рѣшила Анфиса. — Иди, Андрей, иди. Кстати и гвоздей выберешь, какихъ нужно. А то гдѣ-же дѣвушкѣ выбирать! Ничего она въ гвоздяхъ не смыслитъ. Принесетъ да не такихъ. Иди.

— Иди, иди! Заговаривай ей зубы-то!..—крикнуло въ добавокъ нѣсколько голосовъ.

Арина застыдилась и закрыла глаза рукавомъ.

— Что это вы, дѣвушки, говорите такое... — застѣнчиво сказала она.

— Иди, иди...—продолжали кричать женщины.— Рукавомъ закрывается, а сама рада.

— А вотъ не пойду, коли такъ...

И Арина, нахмурившись, остановилась.

— Полно, Ариша, иди. Онѣ шутятъ, сказала ей Анфиса.—Веди ее, парень, обратилась она къ Андрею.

Потоптавшись на мѣстѣ, Арина потихоньку пошла. Андрей направился за ней слѣдомъ. Минуты три они шли молча. Наконецъ Андрей поровнялся съ ней и началъ:

— Кириллъ Терентьевъ изъ вашей деревни здѣсь недалече живетъ. Онъ въ Ижорѣ, восемнадцать верстъ отсюда, на лѣсномъ дворѣ въ вощикахъ.

— Да что ты! удивилась Арина.

— Вотъ товарищъ-то мой къ нему и пошелъ. Ждемъ письмаца изъ деревни. Уходили изъ дома. такъ просили, чтобъ ему писать, а онъ-бы ужъ намъ передалъ. Мы вотъ пріѣхали въ Питеръ изъ деревни на пятой недѣлѣ поста и маемся гдѣ день, гдѣ ночь, а Кириллъ-то Терентьевъ все-таки на постоянномъ мѣстѣ.

— И мы тоже съ вербной недѣли маемся гдѣ день, гдѣ ночь, отвѣчала Арина,—Рады ужъ очень, что сюда-то попали. Здѣсь, кажется, работы на долго хватить.

— До Петрова дня хватить—вотъ какъ!.. И даже дальше!

Вспоминая объ Акулинѣ, Арина спросила Андрея, не знаетъ-ли онъ Акулины изъ Федосѣева, и сообщила ему о ея смерти въ больницѣ. Оказалось, что Андрей зналъ и Акулину. Оба пожалѣли о ней, при чемъ Андрей сообщилъ, что и одинъ изъ его товарищей, пріѣхавшій съ нимъ вмѣстѣ изъ деревни и работавшій вмѣстѣ въ Питерѣ при расчисткѣ рельсовъ конно-желѣзной дороги, тоже слегъ на Вербной недѣлѣ въ больницу, но живъ-ли или померъ — неизвѣстно. Андрей назвалъ его по имени, но Арина его не знала.

Разговаривая такимъ образомъ, они дошли до села Ивановскаго. Когда они шли по селу, Андрей указывалъ Аринѣ на дома и говорилъ:

— Вотъ это кабакъ... Вотъ здѣсь волостное правленіе и мировой тутъ судить... Вотъ тутъ становой живетъ... А вотъ и лавка... Вотъ здѣсь мы гвозди купимъ, а хлѣбъ покупать не будемъ. Хлѣбъ купимъ вонъ въ той лавкѣ, которая подальше. Тамъ хлѣбъ лучше.

Въ лавкѣ, гдѣ Арина купила каравай хлѣба, Андрей спросилъ подсолнечныхъ зеренъ на двѣ копѣйки и, подавая ей тюрникъ, сказалъ:

— А вотъ это тебѣ гостинчику для перваго знакомства. Кушайте...

— Ну, вотъ... Зачѣмъ это? Товарки увидятъ и опять смѣяться будутъ, сказала Арина, отстраняя отъ себя тюрикъ.

— А пушай смѣются. Имъ-бы только зубоскалить.

— Нѣтъ, нѣтъ...

— Бери, бери, коли даютъ! Я отъ чистаго сердца.

Арина взяла подсолнечники и спрятала ихъ въ карманъ, а сама такъ и вспыхнула.

На обратномъ пути разговоръ былъ опять про земляковъ и про родныя деревни. Андрей взялъ отъ Арины каравай хлѣба и несъ его самъ на головѣ. Когда они приблизились къ тому мѣсту, гдѣ были товарки Арины, Арина стала отнимать у Андрея каравай, но онъ не отдалъ его ей, а побѣжалъ впередъ и вручилъ старостихѣ Анфисѣ.

Демянскія женщины опять встрѣтили Арину улыбочками.

— Да что это вы все смѣтаетесь! Онъ-же самъ отнял у меня каравай и понесъ, а не я ему передавала, сказала она полусердито, полузастънчиво.

Андрей, взявъ топоръ и гвозди, принялся мастерить изъ дровяныхъ плахъ козлы.

LIV.

СКОРЪ козлы были сдѣланы Андреемъ. Женщины хотѣли начать пилить дрова и положили уже изъ полѣнницы въ козлы плахи и круглыя чурки девятки, но Андрей остановилъ ихъ.

— Чего-жь вы чужія-то дрова пилить будете? Эти полѣнницы вашъ сосѣдъ, крестецкій мужикъ съ женой и съ свояченицей изъ воды натаסקали. А вы выберите мѣстечко для себя свободное, сами натаскайте изъ воды на берегъ полѣнницы дровъ, да ихъ и пилите, сказалъ онъ.

— Какъ? А эти развѣ нельзя пилить? удивились женщины.

— Да вѣдь это чужая работа. Другіе таскали. Нешто они позволяютъ вамъ пилить? Напилете, такъ они за вашу работу и деньги получаютъ.

— Стало быть и новые шалаши придется строить? Вотъ тебѣ разъ!.. съ сожалѣніемъ сказали женщины.

— Ну, это что за бѣда! Такой шалашъ сложить не каменный домъ построить. Сложимъ.

Женщины пошли искать свободное мѣсто подъ свое становище. Мѣсто было съ помощью Андрея найдено. Андрей зналъ дѣло и выбиралъ мѣсто повыше и ровное, избѣгая чтобы оно приходилось подъ покатостью берега, дабы во время дождей подъ шалаши не затекала вода. Женщины разулись и принялись таскать изъ воды длинныя дрова и укладывать ихъ въ полѣнницы на берегу, близъ самой воды. При вытаскиваніи дровъ пришлось входить иногда въ воду по колѣно, а то и выше. Вода была холодна и ноги коченѣли. Намокшіе въ водѣ чурки и плахи были тяжелы и ихъ приходилось вытаскивать на берегъ двоимъ, троимъ. Голова и туловище потѣло, а ноги зябли. Дабы согрѣть ноги, женщины время отъ времени садились и выставляли ноги на солнце.

— Ну, теперъ однѣ пилите дрова, а другія пусть

таскають ихъ, такъ по перемѣнкѣ и будете работать, а то вы всѣ за одно дѣло принялись. Вѣдь пилъ у васъ все равно на всѣхъ не хватить, училъ Андрей.

— И то, и то, голубчикъ, подхватила Фекла. — Вотъ онъ умъ-то что значить! А мы-то дуры...

— Бывалый!... Знаемъ это дѣло-то, похвастался Андрей.

Женщины подѣлились. Козлы были перетащены на новое мѣсто и началась пилак вытащенныхъ изъ воды дровъ. Съ непривычки работа шла туго: при прикосновеніи къ дровамъ пилы соскакивали, пропиливъ себѣ ложе и вѣѣвшись въ дерево, онѣ застрявали и плохо двигались. Женщины надсажались, обливались потомъ, но дѣло не спорилось. Плахи и чурки, какъ на зло, были все толстые, вѣковаго лѣса.

— Легче, легче.—Чего вы надсажаетесь-то! Тутъ сноровка нужна, а не надсадка. Натягивайте другъ отъ дружки пилу и дѣло пойдетъ ровнѣе, училъ Андрей и, отпихнувъ отъ Арины ея землячку Аграфену, схватился за аграфенинъ конецъ пилы и сталъ показывать женщинамъ, какъ надо пилить.

Къ полдню женщины нѣсколько понаторѣли въ пилкѣ, но работа все-таки не такъ спорилась, какъ слѣдуетъ.

— Большую сноровку къ этому дѣлу надо имѣть, говорилъ Андрей, крехтя при раскальваніи топоромъ перепиленныхъ крупныхъ чурковъ и складывая напиленное и расколотое въ мѣрныя полѣнницы.

Къ полудню еле три сажени было распилено и

уложено, а работало двѣнадцать человѣкъ Женщины приуныли.

— Что-жъ это мы, дѣвоньки, только на три четвертака наработали, печально сказала Арина.

— Нѣтъ, тутъ еще и на три четвертака не будетъ, землячки, отвѣчалъ Андрей. — Въ вышину хозяева принимаютъ сажень за сажень, а длиннику имъ подавай сажень въ три съ половиной аршина. Ну, да вѣдь это только спервоначалу, а понавыкнете, такъ дѣло ходчѣ пойдетъ.

Сосѣди женщинъ то тамъ, то сямъ принимались за обѣдъ. Анфиса взглянула на солнце и тоже скомандовала товаркамъ обѣдать. Андрей принесъ свое ведро для воды и побираться за ведромъ у сосѣдей ужъ не пришлось.

— Безпремѣнно нужно намъ ведерко и котелокъ купить, говорила Федосья. — Здѣсь въ лавкахъ на деревнѣ, поди, все это есть.

— А на какіе шиши ты теперь ведерко и котелокъ купишь? Дай срокъ денегъ заработать, тогда и купимъ, отвѣчала Анфиса, кромсая, какъ старостиха, хлѣбный каравай на ломти.

— Котелокъ я дамъ къ вечеру. У насъ съ товарищемъ есть котелокъ, проговорилъ Андрей. — Есть и удочки. Половить рыбки, такъ можно важную кашницу съ рыбой сварить къ ужину. А то вонъ у сосѣдей есть путаница, такъ не дадутъ-ли они своей путаницы рыбку половить? На удочки-то плохо попадается и долго сидѣть надо.

— А когда, Андрюша, прикащикъ деньги-то за заработанное отдастъ? поинтересовалась Анфиса. —

Я все насчетъ денегъ, потому очень ужъ у насъ туго насчетъ денегъ-то.

— Меньше какъ за четырнадцать сажень платить не любятъ. Четырнадцать сажень выставишь, двѣ сажени въ скидку — и три рубля получай.

— Ой, ой, ой... покачали головами женщины. — Когда мы три-то рубля эти получимъ, ежели расчитать по сегодняшней работѣ!

— Завтра вечеромъ получите, не плачьтесь. Пришноровитесь сегодня, такъ завтра дѣло ладнѣе пойдетъ, утѣшаль Андрей. — Это только съ перваго раза и съ непривычки мало напилели. При хорошей шноровкѣ да ежели не лѣнниться, такъ три четвертака въ день на человѣка можно выработать, а ужъ шесть-то гривенъ всегда. Только не сиди сложа руки.

— Ну, дай-то Богъ, сказала Арина. — Рукъ не покладывая работать буду. Главная статья, мнѣ нужно поскорѣй въ деревню хоть два рублишка послать.

— Пошлешь. Дай только срокъ... кинулъ Андрей.

— Ахъ, молодець, твоими-бы устами да медъ пить! подхватили женщины.

— При деньгахъ будете, это вѣрно, коли себя жалѣть не будете, еще самоувѣреннѣе поддакнулъ Андрей. — Въ концѣ Фоминой, я думаю, даже прибавка отъ прикащиковъ по пятачку съ сажени будетъ. Многія бабы уйдутъ на огороды, потому тамъ работа легче — вотъ и будетъ прибавка, чтобъ народъ удержать. Вѣдь хозяевамъ тоже нельзя медлить съ работой-то. Надо грузиться на барки, да въ путь въ Питерь.

— Ой, какъ это было-бы хорошо! А развѣ что слышно насчетъ прибавки?

— Всегда на Фоминой или послѣ Фоминой дорожке пилять.

Послѣ обѣда и легкаго отдыха дѣло, дѣйствительно, пошло у женщинъ болѣе на ладъ. Явилось это главнымъ образомъ отъ распредѣленія труда: однѣ вытаскивали изъ воды дрова, другія пилили, третьи кололи и складывали въ сажени. Кромѣ того, явилась уже и нѣкоторая сноровка. Дѣло подвинулось даже успѣшнѣе, чѣмъ говорилъ Андрей. Къ девятому часу вечера пятнадцать сажень дровъ было распилено, расколото и сложено. Усталыя лица женщинъ просіяли. Женщины считали, что онѣ все-таки сегодня больше чѣмъ по четвертаку заработали. Сравнительно съ двугривеннымъ дневной заработнойки на тряпичномъ дворѣ, гдѣ онѣ работали до Пасхи, это былъ все-таки успѣхъ. Завтра ожидался еще большій успѣхъ.

— Ну, шабашьте, умницы! — крикнула товаркамъ Анфиса, когда уже было выставлено шестнадцать сажень готовыхъ дровъ.

Вслѣдствіе успѣха въ работѣ она позволила нѣкоторую роскошь въ пицѣ для артели и варила жиденькую гречневую кашу въ котелкѣ, принесенномъ Андреемъ. Въ котелкѣ, висящемъ на треножникѣ изъ жердинъ, весело клокотало и пузырилось сѣрой пѣной горячее хлебово. Женщины въ этотъ вечеръ ужинали горячимъ, хотъ и безъ рыбы, которую обѣщали ловить Андрей, но, сберегая время для работы, отложившій это занятіе на ночь.

— Кто не изъ сонныхъ тетерь и хочеть со мною сегодня ночью рыбки половить? — спрашивалъ онъ у женщинъ, хлебая изъ котелка кашицу.

— Я могу... Я не очень устала, вызвалась Арина, спохватилась, что ночью быть съ молодымъ парнемъ наединѣ предосудительно, и тотчасъ-же зардѣлась, прибавивъ: — Аграфена тоже можетъ съ нами...

— Нѣтъ, ужъ я спать лягу. Богъ съ ней и съ рыбой. Рученьки, ноженьки у меня подломились, отвѣчала Аграфена. — Ты вызвалась, ты и лови рыбу.

— Нѣтъ, нѣтъ... Тогда и я не буду. Пусть Андрей одинъ ловить.

— Трудно одному-то путаницей ловить. Вѣдь это надо съ лодки... Сосѣди на ночь путаницу дали, а путаницей надо ловить вдвоемъ...

— Полови, Ариша, съ нимъ. Ты дѣвка здоровая, неустанная. Полно тебѣ куражиться-то! заговорили Аринѣ женщины.

Арина отвернулась и не отвѣчала ни да, ни нѣтъ.

LV.

ОСЛѢ ужина женщины были до того уставши, что устраивать новые шалаши, около своихъ полѣнницъ, никто уже не могъ и всѣ отправились на мѣсто вчерашняго ночлега, въ шалаши, сложенные вчера. Усталость

была такъ велика, что они не зажгли даже костра на ночь. Арина была бодрѣ другихъ и согласилась половить съ Андреемъ рыбу, поставивъ за непремѣнное условіе, чтобы и Аграфена была вмѣстѣ съ ними, но та дремала и клевала носомъ. Андрей отправился къ сосѣдямъ за путаницей, но когда вернулся къ полѣнницамъ, гдѣ расположились на ночлегъ женщины и ожидали его Арина и Аграфена, послѣднія двѣ также спали, сидя, прислонясь къ дровамъ.

— Эй, вы, рыболовки! что-жъ вы дрыхнете-то крикнулъ онъ имъ.—Я готовъ... Идемте рыбу-то ловить.

Арина и Аграфена не просыпались. Андрей растолкалъ ихъ, послалъ спать подъ шалашъ и понесъ обратно путаницу.

Ночь была холодная и дала себя знать женщинамъ. Отъ холоду онѣ то и дѣло просыпались, ежились, поджимали ноги, прикрывались получше армяками, но ничего не помогало. Пришлось встать, среди ночи, зажечь костеръ и улечься ужъ не въ шалашахъ, а вокругъ костра. Такъ было все-таки сносно, можно было поворачиваться и грѣть то одинъ бокъ, то другой.

На утро поднялись женщины отъ холоду ранѣе обыкновеннаго и увидали, что дрова были совсѣмъ бѣлыя, покрытыя инеемъ. Кой-гдѣ съ плахъ висѣли ледяныя сосульки, лужицы были застеклянившись. Лихорадочная дрожь пробирала женщинъ, онѣ не могли попасть зубомъ на зубъ.

— Смотрите-ка, дѣвушки, морозъ, настоящій мо-

розъ... бормотала Арина, постукивая отъ холоду зубами, приплясывая и дуя въ кулаки.

Не поддерживаемый костеръ догорѣлъ и въ немъ только тлѣлись уголья.

— Подкладывайте скорѣй дрова-то, подкладывайте, да валите на уголья побольше бересты! командовала Анфиса.—Сейчасъ я въ андюшкиномъ котелкѣ воду вскипачу. Хоть кипяточку напиться, что-ли.

— Да, да... Анфисушка... заговорили женщины и бросились собирать бересту по берегу для костра.

Вскорѣ костеръ запылалъ и на треножникѣ весело заклокоталъ котель съ кипящей водой. Женщины черпали изъ котла кипяткомъ берестянымъ ковшикомъ, двумя ложками оставленными съ вечера Андреемъ и пили. Разогрѣться имъ помогла только пилка дровъ, за которую они тотчасъ-же и принялись.

Работа во второй день шла успѣшнѣе, женщины привыкли къ пилѣ, такъ что та уже не застревала въ деревѣ, приноровились къ топору, что несказанно радовало при работѣ. Онѣ то и дѣло обмѣривали прибавляющіяся полѣнницы распиленныхъ дровъ.

— Анфисушка, Анфисушка... Намъ сегодня ежели разстараться, то мы съ вчерашней работой можемъ даже девять рублей получить, право слово, девять! весело кричала Арина, стоящая около дровъ съ самодѣльной саженью въ рукѣ.

— Да ужъ пили, пили... Цыплятъ осенью считаютъ. Подъ вечеръ отработаемся, обмѣримся и пойдемъ звать прикащика, чтобы принялъ и рассчитал-

ся, отвѣчала Анфиса, таская вмѣстѣ съ Феклой изъ воды чурки и плахи.

Вытаскиваніе изъ воды не распиленныхъ дровъ, пилку этихъ дровъ, расколку и укладываніе въ полѣнницы женщины исполняли по очереди, такъ что на долю каждой приходилось и таскать дрова, и пилить ихъ, и раскалывать, и складывать. При такомъ порядкѣ въ работѣ и дѣло шло успѣшнѣе, да и было справедливѣе, такъ какъ вытаскивая дрова изъ рѣки, приходилось иногда входить по колѣно въ холодную воду и мокнуть по поясъ, что положительно было несносно, самая-же пилка и раскалываніе дровъ были сравнительно легкой работой, а укладка дровъ въ полѣнницы могла считаться уже отдыхомъ.

Андрей, разставшійся съ женщинами съ вечера, сегодня пришелъ къ нимъ только передъ самымъ обѣдомъ.

— Обѣдайте скорѣй, землячки, да отдайте нашъ котелокъ и наши ложки. Намъ тоже надо варевцо какое ни-на-есть себѣ сварить. Товарищъ мой сегодня ночью вернулся изъ Ижоры и я ужъ съ нимъ работаю, сказалъ онъ.—Да и пилу нашу отдайте. Съ утра-то мы съ товарищемъ изъ рѣки девятку таскали, а ужъ послѣ обѣда пилить будемъ.

— Мы тебѣ, Андрюша, за вчерашнюю работу выдѣлимъ, какъ слѣдуетъ выдѣлимъ, какъ только съ хозяина деньги получимъ, заговорила Анфиса.

— Да ужъ ладно, ладно. Тамъ сочтемся. Дайте только котелокъ-то.. А то товарищъ ругается, думаетъ, что я пропилю котелокъ. Котелокъ-то вѣдь его. Ведро и ложки мои, а котелокъ его. Ведро-то

можете оставить покуда еще при себѣ, а котелокъ дайте. Воды-то мы и котелкомъ зачерпнемъ.

Въ котелкѣ варилась на кострѣ, какъ и вчера къ ужину, жидкая гречневая каша, и Анфиса тотчасъ же скомандовала, чтобы женщины бросали работу и принялись за обѣдъ. Ложекъ было всего только двѣ, а потому, какъ и вчера, приходилось хлебать кашу поочередно. Дабы поскорѣй опростать котелъ, женщины свернули себѣ подобіе ложекъ изъ бересты и этими черпачками начали ѣсть кашу. Андрей сидѣлъ около нихъ и дожидался котла. Онъ подвинулся къ Аринѣ и шепнулъ ей:

— Письмо получили изъ деревни. Товарищъ отъ земляка принесъ.

— Ну?! А вотъ мнѣ не черезъ кого и вѣсточку получить! вздохнула Арина.— Не знаютъ наши, куда мнѣ и написать. Про нашу деревню ничего у тебя въ письмѣ не обозначено? спросила она.

— Пишутъ, что скотъ падаетъ отъ безкормицы.

— Да чего и падать-то, коли ужъ давно ни у кого скота нѣтъ.

— Все-таки пишутъ. Вотъ ужъ вечеромъ я принесу письмо и прочту.

— А ты грамотный?

— Еще-бы. Маракую.

— И письмо написать можешь?

— Въ лучшемъ видѣ. Никакому писарю кланяться не надо. Можетъ статья, напишу нескладно, но прочтутъ.

— Такъ ты, Андрей... Какъ тебя по отчеству-то?

— Никифоровъ.

— Такъ ты, Андрей Никифоровичъ, напиши мнѣ письмоцо въ деревню. Напиши, голубчикъ. Получимъ съ прикащика деньги, такъ надо будетъ мнѣ два рубля денегъ родителямъ послать, заговорила Арина.

— Напишу. Въ лучшемъ видѣ напишу. Заработывай только деньги.

— Ну, вотъ спасибо. А то я все думаю: кто мнѣ письмо напишетъ? Сами-то мы неграмотныя и писать не можемъ. То есть я учена немного, по печатному кой-какъ могу разбирать, а вотъ ужъ писать-то не умѣю.

— Ты, Андрюша, потомъ и намъ напиши, коли ты грамотѣй, заговорили и другія женщины, услыша, что разговоръ идетъ о писаніи письма.

— Ладно, ладно. Всѣмъ напишу, отвѣчалъ Андрей.

Вскорѣ котель былъ опорожненъ. Андрей взялъ котель и понесъ его къ себѣ, подмигнувъ Аринѣ и сказавъ:

— Ну, что-жь, рыболовка, рыбу-то ловить сегодня вечеромъ будемъ? Или опять по вчерашнему?

Арина ничего не отвѣчала и только улыбнулась.

LVI.

ВЕЧЕРЪ. Женщины кончали второй рабочей день на Тоснѣ. Онѣ работали неустанно. Нѣкоторыя изъ нихъ натерли себѣ на рукахъ мозоли до волдырей. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали расчета, который прикащикъ общал-

ся сдѣлать вечеромъ. Деньги у женщинъ окончательно приходили къ концу. Часу въ седьмомъ Арина обмѣрила полѣнницы напиленныхъ дровъ. Оказалось сорокъ двѣ сажени.

— Какихъ? Настоящихъ или прикащицкихъ? слышались голоса.

— Знамо дѣло, настоящихъ, отвѣчала Арина.— По двѣнадцати четвертей.

— А вѣдь сдавать надо по четырнадцати четвертей сажень, отвѣчала Анфиса и крикнула:— Понатужьтесь, дѣвушки, понатужьтесь, чтобы сегодня по четырнадцати четвертовыхъ сорокъ сажень сдать.

Работа закипѣла, но тотчасъ-же стала и ослабѣвать. Женщины работали съ ранняго утра и истощили силы. То и дѣло дѣлался перерывъ. Кто потягивался, кто потиралъ бока и плечи.

Часу въ восьмомъ пришелъ прикащикъ съ саженью въ рукахъ, на которую онъ опирался какъ на палку, и сталъ обмѣривать дрова, осматривая кладку.

— Ладно-ли? спрашивала Анфиса.

— Сегодня ладно. Кладка настоящая, хозяевамъ не обидная, но только смотрите, чтобъ это не была у васъ новая метла. Новая метла всегда чисто мететь, отвѣчалъ прикащикъ.— Плохо будете слѣдующія полѣнницы складывать, такъ вѣдь я развалю и вновь заставлю класть. Такъ вы и знайте.

Обмѣрилъ онъ и вытащенную женщинами изъ воды девятку, то есть не распиленные еще дрова, подсчиталъ что-то въ своей книжкѣ, записалъ, закрестилъ краснымъ карандашомъ полѣнницы рас-

пиленныхъ дровъ или швырковыхъ, какъ ихъ принято называть, и сказалъ:

— Тридцать шесть сажень принимаю. За остальное расчетъ въ слѣдующій разъ.

Прикащикъ опять подсчиталъ и прибавилъ:

— За четырнадцать сажень девятки, которую вы вытаскивали изъ воды, по полтинѣ—выходить семь рублей, да тридцать шесть сажень швырку по четвертаку—девять. Вотъ записка на шестнадцать рублей. Пусть кто-нибудь сходить въ контору къ комиссіонеру. Деньги у насъ комиссіонеръ выдаетъ въ конторѣ.

Женщины приуныли.

— Да намъ, голубчикъ, сейчасъ деньги надо. Издержались въ конецъ. Хлѣба на завтра не на что купить, заговорили онѣ.

— Сейчасъ и получите. Ступайте только въ контору къ комиссіонеру, сказалъ прикащикъ.

— А гдѣ эта контора?

— Да въ той-же деревнѣ, гдѣ я живу, только подальше. Идите скорѣй. Комиссіонеръ дома. Я уходилъ, такъ онъ чай пилъ. Сейчасъ и отдастъ. У насъ насчетъ денегъ задержки нѣтъ.

У женщинъ отлегло отъ сердца. Въ первое время онѣ поняли такъ, что комиссіонеръ живетъ гдѣ-нибудь далеко и денегъ сегодня получить нельзя.

Анфиса тотчасъ-же побѣжала въ деревню. Вернулась она черезъ часъ, когда уже стемнѣло, вся сіяющая.

— Получила!.. выговорила она, еле переводя духъ,

вынула изъ кармана кредитныя бумажки и торжественно потрясала ими при свѣтѣ костра.

— Господи! Сколько денегъ-то, Анфисушка! съ замираніемъ сердца произнесла Арина.

Остальныя женщины тоже широко улыбнулись.

— По скольку-же это на сестру-то придется? По скольку-же мы въ день заработали? быстро спрашивали всѣ.

— А вотъ сейчасъ считаемъ, отвѣчала Анфиса, окинула глазами пылающій костеръ и прибавила:—Только что-же это вы?.. Костеръ зажгли, а варева не варите. Вѣдь тамъ въ мѣшечкѣ есть еще крупа.

— Да въ чемъ варить-то? Ходили къ Андрею за котелкомъ, но онъ съ товарищемъ самъ варить себѣ въ котелкѣ хлебово. Они рыбы на удочки наловили. Толкались къ другимъ сосѣдямъ — не даютъ, отвѣчали женщины.

— Надо безпремѣнно свой котелокъ купить, заговорила Анфиса.—Надо и ложекъ купить и ведерко. Нельзя каждый день у людей посудой побираться.

— Да ужъ это завтра купимъ, а сегодня поѣдимъ какъ-нибудь одного хлѣбца, отвѣчали женщины и опять стали спрашивать Анфису:—Старостиха! Скольکو-же пришлось каждой изъ насъ?

— А вотъ сейчасъ. Будемъ ужинать, такъ и сочтемъ. Вы, дѣвушки, приготовьте себѣ бирки изъ щепы или изъ палочекъ. Надо будетъ намъ по биркамъ считаться, зарубки и крестики на нихъ дѣ-

лать, а то собьемся и выдетъ ссора. Бирка—любезное дѣло.

Порѣшено было сдѣлать бирки. Сѣли вокругъ костра, начали ужинать хлѣбомъ, запивая его водой, и принялись считаться. Считались долго. Были пущены въ ходъ и щепки, и камушки, но все-таки настоящимъ манеромъ сосчитаться не могли.

— Ежели Андрею за сегодня не вычитать, что онъ не работалъ съ нами, то выходитъ по рублю тридцати пяти копѣекъ на каждого—вотъ какой мой расчетъ.

— Да такъ-ли? усумнилась Фекла. — По моему, не выходитъ.

— Считай. Двѣнадцать насъ человекъ вчера было—по рублю: двѣнадцать рублей, да ежели прикинуть еще по три гривенника. Ну, возьми камушки, да и клади въ рядъ, а потомъ сочтешь, поясняла Анфиса.

— Вѣрно, вѣрно. Что тутъ считать! слышались одобрительные голоса.—Мы вотъ что сдѣлаемъ: мы сами себѣ возьмемъ по рублю съ тремя гривенниками, а пяточки Андрею за вчерашнюю работу дадимъ. Одиннадцать насъ женщинъ—Андрею одиннадцать пяточковъ за его подмогу. Сколько это ему придется? Десять пяточковъ—полтина, да одиннадцатый пятакъ... Пятьдесятъ пять... Обижаться будетъ — рубаху ему постираемъ. Себѣ за два дня по рублю тридцати, а Андрею за вчерашній день пятьдесятъ пять.

Посчитавшись женщины были совсѣмъ довольны своей зарработкой.

— По шестидесяти пяти копѣекъ въ день вѣдь пришлось, — говорила Анфиса. — Что-жъ, дѣвушки, это ужъ такъ ладно, что ладнѣе и не надо.

— Чего еще лучше! — отвѣчали ей. — А понаторѣемъ въ пилкѣ, такъ будемъ еще больше зарабатывать, не надо только почесываться. Вотъ за выгрузку-то девятки изъ воды они больно хорошо платятъ. По полтинѣ... Смотри какія деньги! Одно только, что мокро и студено вытаскивать-то.

Арина сидѣла и рассчитывала, что ежели такъ работать, то черезъ четыре дня она будетъ въ состояннн послать два рубля въ деревню.

— «Нужно... Охъ, какъ тамъ нужно!.. Бѣднота... Заложились всѣ»... думала она.

Послѣ ужина пришелъ Андрей. Ему вручили пятьдесятъ пять копѣекъ и обѣщались помыть рубахи и порты, когда понадобится. Расчетомъ онъ оказался доволенъ и прибавилъ:

— Только неловко мнѣ въ вашу бабью команду вступать, потому что на рѣкѣ всѣ будутъ смѣяться, что вотъ какъ пѣтухъ на одиннадцать бабъ одинъ мужикъ затесался, а то самое лучшее бросить мнѣ моего землячка-товарища.

— А что?

— Пьетъ... Сообразить никакъ не могу. И сегодня полъ-дня въ кабакѣ просидѣлъ. Я ужъ одинъ кололъ распиленные дрова. Къ ужину изъ кабака вернулся, да что толку-то! Теперь спать. Право слово, перешелъ-бы къ вамъ, кабы не смѣялись.

— А нешто ужъ смѣялись?!

— Смѣялись, гвоздь имъ въ глотку.

Третью ночь спать было теплѣе, небо заволокло тучами, вѣтеръ стихъ, но за то сѣялъ, какъ изъ сита, мелкій дождь и протекалъ сквозь плахи шалаша на спящихъ. Женщины поднялись на утро мокрыя и на силу обсушились у костра. Рѣшено было раздобыться гдѣ-нибудь лопаткой, нарѣзать дерну и покрыть верхнія плахи на шалашахъ дерномъ, такъ какъ ненастная погода не разгуливалась.

Къ обѣду у женщинъ явился котелокъ, ведро и ложки, которые Анфиса купила въ лавкѣ на деревнѣ. Женщины любовались на свое новое хозяйство и говорили:

— Ежели такъ дѣло пойдетъ, то можно будетъ и пятокъ чайныхъ чашечекъ купить. Чайкомъ-то ужъ куда какъ хорошо побаловаться назябнувшись-то. А чай можно варить пока и безъ чайника, въ котелкѣ. Котелокъ есть—вотъ и заваримъ.

LVII.

ВАКОНЕЦЪ на Фоминой недѣлѣ насталь такой день, когда въ рукахъ Арины очутилось заработанныхъ денегъ три рубля и двадцать копѣекъ. Радости ея не было границъ. Она подпрыгивала, пѣла пѣсни, толкнула въ бокъ Аграфену, какъ-бы вызывая ее тоже на веселье, и даже подбоченилась и, притоптывая ногами, проплясала передъ ней казачка. Дѣло въ томъ, что наконецъ-то она могла послать два рубля въ деревню. Деньги она получила отъ Анфисы, вѣдаю-

щей расчеты съ прикащикомъ и комиссіонеромъ, передъ ужиномъ, а послѣ ужина тотчасъ-же бросилась къ Андрею просить написать ей письмо.

Андрея Арина застала сидящимъ на берегу на чуркѣ передъ удочками и ловящимъ рыбу. Андрей покуривалъ трубку и слѣдилъ за поплавками. Товарищъ его кололъ дрова. Сзади Андрея, какъ водится, медленнымъ огнемъ горѣлъ костеръ.

— Я къ тебѣ, Андрей Никифорычъ...—начала она.—Мы деньги сейчасъ получили. Надо послать въ деревню. Ты обѣщался написать письмо. Вотъ я и пришла. Напиши.

— Сейчасъ-то? Какъ-же я тебѣ напишу сейчасъ письмо, коли у меня ни бумаги, ни чернилъ, ни пера?—отвѣчалъ Андрей. Вѣдь это все нужно у прикащика попросить. Завтра—изволь!

— Завтра, Андрей Никифорычъ, недосужно. Завтра мы будемъ работать.

— Ну, вечеромъ, послѣ работы.

— Охъ, Андрей! Завтра-то въ обѣдъ мнѣ хочется письмо на почту снести. Очень ужъ тамъ въ деревнѣ деньги-то нужны. Нельзя-ли какъ-нибудь сегодня написать?

— Чудная ты, право. Тебѣ толкомъ говорятъ, что припасовъ для письма нѣтъ,—сказалъ Андрей.—Правда, карандашъ есть.

— Такъ ты карандашомъ. Тамъ разберутъ.

— А на чемъ писать то? Бумаги нѣтъ.

— За бумагой я сейчасъ въ лавочку на деревню сбѣгаю. Далеко-ли тутъ!

— Да ты смотри: вѣдь ужъ темно. какъ я буду въ потьмахъ письмо писать!

— А мы костеръ распалимъ, Андрей Никифоричь, положимъ около костра дощечку взамѣсто стола—вотъ ты и напишешь.

— Вотъ чудная, такъ чудная! Приспичило ей письмо—и вынь да положи сейчасъ, покачалъ головой Андрей.

— Напиши, Андрей Никифоричь. Я тебѣ сама заслужу. Надо тебѣ обстираться—давай рубаху и порты или тамъ полотенца и подвертки, все въ лучшемъ видѣ выстираю.

— Вотъ неотвязчивая-то! Загорѣлось ей, сказалъ Андрей, подумалъ и прибавилъ:—Ну, ладно, бѣги за бумагой въ лавочку. Только, братъ, я не изъ корысти, не ради стирки, а просто такъ, за милую душу.

Онъ помолчалъ и произнесъ, понизивъ голосъ:

— Очень ужъ ты мнѣ, дѣвка, понравилась—вотъ изъ-за чего. Давай руку.

Арина зардѣлась, какъ маковъ цвѣтъ, при этихъ словахъ.

— Зачѣмъ руку? спросила она, пряча руки за спину.

— Давай, давай. Попридержаться хочу.

Арина протянула руку. Андрей схватилъ Ари-ну за руку, другой рукой погладилъ по рукѣ, любовно посмотрѣлъ Аринѣ въ глаза, потрепалъ ее по плечу и опять сказалъ:

— Ладная дѣвка. Ну, бѣги за бумагой. Да и конвертъ купи. На конвертъ тебѣ завтра на почтѣ

чернилами напишу. Въ обѣдъ вмѣстѣ на почту сходимъ.

Арина вырвала отъ Андрея руку и побѣжала за бумагой. Черезъ полчаса, она вся запыхавшаяся явилась съ бумагой и конвертомъ. Андрей уже все приготовилъ для письма: разжегъ костеръ, положилъ около него на дрова доску и, устроивъ нѣчто въ родѣ стола, сидѣлъ и мусолилъ огрызокъ карандаша.

— Ну, садись рядышкомъ и говори что писать, сказалъ ей Андрей, усаживаясь на корточки передъ доской и показывая Аринѣ на мѣсто около себя.

— Да ужъ тебѣ лучше знать что писать, ты грамотѣй, отвѣчала Арина, подсаживаясь къ Андрею и подбирая подъ себя ноги.

Андрей положилъ листъ бумаги на доску и опять помусолилъ карандашъ.

— Отца-то твоего Гаврилой Матвѣевымъ звать, сказалъ онъ.—Ну, а мать какъ?..

— Мать Анна Савишна, отвѣчала Арина.

Карандашъ заходилъ по бумагѣ. Черезъ минуту Андрей прочелъ:

— «Любезнымъ родителямъ нашимъ, батюшкѣ Гаврилѣ Матвѣичу и матушкѣ Аннѣ Савишнѣ отъ дочери вашей Арины Гавриловны земной поклонъ отъ неба и до земли и прошу вашего родительскаго благословенія»... Ну, что еще?

— «Посылаю два рубля денегъ. Простите на малости»... подсказала Арина.—Ну, а потомъ надо написать, что вотъ работаю на Тоснѣ, на пилкѣ дровъ.

Андрей написалъ и прочелъ:

— Ладно? спросилъ онъ.

— Конечно-же ладно, отвѣчала Арина.—А только надо прибавить, что была безработица, когда пріѣхали въ Питеръ, оттого и денегъ мало шлю.

— «А что мало денегъ вамъ шлю, родители, то это изъ-за безработицы, а потому извините. Напредки пришлю больше, потому что теперь проявилась зароботка лучше»... читаль Андрей написанное и опять спросилъ:—ну, а еще что?

— Теперь надо про Акулину... вздохнула Арина.—То-то поплачутъ ейныя домашніе-то, когда скажутъ имъ, что умерла, царство ей небесное!

Андрей подумаль, заводилъ карандашомъ и опять прочель:

— «А Акулина померла въ больницѣ и вы объ этомъ увѣдомите ейныхъ родныхъ».

— Захворала на тряпичномъ дворѣ, я ее свезла въ больницу и она померла, подсказывала Арина.—Гдѣ похоронена—неизвѣстно.

— «А захворала она на тряпичномъ дворѣ и я свезла въ больницу, а гдѣ похоронена—неизвѣстно»... прочель Андрей.—Все?

— Все... Но только теперь поклоны, проговорила Арина.—Да ужъ и куда писать ко мнѣ надо обозначить.

Она назвала поимянно тѣхъ родственниковъ, кому нужно написать поклоны. Андрей написалъ. Написаль и адресъ Арины на почтовую станцію села Ивановскаго. Письмо было готово.

— Ну, вотъ, сказалъ Андрей, подавая Аринѣ письмо.—Понесешь къ себѣ, такъ спрячь въ какое ни-на-есть такое мѣстечко, чтобы ночью отъ дождя

не размокло. Эво какъ небо-то обложило тучами! Ночью быть дождю.

— Я его въ буракъ спрячу. Я буракъ для соли сдѣлала изъ бересты, такъ туда, отвѣчала Арина, поднимаясь съ земли и благодаря Андрея.

— Постой, постой... остановилъ Андрей Арину и посадилъ ее опять рядомъ съ собой.—Ну, а теперь опять на прощанье руку...

— Да зачѣмъ-же это, Андрей Никифоричь... потупилась Арина.

— Такъ нужно... Очень ужъ по сердцу ты мнѣ пришлась.

Онъ схватилъ Арину за руку и притянулъ ее къ себѣ, обнявъ за шею другой рукой.

— Что ты! Что ты! отбивалась отъ него Арина.

— Не замай.. Я любя... Съ перваго раза ты мнѣ подъ сердце подкатила. Какъ увидалъ, такъ и распалился.

— Оставь, Андрей, оставь... Не хорошо... Я дѣвушка...

Арина быстро вскочила и стала озираться. Товарищъ Андрея, завернувшись въ полушубокъ, спалъ у костра крѣпкимъ сномъ

— Я дѣвушка, Андрей... повторила Арина, вся пылающая и держась за сердце, которое усиленно билось.

— Да я тебя и не обижу... отвѣчалъ Андрей.— Я такъ помиловаться и душу свою тебѣ доказать... Не обижу я тебя, приходи только почаще сладкія рѣчи говорить. Ну, прощай. Завтра пойдемъ на почту и напишемъ на конвертѣ, куда посылать.

Арина стояла потупившись.

— Прощай... Что-жъ не прощаешься? повторилъ Андрей.

— Ну, прощай... тихо пробормотала Арина, заморгала глазами, бросилась бѣжать отъ костра Андрея и скрылась въ темнотѣ ночи.

LVIII.

КОГДА Арина вернулась къ своимъ шалашамъ, почти всѣ товарки ея спали. Только Фекла и двѣ ея демянскія землячки работали. Двѣ женщины пилили дрова, а одна раскалывала ихъ и складывала въ полѣнницы при свѣтѣ горящаго костра. Это была ночная смѣна. Онѣ отоспались днемъ и рѣшили работать ночью. Арину встрѣтили онѣ съ усмѣшками.

— Что больно долго письмо-то писала? Или писарь ужъ очень ладенъ попался? спросила ея демянская женщина Марья.

Арина вспыхнула.

— Да вѣдь за бумагой и за конвертомъ бѣгала на деревню въ лавочку. Тоже не близкое мѣсто... Пока то да се... отвѣчала она.

— Хорошее письмо, милая, скоро не напишешь, особливо, когда молодой писарь, сказала на слова Марьи другая демянская женщина и опять усмѣхнулась.—Пиши, пиши письма, жениха себѣ выпишешь. Вотъ по осени сватать начнетъ, прибавила она.

— Да чего вы пристали-то! Вовсе я не изъ-за этого... пробормотала Арина, растерявшись.—Вот смотрите письмо... вот оно... показала она, покрестилась на небо и полѣзла подъ шалашь укладываться спать, но заснуть не могла долго, хоть и была намучена за день на работѣ.

Она думала объ Андреѣ, о его ласковости.

«Вѣдь вотъ сколько насъ тутъ дѣвокъ, а одну меня отличилъ. Ласковый какой... и нѣ озорникъ»... мелькало у ней въ головѣ и сердце усиленно екало и дѣлалось на немъ тепло. Къ мыслямъ объ Андреѣ присоединялась и радость о томъ, что наконецъ-то завтра она пошлетъ два рубля въ деревню. Однообразное шипѣніе пилы наконецъ усыпило ее.

На другой день письмо было послано. Въ обѣденную пору Андрей явился къ Аринѣ и свелъ ее въ деревню въ почтовую контору, гдѣ и надписалъ на письмѣ адресъ чернилами. На возвратномъ пути, онъ также, какъ и въ первый разъ, когда ходилъ съ Ариной на деревню, забѣжалъ въ мелочную лавочку и купилъ Аринѣ на двѣ копѣйки подсолнуховъ.

— Что больно часто даришь? Бабы ужъ и такъ сожрали меня усмѣшками да пересмѣшками, сказала Арина, принимая гостинцы.

— А тебѣ плевать на нихъ. Пускай смѣются, отвѣчалъ Андрей и прибавилъ:—Грызи, грызи... Это я отъ чистаго сердца. Вечеромъ на свободѣ свою землячку Аграфену попотчуй.

— Слава-то, Андрей Никифоровичъ, про меня не хороша можетъ выдти. Обнесутъ,

— А хоть-бы и обнесли, такъ какая забота? Здѣсь не въ своемъ мѣстѣ, мѣсто вольное. Вотъ кабы въ деревнѣ своей, гдѣ сродственники, а тутъ народъ разный: кто съ бугорковъ, кто съ горокъ.

Подходя къ шалашамъ, Андрей началъ:

— Я даже хотѣлъ тебѣ, Ариша, вотъ что сказать... Чего вы это съ Аграфеной ввязались въ чужую артель? Сами вы боровичскія, а работаете съ демянскими.

Арина рассказала ему, какъ она познакомилась съ демянскими женщинами, и прибавила:

— Ничего... Онѣ женщины хорошія, а только вотъ одно, что пересмѣшницы. Гдѣ-жъ здѣсь боровичскихъ-то найдешь?

— А я то на что? Товарищъ мой Прохоръ ужаси какъ мнѣ надоѣлъ. Главное, что совсѣмъ онъ мнѣ не компанья. Я тверезый человекъ, виномъ балуюсь мало, а онъ день работаетъ да день пьетъ. Вотъ всѣ праздники онъ прогулялъ, сапоги пропилъ да и сегодня ходилъ въ кабакъ, а черезъ это работа стоитъ. А вѣдь работаемъ пополамъ. Ну, какая это работа, какая компанія! А вы вотъ что: ты да Аграфена рассчитайтесь съ демянскими, а я покончу съ Прохоромъ, да и будемъ втроемъ работать.

— Двѣ дѣвки и одинъ парень? Да что ты, Андрей Никифорычъ! замахала руками Арина.

— Чего ты руками-то машешь! Что тутъ худаго? перебилъ ее Андрей.—Вы обѣ работающія, я работающій—смотри-ка, какъ ладно у насъ работа пойдетъ! Втроемъ самое любезное дѣло пилить. Двое у пилы, одинъ при топорѣ и при кладкѣ. Да мы ломъ сло-

маемъ, больше чѣмъ по рублю въ день вышибать будемъ, коли себя не пожалѣемъ... Право-слово! Поговори-ка объ этомъ сегодня съ Аграфеной.

— Нѣтъ, нѣтъ... Меня делянскія бабы смѣхомъ со свѣта сживуть.

— Да что тебѣ ихъ смѣхъ? А ужъ какъ-бы у насъ хозяйство пошло! Харчъ былъ-бы первый сортъ, чайникъ-бы купили, чай пили, уху каждый день хлебали-бы. Я на рыбную ловлю охотникъ первый сортъ, а нѣтъ у меня помощника. Прохора вонъ позовешь рыбу ловить, а онъ въ кабакъ, а то такъ сидитъ у костра и на гармоніи играетъ. Право-слово, Ариша... Подумай объ этомъ и поговори съ Аграфеной.

— Да вѣдь пересуды начнутся.

— Опять пересуды! воскликнулъ Андрей.— Да и какіе могутъ быть пересуды, коли двѣ дѣвки и одинъ парень въ компанію встали. Вотъ кабы ты одна при мнѣ была—ну, тогда сѹмнительно, а то вѣдь ты съ Аграфеной. Поговори съ ней...

Арина потупилась. Ей и хотѣлось соединиться для работы съ Андреемъ и боялась она насмѣшекъ.

— Мнѣ стыдно и говорить съ ней, Андрей Никифоричъ, проговорила она.— Аграфена тоже можетъ Богъ знаетъ что подумать. Она сосѣдская, она десять верстъ отъ насъ по деревнѣ. Пріѣдемъ осенью въ деревню—храни Бегъ что до тятеньки съ маленькой дойдетъ.

— Да что дойти-то можетъ?

— Ахъ, на чужой ротокъ не накинешь платокъ. Мало-ли какіе разговоры могутъ быть!

— Ахъ, чудная ты какая! Вѣдь ужъ въ Питерѣ тебя послали, такъ, знамо дѣло, не въ монастырь. Нельзя-же здѣсь въ Питерѣ при работѣ съ однѣми только бабами да дѣвками вязаться. И шли вы изъ деревни на огородъ въ работу. Да на огородѣ-то на половину-бы съ мужиками пришлось работать.

Арина подумала, что Андрей говоритъ правду, и не возражала.

— Ну, хочешь я самъ объ этомъ поговорю съ Аграфеной? продолжалъ Андрей.—Она навѣрное согласится. Прямой расчетъ.

Арина опять подумала и уже съ улыбкой отвѣчала:

— Ну, поговори. Только ты ей также правильно, какъ и мнѣ.

— Да ужъ я умѣю разговоръ разговаривать.

Они дошли до шалашей. Андрей остановился за полѣнницами, схватилъ Арину за обѣ руки и принялся ихъ раскачивать, говоря съ улыбкой:

— А ужъ какъ ладно заработаемъ-то, коли вмѣстѣ сойдемся—страсть!

Арина не вырывала своихъ рукъ и тоже улыбалась ему. Постоявъ такъ съ минуту, они разстались. Андрей пошелъ къ своимъ полѣнницамъ, а Арина къ товаркамъ. Товарокъ она застала отдыхающими послѣ обѣда. Изъ подъ шалашей торчали только ихъ голыя ноги.

В ПОСЛѢВѢДЕННУЮ пору на берегу рѣки Тосны появился плотный, откормленный человѣкъ съ широкой русой бородой, одѣтый въ синюю чуйку, франтовскіе сапоги съ гармоніей у основанія голенищъ и въ купеческій картузъ. Онъ шнырялъ между полѣнницъ дровъ, подходилъ къ пилившимъ дрова мужикамъ и женщинамъ и, заговаривая съ ними—по какой рядѣ они пилятъ, предлагалъ, не хотятъ-ли идти къ нему на огородъ въ работу. Предлагалъ онъ поденную плату, предлагалъ и помѣсячную. Появленіе этого человѣка тотчасъ-же огласилось среди пильщиковъ и произвело переполохъ. Тѣ изъ пильщиковъ и пильщицъ, къ которымъ онъ еще не подходилъ, бѣжали отыскивать его, дабы повидаться съ нимъ и узнать почемъ онъ рядить. Слухи о рядѣ распространились, разумѣется, преувеличенные. Говорили, что онъ сманиваетъ мужиковъ и по шести гривенъ, а бабъ по полтинѣ въ день и на хозяйскихъ харчахъ. Вѣсти эти дошли и до демянскихъ женщинъ, къ которымъ онъ еще не подходилъ, и нѣкоторыя заговорили, доказывая, что такимъ случаемъ надо воспользоваться. Въ особенности суетились рыжеватая Марья и ея сестра Ульяна, коротенькая и плотная, какъ тумба, женщина, не особенно ревностныя при дровяной работѣ.

— Полтину въ день и на хозяйскихъ харчахъ! Конечно-же надо бѣжать скорѣй къ нему и наниматься, размахивала Марья руками.— Здѣсь-то горбъ гнешь, гнешь, бока-то ломаешь, ломаешь, а по сколько мы вырабатываемъ?! На кругъ-то еле шесть гривенъ въ день придется, да еще кормись на свои. А жизнь собачья... Я вонъ ноги застудила, изъ холодной воды дрова таскавши... Ни у тебя ночлега настоящего, ни пищи. Спимъ хуже псовъ, прости Господи. И сверху-то тебя дождикъ мочить, да и съ боковъ подтекаетъ.

— Что говорить, жизнь каторжная и работа анафемская. На огородѣ жизнь куда лучше и работа легче, поддакивала ея сестра Ульяна.— Теперича ежели на здѣшней работѣ какой-нибудь и перепадетъ лишній пятакъ въ день, то пропади онъ пропадомъ! Лучше-же мы въ теплой избѣ жить будемъ и харчъ настоящій у насъ будетъ.

Онѣ уже хотѣли бѣжать отыскивать огородника, но онѣ самъ подошелъ къ нимъ.

Подойдя къ нимъ, онѣ тронулъ картузь, что обозначало поклонъ, и произнесъ:

— Богъ на помощь. Спины-то, поди, вдосталь раскачали?

— Да, работа не легкая, отвѣчала Анфиса, коловшая дрова, перестала колоть, выпрямилась и бросивъ топоръ, начала поглаживать бока.

— Каковскія будете? Изъ какихъ мѣстовъ?

— Есть демянскія, есть и боровичскія.

— Все равно изъ одной губерніи, изъ Новгород-

ской. Новгородская баба работой славится, новгородская баба ломовая.

— Будешь ломовой, коли хлѣба захочешь. Работаемъ задѣльно, на себя работаемъ.

— Нѣтъ, вообще... даже и при поденной платѣ. Новгородскую бабу мы очень предпочитаемъ. Мы огородники. Огородъ у насъ подѣ Пороховыми... Не хотите-ли ко мнѣ на огородъ порядиться? Сначала гряды копать, потомъ сажать и сѣять, а тамъ полоть и поливать.

Женщины побросали работать и слушали.

— Ну, да ужъ въ огородной работѣ порядокъ извѣстный, заговорили онѣ.

— Работа куда легче здѣшней, продолжалъ огородникъ. — Только развѣ что вотъ гряды копать, а гряды сдѣлають, такъ работа — шаль, хоть для бабышны такъ впору...

— Ну, тоже и съ лейками повозиться во время поливки, коли ежели съ утра да до вечера въ одной рукѣ лейку таскать, а въ другой ведро... возразила Анфиса. — Работала я по огородамъ, знаю...

— Да вѣдь за почесываніе да за ковыряніе въ ноздрѣ, милая, денегъ никто не платитъ, отвѣчалъ огородникъ.

— Это точно, проговорила Марья. — Это что говорить... А почему ряда?

— Поденно ежели, такъ тридцать копѣекъ, помѣсячно — восемь рублей и харчи наши.

— А какъ-же гадять здѣсь, что по полтинѣ въ день нанимаешь? сказала Ульяна.

Огородникъ улыбнулся.

— И не слыхивали о такихъ цѣнахъ.

— Сейчасъ новолодожская баба прибѣгала и ска-
зывала.

— Колоколь гдѣ-нибудь лютъ — вотъ и пусто-
порожній языкочесальный звонъ пускаютъ. А ты
спроси у того, кто нанялся. Правда, поденно не-
особенно идутъ, а помѣсячно, такъ я вотъ ужъ
семь паспортовъ бабьихъ собралъ—и всѣ по вось-
ми рублей.

Огородникъ вытащилъ изъ-за пазухи пачку пас-
портовъ и показалъ ихъ въ удостовѣреніе.

— Конечно, идутъ такія, которымъ надоѣло здѣсь
ломъ-то ломать около дровъ, а захотѣлось при хоро-
шихъ харчахъ въ теплой избѣ ночевать, продолжалъ
огородникъ. — Харчъ у насъ хорошій, два раза въ
день чаемъ поимъ.

— Восемь-то рублей ужъ больно дешево... заго-
ворили женщины. — Вѣдь это меньше чѣмъ по три
гривенника на день, а здѣсь мы ино и по три чет-
вертака въ день вырабатываемъ, да вонъ еще сулятъ
ся прибавить по пятакъ на сажень.

— Вы то рассчитайте, что здѣшняя работа толь-
ко до Петрова дня, а наша огородная работа почи-
тай что до Крестовоздвиженья..

— Передъ Петровымъ-то днемъ всегда можно на
покосъ пойти. По покосамъ-то вонъ, говорятъ, въ
здѣшнихъ мѣстахъ по полтинѣ платятъ, которая ба-
ба съ граблями, а которая ежели косить умѣетъ...

— Поди, повидайся съ полтиной-то въ покосъ...
Сладко поешь, гдѣ-то сядешь. Про такія цѣны и не
записано нигдѣ...—махнулъ рукой огородникъ.—Ну,

да я не неволю. Пять бабъ мнѣ еще требуется. Кто хочеть на работу полегче перейти, тотъ приходи въ трактиръ въ Ивановское и приноси паспортъ. Я черняго парохода буду въ трактирѣ ждаты. Паспортъ передашь мнѣ—милости просимъ. На смѣну паспорта, пожалуй, рубль задатку дамъ, закончилъ огородникъ и медленно зашагалъ отъ полѣнницъ дровъ, поднимаясь вверхъ на берегъ.

— Да вѣдь въ городу-то на огородѣ надо при пропискѣ паспорта рубль больничныхъ отдать!—кричали ему вслѣдъ женщины.

— Мы за городомъ. У насъ прописка точно что требуется, а больничныхъ не берутъ. Думай кто хочеть и приходи въ трактиръ! крикнулъ имъ въ свою очередь съ верха берега огородникъ, обернувшись, и опять зашагалъ.

По уходѣ его демянскія женщины начали обсуждать, какъ имъ быть. Прежде всего онѣ справились у нанявшихся на огородъ сосѣдей по пилкѣ—почемъ тѣ нанялись. Оказалось, что мужикъ нанялся всего одинъ, да и то потому, что былъ съ женой. Нанялся онъ за десять рублей, а бабы подрядились по восьми рублей въ мѣсяцъ. Марья и Ульяна подумали и рѣшили уходить на огородъ. Къ нимъ примкнула и еще одна демянская женщина.

— Прямо отъ собачьей жизни уходимъ, говорила Марья. — Помилуйте, на холоду дрогнешь, подъ дождемъ мокнешь, настоящихъ харчей, что ни работаемъ здѣсь, въ глаза не видали.

— Конечно-же на огородѣ лучше. Все-таки на-

стоящее мѣсто съ пристанищемъ, поддакивала ея сестра Ульяна.

Остальные женщины рѣшили остаться.

— Отъ добра добра не ищутъ, да здѣсь все-таки и выгоднѣе, коли понадсадиться хорошенько, сказала Анфиса.

— Само собой, поддержала ее Фекла.—А что до дождя, то не сахарныя, не растаемъ, да скоро ужъ и тепло начнется.

— Пойдемъ съ нами, Ариша! Пойдемъ, Аграфена! приглашала боровичскихъ дѣвушекъ Марья.— Ну, что вамъ, молоденькимъ, зря на сырой землѣ здѣсь валяться?!

— Нѣтъ, я не пойду. Пришла, такъ ужъ здѣсь и останусь. Народъ галдитъ, что скоро здѣсь за пилку по пятаку на сажень прибавка выдетъ отъ прикащиковъ, отвѣчала Арина.

Марья усмѣхнулась и кивнула ей.

— Ну, да, конечно, оставайся... сказала она.—И я-то дура, что зову тебя. Уйдешь-ли ты отъ своего Андрея! Тебѣ нужно съ нимъ лизаться.

Арина вспыхнула.

— Какъ ты смѣешь, подлая, Андреемъ меня попрекать! закричала она.—Видѣла ты, какъ я съ нимъ лизалась? Видѣла?

— Видать не видала, а ужъ конечно, онъ твой ненаглядный, иначе изъ-за чего-же онъ тебѣ подсолнухи покупаетъ?

Началась перебранка.

Черезъ полчаса три демянскія женщины потребовали расчетъ у Анфисы и стали считать напи-

ленные дрова. Анфиса сходила съ ними на деревню къ прикащику, выручила ихъ паспорта, получила отъ коммисіонера въ счетъ работы три рубля и рассчиталась съ уходящими товарками. Тѣ распрощались со всѣми и отправились въ село въ трактиръ вручать огороднику свои паспорта.

LX.

ПОДЪ ВЕЧЕРЪ, какъ было условлено, къ Аринѣ и ея товаркамъ пришелъ Андрей. Онъ принесъ въ подарокъ пятокъ окуней и три плотички, вздѣтыя на мочалку за жабры и, подавая ихъ Анфисѣ, сказалъ:

— Волей-неволей цѣлый день сегодня рыбу ловлю. Съ товарищемъ Прохоромъ просто сладу нѣтъ. Не работаетъ да и что ты хочешь! А одному какая-же работа съ пилой! Вотъ и вамъ рыбки принесъ. Кушайте съ пріятствомъ.

— Спасибо, спасибо тебѣ, Андрей Никифорицъ, заговорили женщины.

— А за это ужъ Прошку благодарите. Онъ, подлець, причиненъ, что рыбы я днемъ наловилъ.

— Чертить? спросила Анфиса.

— Да цѣлый день въ кабакѣ сидить. Что было изъ одежи—пропилъ, изъ сапогъ въ лапти перерядился, рассказывалъ Андрей и, взглянувъ на Аграфену, сказалъ:—Ну, что-жъ, поѣдьте опять рыбу ловить, дѣвушки. Очень ужъ я разловился. Агра-

фена! собирайся. Лодку обѣщався дать мнѣ дровяной сторожъ Кузьма, надо только пониже дровяной запруды спуститься, да тамъ и ловить. Сѣтку у сосѣдей возьмемъ.

Аграфена посмотрѣла на товарокъ и отвѣчала:

— Другія бабы поѣдутъ, такъ и я поѣду. Отчего не ѣхать.

— Дура-дѣвка, да какъ я еще кого-нибудь въ лодку возьму, коли лодка—челнъ и только двоихъ поднимаетъ.

— Врешь, врешь. Я сама видѣла, какъ Кузьма втроемъ ѣздилъ.

— Да втроемъ-то ужъ еле-еле...

— Ариша поѣдетъ, такъ я пожалуй... сдавалась Аграфена.

— Что тебѣ Ариша! отликнулась Арина.—Мнѣ пока свѣтло, дырья надо на себѣ заштопать, изорвалась я вся.

— Поѣзжай, Груша, съ нимъ одна. Ну что тебѣ?—стали уговаривать ее женщины.—Полови рыбки на артель.

Аграфена поломалась и согласилась, но когда она и Андрей, захвативъ у сосѣдей сѣтку-путаницу, отправились къ лодкѣ, у Арины такъ и екнуло сердце. Хоть и сама она подговорила Андрея, чтобы онъ поговорилъ съ Аграфеной насчетъ того, чтобы ей, Аринѣ, и Аграфенѣ уйти изъ артели Анфисы и соединиться для работы съ Андреемъ, но при мысли, что Андрей будетъ въ лодкѣ наединѣ съ Аграфеной, ревность такъ и заговорила въ ней. Принялась она вдѣвать нитку въ иголку, но нитка не вдѣвалась,

руки тряслись и сама Арина то блѣднѣла, то краснѣла. Наконецъ она не выдержала и побѣжала догонять Андрея и Аграфену. Догнала она ихъ садящихся уже въ лодку.

— Стойте, стойте... И я надумалась вмѣстѣ съ вами! крикнула она имъ.

— Ну, вотъ и ладно, отвѣчалъ Андрей, собравшійся уже отчаливать отъ берега, и попридержалъ лодку, упершись въ водѣ весломъ.—А я ужъ переговорилъ насчетъ того съ Аграфеной-то. Она согласна, коли ежели ты будешь согласна, прибавилъ онъ

— Согласна, Груша? радостно спросила Арина Аграфену, садясь въ лодку, и получивъ утвердительный отвѣтъ, сказала:—Ну, вотъ и ладно. А только и процыганянь-же насъ за это демьянскія бабы!

— Не процыганянь. Настоящія-то цыганки Марья да Ульяна на огородъ ушли, отвѣчала Аграфена.—Теперь некому цыганить. Я вотъ рассказывала Андрею, что отъ насъ три бабы на огородъ ушли, такъ онъ говорить, что черезъ это самое навѣрное завтра прибавку по пятаку съ сажени рабочимъ объявятъ.

— Какъ пить дать объявятъ, подтвердилъ Андрей:—потому на огородъ сегодня человѣкъ пятнадцать ушло, да многіе на кирпичные заводы собираются уходить. Кирпичные заводы теперь заработали, а тамъ вѣдь все-таки легче работать, ну—и суше. Сегодня ужъ кое-кто ходили къ прикащику и просили прибавку. Обѣщаль подумать и поговорить съ комисіонеромъ. Да прибавятъ по пятаку, нельзя

теперь не прибавить, иначе половина народу разбѣжится.

Рыба ловилась плохо. Андрей разъ шесть опускалъ въ воду сѣтку-путаницу, при помощи Аграфены и Арины вытаскивалъ ее, но поймалъ только пару маленькихъ щукъ да нѣсколько уклеекъ. Пробовалъ онъ ловить и на «дорожку», исполосовалъ рѣку взадъ и впередъ, но въ результатѣ была только третья небольшая щука.

— Надо домой вернуться,—рѣшилъ онъ. — На удочку лучше ловится.

Арина и Аграфена не возражали и онъ поѣхалъ сдавать лодку.

Къ шалашамъ подруги возвращались молча. Арина соображала, какъ объявить товаркамъ, что она и Аграфена уходятъ отъ нихъ. Помимо боязни, что женщины попрекнутъ ее Андреемъ, она чувствовала расположеніе къ Анфисѣ за то, что та принимала участіе въ покойной Акулинѣ, когда Акулина была больна, и боялась своимъ уходомъ обидѣть Анфису.

— Вотъ что, Груша, скажи ужъ лучше ты бабамъ, что мы уходимъ, а у меня и языкъ не поворачивается. Право, совѣстно... начала Арина, обращаясь къ товаркѣ.

— Да конечно-же скажу. Какая тутъ совѣсть! Всякій ищетъ какъ ему лучше,—отвѣчала Аграфена.

— Нѣтъ, я тоже и къ тому, дѣвушка, что вѣдь и обидно имъ, что вотъ мы работали-работали вмѣстѣ и вдругъ ни за что, ни про что уходимъ.

— Какъ ни за что, ни про что уходимъ? Да и пута-

ница въ большой артели выходить: однѣ не работаютъ, другія работаютъ, а дѣлжка пополамъ.

Вернувшись къ шалашамъ, Аграфена высыпала передъ Анфисой и Феклой, сидѣвшими около костра, рыбу изъ подола платья и сказала:

— На-те вотъ завтра на хлебово. Завтра похлебаемъ съ вами послѣдній разъ вмѣстѣ, да ужъ и увольте насъ изъ компаніи. Я и Арина уходимъ.

— Какъ уходите? Куда уходите?—воскликнула Анфиса.

— Съ землякомъ Андреемъ вмѣстѣ будемъ работать. Прохоръ теперь пьетъ, Андрей одинъ остался, такъ съ нимъ...

— Ну, что-жъ, скатертью дорога. Насильно милъ не будешь. А только не лучше-ли было-бы Андрея къ намъ въ артель пригласить?

— Не ладно дѣло, Анфисушка, идетъ, когда велика артель. Мы ссориться не будемъ, а разойдемся по хорошему, продолжала Аграфена.—Хозяйство, какое у насъ есть, такъ мы подѣлимъ: у васъ пусть останется котелокъ, а деревянное ведерко съ собой возьмемъ, чашку одну съ блюдечкомъ возьмемъ и двѣ наши ложки. Такъ честь честью и будетъ.

Анфиса взглянула на Арину и спросила:

— И ты, Арина, уходишь?

Арина потупилась и отвернулась.

— Да что-жъ одной-то оставаться безъ землячки!.. Пойду и я, проговорила она тихо.

— Ну, что-жъ, совѣтъ вамъ да любовь съ Андрюшкой, сказала Фекла.

Арина вспыхнула.

— Ты этого, Фекла Степановна, не говори. Никакого тутъ совѣта и любви нѣтъ—вотъ что. Просто уходимъ изъ-за того, что онъ землякъ нашъ.

— Дура дѣвка, да вѣдь съ землякомъ-то совѣтъ да любовь еще лучше водить.

— Ахъ, оставь, пожалуйста!.. Довольно.. Надоѣло.

Остатки вечера Арина и Аграфена провели съ своими демянскими товарками въ натянутыхъ отношеніяхъ. Арина что-то, молча, поштопала около костра, Аграфена вычистила пескомъ и вымыла котелокъ, потомъ выстирала рубаху Андрея, выполоסקала ее, вздернула на шесть, продѣвъ ее въ рукава, и повѣсила на ночь сушиться между двухъ полѣнницъ.

На утро передъ обѣдомъ Арина и Аграфена рассчитались съ Анфисой, пообѣдали вмѣстѣ съ демянскими женщинами и ушли къ Андрею.

— Не забывайте насъ! кричали имъ демянскія женщины.

— Да вѣдь подъ бокомъ у васъ пилить-то будемъ. Заходите и къ намъ, отвѣчала Арина.

LXI.

ОВАЯ маленькая артель, состоящая изъ Андрея, Арины и Аграфены, заработала съ особымъ рвеніемъ. Дрова вытаскивали изъ воды они всѣ вмѣстѣ, пилили ихъ и кололи, мѣняясь въ работѣ. Андрей сложилъ для дѣ-

вушекъ второй шалашъ, тщательно окопаль снизу маленькимъ валомъ, на крышу наложилъ пластины дерну. Дѣвушки сложились и купили желѣзный чайникъ. Работа шла настолько успѣшно, что можно было позволить себѣ нѣкоторую роскошь и пить чай каждый день. Явилось нѣкоторое хозяйство. Около двухъ шалашей (Андрей спалъ въ одномъ шалашѣ, дѣвушки въ другомъ), всегда можно было видѣть деревянное лукошко съ чайными чашками, ведро, котелокъ, чайникъ и прислоненную метлу. Мѣсто около шалашей дѣвушки держали чисто и подметали. Тутъ-же стояли удочки. Артель, отработавшись, каждый день удила рыбу. Рыба попадалась мелкая, но все-таки служила хорошимъ добавленіемъ къ пищѣ. Отъ шалаша къ шалашу была протянута веревка и на ней сушились выстиранные полотенца съ шитыми концами, рубахи. Видна была домовитость. Изъ кумачевой тряпицы отъ старой рваной рубахи Андрей сдѣлалъ даже подобіе флага и воткнулъ его на полѣнницахъ дровъ надъ шалашами. Тутъ-же поставилъ онъ вертушку изъ щепокъ, которая вертѣлась при вѣтрѣ. Погода становилась теплѣе, вешнее солнце пригрѣвало сильнѣе и сильнѣе, по ночамъ все еще было иногда холодно, но утренники были уже слабѣе и забнуть особенно сильно не приходилось. Увеличилась и задѣльная плата. Дня черезъ два послѣ того, какъ огородникъ переманилъ на огородъ человекъ пятнадцать пильщицъ, рабочіе отправились къ прикащику и стали просить прибавки къ задѣльной платѣ. Прикащикъ видѣлъ, что народъ убывалъ съ ра-

боты. Кромѣ огорода рабочіе уходили и на кирпичные заводы, гдѣ уже начиналась работа, такъ какъ земля уже оттаяла и можно было свободно рыть глину. Прикащику ничего не оставалось, какъ прибавить къ задѣльной платѣ за пилку дровъ по пятачку за сажень, что онъ и сдѣлалъ. Выгрузка дровъ осталась въ прежней цѣнѣ. По случаю прибавки, у дровъ среди рабочихъ явилось ликованіе. Мужики запили съ радости и пропили цѣлый день. Тѣ, которые пилили вмѣстѣ съ женами или съ любовницами, подставили своимъ подругамъ подъ глазами синяки. Андрея тоже нѣсколько разъ тянули на деревню въ кабакъ, но онъ не пошелъ съ мужиками. Прибавку-же задѣльной платы все-таки пожелалъ чѣмъ-нибудь отпраздновать—сходилъ на деревню, купилъ пару пива и распилъ ихъ около шалашей съ своими товарками. Арина и Аграфена не могли отказаться отъ пива и выпили по чайной чашкѣ, спрыснувъ прибавку. Теперь уже артель, имѣя собственные, принадлежащіе Андрею пилу и топоръ, получала по тридцати пяти копѣекъ за каждую распиленную сажень дровъ въ три съ половиной аршина длиннику и при неустанной работѣ могла зарабатывать по восьмидесяти копѣекъ въ день. Были дни, когда они считали, что заработали и по рублю.

Андрей, Арина и Аграфена жили согласно, не ссорясь. Андрей по своему ухаживалъ за Ариной, оставаясь съ ней на единѣ пощипывалъ ее, похлопывалъ по плечу и по спинѣ, цѣловалъ иногда, но, какъ сообщала Арина своей товаркѣ Аграфенѣ, «не

озорничаль». Арина, сидя разъ съ нимъ наединѣ, спросила его:

— Ты что-жъ это все ластишься-то ко мнѣ? Свататься будешь, что-ли?

Андрей помолчалъ и отвѣчалъ:

— Дай срокъ до осени дожить. Приѣдемъ въ деревню по осени, поговорю съ стариками, такъ и сватовъ зашлю.

Арина тоже подумала и сказала:

— Сватами послѣ посватаешь, а ты теперь сватай, коли я тебѣ любя.

— Любя-то, любя, ты дѣвка ладная, работающая, да заковычка одна есть.

— Какая такая заковычка? Изъ богатаго дома будешь невѣсту брать, такъ изъ богатаго дома за тебя не отдадутъ, потому вѣдь и вашъ домъ ослабши.

— Другая есть заковычка.

— Врешь. Никакой заковычки быть не можетъ. А коли есть, то говори скорѣй, какая. А то зачѣмъ-же ты меня дразнишь!

— Жребій солдатскій мнѣ въ ноябрѣ вынимать— вотъ въ чемъ заковычка. Двое насъ у отца. Я, да братъ подростокъ. Не выну солдатскаго жребія или освободятъ меня—ну, тогда зашлю сватовъ, а пойду въ солдаты, такъ какое-же сватовство!

Арина задумалась. Глаза ея сдѣлались влажны. Андрей обнялъ ее и спросилъ:

— Неужто я тебѣ такъ любъ?

— Кабы не любъ былъ, такъ и не говорила-бы. А-то вѣдь я безъ стыда, прямо... Ты думаешь, легко это дѣвушка!

Черезъ минуту Арина прибавила:

— Ты все-таки посватайся. Тогда ужъ я тебя женихомъ считать буду.

— Да какъ-жо свататься-то... А вдругъ солдатъ?

— Что-жъ такое? Буду и я солдаткой. Вашему-же дому польза, вамъ-же работницей буду. Тебя дождать въ деревнѣ стану.

— Нѣтъ, Арина, такъ не подходитъ. Не буду я въ домѣ, мои старики съѣдятъ тебя. Да и вернусь-ли изъ солдатчины-то? Не попаду въ солдаты—моя ты желанная и тогда пойдемъ подъ вѣнецъ.

• Арина опять помолчала. Андрей гладилъ ее рукой по спинѣ.

— Оставь. Тогда нечего мнѣ съ тобой и вязаться, отстранила она его руку и отодвинулась.

— Отчего-же не вязаться? Миловаться будемъ по прежнему: Вѣдь ужъ къ Рождеству-то все скажется и будетъ извѣстно. Не попаду въ солдаты—поженимся; попаду—поплачемъ и разойдемся, говорилъ Андрей.

— Шутка до Рождества ждаты и все миловаться! Нѣтъ, надо покончить, отвѣчала Арина.

— А хочешь покончить, такъ стало быть не-любовь я тебѣ.

— Изъ-за того-то и надо покончить, что любовь.

Онъ опять подсѣлъ къ ней. Она обняла его и заплакала.

— Я, Андрей, грѣха боюсь. Все мы вмѣстѣ, вмѣстѣ—вѣдь можетъ и грѣхъ случиться, прошентала она.—А я не хочу такъ-то... Какъ я тогда тятенькѣ.

съ маменькой глаза покажу? Они меня со свѣта живу ть.

Андрей опѣшилъ, опустилъ руки и молчалъ, но черезъ нѣсколько времени сказалъ:

— Ну, грѣхъ случится, такъ тогда прикроемъ. Не погнушаешься солдаткой быть, такъ будь. Одно вотъ: старики мои...

— И отъ стариковъ твоихъ всякую напасть снесу...

— Ну, коли такъ—ладно.

— Сватаешься? весело взглянувъ на Андрея, спросила Арина.

— Да ужъ сватаюсь, сватаюсь—ну, ты въ болото! Экая вѣдь ты дѣвка какая ладная и ласковая. Никакихъ словъ супротивъ тебя говорить невозможно, отвѣчалъ онъ и притянулъ къ себѣ Арину, но тотчасъ встрепенулся и сталъ подниматься съ земли.

Изъ-за полѣнницъ дровъ выходила Аграфена. Она ходила въ мелочную лавочку на деревню и возвращалась съ хлѣбомъ и крупой для варева.

LXII.

АРИНА и Аграфена хотъ и отдѣлились отъ демянскихъ женщинъ, но работали невдалекѣ отъ нихъ и часто видѣлись съ ними. Артель демянскихъ женщинъ еще болѣе убавилась. Послѣ ухода Арины и Аграфены въ артели осталось семь работницъ, но вскорѣ покинула артель и новолодожская Федосья, встрѣтившись со

своими новолодожскими земляками, и принялась работать вмѣстѣ съ ними. Федосья покинула демянскихъ товаровъ изъ-за выгоды. У новолодожскихъ ея земляковъ были свои двѣ пилы и три топора, а при своихъ пилахъ заработка на пяточокъ съ сажени больше. Компания земляковъ состояла изъ двухъ мужчинъ и одной женщины—стало-быть, одна пила была у нихъ свободная. Вслѣдъ за Федосьей отдѣлились отъ демянской артели еще двѣ женщины. Ушли онѣ поссорившись. Анфиса, таская дрова изъ холодной воды, сильно простудилась и у ней сдѣлалась ломота въ ногахъ. Захворавшая Анфиса не могла уже работать такъ, какъ прежде, а между тѣмъ заработка дѣлились поровну по настоянію Феклы. Двѣ женщины изъ артели воспротивились этому, поругались съ Феклой и ушли. На скопленные деньги онѣ купили пилу и топоръ на деревнѣ и стали пилить отдѣльно.

А Анфиса расхварывалась все больше и больше. Были дни, когда она еле могла ходить, до того ослабли ея ноги. Она мазала ихъ керосиномъ съ дегтемъ, выставляла на солнце, но ноги не поправлялись. Въ особенности боли были сильны по ночамъ. Ее то и дѣло била лихорадка. Отъ лихорадки и ломоты лечилъ ее одинъ старикъ-пильщикъ, работавшій тутъ-же на рѣкѣ. Кромѣ натиранія керосиномъ и дегтемъ, старикъ поилъ Анфису настоемъ изъ ивовой коры, которую заваривалъ въ чайникъ какъ чай. Анфиса пила ивовый настой, но безъ пользы. Арина очень часто навѣщала ее, Анфиса вздыхала и говорила:

— Вотъ бѣда-то стряслась! Застудилась и поправиться не могу.

— Въ баньку-бы тебѣ, Анфисушка, гдѣ-нибудь въ деревнѣ попроситься. Баня очень помогаетъ, совѣтовала ей Арина.

— И то ужъ, милая, думаю. А то, вѣришь-ли, моченьки моей нѣтъ. Говорять, въ субботу у лавочника будутъ топить, такъ онъ за гривенникъ пускаетъ попариться.

Пришла суббота. Анфису Фекла сводила въ баню, но съ бани на другой день ей сдѣлалось еще хуже. Хоть и закутали ее на ночь во всѣ имѣвшіеся у женщинъ армяки и полушубки, но ночь ей все-таки пришлось провести на сырой землѣ. Утромъ въ воскресенье она даже почти и подняться не могла. Въ одной ногѣ у ней сдѣлалось нѣчто въ родѣ паралича. Въ общемъ упадокъ силъ былъ полный. Товарки ея не знали, что дѣлать съ ней, и забѣгали по сосѣднимъ пильщикамъ, созывая ихъ на совѣтъ. Вокругъ Анфисы, сидѣвшей на землѣ, прислонившись спиной къ мокрымъ дровамъ, стояли сосѣдніе пильщики и пильщики и разсуждали.

— На деревнѣ ей гдѣ-нибудь квартиру нанять. Отлежится въ теплѣ, такъ, можетъ статья, ей и полегчаетъ, говорилъ косматый мужикъ.

— Ложись въ избу на деревню, поддакивалъ другой широкобородый мужикъ.— Тепло все поправить. А то шутка-ли, здѣсь какое сырое мѣсто!

— Деньги-то, умница, у тебя есть-ли, чтобъ въ избѣ уголь нанять и пропитаться? спрашивала Анфису рябая баба.

Анфиса хотѣла что-то сказать, но только застонала.

— Какія деньги! отвѣчала за нее Фекла.—Больше недѣли уже не работаетъ. Раньше были у ней деньги, да шесть рублей въ деревню послала.

— Ну, заложиться... Есть-ли у тебя, болѣзная, чѣмъ заложиться? приставали къ Анфисѣ другія бабы, но Анфиса только стонала.

— Армякъ есть сермяжный, душегрѣя есть, да вѣдь что за армякъ-то дадутъ! сказала Фекла.

— Все равно, что-нибудь дадутъ. Ей-бы только до избы, да около печки... слышались совѣты.—Продай армякъ и найми ей уголь, товарка. Время къ теплу теперь близится. На что ей армякъ? Армякъ самое лучшее заложить. Будетъ съ нея и душегрѣйки.

— И то развѣ армякъ продать да попытаться нанять ей уголь въ деревнѣ? Кормить-то ужъ какънибудь прокормимъ, товарка вѣдь она наша, да землячка, изъ одного мѣста, отвѣчала Фекла и задумалась.

— Конечно, нанимай уголь въ деревнѣ, подхватили другія демянскія женщины.—А насчетъ хлѣба прокормимъ. Много-ли ей надо! Да и не ѣсть она ничего.

Кто-то подалъ совѣтъ везти Анфису въ больницу. Совѣтъ этотъ поддержали довольно многіе, но Фекла рѣшила нанять Анфисѣ покуда уголь на деревнѣ.

Она отправилась на деревню, обошла нѣсколько избъ но тамъ мужики и бабы, узнавъ что жилица

Больная, окончательно отказывались пустить ее въ избу. Фекла обѣгала всѣ избы и вездѣ получила отказъ. Печальная вернулась она къ своимъ шалапамъ и сказала товаркамъ:

— Дѣлать нечего, придется Анфисушку въ больницу везти. Нигдѣ въ избы больную не хотятъ взять. Ужъ я какъ молила—ни-ни...

Товарки грустно молчали.

Фекла наклонилась къ Анфисѣ и произнесла:

— Анфисушка, не обезсудь, а ужъ надо тебя въ больницу свезти. Живаго мѣстечка я на деревнѣ не пропустила, вездѣ обѣгала, просивши, чтобы тебя пожить пустили,—нигдѣ не пускаютъ. Прости, а ужъ надо въ больницу.

— Охъ, хоть куда хотите ведите, а только-бы въ тепломъ углу отлежаться.

Фекла и другія демянскія женщины начали собираться везти Анфису въ больницу. Онѣ попробовали ее поднять съ земли, но оказалось, что она и стоять на ногахъ не могла, а между тѣмъ до пароходной пристани, откуда на пароходѣ надо везти въ больницу, двѣ версты ходьбы. У демянскихъ женщинъ и руки опустились.

— Что тутъ дѣлать? Какъ она пойдетъ? развѣ дала руками Фекла.

Пришли опять сосѣдніе пильщики и пильщицы и стали совѣтываться что тутъ дѣлать. Одни говорили, что надо нанять на деревнѣ телегу, другіе предлагали нести на рукахъ.

— Дѣло! Понесемъ на рукахъ... Порадѣемъ для товарки. Телѣгу надо нанимать на деревнѣ, а мы

порадѣемъ даромъ. Мы вотъ что... Мы сдѣлаемъ изъ рогожнаго куля носилки и понесемъ! закричалъ Андрей.

Предложеніе было принято. Сейчасъ-же былъ купленъ куль въ лавочкѣ на деревнѣ, въ него продѣли колья, сдѣлали носилки, посадили на нихъ Анфису и понесли на пароходную пристань. Мужики несли Анфису попеременно, а потому сзади носилокъ слѣдовала цѣлая толпа. Сопровождать Анфису въ больницу поѣхали Фекла и Арина.

Анфиса была очень слаба. Сидя на носилкахъ, она стонала и крестилась.

LXIII.

ТОЛКО къ вечеру вернулись изъ больницы на Тосну Арина и Фекла. Вернулись онѣ усталыя, измученныя. Дабы не тратить денегъ на пароходъ, вернулись онѣ изъ больницы пѣшкомъ, пройдя около двадцати версть. Мужики и бабы тотчасъ-же собрались вокругъ нихъ и стали спрашивать о судьбѣ Анфисы. По случаю воскресенья многіе мужики были пьяны, были и подгулявшія женщины.

— Ну, что? Какъ? задавали всѣ вопросы.

— Смучились мы съ ней, совсѣмъ смучились.

Истинно божеское наказаніе! начала Арина.

— Постой, Ариша, я расскажу, перебила ее Фекла.—До того смучились, бабоньки, что даже ужъ

и сами всплакнули не разъ. Сняли ее съ парохода, а больница-то, оказывается, отъ пристани далеко. Идти она не можетъ, подь руки вести тоже нельзя—сами видѣли, какая она, даже переступить ей не въ моготу,—а подводь у пристани нѣтъ. Вѣдь въ селѣ это, а село,—не Питеръ, извозчики на улицѣ не стоятъ. Что тутъ дѣлать? Попробовали ее сначала подь руки волочь—куда!—ноги что твои плети, Арина взяла за ноги, но развѣ такъ далеко пронесешь? И хоть бы намъ носилки-то рогожныя для нея съ собой взять, а то и того нѣтъ. Положили мы ее у пристани на улицѣ, сѣли сами около нея и плачемъ. А народъ сегодня праздничный, пьяный, собрался около насъ да такъ и гудить. Сидимъ, режемъ...

— За-то для Бога поработали. Отъ Бога за это ой-ой какъ воздастся! заговорилъ выпившій мужикъ и заигралъ на гармоніи.

— Постой, Вавило, постой. Дай послушать. Чего ты чудить-то зря! остановили его.—Ну, такъ какъ же, землячки, вы съ ней?

— Пришлось подводу искать, отвѣчала вмѣсто Феклы Арина.—Проревѣлись мы и говоримъ: надо подводу искать. Оставила я съ Анфисушкой Феклу и пошла по дворамъ за подводой. Да вѣдь не везуть... Всѣ гуляютъ... Наконецъ выискался одинъ мужичекъ за два двугривенныхъ...

— Два двугривенныхъ? Матушки! Да вѣдь это больше сажени дровъ надо напилить и расколоть!—воскликнула какая-то баба.

— Ничего не подѣлаешь, дѣвушка... И плачешь

да даешь,—продолжала Арина.—Пріѣхала я съ подводой, положили мы Анфисушку на телѣгу, повезли. Ни сѣнца, ни соломки... Дорога трясушая... Голова у ней о телѣгу стучить... Сама она стонетъ...

— Воздастся...—пьянымъ голосомъ опять прохрипѣлъ мужикъ.

— Брось, Вавило. Ну, чего ты!—снова остановили его.

Продолжала рассказъ ужъ Фекла, перебивъ Арину.

— Веземъ шагомъ, а она-то стонетъ! А мѣсто не близкое... Съ полъ-часа везли. Сердце-такъ и надрывается. «Скоро-ли»? спрашиваемъ. «А вонъ домикъ стоитъ». Привезли — не принимаютъ, мѣстовъ нѣтъ. Ахъ, ты Господи! Опять завыли. А мужика-то съ подводой отпустили, потому думали, что сейчасъ вотъ и примутъ Анфисушку, Лежить это она у насъ около воротъ больницы, а сами мы сидимъ и плачемъ. Вышелъ какой-то баринъ изъ воротъ—мы ему въ ноги. «Нельзя, говорить мѣстовъ нѣтъ». Плачемъ. Какъ ее тащить? Куда? Изъ окошка на насъ смотрятъ. Вышла барыня. Мы ей опять въ ноги... «Такъ и такъ, говоримъ... Явите божескую милость»... Покачала она головой, пожалѣла, ушла. «Сейчасъ, говорить, я спрошу». Плачемъ... Выходятъ два барина и барыня — мы имъ опять въ ноги... Стали они промежь себя разговаривать тихо, спросили паспортъ Анфисинъ посмотрѣли ее, спросили откуда, гдѣ работала. А мы реваемъ.

— Ну, и взяли наконецъ? спрашивали слушавшіе.

— Пстой. Нѣтъ, и на этотъ разъ не взяли, ушли. А мы сидимъ и плачемъ, стала рассказывать Арина.—Сидимъ такъ съ часъ. Выходятъ опять и при нихъ ужъ еще барыня. «Куда-же вы, говорить, ее теперь дѣнете?» А мы и говорить не можемъ. Плачемъ!.. Пошептались они и говорятъ: «ну, говорятъ, тащите ее на дворъ къ крыльцу, гдѣ-нибудь положимъ». Мы имъ опять въ ноги.

— И какъ-же Анфисушка умаялась за дорогу, такъ просто жалость! воскликнула Фекла.—Даже языка лишилась. Мы ей: «ну, прощай, землячка... Дай Богъ тебѣ счастливо»... А она хотѣла что-то сказать, а сама: «мя-мя»... Попрощались мы съ ней, сунули ей по гривеннику на булку и ушли.

— Армяка-то хватить-ли ейнаго, ежели продать? Поди, страсть что издержали? спрашивала Феклу демянская товарка Анфисы.

— Гдѣ хватить! Рубль тридцать пять копѣекъ издержали, а за армякъ ейный никто и рубля не дастъ. Армякъ рваный.

Арина пошла къ своимъ шалашамъ въ сопрожденіи Аграфены.

— А тебѣ, Аринушка, радость. Письмо тебѣ изъ деревни пришло, сказала ей Аграфена.—Андрей ходилъ на почту деньги посылать въ деревню и получилъ.

— Ну?! радостно воскликнула Арина.—Что пишутъ? Вы читали? заговорила она быстро.—Не даромъ-же я, дѣвушка, во снѣ собаку видѣла.—Собака—это всегда къ письму.

— Андрей читаль, да трудно разобрать. Онъ сегодня былъ выпивши немного. Ходилъ на деревню на почту, такъ мужики затащили его въ кабакъ.

— То-то его не видать.

Спать онъ. Отоспится, такъ, можетъ быть, и лучше разбереть.

Андрея онѣ дѣйствительно застали спящимъ. Онъ лежалъ подъ шалашомъ внизъ лицомъ и изъ подъ шалаша торчали его ноги въ новыхъ сапогахъ. Арина не утерпѣла и тотчасъ-же разбудила его.

— Давай скорѣй письмо, Андрюша, давай...

Андрей проснулся, вылѣзъ изъ-подъ шалаша и почесывался. Арина взяла у него письмо, попробовала разбирать писанное, но ничего не разобрала.

— Горе мое, дѣвушка, что вотъ я по писанному читать не могу, сказала она Аграфенѣ.

— Зажигайте костеръ, да кипятите воду для чаю! командовалъ имъ Андрей.—Будемъ пить чай, такъ за чаемъ прочту.—Смерть башка трещить. Авось, хоть чаемъ отопьюсь. Сманили меня мужики въ кабакъ—ну, и выпилъ, прибавилъ онъ, покрутилъ головой, зѣвнулъ и опять повалился на землю внизъ лицомъ.

— Да прочти ты мнѣ письмо-то! крикнула ему Арина.

-- Прочту. Надъ нами не каплетъ. Ладьте чай, а я къ тому времени поотлежусь, пробормоталъ Андрей и сталъ потягиваться.

А БЕРЕГУ весело горѣлъ костеръ, кипятя воду въ желѣзномъ чайникѣ, подвѣшанномъ на трехъ кольяхъ. Около костра сидѣли Арина и Аграфена. Тутъ-же помѣщался на чуркѣ и Андрей. Онъ былъ безъ картуза и съ всключенной головой и все еще не могъ окончательно разгуляться отъ сна и позѣвывалъ. Всѣ приготовлялись читать письмо изъ деревни, которое вертѣла въ рукахъ Арина, жаждавшая съ нетерпѣніемъ узнать, что ей пишутъ отецъ и мать. Наконецъ она не вытерпѣла и крикнула:

— Да читай-же, Андрей, письмо! Ну, что ты идоломъ-то сидишь!

— Дай малость разгуляться, отвѣчалъ Андрей.— Вотъ чашечку чайку выпью, разгуляюсь и прочту. Заварила чай-то — ну, и наливай. Чего его кипятить-то!

Арина налила чашки чаемъ. Андрей выпилъ, опять зѣвнулъ, вздохнулъ и принялся разбирать письмо.

— Первое понятно, а что дальше—разобрать трудно, сказалъ онъ.

— Да ужъ читай. Втроемъ-то какъ-нибудь разберемъ, торопила его Арина.

Андрей прочелъ:

— «Любезной дочери нашей Аринѣ Гавриловнѣ

отъ родителей твоихъ Гаврилы Матвѣича и Анны Савишны... и шлемъ низкій поклонъ и посылаемъ родительское благословеніе на вѣки нерушимое...— вотъ тутъ опять не яственно, пробормоталъ онъ, остановившись.

— Пишутъ-ли, по крайности, что деньги-то отъ меня получили? спрашивала Арина.

— Постой... «А что до телушки»...

— Есть, есть у насъ телушка... подсказала Арина. — Корову послѣ масляной продали, а телушку оставили. То-есть она уже не телушка, а огулявшись, но мы ее такъ только называли. Отелилась она, что-ли? Да нѣтъ, рано ей отелиться. Ей телиться въ концѣ мая.

— «А что до телушки, продолжалъ Андрей и опять остановился.—А что до телушки, то она сказала...

— Кто: сказала? Что ты врешь! Нешто телушка можетъ говорить? улыбнулась Аграфена.

— Чернила-то ужъ такія въ письмѣ, что и самъ писарь по нимъ не разбереть. Слѣпо.

— Ну, гдѣ-же въ деревнѣ лучшихъ-то взять. Слава Богу, что такія есть, оправдывала Арина.

— «Яловая»... прочелъ Андрей и сообразивъ, продолжалъ:—«А что до телушки, то она оказалась яловая»...

— Господи Іисусе! Да какъ-же это могло случиться?! Все говорили, что стельна, стельна — и вдругъ... Что-нибудь да не такъ... проговорила Арина.

— Нѣтъ, такъ... А что до телушки, то оказалась

яловая, и мы ее продали лавочнику... Продали лавочнику и купили»...

— Новую корову купили? удивлялась Арина.— Да на какія деньги имъ купить-то?

— «И купили сѣмена для полосъ»...

— Ахъ, на телушкины деньги купили у лавочника сѣмена. Ну, такъ... А только какъ-же это такъ, телушка-то!..

— Бываетъ... поддакнула Аграфена. — Это отъ злыхъ людей, отъ порчи... Кто-нибудь по злобѣ испортилъ. У насъ у старосты въ прошломъ году тоже корова вотъ такъ-то: думали — стельна, зиму кормили, анъ оказалась яловою. Узнали потомъ, кто и испортилъ. Филиппъ Кривой... Староста у него овецъ за недоимки со двора свелъ, и онъ на него по злобѣ и испортилъ ему корову.

— Кто-бы у насъ-то могъ испортить? Мы живемъ безобидно, не ссоримся... недоумѣвала Арина, покачала головой, слезливо заморгала глазами и прибавила: — Вотъ ужъ подлинно: гдѣ тонко, тамъ и рвется! Ни съ кѣмъ мы, кажись, не ссорились... Ну, годъ! На что имъ теперь корову купить?!

— Ты моли Бога, что хоть съ сѣменами-то они теперь стали, перебила Арину Аграфена.

— Ахъ, дѣвушка! Да вѣдь телушку-то жалко! Ну, читай, Андрей...

— «И посѣялись... но сухо и дождей нѣтъ... такъ что мо... такъ что молоть... Нѣтъ, не молоть... такъ что молебствовать собираемся міромъ»...

— Ну, скажи на милость! Тамъ дождей нѣтъ, а

здѣсь съ одного дожди... сказала Аграфена.—Просушиться не можемъ—вотъ до чего дожди.

— «А за два рубля тебѣ, любезная дочь наша, спасибо»...

— Какъ за два рубля?! Да вѣдь я имъ семь послала! воскликнула Арина.—Сначала два, а потомъ пять...

— Пять-то рублей, должно быть, еще не получили. Далеко вѣдь отъ насъ почта-то, сказалъ Андрей и продолжалъ:—...«дочь наша, спасибо, но этихъ денегъ мало и ты разсорь..! разсорься»... Нѣтъ, не разсорься... «Разсто... разса»... Разсада, что-ли?

— Про капустную разсаду, должно быть, что-нибудь? У насъ дѣйствительно за баней три грядки капусты сажаютъ. Лавочникъ разсаду выведетъ, у него покупаютъ и сажаютъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не разсада... Другое слово, отвѣчалъ Андрей.—«И ты разстарайся»—вотъ что... И ты разстарайся и пришли еще рублейъ восемь»...

— Да откуда-же я ихъ возьму? что здѣсь деньги-то на землѣ валяются, что-ли? обиженно заговорила Арина.

— Да вѣдь не получали они еще пять-то рублей... Получать и удовлетворятся. «Еще рублейъ восемь на корову. Тогда довольно будетъ. А безъ коровы невозможно... А на Пасхѣ у насъ... пьяные... коровы»... Нѣтъ, не коровы... «А на Пасхѣ у насъ пьяные проходили деревней и у сосѣдей ригу зажгли отъ трубокъ, такъ что «наша баня погорѣла»...

— Вотъ насланіе-то! заговорила Арина и заплакала.

Чтеніе письма прервалось. Андрей началъ пить чай. Арина отъ горя не дотрогивалась до чаю. Андрей утѣшалъ ее, говоря:

— Ну, чего ревешь-то? Дѣло Божье... Да и на что имъ лѣтомъ баня? Можно и въ рѣчкѣ помыться, сосѣди въ баньку свою пустятъ, ну, а къ зимѣ, Богъ дастъ, построятся.

Напившись чаю, онъ, хотя съ трудомъ, но дочиталъ и окончаніе письма. Дальше въ письмѣ стояло слѣдующее:

«А насчетъ упокойницы Акулины сообщили въ домъ, что померла. И всѣ очень убивались и плакали, и продали пѣтуха и служили панихиду по ейной душѣ. А ребенокъ ейный здоровъ и просятъ они насчетъ армяка ейнаго и одежды, чтобъ прислали съ оказіей. У нихъ очень голодно въ дому, такъ что еще хуже насъ, а денегъ никто не шлетъ»...

— Свой, что-ли, мнѣ имъ армякъ-то послать? Акулининъ армякъ мы съ демянскими бабами проѣли, говорила Арина.—А изъ платья что-же? Душегрѣя и платьишко при Акулинѣ въ больницѣ остались. Чулки ейные у меня есть шерстяные, но рваные, дыра на дырѣ. Потомъ есть платокъ ситцевый, тоже рваный..

— Поѣдешь въ деревню, сама имъ отдашь. Стоить-ли рвань-то съ оказіей пересылать! Эко, подумаешь, наслѣдство! проговорила Аграфена.

Наконецъ Андрей дочиталъ письмо до конца. Оно кончалось поклонами отъ дальнихъ родственникововъ, поклономъ Аграфенѣ отъ ея матери.

— Жива старуха—ну, слава Богу! воскликнула

Аграфена радостно и перекрестилась.—А ужъ я уѣхала, такъ куда плоха она была. Кашляла и откашляться не могла...—Грудь сдавило. Вотъ тоже ничего не пишеть, а вѣдь я ей четыре рубля послала.

— Сказано, сказано... подхватилъ Андрей. — О деньгахъ сказано: «шлеть родительское благословеніе на вѣки нерушимо и благодарить за деньги»...

Письмо было дочитано, Андрей передалъ его Аринѣ и сказалъ:

— Отоспался я за день-то... Ночью работать буду... Напиленныхъ-то дровъ только не много, чтобы колоть ихъ. Не попилить-ли со мной кто изъ васъ сегодня ночью? спросилъ онъ у дѣвушекъ.

— Я не могу... отвѣчала Арина. — Смучилась я сегодня съ этой Анфисой... Всю душу она у меня вытянула. Да вѣдь и обратно пѣшкомъ шли версть двадцать. Нѣтъ, мнѣ только-бы прикурнуть. Страхъ какъ спать охота.

— Ну, я съ Андреемъ поработаю. Мнѣ спать не больно хочется, вызвалась Аграфена. — Завтра отоплюсь.

Она весело улыбнулась, подмигнула Андрею и прибавила:

— Только ужъ ты за это завтра подсолнухами угости.

— Ну, вотъ... Стоитъ объ этомъ разговаривать! Баранокъ даже завтра къ чаю фунтъ куплю, отвѣчалъ Андрей и сталъ скручивать изъ газетной бумаги махорочную папиросу.

АПИВШИСЬ чаю, Андрей и Аграфена принялись пилить дрова, а Арина, закутавъ голову въ байковый платокъ, а сама завернувшись въ армякъ, полѣзла подъ шалашъ спать. Легла Арина усталая, совершенно измученная, но судьба не послала ей спокойнаго сна. Мѣрное шипѣніе пилы, врѣзывающей въ мокрое дерево, начало уже навѣвать на Арину сонъ, но вдругъ шипѣніе пилы остановилось и Арина услышала веселый говоръ Андрея и Аграфены. До Арины донесся даже смѣхъ Аграфены и выкрикъ ея: «оставь, не балуй!» Арина вздрогнула и стала прислушиваться къ говору, но о чемъ говорили Андрей и Аграфена, разобрать она не могла. Въ сердцѣ Арины мгновенно заговорила ревность, Арина не утерпѣла и вылѣзла изъ-подъ шалаша, дабы посмотрѣть на Аграфену и Андрея. Свѣтъ отъ костра давалъ возможность видѣть все явственно. Аграфена и Андрей стояли другъ противъ друга, держась за концы вѣвшейся въ дерево пилы, и оба улыбались. Андрей что-то шепнулъ Аграфенѣ, Аграфена перегнулась къ Андрею, размахнулась и, шутя, сшибла съ головы его картузь. Замѣтивъ, что Арина выставила изъ-подъ шалаша голову и смотреть на нихъ, Андрей и Аграфена тотчасъ-же перестали разговаривать. Поднявъ картузь, Андрей смущенно спросилъ Арину:

— Чего тебѣ не спится-то? Говорила, что наму-
чилась, а сама не спишь.

Арина не знала, что отвѣтить, хотѣла промол-
чать, но, наконецъ, нашлась и сказала:

— Ноги что-то ломить.

— Это съ устатку. Спи... пробормотала Аграфена.

Аграфена и Андрей опять запилили. Арина спря-
тала голову подъ навѣсъ, но спать уже окончательно
не могла. Сонъ отлетѣлъ отъ нея. Ревность давала
себя знать. Арина опять стала прислушиваться.
Андрей и Аграфена сначала пилили молча, но на-
конецъ Андрей заговорилъ. Что онъ говорилъ, Аринѣ
опять не было слышно: и говоръ былъ тихій, да и
шипѣніе пилы мѣшало. Наконецъ пила, перепиливъ
плаху, умолкла и Аринѣ послышались явственно
слова Андрея:

— Совсѣмъ неутомная. Это вѣдь она меня къ
тебѣ ревнуетъ. Ну, да шутъ съ ней!

Арина вздрогнула и опять выставила изъ-подъ
шалаша голову. Андрей отбрасывалъ въ сторону
отпиленное полѣно, увидалъ ее и опять проговорилъ,
на этотъ разъ уже съ раздраженіемъ въ голосъ:

— Что на тебя нѣтъ угомону!

Арина хотѣла ему сказать какой-то упрекъ, но
вмѣсто упрека съ дрожаніемъ въ голосъ произнесла:

— О покойницѣ Акулинушкѣ раздумалась. Надо
будеть по ней панихиду здѣсь на селѣ отслужить.

— Такъ вѣдь не сейчасъ-же служить панихиду.
Спи, чего голову-то выставляешь!

Пила опять зашипѣла. Арина снова спряталась
подъ шалашомъ и уткнула лицо въ пестрядинную

котомку, замѣняющую ей подушку. Слезы подступали ей къ горлу и душили ее, голову щемило, въ вискахъ бились жилы.

«Господи Боже мой! Неужто онъ мнѣ измѣняетъ?» думалось ей про Андрея... «Да и она-то, она-то, подлячка, съ нимъ заигрываетъ», мелькало у ней въ головѣ, когда она вспомнила, какъ Аграфена сшибла у Андрея картузь. «Надо подсмотрѣть, надо подсмотрѣть», твердила она мысленно.

Арина притворилась спящей, а сама держала ухо на сторожѣ. Пила шипѣла, но среди ея шипѣнья слышался тихій говоръ Андрея и Аграфены. Арина силилась разслышать, что они говорить, но разслышать было невозможно и это ее несказанно мучило. Нѣсколько разъ при остановкѣ шипѣнія пилы, Арина покушалась снова выставить голову, дабы видѣть Андрея и Аграфену, но всякій разъ удерживала себя отъ этого. Губы ея шептали:

— Пускай распутятся, пускай... Пускай подумаютъ, что я уже уснула. Полежу еще...

Такъ прошло съ полчаса. Шипящая пила время отъ времени умолкала, но умолкала все на короткое время. Наконецъ она умолкла на болѣе продолжительное время. Послышался разговоръ Андрея и Аграфены. Слышенъ былъ смѣхъ Аграфены. Арину такъ и тянуло выставить голову, дабы посмотрѣть на нихъ, но она удерживала себя и по прежнему шептала:

— Пускай распутятся, пускай... Подожду еще немножко...

И она ждала; дабы показать Андрею и Аграфенѣ,

что она спитъ, она стала даже притворно храпѣть, но въ это время раздалось громкое хихиканье Аграфены. Арина больше не выдержала и тихо стала выльзать изъ подъ шатра.

При свѣтѣ костра она увидѣла слѣдующую картину: Андрей и Аграфена сидѣли на большой чуркѣ. У ногъ ихъ валялась пила. Андрей въ одной рукѣ держалъ тлѣющую папиросу, а другой обнялъ Аграфену за шею и что-то шепталъ ей. Аграфена сидѣла потупившись и перебирала складки своего платья. Выставившейся изъ подъ шалаша Арины они не видали, а потому и не измѣнили своего положенія. При видѣ такой картины, кровь быстро прилила къ головѣ Арины. Арина хотѣла закричать Андрею и Аграфенѣ какое-то ругательство, но со-владала съ собой, удержалась и продолжала смотрѣть и прислушиваться. Она видѣла, какъ Андрей притянулъ Аграфену къ себѣ и поцѣловалъ.

Аграфена не отбивалась отъ него, а только сказала:

— Смотри... Арина увидитъ...

— Не увидитъ. Дрыхнетъ. Утомилась. А хоть-бы и увидала, такъ плевать... Что мнѣ она? Такая-же, какъ и ты, землячка. Вѣдь не повѣнчавшись я съ ней... довольно громко отвѣчалъ Андрей.

— Не кричи. Чего ты кричишь-то? На ссору тебѣ лѣзть хочется, что-ли?

Аграфена покосилась на шалашъ, но тамъ не видать было Арины. Арина спряталась. Она лежала внизъ лицомъ, уткнувшись въ котомку, и тихо плакала. Слезы такъ и лились изъ ея глазъ и мочили

пестрядь котомки. Проплакала она долго, но выльзть изъ подъ шалаша больше уже не пыталась. Пила долго еще не шипѣла. Арина слышала шаги Андрея и Аграфены, слышала какъ звякнулъ котелокъ около шалаша Андрея, задѣтый чьей-то ногой, слышала тихій говоръ, она понимала, что Андрей и Аграфена куда-то уходили, слышала, какъ они опять вернулись, какъ пила опять зашипѣла—и все это время проплакала тихими, горькими слезами. Наконецъ слезы нѣсколько успокоили Арину, что-то тяжелое постепенно начало откатывать у ней отъ сердца, и она заснула тревожнымъ сномъ.

Когда на утро Арина проснулась, Аграфена лежала рядомъ съ ней подъ шалашомъ, закутанная съ головою въ полушубокъ, и спала. Арина вспомнила, что она видѣла ночью, и сразу вспыхнула ненавистью къ Аграфенѣ.

«Подлая тварь... А еще землячка и товарка приходится!» подумала она про Аграфену и, какъ-бы изъ чувства какой-то гадливости, стараясь не задѣть ее, выльзла изъ-подъ шалаша и въ раздумьѣ сѣла на дровяную чурку.

Голова у Арины была тяжела, ломило въ затылкѣ, стучало въ вискахъ. Хотѣлось плакать, но слезы не шли изъ глазъ.

ОЛГО просидѣла Арина на чуркѣ передь остывшимъ костромъ, пригорюнившись и въ раздумѣ о своемъ положеніи. Она думала объ измѣнѣ Андрея, о коварствѣ своей подруги и землячки Аграфены. Ночное происшествіе не приводило ее въ бѣшенство, но произвело на нее удручающее дѣйствіе. Облегчивъ себя слезами ночью, она теперь уже не плакала, но только грустила. Ей было больно, обидно. Оскорбленное самолюбіе не давала ей покоя.

«И зачѣмъ только я была такая дура, что повѣрила ему»?! нѣсколько разъ повторяла она мысленно, покачивая головой.—«Эхъ, будь при мнѣ покойница Акулинушка—ничего этого не случилось-бы, а вотъ нѣтъ ея и впала я въ проруху. Что тутъ дѣлать? Какъ теперь быть?» задавала она себѣ вопросы—и не находила отвѣта.

Солнце уже поднялось довольно высоко, у сосѣдей повсюду шипѣли пилы и стучали топоры, а Арина все еще сидѣла на чуркѣ, какъ истуканъ. Дровъ за ночь было напилено Андреемъ и Аграфеной много, передь Ариной они валялись горами, Арина должна была начать ихъ раскалывать и укладывать въ полѣнницы, но работа не шла ей на умъ. Явилась какая-то апатія къ труду. Такъ просидѣла она еще въ четверть часа и, немного поуспокоившись, встала.

— Эхъ, завей горе въ веревочку, дѣвушка! Была глупа, неосторожна, такъ и казись. Сама себя раба бьетъ, что худо жнетъ, пробормотала она и хотѣла, по заведенному утреннему порядку, зажечь костеръ; стала уже складывать полѣнья для костра, но взглянувъ на шалаши, изъ-подъ которыхъ торчали ноги Аграфены и Андрея, вздрогнула и разбросала полѣнья, говоря: «Къ чему все это? Зачѣмъ? что я имъ за батрачка такая!»

Чтобы какъ-нибудь убить время, Арина отправилась къ прежнимъ своимъ товаркамъ, демянскимъ женщинамъ. Онѣ уже работали. На горящемъ кострѣ въ котелкѣ кипѣла вода.

— Богъ на помощь, сказала имъ Арина.

— Спасибо, отвѣчали женщины и спросили ее:—
А ты что-жъ не работаешь?

— Андрей и Аграфена пилили въ ночь и теперь спать. Мнѣ нужно-бы колоть дрова, да что-то не можется.

Демянскія женщины взглянули на нее и заговорили:

— Да, да, смотри какая блѣдная, лица на тебѣ нѣтъ. Смотри, дѣвушка, и ты не захворай, какъ Анфиса. Долго-ли до грѣха? Свалиться не долго!

На Арину опять напала грусть и она отвѣчала:

— А свалюсь, такъ туда мнѣ и дорога. Одно только, тятеньку съ маменькой жаль, потому все-таки я имъ помощница.

— Ну, не одни тятенька съ маменькой. Есть еще и третій, кого жаль, улыбнулась Фекла, намекая на Андрея.

Арина вспыхнула. На блѣдныхъ щекахъ выступили багровыя пятна.

— Пожалуйста, Фекла Степановна, не говори мнѣ объ немъ, заговорила она.—Этотъ человекъ плевка не стоитъ, а не токмо что жалѣть его!

— Какъ? Теперь ужъ ругаешь? Вотъ дѣвка-то! То миловалась съ нимъ, а теперь, накося, ругаетъ! Что? Или повздорили? спросила Фекла.

Демянскія женщины побросали работать и въ удивленіи смотрѣли на Арину. Та помедлила, поморгала глазами, подумала, говорить-ли ей или молчать, и отвѣчала:

— Вздорить не вздорила, а просто онъ подлецомъ оказался.

Женщины многозначительно переглянулись и кивнули другъ дружкѣ.

— Съ Грушкой снюхался? задала вопросъ Фекла, и тотчасъ-же прибавила:—Вѣрно.—Видѣли ужъ вотъ наши бабы, какъ онъ съ ней за дровами обнявшись сидѣлъ и пряниками ее потчивалъ, когда мы съ тобой Анфису въ больницу возили. Подлецъ, совсѣмъ подлецъ! Да и кромѣ тебя на него тутъ одна дѣвушка плачется. Крестецкая она. Съ теткой она тутъ. Онъ вонъ тамъ подъ деревней пилать. До тебя-то онъ къ нимъ примазался, съ ними пилилъ, подластился къ дѣвкѣ, а потомъ и въ сторону, съ товарищемъ сталъ пилить.

— И какъ это только дѣвки вѣрятъ! вздыхали демянскія женщины, крутя головами.

Арина заморгала опять глазами, утерла рукавомъ слезы и сказала:

— Бросьте... Не стоитъ объ немъ разговаривать. Надо наплевать. Насильно милъ не будешь. А я вотъ къ вамъ пришла... Не примите-ли вы меня опять въ артель? Уходить мнѣ отъ него надо.

— Что-жъ, приставай... Ты работающая, мы тебѣ всегда рады... заговорили демянскія женщины.— Не слѣдовало только тебѣ отъ насъ раньше-то уходить.

— Да что ужъ объ этомъ говорить! Что сдѣлано, того не воротишь, махнула рукой Арина.— Была моя проруха—за проруху свою и казнюсь.

Когда Арина повѣдала свое горе демянскимъ женщинамъ, на душѣ у ней сдѣлалось легче. Она потолкалась около нихъ и сказала:

— Такъ я ужъ сегодня и къ вамъ... Проснутя вотъ Андрей съ Аграфеной, сведу я съ ними расчеты и приду.

— Приходи, приходи. Будемъ ждать. Пилы у насъ теперь свои, выкупили мы ихъ у прикащика. Войдешь въ долю за пилы, такъ, когда и продавать ихъ будемъ послѣ пилки, съ тобой подѣлимся.

Арина медленно стала уходить, направляясь къ шалашамъ, гдѣ спали Андрей и Аграфена. На сердцѣ у ней было уже совсѣмъ легко. Чувство грусти замѣнилось чувствомъ ненависти къ Андрею и Аграфенѣ.

— «Посмотрю я, какими-то они глазами на меня смотрѣть будутъ, когда проснутя!» думала она.

Когда она подошла къ шалашамъ, Андрей былъ уже вставши, а Аграфена еще спала. Андрей сидѣлъ и почесывался. Голова его была включена. Увидавъ Арину, онъ сказалъ:

— Что бродишь-то?! Я думалъ, что ты и не вѣдь сколько ужъ дровъ наколота и сложила, а ты безъ дѣла слоняешься. Хотя-бы костеръ зажгла, чтобы можно было воду согрѣть для чая, а то и того нѣтъ.

Губы у Арины задрожали и она, сверкнувъ глазами, произнесла:

— Не хочу я больше съ подлецомъ и подлячкой работать. Я, Андрей, сегодня ухожу отъ васъ къ дьянскимъ бабамъ. Сосчитаемъ выставленные дрова и выдѣли меня.

Андрей вскинулъ на нее глаза и улыбнулся.

— Тсъ... Вотъ какъ разговариваешь! Бабы, должно быть, что-нибудь тебѣ наплели? А ты глупыхъ-то разговоровъ поменьше слушай.

— Врешь! Не глупые это разговоры, а истинные! Да и нечего мнѣ чужихъ разговоровъ слушать, коли я сама, сама своими глазами все видѣла! закричала Арина.

— Что видѣла? опять улыбнулся Андрей.

— Все, все видѣла. Вотъ на этой самой чуркѣ... Я не спала... Видѣла, видѣла...

— Да что видѣла-то? Грушку обнималъ? Съ Грушкой шутилъ? Такъ я всѣхъ дѣвокъ и бабъ такъ обнимаю. Такой ужъ у меня характеръ ласковый.

Андрей всталъ и обдернулъ рубаху.

— А ты вотъ что... Ты всю эту глупость-то брось... Что мнѣ такое Грушка? Грушка такъ себѣ землячка, да и дѣвка верченая, а ты моя суженая, высватанная... заговорилъ онъ и сталъ подходить съ улыбками къ Аринѣ.

Арина отшатнулась отъ него какъ ужаленная.

— Прочь, мерзавецъ! взвизгнула она, схватила полѣно и замахнулась.—Подавай расчетъ, а самъ пальцемъ не смѣй меня тронуть!

— Вишь, взбѣлась, дура! А ты выслушай... остановился передъ ней Андрей.

— Ничего я не хочу отъ тебя слушать! Считаю сажени, сходи къ прикащику за расчетомъ и выдѣлай меня.

— Взаправду уходишь? Ну, чертъ съ тобой! Ска-тертью дорога. Только смотри, вернешься назадъ, такъ ужъ я тогда скажу: «отваливай»...

— Считаю дрова! Не желаю я съ тобой больше разговаривать, строго сказала Арина и отбросила отъ себя въ сторону полѣно, которое держала въ рукѣ.

— Дура, совсѣмъ дура, своего расчета не пони-мающая! пробормоталъ Андрей и, взявъ самодѣль-ную сажень, принялся мѣрить распиленные дрова.

Арина стояла отъ него въ отдаленіи и слѣдила за обмѣриваньемъ.

LXVII.

ОСЛѢ полудня Андрей, побывавъ у прика-щика и комисіонера и получивъ изъ кон-торы деньги, выдалъ Аринѣ ея долю за рас-пиленные и сложенные въ полѣнницы дро-ва. Расчитавшись съ ней, онъ сказалъ:

— Коли ужъ по своей волѣ изъ артели бѣжишь,

то надо съ тебя что-нибудь и за пилу и за топоръ получить. Ты вѣдь моей пилой и моимъ топоромъ дрова-то пилила.

Арина вспыхнула.

— А коли съ меня за пилу и за топоръ, то подай мнѣ и за стирку твоихъ рубахъ и подвертокъ, заговорила она.—Что я тебѣ за батрачка, что даромъ на тебя работала?! Я и стряпушничала, я и стирала, мыло на свои деньги покупала, дырья на тебѣ штопала.

— Врешь. Стирала и стряпушничала вы вмѣстѣ съ Грушкой. Ну, да не хочешь отдавать за инструментъ честь честью, такъ чортъ съ тобой. А что до стирки, то ты на меня стирала, а я тебѣ письма въ деревню писалъ. Сунься-ка письмо-то написать къ грамотѣю—никто меньше гривенника не возьметъ, а я тебѣ два письма писалъ.

— За письма твои тебѣ моя доля отъ ведра остается. Ведро я пополамъ съ Грушкой покупала, уполовникъ на свои деньги покупала. Четыре копѣйки за него дала. Чашка для хлеба наполовину моя.

— Подавись своимъ уполовникомъ. Можешь его взять.

— И возьму. Однако моимъ-то уполовникомъ ты все-таки черпалъ изъ котелка въ чашицу.

Арина быстро начала собираться, взяла свою котомку, сапоги, уполовникъ, ложку деревянную, чашку чайную. Съ Аграфеной она почти не разговаривала, да и Аграфена какъ-то совѣстилась смотрѣть ей прямо въ глаза и сторонилась отъ нея, прячась

за полѣнницами. Однако, когда Арина, забравъ свои вещи стала уходить, Аграфена крикнула ей изъ-за дровъ:

— Отдай Андрею мои ножницы и мотокъ нитокъ.

— Давно твои паршивыя ножницы въ лукошко выкинула. Тамъ и нитки лежатъ, отвѣчала Арина. — Мнѣ чужаго не надо. Не воровка я.

— Нѣтъ, вѣдь я только къ тому, что вѣдь ты въ послѣдній разъ ножницы брала, когда Андрею волосы подстригала, такъ чтобъ какъ-нибудь не забыла-бы.

— Въ лукошкѣ они. Въ лучшемъ видѣ можешь зарѣзаться ими, когда Андрей тебя также, какъ и меня, надуетъ.

Аграфена промолчала. Арина быстро уходила.

— Что-жъ ты честь честью проститься не хочешь? крикнулъ ей вслѣдъ Андрей.

— Съ подлецами я не прощаюсь!

— Однако, все-таки товарищи, хлѣбъ вмѣстѣ ѣли.

— Не товарищи, а мерзавцы—вотъ вы кто.

Къ демянскимъ женщинамъ Арина пришла въ то время, когда онѣ поднимались послѣ послѣобѣденнаго отдыха.

— Ёла-ли ты что-нибудь сегодня послѣ переполоха-то? спросила ее Фекла.

— Къ куску не прикоснулась. Дайте хлѣбца пожевать.

— Похлебай вонъ кашицы. Мы тебѣ кашицы оставили.

Арина присѣла къ котелку и стала ѣсть холод-

ную кашу. Теперь, когда она покончила съ Андреемъ и Аграфеной, на душѣ у ней сдѣлалось легче, но она была усталая, измученная, чувствовала слабость. Поѣвъ каши, она сказала:

— Я ужь, дѣвушки, завтра начну работать, а сегодня прилечь надо да соснуть. Я вѣдь всю ночь не спала. Ноженьки насилу ходятъ. А за хлѣбъ вашъ съ сегодня съ меня считайте.

— Ладно, ладно. Конечно-же сосни, заговорили женщины.

И Арина водворилась опять въ средѣ демянскихъ женщинъ, но работа шла не такъ успѣшно, какъ съ Андреемъ и Аграфеной. Андрей былъ, что называется, работникъ-ломъ, работа въ рукахъ его такъ и кипѣла, онъ воодушевлялъ Арину и Аграфену, которыя тоже были молодыя и работающія, здѣсь-же Аринѣ пришлось работать вмѣстѣ съ пожилыми уже женщинами. Феклѣ было за сорокъ лѣтъ, одна демянская женщина страдала ломотою въ плечахъ, да и сама Арина послѣ передраги каждый день чувствовала, что ей не по себѣ. Она похудѣла, осунулась и очень уставала. Три рабочихъ дня показали Аринѣ, что заработка ихъ артели сравнительно съ зароботкой, которую она имѣла, когда работала въ артели съ Андреемъ и Аграфеной, дала по пятнадцатинному на человѣка меньше, хотя работать было удобнѣе: дни становились теплѣе, ночи свѣтлѣе и не приходилось уже коченѣть подъ утро отъ холодныхъ утренниковъ, какъ прежде. Прежде уходило много времени на то, пока поутру согрѣются отъ ночнаго холода у костра и придуть въ себя, но те-

перь можно было уже сразу приступить къ работѣ, но все-таки дѣло спорилось хуже, чѣмъ раньше въ артели Андрея.

Андрей и Аграфена по прежнему работали на берегу, становище ихъ было вблизи отъ демянскихъ женщинъ, но Арина какъ-то рѣдко видѣла Андрея и Аграфену. Дабы идти Андрею и Аграфенѣ въ мелочную лавочку на деревню, нужно было проходить мимо шалашей демянскихъ женщинъ, но Андрей и Аграфена какъ-то обходили это мѣсто и дѣлали крюкъ. Въ ту-же сторону, гдѣ работалъ Андрей, избѣгала ходить Арина. Раза три пришлось ей встрѣтиться съ нимъ на деревнѣ, но она юркнула въ сторону и прошла мимо избъ на зады. Слышно было, впрочемъ, что Андрей и Аграфена жили не особенно ладно. Демянскія женщины разнюхали, что Андрей пилъ и два раза колотилъ Аграфену, что Аграфена ходитъ съ синякомъ подъ глазомъ.

Такъ дѣло шло до половины мая. Демянскія женщины и Арина ходили въ праздникъ въ больницу навѣщать больную Анфису и носили ей ситника въ гостинець. Анфиса не поправлялась. Ноги ея, какъ и раньше, продолжали быть парализованы отъ ревматизма. Она съ трудомъ сидѣла на койкѣ, высохла какъ скелетъ и даже говорила невнятно. Сидѣлка сказала женщинамъ, что докторъ объявилъ ей, что Анфисѣ трудно поправиться и что по всѣмъ вѣроятіямъ, она скоро умретъ.

— Написать деревенскимъ-то твоимъ, что ты вотъ хвораешь? Написать, что ты въ больницѣ-то, что-ли? спрашивала Анфису Фекла.

Анфиса вскинула на нее угасающій взоръ и прошептала:

— Напиши...

Женщины печально покачали головами, простились съ ней и ушли.

LXVIII.

АСТУПИЛО лучшее время для сѣверной полосы Россіи — начались свѣтлыя, бѣлыя ночи, правда, все еще по временамъ прохладныя, но уже позволяющія спать спокойно. Дни были уже совсѣмъ теплые. Природа вся распустилась и благоухала. Ароматомъ дышали деревья съ молодой свѣтлозеленой листвою, появилась сочная трава на лугахъ. Пильщики набили себѣ мѣшки травой и уже спали на хорошей подстилкѣ. Житье подъ открытымъ небомъ дѣлалось сносно, огни въ кострахъ на ночь уже не поддерживались и ихъ оставляли потухать. Въ одеждѣ пильщиковъ появилась нѣкоторая перемѣна къ лучшему. То тамъ, то сямъ мелькали новые ситцевые платки на головахъ бабъ, у мужиковъ виднѣлись свѣжія ситцевыя рубахи. Лица рабочихъ, выдержавшихъ крутую пору ранней холодной весны, сдѣлались веселѣе, но были и такіе, которыхъ сломили весенніе холода. Лихорадка и ломота дали себя знать. Хворые рабочіе мазали пораженные ломотой мѣста керосиномъ, пили отъ лихорадки водку, настоенную на ивовой корѣ,

отварь изъ ивовой коры, но это помогало мало. Хворь, разумѣется, мѣшала имъ успѣшно работать. Желтые, изнуренные, они то и дѣло бросали пилить и колоть дрова и присаживались у костровъ или на солнечномъ припекѣ, дабы переждать приступы лихорадки и ломоты. Такіе больные составляли, разумѣется, бремя для артелей, въ которыхъ они работали, и артели отъ нихъ старались отдѣлаться, съ ними ссорились. Двѣ-три такія больныя бабы, заручившись кой-какимъ заработкомъ, побрели въ Петербургъ искать работы на огородахъ, считая огородную работу болѣе легкою. Одна баба поѣхала на пароходѣ тоже въ Петербургъ прямо для того, чтобы лечь въ больницу. Было время и въ артели, гдѣ работала Арина. Расхворалась Фекла и ее цѣлые дни трясла лихорадка, страдала ломотой въ ногахъ и еще одна женщина, то и дѣло бросавшая работу, чтобы присѣсть, отдохнуть, погладить болѣвшія ноги, а артель состояла всего изъ пяти женщинъ. Хорошихъ работницъ въ артели было только три, работа не спорилась и, вслѣдствіе этого, заработокъ, дѣлящійся поровну, уменьшился. Артель не могла выработать уже и по полтиннику, какъ три здоровыя женщины ни надсажались на работѣ. Арина очень объ этомъ горевала, плакались на свою судьбу и здоровыя демянскія женщины. Одна изъ нихъ, Марфа, предложила Аринѣ даже уйти отъ больныхъ и работать отдѣльно, ее поддержала и другая демянская женщина Устинья.

— Право, уйдемъ на новое мѣсто пилить. Чего тутъ? Ихъ двѣ больныхъ есть — пусть онѣ двѣ боль-

ныя вмѣстѣ и пилятъ, а мы трое будемъ отдѣльно пилить. Больная съ больной, а адоровыя съ здоровыми. А то что это такое! Мы ломъ ломаемъ, а онѣ сидятъ и хохлятся, говорила Марфа.

Арина подумала и отвѣчала:

— Нѣтъ, дѣвушка, не говори этаго... Не по-божески это. Да онѣ скоро и поправятся.

— Гдѣ поправятся! Все расхварываются и расхварываются. Съ какой стати намъ черезъ нихъ въ работѣ себя обижать?!

— Да конечно-же отдѣлимся отъ нихъ, прибавляла къ словамъ Марфы Устинья. — Больныя тоже будутъ работать, а только меньше зарабатывать станутъ. А намъ зачѣмъ-же ихъ награждать? Небось, не помрутъ съ голоду и безъ насъ.

— Погодимъ, Устинька, еще денекъ, другой. Право, онѣ поправятся, стояла на своемъ Арина.

Марфа и Устинья подождали еще день, работали не охотно и, наконецъ, порѣшили вдвоемъ отдѣлиться отъ артели, ежели Арина не отдѣлится, о чемъ заявили и больнымъ товаркамъ. Арина, убѣжденная доводоми, что больныя все-таки не умрутъ съ голоду, ибо все-таки понемногу будутъ работать, тоже, скрѣпя сердце, хотѣла отдѣлиться съ Марфой и Устиньей, но, при расчетѣ, Фекла до того горько заплакала, что Арина не вытерпѣла и, сама заплакавъ, сказала Марфѣ и Устиньѣ:

— Нѣтъ, не пойду я. Уходите вы вдвоемъ, а я останусь съ Феклушей. Она и къ моей покойной Акулинушкѣ была сердечна, когда та хворала, съ

ней мы и Анфисушку вмѣстѣ свезли въ больницу, такъ какъ-же я ее-то покину?

— Да мы Феклу Степановну не покинемъ, мы рядомъ будемъ работать, а только отдѣльнымъ кустомъ, и коли ежели она очень расхворается, то мы всегда около нея походить можемъ, доказывала Марфа.

— Нѣтъ, нѣтъ. Я остаюсь, рѣшила Арина.

Фекла бросилась ее обнимать и плакала отъ благодарности.

Марфа и Устинья отдѣлились вдвоемъ отъ артели.

Арина осталась работать съ больными и заработокъ умалился до тридцати копѣекъ въ день, хотя больныя женщины надсаживались на работѣ даже черезъ силу. Видя все это, онѣ ужъ и сами стали уговаривать Арину, чтобы она уходила къ Марфѣ и Устиньѣ.

— Уходи, милушка, Богъ съ тобой... Довольно ужъ ты поработала на насъ, а то право и насъ-то совѣсть беретъ, что ты изъ-за насъ страдаешь. Уходи, — говорили онѣ.

— Нѣтъ, не пойду. Поправляйтесь пока, стояла на своемъ Арина.

— Такъ ужъ бери отъ насъ хоть по гривеннику за наше ослабленіе. По гривенничку въ день мы тебѣ отъ нашей зарплаты отдавать будемъ. Все-таки у тебя будетъ полтина въ день, ну а мы, больныя, съ двугривеннымъ останемся. Чего тутъ! Бери! Мы и на двугривенный прокормимся. Ты больше работаешь, тебѣ и большая зарплата.

На это предложеніе, послѣ долгихъ настаиваній со стороны больныхъ, Арина согласилась.

Такъ проработали онѣ еще нѣсколько дней. По утрамъ и по вечерамъ къ нимъ приходили Марфа и Устинья спровѣдать больныхъ и хвастались, что выработываютъ по восьми гривенъ. По вечерамъ Марфа и Устинья приходили съ своимъ чаемъ и сахаромъ и поили больныхъ и Арину; разъ принесли два фунта баранокъ, другой разъ ситнику. Очевидно, что онѣ хоть и отдѣлились отъ больныхъ, но совѣсть ихъ была неспокойна, и онѣ хоть чѣмъ-нибудь старались утѣшить ихъ. Однажды онѣ пришли вечеромъ раньше обыкновеннаго, были сильно взволнованы и объявили, что Анфиса въ больницѣ умерла. Вѣсть эту принесъ имъ мужикъ, зарубившій себѣ топоромъ руку и ходившій въ больницу къ доктору и справлявшійся объ Анфисѣ.

— Не выжила-таки, голубушка! воскликнула Фекла, заплакала и стала креститься, говоря:— Царство небесное ея душечкѣ, покой ей вѣчный, голубушкѣ...

Крестилась набожно и Арина, крестились и другія женщины. Арина, всхлипывая, бормотада:

— Панихидку... непременно надо панихидку отслужить... Вотъ по Акулинушкѣ да по Анфисушкѣ вмѣстѣ и отслужимъ. Тяжелый камень у меня на сердцѣ лежитъ, что я по Акулинушкѣ до сихъ поръ панихидки не отслужила. Она, голубушка, то и дѣло мнѣ по ночамъ снится и словно просить, чтобы я по ней панихидку отслужила.

— Отслужимъ, отслужимъ, въ воскресенье-же отслужимъ, поддержали Арину Марфа и Устинья.

— Да, да... Сложимся по гривеннику и отслужимъ. Нельзя безъ панихидки, товарки вѣдь мы

тоже покойницѣ были, подхватила Фекла, все еще плача.

При больныхъ разстроенныхъ нервахъ — она долго плакала.

LXIX.

А УТРО Марфа и Устинья собрались въ больницу, проститься съ покойницей Анфисой. Когда онѣ, отправляясь въ путь, зашли по дорогѣ къ шалашамъ Феклы и Арины, къ нимъ захотѣла присоединиться и Арина.

— Пойду и я съ ними, Фекла Степановна, сказала она Феклѣ.—Надо сходить проститься съ Анфишкой. Вѣдь сколько горя-то мыкали вмѣстѣ!

— Да конечно-же сходи. И мы-бы пошли, да вотъ хворость-то меня и землячку одолѣла, кивнула Фекла на желтую, испитую отъ лихорадки и ломоты товарку.—На вотъ отъ насъ на свѣчку... Свѣчку въ церкви поставишь за упокой, прибавила она, подавая Аринѣ три копѣйки.

Арина быстро накинула на голову новый ситцевый платокъ, приобретенный ею съ недѣлю назадъ на деревнѣ у прохожаго торговца-татарина, и отправилась вмѣстѣ съ Марфой и Устиньей въ путь.

Вышли женщины рано утромъ, въ больницу пришли часамъ къ одиннадцати, но тамъ имъ сказали, что Анфиса ужъ отвезена въ сельскую церковь, что сегодня ее хоронятъ на сельскомъ кладбищѣ. Въ

церковь пришлось идти обратно. Такъ какъ было уже поздно и женщины боялись, что обѣдня отойдетъ и Анфиса будетъ похоронена безъ нихъ, то онѣ пустились бѣжать до церкви. Войдя въ церковь усталыя, запыхавшіяся, онѣ все-таки застали отпѣванье. Анфиса лежала въ дощатомъ некрашенномъ гробѣ съ вѣнчикомъ на лбу. Когда-то широколицая, она до того осунулась, что ее узнать было трудно. Толстый ея носъ, луковицей, заострился, выдвинулся впередъ подбородокъ, на глазахъ лежали двѣ мѣдныя монеты, очевидно остатокъ ея расходныхъ денегъ, оставленныхъ ей товарками. Арина заглянула ей въ лицо и ужаснулась.

— Дѣвушки, да она-ли это? съ сомнѣніемъ обратилась Арина къ Марфѣ и Устинѣ.

— Она, она. Вонъ и колечко ейное мѣдное на рукѣ. Мѣдное, такъ не сняли.

— Да вѣдь такія мѣдныя колечки у многихъ есть. Право, какъ будто не она, твердила Арина и тогда только перестала сомнѣваться, когда священникъ отпѣлъ Анфису.

Отпѣваніе кончилось, женщины простились съ покойницей, крышка гроба забита двумя гвоздями и два мужика потащили гробъ на кладбище. Женщины бросились помогать имъ.

— Вы знакомыя ейныя, землячки? спрашивали женщинъ мужики.

— Землячки, землячки, голубчикъ.

— Ну, такъ съ васъ на вино надо, на поминовеніе души. И такъ ужъ отъ больницы даромъ хоронять.

— Дадимъ, дадимъ вамъ по пятакъ, отвѣчали женщины.

Вотъ и могила. Въ нее опустили гробъ. Женщины бросили на крышку его по комку мокрой земли. Марфа расчувствовалась, завyla и начала причитать. Ей вторила Устинья.

— Охъ, болѣзная! Охъ, сердечная! На чужой сторонѣ скончалась безъ сродственничковъ и чужіе люди глазоньки тебѣ твои закрыли... Охъ, безталанная! Некому будетъ и на могилку-то твою въ родительскую субботку придти... слышались ихъ голоса.

Плакала вмѣстѣ съ ними навзрыдь и Арина.

Похоронивъ Анфису, женщины только часамъ къ шести вечера вернулись къ своимъ шалашамъ на Тосну.

— Ну, что, простились съ Анфисушкой? Когда хоронить-то ее будутъ? встрѣтила ихъ Фекла.

— Да ужъ похоронили, сегодня похоронили. Къ самымъ похоронамъ мы и пришли. Еще-бы чуточку промедлили, такъ, пожалуй-бы, и не застали, а тутъ все честь честью,—какъ слѣдуетъ и попрощались съ ней, и поголосили надъ ней, и землицы на гробикъ бросили, отвѣчала Марфа.

— Скажи на милость, какъ вы ловко потрафили. Хорошо, что такъ привелъ Господь... Ну, а теперь помянуть покойницу надо. Бѣгите-ка за овсяной мукой въ лавку на деревню, а я къ ужину қисель заквашу—вотъ и помянемъ, вызвалась Фекла, ковыляя на больныхъ ногахъ около костра, на которомъ уже кипятилось въ котелкѣ какое-то хлебово.

Но ходившія на похороны женщины были до

того уставши, что стали просить сходить за овсяной мукой одну изъ сосѣдокъ по шалашамъ, а сами растянулись на землѣ и лежали.

— Хотѣла въ ночь работать, колоть дрова, чтобы наверстать прогуль-то свой сегодняшній, а кажется ужъ будетъ не въ моготу, проговорила Арина, потягиваясь и позѣвывая.

— Какая ужъ сегодня работа! отвѣчала Марфа.— Только бы похлебать, да и на бокъ. Ноги-то словно колоды у меня. А насчетъ наверстки—въ воскресенье на работу поналечь можемъ.

— Въ воскресенье, дѣвушки, вѣдь мы хотѣли панихидку по Акулинушкѣ и Анфисушкѣ въ здѣшней деревенской церкви отслужить, сказала Арина.

— Ну, такъ что-жъ изъ этого? Послѣ обѣдни отслужимъ, а потомъ, отдохнувъ, и понавалимся на пилю...

Изъ принесенной овсяной муки Фекла сдѣлала нѣчто въ родѣ киселя. Разумѣется, мѣсиво закинуть не могло, но Фекла все-таки сварила его и женщины ѣли. Помянуть киселемъ Фекла пригласила и сосѣдей, знавшихъ Анфису. Кромѣ киселя, у Феклы была и бутылка водки, за которой она распорядилась послать вмѣстѣ съ овсяной мукой. Водку дѣлили, наливая по половинѣ чайной чашки. Ее пили всѣ женщины, не исключая и Арины. Принимая въ руки чашку, каждая крестилась, говорила «упокой, Боже, рабу Твою Анфису», выпивала водку, морщилась и закусывала ложкой овсянаго киселя.

Такимъ образомъ по Анфисѣ были справлены и

поминки. Фекла была очень довольна этимъ и, укладываясь спать подъ шалашъ, сегодня какъ-то меньше кряхтѣла и охала, и говорила Аринѣ:

— Все-таки, дѣвушка, честь-честью все по Анфисушкѣ справили. Вотъ и помянули какъ слѣдуетъ, а черезъ это и душенькѣ-то ейной на томъ свѣтѣ будетъ легче.

— Само собой, отвѣчала ей Арина, натягивая на голову свой армякъ и собираясь ложиться тоже на покой.

LXX.

ВЪ ПЕРВОЕ-ЖЕ воскресенье Арина и демянскія женщины служили въ складчину въ мѣстной деревенской церкви панихиду по Акулинѣ и Анфисѣ. На панихиду приплелись и больныя—Фекла и Гликерія. Гликерія еле передвигала ноги, опираясь на палку. Лихорадочная Фекла пришла въ полушубкѣ, хотя день былъ теплый и солнце свѣтило во всю. Идя въ церковь, больныя женщины останавливались раза два отдыхать и садились. Тоже было и на возвратномъ пути. Феклу, кромѣ лихорадки, одолѣвала и одышка.

— Нѣтъ, ужъ видно намъ не поправиться съ тобой, Гликерьюшка, говорила она своей больной товаркѣ.—Протянемъ и мы ноги. Придется и по насѣ Аринѣ съ Марфуткой панихиду служить.

— Эко мелево! Мели, Емеля—твоя недѣля, утѣ-

шала ее Арина.—То-есть, такъ-то еще поправишь-ся, что въ лучшемъ видѣ. Теперь пошли дни теплые.

— Однако, вотъ не поправляемся, а все хуже и хуже, кряхтѣла Гликерья.—Я такъ даже прямо изъ кулька въ рогожку: сначала у меня ноженьки ныли только до колѣна, а ужъ теперь и вверхъ пошло. Вотъ тебѣ и теплые дни! Нѣтъ, ужъ намъ коли есть какая поправка, то поклониться заработкамъ и ѣхать къ себѣ въ деревню, а тамъ ложиться на печь и околѣвать съ голоду.

— Ужъ и съ голоду околѣвать! опять возражала Арина. — Шестъ рублей у тебя есть принакоплено, семь рублей своимъ въ деревню послала, платишко ситцевое здѣсь себѣ справила, рубль съ лишнимъ послѣ завтра отъ прикащика получишь...

— Эхъ, милая! Большія деньги шесть рублей, что говорить, коли-бы я могла въ деревню-то пѣшкомъ идти, а то вѣдь вонъ я какая—еле до церкви доковыляла. А вѣдь до деревни-то ѣхать, такъ изъ шести-то рублей надо больше половины на чутунку издержать.

— Поѣду, Аришенька, и я въ деревню на поправку—мочи моей нѣтъ, рѣшила Фекла.—Должно быть ужъ мы не въ часъ въ Питерь пришли, что-ли!

— Какое не въ часъ! возразила Марфа.—Просто тебя и Гликерию кто-нибудь сглазилъ здѣсь. Все говорили про васъ: вотъ ломовыя бабы, вотъ работающія! Вотъ тебѣ и работающія! Право-слово — сглазили.

— Да кому сглазить, Марфуша? Вѣдь это надо, чтобы по злобѣ.

— А хоть-бы тотъ-же Андрей. Чего парень къ намъ тогда привязался?

— Не къ намъ онъ, милая, привязался, а дѣвка ему понравилась. Изъ-за Ариши онъ.

— А коли ежели ему Арина такъ нравилась, то не промѣняль-бы онъ ее на Аграфену.

При упоминаніи объ Андреѣ Арина вспыхнула и сказала:

— Да полноте вамъ объ этомъ разговаривать. Бросьте!

— Просто ему артель захотѣлось разстроить, этому Андрюшкѣ—вотъ онъ и разстроилъ, продолжала Марфа.—Мы врознь, вы отдѣльно, Аграфена въ сторону, двѣ изъ нашихъ на огородъ пошли, а ему этого только и надо было, чтобы артель повредить. Злой человекъ видитъ согласіе — его и мутить. У него глаза воровскіе.

Арина поднялась съ земли.

— Ну, отдохнули и будетъ, проговорила она, чтобы прервать разговоръ объ Андреѣ.—Пойдемте къ шалапамъ. Обѣдать надо.

Кряхтя и охая стали подниматься Фекла и Гликерія и стали продолжать путь, но идти было имъ трудно, до того трудно, что когда онѣ выбрались на берегъ Тосны,—а до шалашей было еще болѣе версты,—то онѣ попросили у стоявшихъ у берега на баркѣ рабочихъ лодку, дабы доѣхать до мѣста своей стоянки.

Послѣ незамысловатаго обѣда изъ хлеба съ картошкой и кускомъ солонины ради праздника, больныя женщины окончательно рѣшили ѣхать до-

мой въ деревню и назначили даже день отъѣзда послѣ завтра, о чемъ объявили и Аринѣ.

— А ты, милушка, отъ больныхъ освободишься и приставай къ здоровымъ, ступай работать съ Марфушей и Устей, сказала ей Фекла.

— Нѣтъ, я безъ васъ здѣсь не останусь. Я уйду въ Питеръ и буду на огородѣ мѣста искать, отвѣчала Арина.

— Что такъ?

— Надоѣло мнѣ здѣшнее мѣсто. Глаза-бы не глядѣли... И давно-бы я отсюда ушла, да изъ-за Анфисушки, да изъ-за тебя, Фекла Степановна, оставалась, а Анфисушка померла, ты уходишь—ну, и я ухожу. Провались эти мѣста, опостылѣли онѣ мнѣ.

— Изъ-за Андрюшки? полюбопытствовала Фекла.

— Да что все изъ-за Андрюшки, да изъ-за Андрюшки! Плевать мнѣ на Андрюшку! Изъ-за себя опостылѣли... Сама была глупа. Не будь сама глупа—и Андрюшка-бы ничего не подѣлала! воскликнула Арина, стала кусать губы и расплакалась.

— Полно, дѣвушка, плакать. Не ты одна глупа, а всѣ дѣвки на чужой сторонѣ глупы. На чужой сторонѣ уберечься трудно, утѣшала Арину Фекла.

Потолковавъ еще немного, Фекла и Гликерія вытащили изъ шалашей свои мѣшки съ травой и легли отдыхать на солнышкѣ, а Арина присѣла на чурку и стала смотрѣть на воду. На водѣ играла рыба, дѣлая широкіе круги, вдали кто-то наигрывалъ на гармоніи и тянулъ какую-то грустную ноту. Грустная нота задѣла Арину за сердце, и она опять всплакнула, но, наконецъ, утерла слезы, полѣзла въ кар-

манъ платья, нашла тамъ горсточку подсолнуховъ и принялась ихъ грызть. Когда подсолнухи были съѣдены, Арина заѣла какую-то пѣсню, но пѣсня не пѣлась. Аринѣ вспомнилась родная деревня, отецъ, мать, братишка маленькій, сестренка.

«Что-то они теперь подѣлываютъ? Какъ-то они? Поправились-ли?» мелькало у ней въ головѣ—и къ горлу опять стали подступать слезы.

Вдругъ Арина за собой услышала шаги и чей-то мужской голосъ говорилъ:

— Вотъ тутъ спроси... Вотъ тутъ демянскія платья и промежь ихъ есть одна боровичская.

Арина быстро обернулась и вздрогнула. Передъ ней стоялъ мужикъ въ розовой ситцевой рубахѣ, безъ картуза, безъ опояски, и указывалъ на нее, Арину, а за мужикомъ стояла блѣдная, исхудалая Акулина съ сапогами, перекинутыми черезъ плечо, и опиравшаяся на палку. Вздрогнувъ, Арина тотчасъ-же оправилась и стала вглядываться въ Акулину—она, Акулина. Въ довершеніе всего Акулина заговорила:

— Аришенька, душечка, наконецъ-то...

Услыша голосъ Акулины, Арина взвизгнула и закрыла лицо руками.

— Да что ты, ангелка? Чего ты?... продолжала Акулина.

— Не подходи, не подходи! Святъ! Святъ! Наше мѣсто свято! пронзительно кричала Арина, вскочивъ съ чурки и прижимаясь къ полѣнницѣ дровъ.

— Да чего ты, глухая! Здравствуй!

— Феклуша! Фекла Степановна! Гликерьюшка! Помогите!

Фекла и Гликерія, спавшія тутъ-же, проснулись отъ крику, сидѣли на подстилкахъ, заспанными глазами вглядывались въ Акулину и недоумѣвали.

Гликерія крестилась.

— Здравствуйте, Фекла Степановна здравствуй, голубушка... говорила Акулина.

Фекла первая пришла въ себя.

— Господи Іисусе! Да неужели это ты, Акулинушка? Вѣдь ты умерла...

— Умирала, милая, совсѣмъ умирала, сама не чаяла, что жива буду, лежала безъ памяти, да, вотъ, поправилась и ужъ съ недѣлю какъ вышла изъ больницы. Аришенька! Да подойди-жъ ты ко мнѣ. Чего ты боишься? обратилась Акулина опять къ Аринѣ.

Но тутъ Арина опять взвизгнула, на этотъ разъ уже не отъ испуга, а отъ радости, и со словами: «живая, совсѣмъ живая» — бросилась къ Акулинѣ на грудь и заплакала.

Фекла и Гликерія сидѣли на подстилкахъ и продолжали креститься.

— Вотъ оказія-то... Живая, совсѣмъ живая, а мы по ней панихиду служили... удивленно бормотала Фекла.

Гликерія, молча, покачивала головой.

КАКЪ только женщины пришли въ себя отъ испуга и удивленія при видѣ Акулины, сейчасъ-же принялись ее спрашивать, какъ могло случиться, что она оказалась въ живыхъ, и при этомъ рассказали ей, какъ онѣ наводили о ней справку въ больницѣ, какъ толстый человѣкъ въ конторѣ сказалъ имъ, что она, Акулина, умерла и похоронена на Преображенскомъ кладбищѣ.

— Помилуйте, дѣвушки, и не думала умирать, очень спокойно отвѣчала Акулина.

— Странно. Съ чего-же это онъ сказалъ-то? пожимали плечами женщины.

— Да ужъ не иначе какъ съ пьяна что-нибудь перепуталъ, опять дала отвѣтъ Акулина.

— Трезвый, трезвый былъ, подхватила Арина.— А только сильно заспавшись. Со сна мы его подняли и онъ долго въ книгу глядѣлъ.

— Ну, такъ съ просонья это случилось. Съ просонья, вы сами знаете, иногда человѣкъ бываетъ совсѣмъ ополоумѣвши. Иной разъ глядишь, видишь— и не понимаешь, что видишь.

— Какъ-же ты узнала, что мы здѣсь на Тоснѣ дрова пилимъ? допытывалась у Акулины Арина.

— А отъ Надюшки нашей боровичской. Она два раза приходила ко мнѣ съ огорода Ардальона Сер-

гѣва, и я вотъ у ней была, какъ изъ больницы-то вышла. И, дѣвушки, какъ она живетъ! Безъ варенья и чай пить не садится. Каждый день ситный пирогъ про себя стряпаеть. Въ конецъ забрала въ руки Ардальона Сергѣева.

Разсказывая это съ нѣкоторымъ воодушевленіемъ, Акулина остановилась и схватила за грудь. У ней была одышка.

— Все еще грудь нудить послѣ болѣзни-то, сказала она.

— А ты не торопись, ты потихоньку... посоветовала ей Фекла.—Бѣда съ болѣзнью-то. Захвораетъ въ минуту, а на поправку-то и мѣсяца мало. Я и Гликерія тоже вотъ расхлябались. У ней ноги, а меня лихорадка треплетъ неудержимо. Ты потихоньку...

— И то надо потихоньку... согласилась Акулина и стала разсказывать.—Около шести недѣль, милыя мои, вѣдь я въ больницѣ-то вылежала. А только все это напрасно про больницу говорятъ, что тамъ въ кипятокъ сажаютъ. Рай красный тамъ жить—вотъ какъ хорошо. Докторъ этотъ самый, мужчина хоть и строгій, но такой добрый, сидѣлки — ничего, тоже ласковыя. Одно только—пищи этой самой въ уменьшеніи, а ѣсть-то хочется. Какъ выздаравливать стала—страхъ хотѣлось, а не даютъ. И какъ мнѣ капустки кисленькой или клюковки хотѣлось, такъ просто ужаси, словно вотъ при беременности. Былъ гривенничекъ, просила послать купить — ни Боже мой. Да ужъ Надюшка пришла меня навѣстить, а я ей и говорю: «принеси, милая, капустки квашеной

мнѣ поѣсть». Ну, принесла въ синей бумагѣ. Ужь и поѣла-же я въ сласть! И хорошо таково сдѣлалось на нутрѣ, такъ что ужь изъ больницы на утро хотѣла проситься, а вдругъ къ вечеру хуже, опять разгасилась, что было—не помню, и три недѣли еще пролежала. Да... Шесть недѣль. И во все время только одна Надюшка пришла навѣстить. А ужь какъ-же мнѣ горько было, дѣвушки, что вы-то меня забыли.

— Странная ты какая, Акулинушка, да вѣдь мы думали, что ты померши, перебили ее женщины.— Арина даже и въ деревню о тебѣ твоимъ писала, что ты померши, и пришелъ отвѣтъ, что по тебѣ тамъ панихидку служили. Пишутъ, чтобы одежду твою и сапоги прислали имъ съ оказіей.

— Отвѣтъ былъ? быстро спросила Акулина.— Господи Иисусе! А я ужь недѣли двѣ тому назадъ имъ черезъ сидѣлку Марью Ивановну писала изъ больницы—и мнѣ отвѣта никакого. Ну, что мой голубчикъ Спиридоша живъ-ли?

— Живъ, живъ, отвѣтила Арина.

— Ну, слава тебѣ Господи, слава тебѣ Господи!

Акулина стала креститься, верхняя губа ея затряслась, глаза заморгали и она заплакала.

— Чего-жъ ты реवेशь-то? Чего? Вѣдь живъ!— утѣшали ее женщины.

— Живъ-то живъ, да не красна, я думаю, жизнь-то. Вѣдь ни копѣчки я имъ въ деревню послать не могла изъ-за моей болѣзни.

— Ты благодари святителей, что сама-то цѣла осталась. Ты какъ добралась-то сюда? Вишь, дро-

жишь даже вся. Неужто пѣшкомъ? спросила Арина Акулину.

— Нѣтъ, душечка, разорилась, на пароходѣ приѣхала. Сорокъ копѣекъ за пароходъ взяли, ни што, ни ѣдено. Мнѣ Надюшка рубль-цѣлковый взаймы дала. Гдѣ пѣшкомъ! Я и отъ парохода-то сюда шла, такъ три раза по дорогѣ присаживалась.

Фекла взглянула на держащуюся за грудь Акулину и, подмигнувъ Гликеріи, сказала:

— Вотъ теперь насъ три калѣки.

— Поправитесь, сказала имъ Арина.

— То-то думаю, что поправлюсь на работѣ. Теперь дни теплые, отвѣчала Акулина.—Хотя докторъ нашъ, выписывая меня изъ больницы, сказалъ: «а работу теперь ужъ брось и поѣзжай къ себѣ въ деревню». Чудаки эти доктора, право... Какъ работу бросить, какъ въ деревню ѣхать, коли ни копѣйки еще своимъ не послано?

— Мы вотъ тоже думаемъ послѣ-завтра ѣхать къ себѣ въ деревню. Здѣсь намъ не поправиться, сказала, кряхтя, Гликерія.

— Вы дѣло десятое, умницы, вы поработали и, поди, въ деревню послали, а я-то, грѣшная, ни копѣчки...

— Пошлешь еще... Теперь не ранняя весна, работы повсюду достаточно, сказала ей въ утѣшеніе Арина и стала варить воду на кострѣ, дабы приготовить чай по случаю прибытія гости.

Къ чаю пришли и Марфа съ Устиньей.

Напившись чаю, Акулина прилегла въ тѣни около шатра, а Арина сѣла около нея.

— Здѣсь и намъ нечего оставаться, Акулинушка, здѣсь работа трудная и тебѣ не подѣ силу, сказала она Акулинѣ. — Здоровому человѣку здѣсь работа на отличку, а больному человѣку только одно умаленіе. Пойдемъ искать работы въ другое мѣсто.

— Нѣтъ, нѣтъ. Что ты говоришь! Я тутъ попробую... Я здорова, совсѣмъ здорова, упрямылась Акулина.—Одно вотъ только, что грудь нудить.

— Ну, вотъ изъ-за груди-то и нужно ночевать въ избѣ, а не въ сырости по землѣ цѣлыя ночи валяться.

— Полно, полно, дѣвушка. Теперь ночи теплыя, люди говорятъ, скоро Константина и Елены будутъ—огурцы сажать время. Вотъ завтра и примусь за работу...

Арина не возражала, хотя по тяжелому дыханію и слабости голоса Акулины ясно видѣла, что Акулина долго еще не работница. Разговаривая такимъ манеромъ, Арина сообщила ей о своемъ житѣи бытѣи на берегу Тосны, о томъ какъ онѣ сначала работали большой артелью, а потомъ подѣлились, но объ Андреѣ и своемъ знакомствѣ съ нимъ и ссорѣ умолчала. Слушая ее, Акулина стала дремать и заснула.

LXXII.

А ДРУГОЙ день, въ понедѣльникъ, Фекла и Гликерія окончательно рѣшили отправиться къ себѣ въ деревню на поправку и просили у Арины сдѣлать расчетъ работы. Уходить онѣ положили во вторникъ, утромъ.

Арина начала вымѣривать распиленные дрова, сдала ихъ прикащику, взяла отъ него записку, сходила съ запиской въ контору къ комиссіонеру и получила деньги, которыми и рассчиталась съ товарками. Тѣ, какъ обѣщали, отдѣлили ей отъ заработка каждаго дня по гривеннику. Въ расчетахъ этихъ прошло полъ-дня. Акулина стряпала обѣдъ. Послѣ обѣда Фекла и Гликерія ходили по берегу и прощались съ знакомыми пильщиками. Зашли онѣ и къ Андрею. Андрей не работаль, былъ съ похмѣлья, сидѣль одинъ около дровъ и пицаль на гармоніи.

— Уходите? Нажились? Ну, скатертью вамъ дорога. Кланяйтесь нашимъ, когда увидите своихъ, сказалъ онъ съ прибаутками.

— Какая нажива, милый! Только-бы привелъ Богъ добраться. Отъ болѣзни уходимъ, отвѣчали женщины.

— Все-таки, поди, новые ситцы и платки везете.

— Да полно шутки-то шутить. Прощай... Счастливо тебѣ оставаться.

— Постой... Такъ не прощаются. У меня и вино при себѣ есть. Вотъ выпейте-ка по полъ-чашечки на отвальную. Безъ отвальной нельзя. Да и я съ вами за компанію ковырну.

Андрей досталь изъ шалаша бутылку съ остатками водки, чайную чашку и сталъ наливать. Женщины не могли отказать ему и выпили по полъ-чашкѣ.

— А гдѣ-же у тебя Грушка-то? спросили онѣ про землячку Арины.

— Грушка? По морозцу спустилъ. Шальная дѣвка... Нѣтъ возможности... Изожрала меня совсѣмъ. Нешто я могу отшельникомъ жить? Я завсегда въ компаніи... Къ бабамъ ко всякимъ ласковъ, ну, черезъ это и драка. Дрались, дрались и прогналъ. Теперь она у сосѣдей, туда вверхъ по рѣкѣ, около прикащицкой квартиры работаетъ.

— Экій ты какой парень безпокойный! покачала головой Фекла.

— Да ужъ какой есть. Я ласковый, а только съумѣй мнѣ потрафлять. Грушка не захотѣла потрафлять, на ссору лѣзла,—ну, и спустилъ. А пуще изъ-за сердца и изъ-за тоски спустилъ. Я по Аринѣ скучаю.

— Ну?! Экая ты переметная сума! То къ одной, то къ другой...

— Конечно, самъ виновать, пробаловаль, а къ Аришкѣ у меня любовь, даже пронзительность. Вы поговорите ей, чтобы она ко мнѣ вернулась. Все старое забудемъ и опять дѣло на ладь пойдетъ.

— Что ты! Что ты! При ней теперь пестунья... Акулина явилась. Ты ужъ не подступайся, а то она и тебѣ и ей глаза выцарапаетъ.

— Какъ Акулина?! Это изъ Федосѣева-то Акулина? Да вѣдь она, сказывали, померши!—въ удивленіи воскликнулъ Андрей.

— И не думала помирать. Все это наврали,—отвѣчала Гликерія и рассказала исторію со смертью Акулины.

Андрей чесалъ затылокъ.

— Вотъ-те клюква! А я, право слово, хотѣлъ Аришку къ себѣ переманить.

— Нѣтъ, ужъ ты теперь это оставь, брось. Да и Ариша про тебя слышать не можетъ. Опостылѣлъ ты ей такъ, что, когда заговорять о тебѣ, у ней пѣна у рта...

Женщины распрощались съ Андреемъ и ушли. Къ Аграфенѣ онѣ уже не заходили. Та работала далеко, а ноги больныхъ женщинъ и такъ уже еле бродили.

Арина, оставшись съ Акулиной одна, попробовала вмѣстѣ съ ней попилить. Акулина принялась за работу съ рвеніемъ, но работа эта была ей, еще слабой отъ болѣзни, не подъ силу. Дѣло шло хуже, чѣмъ съ Феклой и Гликеріей. Пила застревала и не двигалась, Акулина силилась и не могла ее вытаскивать, потъ съ Акулины лилъ градомъ, она тяжело дышала и то и дѣло просилась отдохнуть. Арина покачивала головой.

— Чего ты головой-то качаешь? Дай попривыкнуть и дѣло пойдетъ какъ по маслу, съ упрекомъ сказала ей Акулина.—Съ непривычки, знамо дѣло, трудно.

Попробовала она колоть дрова, но колоть уже окончательно не могла, сѣла на чурку и заплакала.

— Чего ты, Акулинушка? Что съ тобой?—участливо бросилась къ ней Арина.

— Да плачу изъ-за того, что не работница я.

— Ну, полно, не плачь. Мы уйдемъ отсюда, пойдемъ другую работу искать. Не реви... Наплюй... На

харчи намъ обѣимъ пока у меня хватить, наработано есть достаточно.

Но Акулина продолжала плакать.

Утромъ во вторникъ Фекла и Гликерія, надѣвъ котомки, отправились къ себѣ въ деревню. Дабы сэкономить проѣздъ, онѣ не поѣхали на пароходѣ до Петербурга, чтобы сѣсть тамъ на желѣзную дорогу, а рѣшили ѣхать домой съ промежуточной Колпинской станціи, отстоявшей отъ мѣста ихъ работы въ двѣнадцать верстахъ, и побрели туда пѣшкомъ.

— Ну, пять разъ по дорогѣ отдохнемъ, десять, а все-таки ежели до Колпина идти, то намъ, почитай, полтора рубля выгоды будетъ, на обѣихъ-то ежели считать,—говорила Фекла.

Вышли женщины рано утромъ, опираясь на палки и сильно ковыляя.

Арина и Акулина, проводивъ ихъ до шоссеиной дороги, опять принялись за пилку дровъ, такъ какъ Акулина убѣдительно просила Арину попробовать еще попилить, увѣряя, что она сегодня ужъ здорова. Началась пилка. Акулина выбилась изъ силъ, но дѣло на ладъ не шло. Измученная, усталая, она сѣла отдохнуть и печально покачала головой. Арина смотрѣла на нее и говорила:

— Вишь, какъ запыхалась. Семь потовъ съ тебя льеть. Трудная вѣдь это работа, совсѣмъ трудная, не для больныхъ она, а и здоровому-то только впору.

Акулина помолчала и отвѣтила:

— Дѣйствительно, Аришенька, пойдемъ искать другой работы. Не въ моготу она мнѣ.

— Конечно-же пойдёмъ. Заберемъ котелокъ, ложки, чашки, ведро и пойдёмъ на пароходъ въ Питеръ. Хозяйство-то это можетъ еще и въ Питерѣ пригодиться, а нѣтъ, такъ продадимъ его тамъ. Здѣсь теперь все это продать некому. Много рабочихъ ужъ ушло съ пилки: кто на другую работу, кто домой. Сегодня пойдёмъ?

— Пойдёмъ сегодня, милая.

— Ну, вотъ и чудесно. Надо только на почту передъ уходомъ сходить и узнать, нѣтъ-ли мнѣ письма изъ деревни. Съ прикащикомъ за работу тоже нечего рассчитывать. Вчера ужъ рассчиталась. Такъ я пойду на почту-то.

— Иди, умница, иди, а я малость прилягу тѣмъ временемъ. Очень ужъ я намучилась.

— Ну, вотъ видишь, какая ты хвораая. Гдѣ-же тебѣ ломовую работу работать, — сказала Акулиниѣ Арина, съ сожалѣніемъ и любовью смотря на нее.

Акулина не возражала и кряхтя стала укладываться около шатра. Арина накинула на голову платокъ и отправилась въ деревню на почту.

LXXIII.

ПРАВЛЯЯСЬ на почту, Арина словно чувствовала, что ей будетъ письмо. На почтѣ дѣйствительно было письмо на ея имя изъ деревни. Въ радости схватила она его и выбжала изъ почтовой конторы на улицу. Горя нетерпѣніемъ поскорѣе узнать содержаніе пись-

ма, здѣсь она сѣла на скамеечку около первой попавшейся крестьянской избы, быстро разорвала конвертъ и принялась разбирать письмо, но письмо опять было такъ плохо написано, такими блѣдными чернилами, что Арина, и безъ того «плохо разбирающая по писанному», какъ она выражалась, ничего прочитать не могла.

«Надо будетъ на рѣчкѣ среди сосѣдей какого-нибудь грамотѣя поискать и попросить его прочесть», рѣшила она и, спрятавъ письмо за пазуху, отправилась обратно къ Акулинѣ.

Ей пришлось проходить мимо кабака. Вдругъ она увидѣла Андрея. Онъ стоялъ на крыльцѣ кабака съ гармоніей въ рукахъ и что-то попискивалъ на ней. Андрей былъ полупьянъ, въ опоркахъ на босую ногу, въ картузѣ, надѣтомъ козырькомъ на бокъ. Завидя Андрея, Арина вздрогнула, вся какъ-то съежилась и отвернулась, чтобы онъ ее не замѣтилъ, но Андрей замѣтилъ и даже окликнулъ ее.

— А! Ариша—живая душа на костыляхъ! раздался его голосъ.

Арину даже всю покорило. Не оборачиваясь, она ускорила шагъ.

— Здравствуй, Арина Гавриловна! Что больно спѣсива! повторилъ Андрей окликъ.

Арина не отвѣчала и продолжала путь. Андрей не отставалъ, онъ шелъ сзади, она слышала его шаги.

— Арина! зачѣмъ такъ строго? Миловались, миловались и вдругъ поздороваться не хочешь! окликалъ онъ ее еще разъ и поровнялся съ ней.

Она сдѣлала движеніе въ сторону и, стараясь не смотрѣть на него, сказала:

— Пожалуйста, не приставай. Иди своей дорогой.

— Наше направленіе тоже, что и ваше. На одномъ берегу стоимъ. А только зачѣмъ такъ строго? Протяните прежде ручку.

Арина остановилась.

— Или ты иди впередъ, или я пойду впередъ, произнесла она.

— Это зачѣмъ-же? Я желаю рядышкомъ...

Арина повернула назадъ. Андрей пошелъ за ней.

— Да есть-ли у тебя совѣсть-то? Ну, что ты пристаешь, коли съ тобой разговаривать не желаютъ?..

Андрей сдался.

— Ну, иди куда шла. Иди впередъ, а я пойду сзади.

— Не желаю я, чтобы ты и сзади шелъ.

— Не имѣешь права дорогу запретить. Дорога про всѣхъ. Я къ своему шалашу иду...

Арина опять повернула и почти бѣгомъ направилась къ рѣкѣ. Андрей шелъ сзади молча, но черезъ нѣсколько времени проговорилъ:

— Черезъ тебя и гуляю. По тебѣ стосковался.

Слова остались безъ отвѣта.

— Переменяй гнѣвъ на милость. Удостой словечкомъ, продолжалъ Андрей, но Арина упорно молчала. — Слышь, Ариша, забудь старое, иди ко мнѣ опять и заживемъ по прежнему. Грушки ужъ при мнѣ нѣтъ, произнесъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

Арина быстро обернулась и, сжавъ кулаки, сверкнула глазами.

— Да замолчишь-ли ты, гадина! крикнула она и тотчасъ-же опять пошла ускореннымъ шагомъ.

— Вотъ теперь говоришь, что гадина, а когда-то миловалась, говорила, что лучше Андрея и человѣка нѣтъ, не отставалъ Андрей.

— Пока не знала, какой ты на свѣтѣ подлець есть, бросила ему отвѣтъ Арина.

— Да чѣмъ подлець? Чѣмъ? Что я съ другой дѣвчонкой-то пошутилъ? И на старуху бываетъ проруха.

— Иди ты прочь, подлець, не приставай!

Опять Андрей пошелъ за Ариной молча, но черезъ нѣсколько времени снова прервалъ молчаніе.

— Эхъ, вы, дѣвки! Черти вы, а не дѣвки! Дьяволы! сказалъ онъ.—Мнѣ бабы сказывали, что пестунья-то твоя, Акулина, изъ мертвыхъ воскресла и къ тебѣ пришла, такъ хочешь, я къ вамъ приду и при ней тебя сватать буду? тихо спросилъ онъ.

При этихъ словахъ, какъ стрѣлой кольнуло Арину. Она затряслась всѣмъ тѣломъ, опустилась на траву берега, закрыла лицо руками и горько заплакала. Андрей стоялъ передъ ней въ недоумѣніи и говорилъ:

— Ну, чего ты ревешь-то коровой? Чего? Что я тебѣ сдѣлалъ? Какое такое озорничество?

— Да ужъ не срами ты меня хоть передъ Акулинушкой-то, коли она ничего не знаетъ; брось ты меня, оставь, забудь, наплюй. Ну, какая тебѣ поль-

за будетъ, что ты ославишь меня передъ ней?—выговорила она сквозь слезы.

— Вотъ дура-то! Да вѣдь я сватать хочу. При пестунѣ ужъ твердо будетъ.

— Никогда она пестунѣй моею не была. Просто она мнѣ землячка и ничего больше, но не срами ты меня передъ ней, Христа ради. Честью тебя прошу. Пожалѣй ты меня. Вѣдь есть-же на тебѣ крестъ-то!

— Странная дѣвка... Пойми ты, что я проруху свою загладить хочу,—произнесъ Андрей.

— Ничего мнѣ не надо, ничего... Только оставь ты меня, пренебреги и молчи.

— Чудачка... Да вѣдь у меня тоже совѣсть... Все думается, что такъ оставить нельзя—вотъ я и хочу придти и честь-честью высватать передъ землячкой.

Андрей умолкъ. Арина сидѣла на травѣ и продолжала плакать. Андрей постоялъ надъ ней, отошелъ на нѣсколько шаговъ, положилъ гармонию на землю и сталъ скручивать папироску. На деревню по берегу шли два полупьяные пильщика, разговаривали и восторженно ругались. Арина отвернулась отъ нихъ и стала утирать заплаканные глаза рукавомъ. Пильщики, поровнявшись съ Андреемъ, крикнули ему:

— Андрюша! Чего ты назадъ-то прешь? А мы за тобой... Пойдемъ... Вышьемъ...

Арина видѣла, какъ Андрей присоединился къ ихъ компани и пошелъ съ ними обратно на де-

ревню. Черезъ нѣсколько времени она издали услышала его голосъ, напѣвающій подъ гармонію:

«Заиграй гармонь моя,
«Послѣдній день гуляю я.
«Гармонь нова въ три баса
«Играеть разны голоса»...

Утеревъ слезы и посидѣвъ еще немного на травѣ, Арина, не желая показаться Акулинѣ съ заплаканными глазами, умылась въ рѣкѣ, утерлась юбкой и тихо направилась къ своимъ шалапамъ.

«Господи Боже мой, что-же это будетъ, ежели этотъ Андрей придетъ ко мнѣ при Акулинушкѣ и начнетъ опять къ себѣ звать! Вѣдь тогда я поневолѣ должна буду рассказать ей все. Какими я на нее глазами послѣ этого смотрѣть буду?!» думала Арина, идя по дорогѣ, и эта мысль приводила ее въ дрожь. «Нѣтъ, нужно уйти отсюда, скорѣй уйти, какъ можно скорѣй», рѣшила она, подходя къ шалапамъ

LXXIV.

АКУЛИНУ Арина застала съ топоромъ въ рукѣ, стоящей около груды дровъ. Потъ съ Акулины лилъ градомъ.

— Все еще колотъ дрова пробую, но не могу—силушки нѣтъ, сказала она.—Еще потоньше какое полѣшко расколю, а ужъ какъ потолще—и не могу.

— Да нечего и пробовать. Все равно уйдемъ отсюда, отвѣчала Арина.—Я вотъ письмо получила изъ деревни, прибавила она.

— Письмо? воскликнула радостно Акулина. — Ну, что: не пишутъ-ли что-нибудь и о моемъ голубчикѣ Спиридонущкѣ?

— Пробовала разбирать, но понять ужасно трудно. Надо какого-нибудь грамотѣя поискать, чтобъ разобралъ.

— Побѣжимъ скорѣе по мужикамъ, попросимъ, засуетилась Акулина.

— Ужъ какая ты бѣгунья! Съ твоими-то ногами? Сиди. Я одна схожу и поищу, а найду, такъ приведу его сюда, отвѣчала Арина и отправилась по берегу искать между пильщиками грамотѣя.

Скоро грамотѣй былъ найденъ, Это былъ тотъ самый рыжій мужикъ, который привелъ Акулину къ Аринѣ, когда та отыскивала ее, явившись изъ Петербурга. Онъ былъ босикомъ, въ рубахѣ безъ опояски и съ головой, повязанной тряпицей, чтобы не падали во время работы волосы на глаза. Арина оторвала его прямо отъ дѣла. Онъ шелъ и говорилъ:

— Только ужъ ты какъ хочешь, а должна поднести за это стаканчикъ.

— Какое тутъ поднесеніе! Возьми пятакъ на стаканчикъ, да самъ и сходи выпить, сказала Арина.

— Вишь ты! Это все не то. Я за деньги читать не хочу. Я не писарь, а я хочу читать за милую душу, но все-таки, чтобы ты отъ сердца попотчивала.

— Чаемъ—изволь, попотчую отъ сердца, потому мы сейчасъ чай пить будемъ. Вонъ котелокъ съ водою кипить.

— Ну, попотчуй хоть чаемъ, инъ Богъ съ тобой, согласился мужикъ, присѣлъ на чурку и, взявъ въ руки письмо, принялся его разбирать. Арина и Акулина стояли передъ нимъ, приложивъ руки къ щекамъ, и слушали. Въ письмѣ стояло слѣдующее:

«Любезной дочери нашей Аринѣ Гавриловнѣ отъ родителей твоихъ Гаврилы Матвѣича и Анны Савишны поклонъ и шлемъ родительское благословеніе на вѣки не рушимо. И въ первыхъ сихъ строкахъ увѣдомляемъ мы тебя, дочка дорогая, что деньги пять рублей мы черезъ письмо твое получили, корову за одиннадцать рублей купили, четыре рубля отдали, а остальные семь рублей въ долгъ и я за оное обязался косить сѣно, а что не выкошу, то до осени, чтобъ овсомъ отдать, а ежели ты поможешь, то тѣмъ лучше будетъ. И еще тебѣ скажу, что я слава Богу, а мать хвораеть и пухнуть стала. Ноги словно пни. Водилъ ее къ доктору и докторъ сказалъ, что это отъ голодухи и что теперъ многіе пухнуть, и далъ порошки, но отъ порошоквъ пользы мало. И все валяется, а дѣло по дому стоитъ, такъ что одна сестра твоя Аленка работаетъ, но она подростокъ и ей не разорваться. А я каждый день въ отходѣ на мельницѣ у барина и запруду копаю до четвертаку подрядившись, а свое дѣло стоитъ. И выходитъ такъ, дочка дорогая, что мы безъ тебя какъ безъ рукъ. И ежели ты на дорогу прикопила, то приѣзжай ты обратно къ намъ въ деревню, по-

тому такъ для хозяйства лучше будетъ. У насъ хотя и голодно, но сподручнѣе будетъ, потому у насъ картошка не посажена и ты посадишь съ Аленкой, а мать не можетъ. Но ежели ты на хорошемъ мѣстѣ и думаешь хорошо справиться насчетъ денегъ, то не прїѣзжай. День черезъ десять я отработаюсь на мельницѣ и самъ посажу картошку. Будетъ поздня, но дѣлать нечего. А ежели прїѣдешь и мать поправится, то я тебя опять на работу отпущу въ нашемъ мѣстѣ на Мсту рѣку, потому нынче и на Мстѣ работа. А засимъ письмомъ остаемся отецъ и мать твои Гаврила Матвѣевъ и Анна Савишна».

Письмо было прочитано. Арина стояла печальная, потупившись, и въ раздумѣ крутила кончикъ у ситцевой кофточки.

— Поѣду, непременно поѣду, сказала она рѣшительно.— Будетъ мнѣ тутъ жить, достаточно. Не разориться-же въ конецъ дому, и такъ ужъ тамъ плохо. Здѣсь что пособишь—тамъ упустишь. Вотъ и ты со мною, Акулинушка, поѣдешь. На дорогу обѣимъ хватить и еще домой кой-что привезу.

— Постой... остановила ее слезливо Акулина.

Она стояла и плакала и, обратясь къ мужику, читавшему письмо, спросила:

— А про Спиридошу ничего не написано, про ребенка моего?

— Ничего. Все прочелъ.

— Странно, что они ничего не пишутъ!.. Какіе право. Ты посмотри хорошенько.

— Да ужъ и такъ смотрѣлъ, отвѣчалъ мужику.— На вотъ, смотри сама.

— Да я, голубчикъ, неграмотная. И дивное дѣло, что они про Спиридошу ничего... Ну, что-бы хоть словечко написать.

— Завтра, Акулинушка, пойдемъ отсюда, завтра и на желѣзную дорогу сядемъ, а сегодня я послѣдній расчетъ съ прикащика за дрова получу, обратилась къ ней Арина.

— Ой, дѣвунка, ужъ какъ не сподручно мнѣ-то ѣхать, такъ просто бѣда! Дежеть на чужой сторонѣ не заработала, въ больницѣ провалялась, Надюшкѣ рубль должна, на твой гроши теперь поѣзжай и явись домой ни съ чѣмъ. Бѣда, чистая бѣда! плакалась Акулина.

— Видно ужъ такъ Богъ велѣлъ, сказала Арина.— Здѣсь останешься — все равно тебѣ ничего не заработать по твоему теперешнему здоровью. Ну, какая ты работница! Еле духъ переводишь, на ногахъ расхлябалась. Останешься— Христа ради милостинку придется просить.

Акулина покрутила головой и продолжала плакаться.

— Господи, что свекровь-то скажетъ, коли я безъ копѣйки домой явлюсь, что невѣстка заговорить. Скажутъ: «паспортъ тебѣ выправили, на дорогу тебя справили, ребенка твоего кормили, а ты хоть-бы грошъ жѣдный въ домъ»...

— Должны быть рады, что ты хоть живая-то домой пришла. Вѣдь ужъ домашніе твои считали тебя помершей, а тутъ ты пріѣдешь, поправишься и будешь для дома работница.

— Ни лошаденки у насъ, ни коровенки у насъ...

жаловалась Акулина.—Справились-ли еще тамъ дома съ сѣменами-то на весну!

Мужикъ, читавшій письмо слушалъ, слушалъ женщинъ и со вздохомъ сказалъ:

— Посмотрю я, милыя, вездѣ-то по деревнѣ бѣдность... Куда ни сунься—все одно и то-же. Мы тоже ваши новгородскіе, но устюжскіе... Вотъ и братъ мнѣ тоже пишетъ изъ нашего мѣста, что страсть какъ у нихъ плохо: озимь померзла, скотъ падаетъ.

— Заваривай, Акулинушка, чай-то, заваривай. Вода ужъ вскипѣла въ котелкѣ. Вѣдь мы обѣщали земляка-то чайкомъ попоить, говорила Акулинѣ Арина.

Акулина стала доставать изъ лукошка чайникъ.

LXXV.

ПАСЕНІЯ Арины, что Андрей придетъ ее сватать передъ Акулиной и въ разговорѣ обнаружитъ при землячкѣ ея, Арины, бывшія близкія отношенія къ нему, не сбылись.

Андрей не явился. Онъ весь день прогулялъ съ пріятелями въ деревнѣ и, очевидно, въ это время онъ объ Аринѣ не вспомнилъ, а на другой день рано утромъ Арина и Акулина собирались уже уходить съ берега Тосны; чтобы отправиться къ себѣ въ деревню. Дабы андрей не узналъ, что онѣ уходятъ, Арина уходила тихо, безъ шума, стараясь скрыть свои сборы. Акулина хотѣла идти проститься съ демян-

скими женщинами Марфой и Устиньей, съ которыми она работала еще въ Петербургѣ на тряпичномъ дворѣ, но Арина тотчасъ-же ее остановила:

— И чего ты пойдешь свои больныя ноги трепать зря! Побереги ноги-то, мать моя, сказала она. — Вѣдь отсюда до желѣзной дороги-то не близко. Люди говорятъ, двѣнадцать верстъ.

— Да вѣдь вотъ все думается, что вмѣстѣ горе горевали въ Питерѣ, такъ какъ-же не проститься-то, отвѣчала акулина, но Арину все-таки послушалась.

Дабы Андрей не догадался, что онѣ уходятъ, Арина не предлагала никому изъ пильщиковъ купить и ея немудрое бивуачное хозяйство, состоявшее изъ котелка, чайника, чашки, деревянныхъ ложекъ, лупка и деревяннаго ведра, какъ то дѣлали обыкновенно всѣ уходившіе, а рѣшила все это взять съ собой въ деревню.

— Сведу своимъ. Ноша не велика. Лукошко, чайникъ и котелокъ уложу въ котомку и за плечи, а ведро въ рукѣ понесу, сказала она.—Ведро-то еще въ дорогѣ пригодится водицы зачерпнуть.

Акулина не возражала.

Часовъ въ семь утра надѣли женщины на себя котомки и, помолившись на небо, тронулись въ путь. Арина шла умышленно тихо, дабы облегчить путь хворой Акулинѣ. Когда онѣ проходили мимо пильщиковъ, тѣ были заняты уже работой и не замѣтили ихъ, а потому прощаться и разговаривать не пришлось, да и шли онѣ по берегу на нѣкоторомъ разстояніи отъ полѣнницъ выставляемыхъ дровъ. Уходъ ихъ былъ замѣченъ только повстрѣчавшимся

съ ними дровянымъ прикащикомъ, возвращавшимся съ деревни изъ трактира и опиравшимся на само-дѣльную сажень.

— Уходите? спросилъ онъ.

— Уходимъ. Счастливо оставаться тебѣ, спасибо за ласку, сказала Арина.

Прикащикъ кивнулъ, подумалъ и сказалъ:

— Коли ежели выгоду куда идете искать на другое мѣсто, то лучше оставайтесь у насъ. Передъ сѣнокосомъ и мы еще по пятаку на сажень за пилку прибавимъ, чтобъ народъ не разбѣгался, а ужъ до сѣнокоса теперь недолго.

— Нѣтъ, милостивецъ, мы не на другую работу, а прямо къ себѣ въ деревню. Вонъ у меня товарка-то... хвораю.. Какая ужъ она работница! кивнула Арина на Акулину и прибавила:—Да и мнѣ домой надо. У меня мать не въ порядкѣ и хвораетъ.

— Ну, инъ счастливаго пути, коли такъ. А то передъ сѣнокосомъ мы всегда прибавляемъ.

Путь лежалъ на Колаино. Женщины вышли на шоссеиную дорогу, перешли мостъ черевъ рѣчку Тосну и пошлелись по деревнѣ Усть-Тосна. Сначала онѣ шли молча, наконецъ Акулина сказала:

— Мучаетъ меня, что вотъ у Надюшки-то я на огородѣ рубль взяла и не отдала.

— Есть о чемъ мучиться! У Надюшки деньги шальные. Не рубль, а десять она съ своего Ардальона Сергѣича стянетъ, отвѣчала Арина.—Сама-ж ты сказала, что дѣвка совсѣмъ хозяйина въ руки забрала и въ такихъ ситцахъ щеголяетъ, что быкъ забодаетъ.

— Такъ-то оно такъ, а все какъ будто-бы сс-вѣстно.

— Ну, въ своемъ мѣстѣ отдашь, коли будешь при деньгахъ.

Акулина помолчала и опять сказала:

— Вотъ и насчетъ тебя, Аришенька, меня совѣсть беретъ, что я на твои деньги по чугункѣ поѣду. Еще кабы у тебя семья дома была въ исправности, а то...

— Брось... перебила ее Арина.—Ну, что объ этомъ разговаривать! Справишься, такъ отдашь и мнѣ.

— Когда тутъ отдать, дѣвушка, когда? Не на радость вѣдь ѣду, а на бѣдность...

— Оставь. Я такъ рассчитываю, что четыре съ полтиной все-таки своимъ домой привезу, а этого имъ довольно.

До Колпина женщины дошли часа черезъ три, причемъ Арина ради Акулины присаживалась нѣсколько разъ въ придорожной канавкѣ на отдыхъ, и попали къ самому поѣзду. Утренній поѣздъ, выпедшій изъ Петербурга, подходилъ уже къ платформѣ. Арина засуетилась, быстро бросилась къ кассѣ и взяла билеты.

— Скорѣй, скорѣй, Акулинушка, торопила она товарку, и чтобы та успѣшнѣе ковыляла по платформѣ до вагоновъ, взвалила себѣ на плечи даже и ея котомку.

Черезъ минуту онѣ сидѣли въ вагонѣ, черезъ пять минутъ поѣздъ тронулся. Арина и Акулина перекрестились. Перекрестившись Арина радостно улыбнулась.

— Слава Богу, къ себѣ домой ѣдемъ. Словно тяжелый камень съ души у меня валится. То есть ужъ такъ-то я рада, такъ-то, что и сказать трудно! проговорила она.

Акулина тяжело вздохнула и пробормотала:

— Живъ-ли здоровъ-ли Спиридоша мой маленькій? Рада буду увидѣть его, ежели живъ и здоровъ, но одно обидно, что вотъ безъ гостинчика ему ѣду.

— Сама ему будешь за гостинчикъ. Какого ему еще гостинчика надо! отвѣчала Арина и прибавила: — Ну, да ладно. Есть у меня въ котомкѣ остаточекъ ситцу отъ платья, что себѣ я справила, дамъ я тебѣ этотъ остаточекъ—вотъ ему на рубашенку и хватить.

А поѣздъ, стуча колесами, такъ и мчался, пробѣгая пустырями мимо вырубленнаго или выгорѣвшаго лѣса.

К о н е ц ѣ .

Въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» С.-Петербургъ, Москва, Одесса и Харьковъ), Товарищества М. О. Вольфъ, (С.-Петербургъ и Москва), Н. П. Карбасникова (С.-Петербургъ, Москва и Варшава), А. Я. Панафидина (С.-Петербургъ), Бр. Саласовыхъ (Москва) и у всѣхъ другихъ книгопродавцовъ и на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ продаются слѣдующія книги

Н. А. ЛЕЙКИНА:

◆ **НАШИ ЗАГРАНИЦЕЙ.** Юмористическое описание поѣздки супруговъ Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановыхъ въ Парижъ и обратно. Изданіе второе.—472 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

◆ **ВЪ ОЖИДАНИИ НАСЛѢДСТВА ИЛИ СТРАНИЦА ИЗЪ ЖИЗНИ КОСТИ БЕРЕЖКОВА.** Романъ. 478 стр. Ц. 2 руб.

◆ **САТИРЬ И НИМФА ИЛИ ПОХОЖДЕНІЯ ТРИФОНА ИВАНОВИЧА И АКУЛИНЫ СТЕПАНОВНЫ.** Романъ. 453 стр. Ц. 2 р.

◆ **ПУХЪ И ПЕРЬЯ.** Юмористическіе рассказы, съ 54 рисунками художника А. И. Лебедева, 138 стран. Ц. 2 р.

◆ **ВЪ ЦАРСТВѢ ГЛИНЫ И ОГНЯ.** Романъ. Ц. 1 р.

◆ **СТУКИНЪ И ХРУСТАЛЬНИКОВЪ.** Романъ изъ жизни банковыхъ дѣятелей, изъ спутниковъ и спутницъ (банковія эпопея). 342 стран. Ц. 2 р.

◆ **ГОЛУБЧИКИ.** Юмористическіе рассказы съ 53 рисунками художника А. И. Лебедева. Ц. 2 р.

◆ **АПРАКСИНЦЫ. — БИРЖЕВЫЕ АРТЕЛЬЩИКИ.** — Сцены и очерки.—Изданіе третье. 310 стран. Ц. 1 р.

◆ **ДЕРЕВЕНСКАЯ АРИСТОКРАТІЯ.** Очерки сельской жизни. 211 стран. Ц. 1 руб.

◆ **ЦВѢТЫ ЛАЗОРОВЫЕ.** — Юмористическіе рассказы.— 346 стран. Ц. 1 р. 50 к.

◆ **ХРИСТОВА НЕВѢСТА. — КУСОКЪ ХЛѢБА.** — Романъ и повесть.—Изданіе третье. 285 стр. Ц. 1 р. 50 к.

◆ **НАШИ ЗАБАВНИКИ.** — Юмористическіе рассказы.—Изданіе второе. 312 стран. Цѣна 1 р. 50 к.

◆ **ТЕПЛЫЕ РЕБЯТА.** Юмористическіе рассказы, съ портретомъ автора.—216 стр. Ц. 1 р. 50 к.

◆ **КАРАСИ И ЩУКИ.**—Юмористическіе рассказы. — 323 стр. Ц. 1 р. 50 к.

◆ **ШУТЫ ГОРОХОВЫЕ.**—Картинки съ натуры. Изданіе второе. 320 стр. Ц. 1 р. 50 к.

◆ **НЕУНЫВАЮЩІЕ РОССІЯНЕ.** — Рассказы. Изданіе второе. 287 стр. Ц. 1 р. 50 к.

◆ **ГУСИ ЛАПЧАТЫЕ.**—Юмор. рассказы.—300 стр. Ц. 1 р. 50 к.

◆ **МУЧЕНИКИ ОХОТЫ.**—Юмористическіе рассказы.—263 стр. Ц. 1 р. 50 к.

◆ **МѢДНЫЕ ЛБЫ.**—Картинки съ натуры.—283 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Лица, выписывающія отъ автора, чрезъ контору журнала „Осколки“ (С.-Петербургъ, Троицкая ул., д. № 18), за пересылку не платятъ

У всѣхъ книгопродавцевъ продаются книги:

ЦВѢТЫ И ЗМѢИ.

САТИРА, ЮМОРЪ И ФАНТАЗІЯ.

СБОРНИКЪ ШАЛОВЛИВЫХЪ СТИХОВЪ И НАПѢВОВЪ

Л. И. ПАЛЬМИНА.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

ПОДЪ ГНЕТОМЪ.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ

К. С. БАРАНЦЕВИЧА.

323 стран. Ц. 1 руб. 50 коп.

Лица, выписывающія чрезъ контору журнала «О С К О Л К И» (С.-Петербургъ, Троицкая ул., № 18), за пересылку не платятъ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 11 Декабря 1890 г.

Типографія „Петербург. Газ.“, Владимірскій пр., д. № 12.

PG 3467 .L3 .N33

C.1

Na zarabotkakh

Stanford University Libraries

3 6105 036 068 463

3467
.L3.N33

CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6063
(650) 723-1493
grncirc@stanford.edu

All books are subject to recall.

DATE DUE

SEP 27 2004
AUG 4 2004

